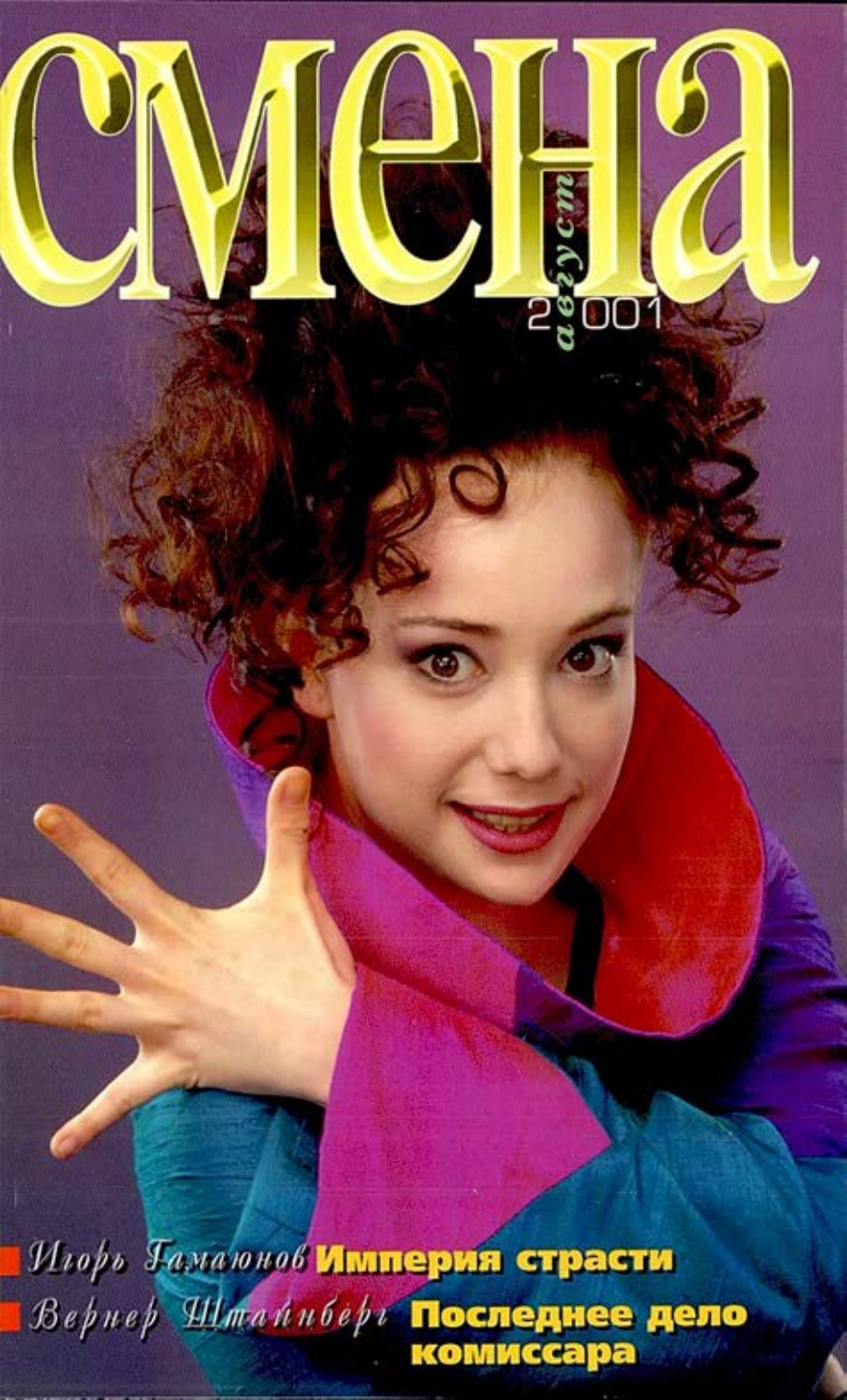

СМЕНА

август
2001

■ Игорь Фаманюнов **Империя страсти**

■ Вернер Штайнбергер **Последнее дело комиссара**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

**БЕРИ
НАСТОЯЩЕЕ**

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела
литературы и искусства

Шамара Чинина

8 **2001**
август (1642)

Сдано в набор 22.6.2001.
Подписано к печати 16.7.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 1832

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО ОИД "Медиа-Пресса"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

44 *Иосиф Гольман***ОТПУСТИ, КОГО
ЛЮБИШЬ...**

Рассказ

128 *Вернер Штайнберг***ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО
КОМИССАРА**

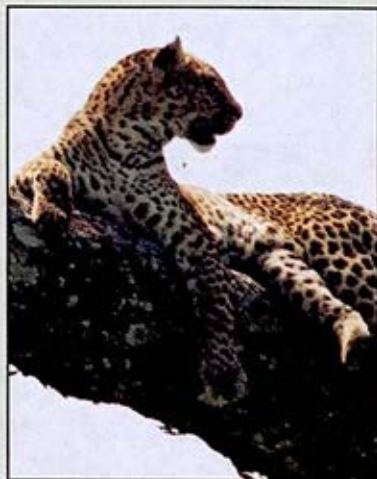
Детектив

4 *Елена Кликова***ПОГОДУ
НЕ ВЫБИРАЮТ**19 *Сергей Каленикин***СВОЯ ЗОНА...
ЖИЗНИ**82 *Галина Калинина***ЧЕЛОВЕК —
ЭТО ТЕКСТ?..**93 *Светлана
Бестужева-Лада***ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...**116 *Юрий Козлов***ГОРОДОК НАШ
НЕВЕЛИК...**222 *Анатолий Королев***ЦЕПЬ**244 *Игорь Гаматов***ИМПЕРИЯ СТРАСТИ**258 *Василий Песков***ЗОЛОТОЙ КРАТЕР**

В НОМЕРЕ: август '2001

стр. 36

стр. 258

На 1-ой обложке:
актриса Чулпан Хаматова.
Фото FOTO BANK.

24 *Любовь Русева*
АРАП
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

36 *Юрий Петелин*
ОТВЕТСТВЕННАЯ
ЭГОИСТКА

100 *Владимир Соколовский*
АЛЕКСЕЙ
ЯВЛЕНСКИЙ

210 *Натаалья Дроботыко*
ДИКАЯ ШТУЧКА

234 *Игорь Логинов*
ОЗОРНАЯ УЛЫБКА
МАКСИМА

268 *Галина Сирник,
 Рамазан Рамазанов*
"REVOLVERS"

16 *Георнадий Красников*

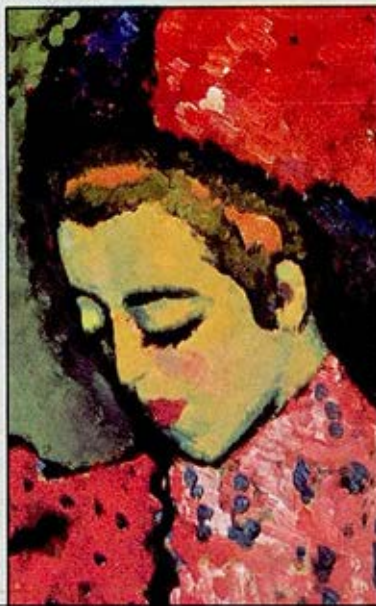
*Александр
 Джштейн*
ЛУННЫЕ
БАБОЧКИ

Роман продолжает сюжет, с которым читатель "Смены" уже знаком по трилогии "Люди Полной Луны". Вы встретитесь с прежними героями: сотрудниками милиции Таганрога и Москвы, а также бывшими членами таинственной организации "УЖАС". Автор своей фантазией открывает ирреальный мир и подводит к тайне тех, кто, по его мнению, управляет Вселенной...

Леонид Шаров
ПИСЬМО АНГЕЛУ
БЕЗДНЫ

Журналистское расследование по уголовному делу 1922 года позволило автору прикоснуться к истории жизни необыкновенной женщины - Варвары Ивановны Брусиловой, снохи знаменитого русского генерала Алексея Брусилова. История эта трагическая, поскольку судьба свела ее в какой-то момент с самим вождем пролетариата.

стр. 100

ПОГОДУ НЕ МЕТЕОРОЛОГИЯ - Наука ИЛИ ИСКУССТВО?

"Человеку ничего не остается бы требовать от Бога, если бы он научился правильно предсказывать погоду"

Михаило Ломоносов

Эти слова, произнесенные около 300 лет назад, пророчески звучат и сегодня, в век атомной энергии, электроники, кибернетики и освоения космоса. Одним из наших сатириков давно уже было подмечено, что население нашей страны неверо-

ятно интересуется прогнозом погоды. Утро начинается с сообщений синоптиков, их же прогнозы сплошь и рядом заменяют "спокойной ночи". Особенно интересно, что предсказаниями погоды лучше других обеспечены те, кто менее всего зависит от ее напри-

Выбирают

Елена КЛЫКОВА

зов — жители больших городов. Но ведь не для них же одних, в конце концов, создана и функционирует сложнейшая система!

При этом стоит заметить, что система эта создавалась в буквальном смысле слова веками. Точное прогнозирование пого-

ды — одна из древних проблем, она так же стара, как само человечество. В результате длительных наблюдений люди установили еще задолго до нашей эры ряд взаимосвязанных процессов между отдельными атмосферными явлениями. Возникло много примет

о погоде, обычно в виде кратких правил, нередко рифмованных. Их можно найти в сочинениях Аристотеля, Вергилия, Катона, Плиния и других древнегреческих и римских писателей.

У греков были даже особые календари, высеченные на каменных дощечках, указывающие средний характер погоды для каждого дня года. Появились они, вероятно, 25 веков назад в результате многолетних наблюдений ученых. Эти календари-отметчики прикреплялись на рынках, площадях и в других общественных местах приморских городов. Они пользовались большим доверием мореплавателей и сельских жителей. Ориентируясь по ним, люди выходили на рыбную ловлю, на охоту, отправлялись в дальнее плавание, проводили сельскохозяйственные работы.

Сейчас прогнозирование погоды ведется исключительно на научной основе. Однако сплошь и рядом официальные метеосводки, мягко говоря, бывают ошибочными, что породило даже расхожую остроту: "О погоде на завтра узнаете послезавтра". Не смеются при этом, пожалуй, только синоптики, хотя и им ничто человеческое, как выяснилось, не чуждо.

Шведская Академия Искусств, к примеру, ежегодно присуждающая премию "за достижения в области поэзии и фантастики", дважды удостоивала специальной премии сотрудников Стокгольмского Института метеорологических прогнозов, проявивших в своих предсказаниях погоды "необычную поэтическую фантазию, не имевшую ничего общего с действительностью".

Что ж, академикам, конечно, виднее. Тем более что в метеоро-

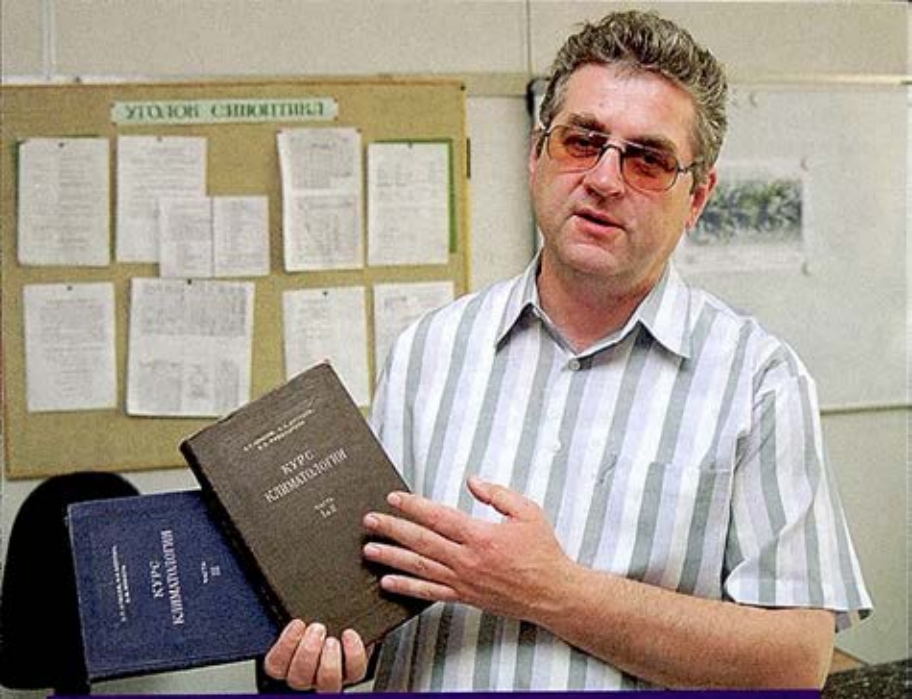
логии изначально действительно очень много поэтического. Свое название она получила от греческого слова "метеора", означающего "нечто в небе"; буквально наука о метеорах (не путать с метеоритами!). Это — водные метеоры (дождь, снег, град), воздушные метеоры (ветер, пыльные бури), литометеоры (пыль, пыльца), светящиеся метеоры (радуга, миражи), огненные метеоры (молнии) и так далее, и тому подобное. Другое более простое и наиболее употребительное толкование метеорологии — привычное нам "наука о погоде".

Метеорология как наука очень стара и одновременно очень молода. Зародившись давным-давно, она начала активно развиваться лишь в последние два — три столетия, когда появились простейшие приборы, позволившие заглянуть в невидимые процессы в атмосфере. Миллионы раз измерены были характеристики погоды в различных уголках планеты. Это — температура воздуха, влажность, давление воздуха, количество атмосферных осадков, а потом — величины солнечной радиации и баланс тепла на поверхности Земли...

Впрочем, об этом лучше все-таки говорить со специалистами. Поэтому наш собеседник — **генеральный директор Метеобюро Москвы и Московской области Алексей Алексеевич ЛЯХОВ.**

— Алексей Алексеевич, что стоит за привычной уже нам фразой "синоптики сообщают"? Другими словами, кто у нас "делает погоду"?

— Можно ответить коротко: специальные службы, но это ведь

вызовет следующие вопросы, правда? Так что давайте попробуем очертить некоторую схему. Существует Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Эта служба довольно сложная по своей структуре и к ней можно подходить с разных сторон. За погодой ведутся постоянные наблюдения, для них существуют специальные программы, разработаны особые нормы, созданы соответствующие приборы. Особо подчеркну, что все наблюдения всегда проходят в одно и то же строго определенное время.

— Это так важно?

— Это не "так" важно, а предельно важно. Иначе просто невозможно будет сопоставить полученные данные. Не менее важно и то, чтобы все полученные данные были в одной системе координат — для систематизации.

Россия ведь не существует как бы сама по себе — во всяком случае, в плане метеорологии, — она является частью всемирной службы погоды. А погода не знает границ — чтобы прогнозировать ее, скажем, в Москве, нужно знать ситуацию по всему земному шару.

— И как это технически осуществляется?

— Существует три мировых метеорологических центра, определенных где-то в 60-е годы прошлого века в рамках международных договоренностей: Москва, Вашингтон и Мельбурн. Сейчас уже трудно сказать, почему были выбраны именно эти географические пункты, но практика доказала правильность выбора. Хотя, разумеется, ничто не стоит на месте: система живет и постоянно меняется, возникают специализированные, а также множество региональных и локальных центров.

фото Владимира Чейшвили

Но три первых остаются основными.

— *Москва и Вашингтон — понятно. Но почему Мельбурн?*

— Наверное, в Австралии в то время не было ничего более подходящего. Кроме того, необходимо учитывать и экономические возможности каждого конкретного государства: чем они выше, тем оперативнее собирается информация, тем она точнее, тем лучше ее координация. Сейчас, кстати, основная проблема — это именно быстрота сбора информации. Например, информация со всей Земли поступает в Москву за полтора часа. Кроме Москвы, существует центр в Хабаровске, а также центры, "привязанные" к регионам и субъектам федерации... Но это все — организационные проблемы, о которых вряд ли стоит долго распространяться.

— *Действительно, давайте вернемся к погоде. Тем более, что все больше людей уже неплохо разбирается в "циклонах" и "антициклонах", столкновении теплых и холодных фронтов...*

— Стоп-стоп-стоп! В атмосфере в принципе ничего ни с чем никогда не сталкивается. Сама по себе атмосферная среда стремится к равновесию, спокойствию. Если в ней возникают напряжения или переносы, то тут же возникают силы, призванные их выровнять. Но есть и силы, которые провоцируют эти переносы. Солнце, например. Оно ведь разные почвы разогревает по-разному, и вот вам механизм запуска многих природных явлений. Земля нагрелась до 70, вода — до 20 градусов, и возникают процессы, стремящиеся устранить неоднородность. Вихревые движения, то

есть обмены потоков воздуха. Неоднородность исчезла и вихрь тоже исчезает.

Совсем недавно возникло понимание единой глобальной системы атмосферной циркуляции, то есть движения по кругу. Этот вид движения — основной в атмосфере. Невидимую атмосферную машину приводит в движение Солнце, от которого на поверхность Земли поступает энергетический поток мощностью в 32 квадриллиона киловатт (это цифра с 15 нулями). Правда, значительная часть этой фантастически огромной энергии задерживается атмосферой Земли, иначе вряд ли мы бы тут с вами беседовали.

Лучистая энергия Солнца преобразуется, трансформируется, и вот уже миллионы тонн воды перенесены испарением с поверхности океанов и морей в чрева облаков, которые обрушатся лавиной дождя где-нибудь в Индии, взвоятся снежными вихрями метели над антарктическим плато, пронесутся над пальмами Кубы бешеным ураганом.

Приходит теплый воздух в холодную среду или наоборот, сближаются две разнородные воздушные массы, — и вот вам возникают локальные циклоны разного масштаба. Жизнь этих циклонов или вихрей длится до исчезновения неоднородностей. Но это, разумеется, крайне схематичное объяснение сложнейших атмосферных процессов.

Добавлю только, что ничего бы этого не было, если бы поверхность земного шара была однородна, если бы все ее участки получали одинаковое количество солнечного тепла. Стихия атмо-

сферных движений порождена "несправедливостью" в распределении на Земле этого основного ее "блага". Экваториальный пояс нагревается сильнее, чем полярные материни, а те, в свою очередь, нагреваются сильнее, чем моря и океаны, но водные просторы дольше сохраняют тепло и поэтому меньше остывают зимой. Горы вторгаются в атмосферу, нарушая ее тепловую структуру. Любый склон, камень и мельчайший комочек почвы нагревается больше, если он обращен к Солнцу, и меньше, если находится в тени.

Циркуляция воздуха как бы призвана уменьшить эти контрасты: добавить тепла там, где слишком много холода, или слегка охладить места, достаточно богатые теплом.

— Но как же получается, что стихийные бедствия все равно оказываются абсолютно неожиданными? Несмотря на все наблюдения и расчеты. И не землетрясения или, скажем, цунами, а наводнение, причем в суперцивилизованной Европе...

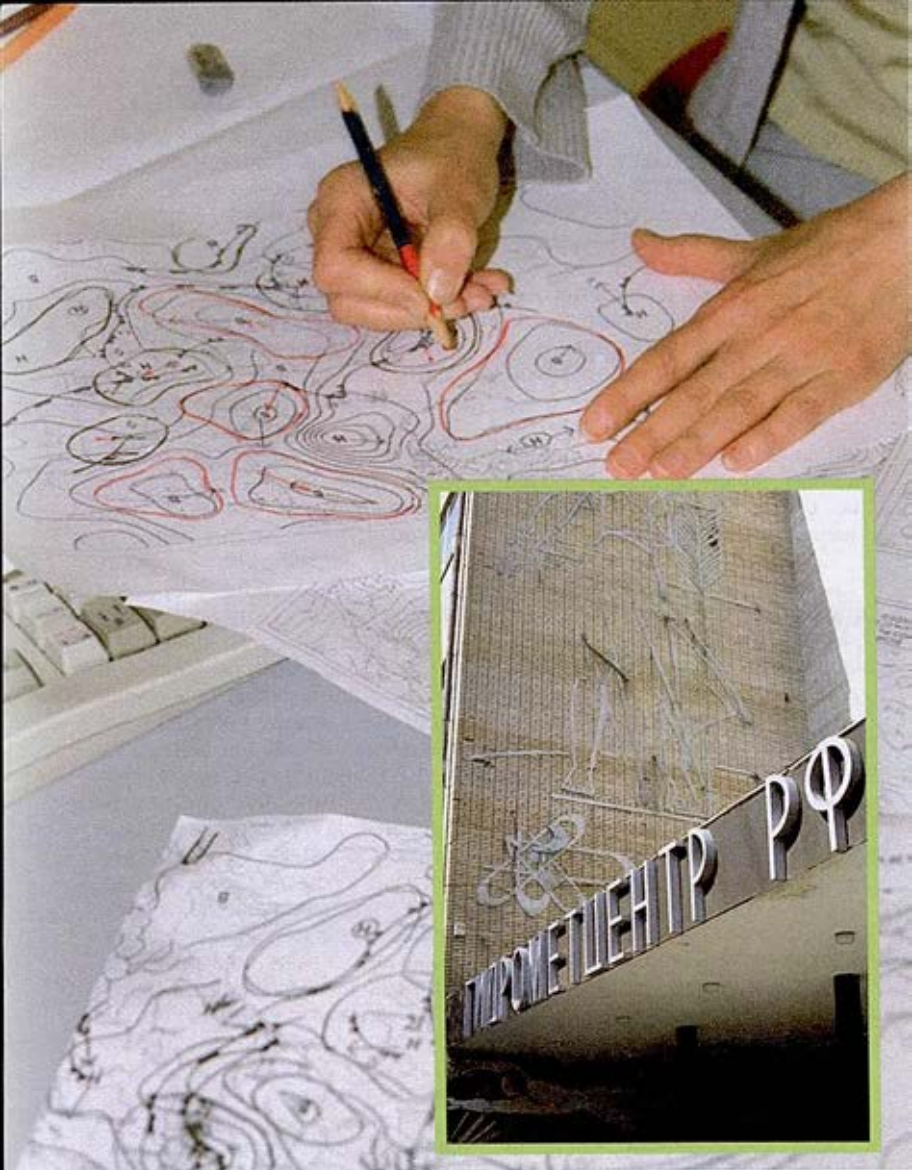
— Вы имеете в виду весеннее наводнение во Франции? Оно произошло не вдруг, метеослужбы предупреждали. Но ведь далеко не все вещи можно спрогнозировать, поскольку уровень развития человеческих знаний об окружающем мире не абсолютен. Во всех сферах деятельности человека совершенно нет абсолютности познаний, поэтому периодически возможно открытие чего-то нового. И объективная причина того, что прогнозы погоды не делаются до сих пор со стопроцентной вероятностью, заключается в недостаточности знаний человека о тех или иных явлениях. Недостатки

знаний в области физики, химии, биологии проявляются и в метеорологии. А кто может сказать, когда будет достигнуто абсолютное знание? Да никто. И как можно говорить о стопроцентной вероятности возникновения того или иного атмосферного явления, если все в природе меняется без преувеличения ежесекундно?

— Хорошо. Но давайте возьмем природное явление более общего порядка: потепление климата на всей Земле. Это действительно происходит и действительно грозит человечеству прямо-таки апокалипсическими бедствиями? Или это просто очередная страшилка для обывателей?

— Глобальное потепление — это не страшилка для народа, а просто этап развития Вселенной, который мы можем наблюдать воочию. Если можно так сказать — реально ощутить. В отличие, скажем, от изменения ориентации вращения Земли. Многие процессы имеют определенную периодичность, но человечество не так давно ведет запись наблюдений. Некоторые явления исчисляются несколькими сотнями или тысячами лет, а мы наблюдаем лишь гораздо более короткие отрезки времени. Максимум — столетний период, поскольку тогда уже были наблюдения и записи о них. Все, что было раньше — лишь наиболее яркие события, которые сохранились в летописях или преданиях.

Да, происходит видимый сдвиг в сторону потепления. Среднегодовая температура атмосферы Земли как бы повышается. На европейской территории России в последние пятнадцать лет стоят очень теплые зимы, все уже забыли про продолжительные треску-

чие морозы. Но, с другой стороны, минувшая зима в Приморье была очень суровой. Периодически в некоторых районах Северной Америки выпадает обильный снег, что вряд ли является признаном потепления. То есть в разных частях планеты происходят разные про-

цессы, на фоне среднего потепления есть более короткие колебания. Лето может быть жарче, зима — холоднее, а вывод можно и нужно делать по суммарным данным. И только по ним, а не по сравнениям прошлого года с нынешним.

Ведь климат — это характеристика глобального масштаба, в отличие от погоды в течение месяца или сезона. Мы сплошь и рядом путаем совершенно разные вещи. Климатические понятия — это то, что может характеризоваться десятилетиями, а характеристика месяца — это сугубо метеорологическое понятие. Правда, можно выстроить схему развития, основываясь на специальных математических выкладках, но это тоже не будет стопроцентно точным прогнозом.

— *Теперь о менее глобальных, хотя и не менее важных вещах. Почему в последнее время, например, снегопады в Москве буквально парализуют ее жизнь? Снега больше стало?*

— Разумеется, нет, иначе можно было бы говорить о какой-то катастрофе. Снега больше не стало, стало больше людей и машин на достаточно ограниченной территории. У нас без всякого снега возникают чудовищные пробки, потому что город элементарно не справляется с транспортными потоками. Для Москвы обильный снегопад — катастрофа, для сельской местности — норма, а иногда даже благо. Другое дело, что прогнозы синоптиков нужно не просто слушать, а учитывать. Погоду не выбирают, но можно и нужно выбирать систему своих действий при той или иной погоде.

— *А смерчи, которые повадились на европейскую территорию России? Раньше ведь такого не было...*

— Это кто вам сказал? Было и раньше, только информация об этих смерчах далеко не распространялась. И опять-таки изменились условия, в которых эти смер-

чи возникают. Раньше буря вырывала с корнем деревья, срывала крыши, валила ветхие постройки. А теперь "летят" опоры электропередач и телеграфные столбы, переворачиваются машины и вагоны, целые районы остаются без света и связи. Как говорится, почувствуйте разницу. К тому же предсказать появление смерча гораздо труднее, чем ливень или снегопад.

— *Поясните это поподробнее...*

— Дело в том, что метеорологи видят данные, приходящие со станций. Но ведь между этими станциями есть определенное расстояние, условно это можно сравнить с рыболовной сетью. Мелкая рыба вполне может проскочить между ячейками. Я хочу сказать, что смерч — это явление очень большой интенсивности, но очень маленького масштаба. При колоссальной скорости ветра смерч буквально пропахивает полосу по пути своего следования. Но "поймать" его чрезвычайно сложно: даже в тех странах, где смерчи — явление обычное, не всегда успевают. Ежегодно в той же Америке жертвы торнадо исчисляются десятками. Методина, конечно, совершенствуется, предсказания становятся более оперативными и точными, но... Образно говоря, можно с известной долей уверенности предположить, куда ударит молния, но определить со стопроцентной точностью время и место этого удара, естественно, невозможно.

— *Но ведь не зря, наверное, говорят, что в России даже погода непредсказуемая...*

— Да будет вам! Просто нас, естественно, волнует то, что так

или иначе может на нас повлиять, и совершенно не задевают далекие от нас натаклизмы. Да и знаем мы про чужие проблемы значительно меньше. Например, в Индии и в других жарких странах довольно часто десятки людей замерзают, когда температура падает до... двенадцати градусов тепла. Для России — просто анекдот, для тропиков — стихийное бедствие, аналог наших "крещенских морозов". Но мы-то к ним хотя бы теоретически готовы...

Кстати, если вы заметили, наши прогнозы в последнее время стали гораздо точнее. Да и вообще мы всегда имели неплохой прогноз. Потому что одно дело — делать прогноз на Францию, и другое — на такую огромную страну, как Россия. Так вот, если сравнить Францию с Россией — наши прогнозы их прогнозам абсолютно не уступают. Вообще делать прогноз погоды — очень сложное понятие...

Да, что ни говори, а погода — штука действительно непредсказуемая, особенно в России. Природные фантазии здесь не знают границ и могут выделывать такое, что другим и не снилось: от заморозков в июне до дождя под Новый год. Поэтому новостей об изменениях за окном всегда ждешь с нетерпением.

Но есть одна очень хорошая новость, о которой, держу пари, большинство из нас даже не догадывается. **Вот уже три года у нас есть специальный Закон о метеорологии.** Я, между прочим, не шучу, и готова это доказать совершенно документально.

ЗАКОН О ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

Принят Государственной Думой 3 июля 1998 года. Одобрено Советом Федерации 9 июля 1998 года. Подписан президентом РФ 19 июля 1998 года.

Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях (деятельности гидрометеорологической службы) и направлен на обеспечение потребностей государства, физических и юридических лиц в гидрометеорологической, гелиогеофизической информации, а также в информации о состоянии окружающей природной среды, ее загрязнении.

Читать целиком этот замечательный закон, конечно, скучно и нудно, да и весь его смысл сводится к тому, что Волга — вы не поверите! — впадает в Каспийское море. Ну, и еще "деятельность гидрометеорологической службы по обеспечению выполнения работ федерального назначения в области гидрометеорологии и смежных с ней областях финансируется за счет федерального бюджета и других не запрещенных законодательством Российской Федерации источников".

Видите, тут сказано, что синоптики ничем не отличаются от всех остальных "бюджетников". Хотя давным-давно известно, что прогноз погоды не менее важен для развития экономики, чем курс доллара. Скорее, более важен, поскольку сплошь и рядом позволяет уберечь главную ценность любого общества — людей. Увы! Россия сейчас не может позволить себе заплатить 3-4 миллиона долларов за радиолонатор по-

следнего поколения. И это понятно, деньги бешеные, видимой отдачи — никакой. Это же не залог за томящегося в застенках империализма крупного чиновника...

Вот и получается, что рассказывать о погоде — нуда более престижно и выгодно, нежели предсказывать ее. Конкурс на место ведущей метеосводок на теленаалах — сто человек на место. Причем помимо внешности фотомодели претендентка должна обладать еще хорошей дикцией и хорошим образованием, а в идеале — пройти еще и курс обучения в специальном институте телеведущих. А особо продвинутые каналы идут своим путем и привлекают в качестве ведущих настоящих ученых-метеорологов. К сожалению, телевидение отнимает столько времени, что на научную работу его уже просто не остается.

В общем, можно с полной уверенностью сказать: ничто в природе Земли не оказывает столь заметного влияния на жизнь каждого человека, как погода. Ведь погода и климат — это условия обитания человека. Но как ни обидно, а в начале XXI века приходится признать, что человек — "homo sapiens", "царь природы" — все еще не вла-

стен над погодой. Более того, чем глубже наука проникает в тайны погоды, тем становится яснее, что об управлении ею в ближайшем обозримом будущем нечего и думать. Остается лишь одно — прогнозировать ее поточнее.

А еще — помнить, что постулата "Спасение утопающих — дело рук самих утопающих" пока никто не отменял. Другими словами, на синоптиков надеяться, а сам не плошай. За свою долгую историю человечество накопило огромное количество примет, по которым можно определить погоду с достаточно большой степенью достоверности. Например, всем прекрасно известно, что взятый с собой зонтик уменьшает вероятность дождя, предсказанного синоптиками, а погода в выходные всегда хуже, чем в рабочие дни.

Если серьезно, то предсказать погоду или ее изменение можно по различным местным признакам. Таких признаков много. Это оптические явления в атмосфере, характер облаков, температура воздуха, направление ветра, поведение животных, птиц, насекомых, растений и многие другие признаки.

Прогнозирование погоды на ближайшие часы, на текущий день (на сегодня)

По поведению насекомых, птиц, рыб, лягушек

Паук неподвижно сидит посредине паутины — к непогоде; прячется в угол — перед дождем.

Перед хорошей погодой мухи просыпаются рано и оживленно жужжат; если приближается ненастье, мухи сидят тихо.

Мошки лезут в лицо — ожидай дождя.

Если пчелы рано утром улетаю за взятой — день будет хороший.

В муравейнике открыты ходы и видно оживленное движение муравьев — к хорошей погоде.

Муравьи прячутся в муравейнике — вскоре будет сильный дождь.

Ворона кричит летом — к дождю; зимой — к метели.

Воробьи в пыли купаются — к дождю.

Рано утром не слышно жаворонка — к дождю или плохой погоде; жаворонки гуляют — к хорошей погоде, а сидят нахохлившись — к грозе.

Рыбы выскакивают из воды и ловят летающих над водой насекомых — перед дождем.

Чайки собираются на берегу и поднимают гвалт — к ненастью.

Дневное кваканье лягушек, прыгающих на берегу водоема, предвещает ненастье.

По облакам, туману, радуге, солнцу и звездам

Облака идут низко — будет стужа.

Облака идут против ветра — к снегу.

На кучевых облаках вырисовываются высокие башенки — будет гроза.

От солнца летом идут тучи кучами вниз — к дождю.

Если солнце сразу после восхода уходит за тучи — будет дождь.

Если туман после восхода солнца быстро рассеивается, можно с уверенностью сказать, что в течение ближайшего времени будет хорошая погода.

Отсутствие росы в тихую светлую ночь предвещает ненастье; чем обильнее роса, тем жарче будет завтрашний день.

Туман стелется по воде — к хорошей погоде; поднимается от воды вверх — к дождю; исчезает после восхода солнца без ветра — к хорошей погоде.

Если звезды сильно мерцают ночью, а с утра небо покрыто тучами, то в полдень будет гроза.

Если Млечный Путь ясно виден — к хорошей погоде; если тускло — к ненастью.

Яркая радуга — к ненастью; чем зеленее радуга, тем продолжительнее будет дождь; вечером радуга предвещает хорошую погоду, утром — дождливую; появление двух-трех ярких радуг говорит о том, что дождь будет продолжаться долго.

Радуга направлена с севера на юг — к дождю, с востока на запад — к хорошей погоде.

Дым из трубы столбом — к морозу, дым из трубы коромыслом — к теплу.

Дрова трещат при горении — к морозу, дымят в печи — к оттепели.

Стекла окон потеют зимой — к теплу, а летом — к дождю.

Пасмурная погода проясняется — к ночи будет заморозки.

Прогнозирование погоды на следующий день (на завтра)

По поведению насекомых, птиц, рыб, лягушек

Пауков видно мало — к переменной погоде, много — ожидай хорошей погоды.

Если комары и мошки вьются столбом, будет хорошая погода.

Если вечером сильно стреночат музечники — верный признак хорошей погоды в ближайшее время.

Цинады оживленно стрекочут в вечернее время — к погожему дню.

Вороны и галки зимой вьются в воздухе. Перед снегопадом са-

дятся на снег — к оттепели, садятся на вершины деревьев — к морозу, на нижние ветки — к ветру.

Нуры рано садятся на насест — к морозу; чем выше — тем к большему морозу.

Ласточки летают высоко — жди сухую хорошую погоду, низко летают — к дождю.

По облакам, ветру, солнцу и звездам

Цвет неба становится беловатым, появляются перистые облака — погода ухудшится.

Если утром небо безоблачное, а потом с восходом солнца появляются маленькие нучевые облака, которые после 15 часов исчезают, — это признак хорошей погоды на день или два.

В облачный день солнце перед закатом ярко засияет — будет продолжительное ненастье.

Если при закате солнца облака колечками — к дождю.

Ветер к вечеру усиливается — это к ухудшению погоды.

Если во время ненастья ветер резко меняет направление с восточного на западное, значит, наступит улучшение погоды.

Красная вечерняя заря — к ветру, бледная — к дождю. Если закат ясный — будет ясно.

Солнце садится в туман — будет дождь.

Ветер дует с моря на сушу, а вечером с суши на море — к хорошей погоде.

Месяц рожнами вниз — к теплу, месяц красен — к дождю.

Если вечером в лесу теплее, чем в поле, ожидай хорошую погоду.

Приметы для долговременного прогноза погоды

Чем больше к осени бывают муравьиные нучи, тем суровее будет зима.

Необычно шумит зимний лес — ожидай оттепели.

Воробьи дружно расширились — к оттепели.

Если зимой на рене вода выступает на лед — скоро следует ожидать большую оттепель, возможно, с дождем.

Первый прочный снег выпадает к ночи. Если снег выпадает осенью, когда деревья еще не сбросили листьев, он скоро растает.

Из березы течет много сока весной — к дождливому лету.

Если береза распускает листья раньше ольхи, лето будет сухое, если же сначала ольха — лето будет дождливое.

Дуб раньше ясеня лист распускает — к сухому лету.

Птицы выют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету.

Ранний прилет грачей и жаворонков — к теплой весне.

Длинные сосульки — к долгой весне.

Снег быстро тает и вода бежит дружно — к дождливому лету.

Если весной летит много паутины — лето будет жаркое.

Соловей запел — весенняя вода пошла на убыль.

Осенью птицы летят низко — к холодной зиме.

Запомнили, дорогие читатели "Смены"? Замечательно. Теперь вам никакой прогноз и не нужен, сами разберетесь. Желаем удачи и хорошей погоды всегда! ■

Геннадий КРАСНИКОВ

* * *

Я видел во сне —
 как ветром тебя подхватило,
и ты не смогла удержаться,
 и я не сумел удержать,
какая-то темная
 неумолимая сила
тебя уносила,
 а мне не давала дышать.
Железных конструкций
 и черных мостов панорама
мешала увидеть
 беспомощный твой силуэт,
и вымолвить смог я
 в последнем отчаяньи: “Мама!..”, —
но ты оглянуться
 уже не могла мне в ответ.
Случайною встречу
 в том сновиденни случайном
из смертного сна своего,
 что поведала сну моему?..
Все явное —
 снова однажды становится тайным,
доступным лишь сердцу
 и не доступным уму..

* * *

Александру Стручкову

Секундная жалкая стрелка,
бегущая бедная белка
в потешном своем колесе —
вот времени образ печальный,
нелепейший круг безначальный,
в котором мы вертимся все.

Минутная стрелка умнее,
хоть много мороки и с нею,
то — медлит, то — бросится вскачь,
и лишь часовая — вальяжна,
как барыня шествует важно,
как барыня... Или палач.

Да что мы пристали к ним? — Стрелки,
как дети, играют в горелки,
сбегутся — и сразу же врозь!

*И нет никакого им дела,
что вновь чья-то жизнь пролетела
сквозь круг их, навьлет, насквозь!..*

* * *

Нине, в день ангела

*Влачась во прахе и в золе,
ты громом грянувшим разбужен:
“Оставь свой посох на земле,
он в небесах тебе не нужен!”*

*Над покосившимся окном,
забывшим счет дождям и стужам,
услышал ты: “Оставь свой дом,
он в небесах тебе не нужен!..”*

*Как больно голосу внимать,
зовущему: “Отринь родное,
не окликай отца и мать,
забудь, оставь земле — земное.*

*Жену оставь. Детей забудь.
Пусть прах твой разметут потомки.
Но сохрани свой грешный путь,
как свиток, в нищенской котомке!..”*

* * *

Александру Кувакину

*Нам не дано загадывать назад.
Былое — к нашим упованиям глухо,
там свой резон, свой суд и свой азарт,
своя игра, свое томленье духа.*

*Перелистай былое день за днем —
езде сюжет дешевого замеса,
и то, что мы историей зовем,
какая, в сущности, дурная пьеса.*

*А мы — чужую тьму и пустоту
прокручиваем, как в кино, обратно,
где к людям, как всегда, судьба превратна,
но в ту же реку, в ту же суету —
мы сами входим дважды, и стократно.*

*Нет, что свершилось — так тому и быть,
что поросло бьльем — не пересеешь!..
И жизнь прожить — не Лету переплыть.
К тому же, ты и плавать не умеешь.*

* * *

*Когда не будет нас. Совсем. Когда не будет.
Не бойся, не томись — тогда нас не забудет.*

*И это не игра притянутых созвучий...
Ты их не потроши, и смысла их — не мучай.*

*Закон небытия известен несомненно:
чего на свете нет, то — неприкосновенно!*

*Чего нет на земле, в ладье, в лесу и в доме,
то — в целости всегда, во всем своем объеме.*

*Кто в дверь не постучит и не пришлет открытки,
кто не заплачет, тот не может быть в убытке...*

*А мы пока в ладье, мы в море и на суше,
кругом то меч, то смерч, то шторм, то глад,
то стужи...*

*У запертых дверей еще стоим с Судьбою,
еще грозят тюрьмой, еще страшат сумою...*

*Считаем смерть и грусть — синонимами кражи,
и у себя самих, как Церберы, на страже.*

* * *

*...У женщины характер осени,
то в золоте она, то в нагоде,
когда огнями глаз, как злыми осами,
вас больно жалит в знойной темноте...*

*У женщины характер осени,
так поздний темный мед порой горчит,
расскажет вам, о чем ее не просите,
о чем вы просите — молчит.*

*У женщины характер осени,
ей не страшна худая тень молвы,
еще вчера она была не гостья ли
у вас в дому, где стали гостем вы?..*

*У женщины характер осени,
блеснет на миг очарованья час,
она жива, пока ее не бросили,
она мертва, когда бросает вас...*

Сергей КАЛЕНИКИН

Своя зона... ЖИЗНИ

“Гиблое место” — так наши предки называли геопатогенные зоны. Их негативное воздействие на организм человека доказано современной наукой.

Взгляните на карты древних и даже не столь древних поселений и вы воочию увидите, насколько продуманно выбирали места постоянного обитания наши предки. Да, конечно, люди селились там, где зеленели луга, звенела вода, хватало земли для пахоты. Но вот странность: где-то рядом — места и с большей внешней привлекательностью, но их избегали, потому что считались они проклятыми, гиблыми.

С такими местами многие из нас сталкивались. Припомните, как, оказавшись, к примеру, на лесной полянке или на берегу речки, где вы, казалось бы, должны ощутить радость полно-

го умиротворения, вы вдруг чувствовали внутренний дискомфорт, неуютность, вас вдруг одолевало беспокойство, а то и чувство страха. Это и есть признаки того, что вы оказались в “нехорошем месте”, или геопатогенной зоне. Отчего мы так реагируем на нее? Прежде чем ответить на этот вопрос — немного теории.

Наша наука еще не так давно к “проклятым местам” относилась весьма скептически. Теперь же существование их не вызывает сомнений: геопатогенные зоны существуют — это участки земной коры, имеющие геологические неоднородности. Они проявляются там, где есть тектони-

ческие разломы, подземные водооток, подземные водопады, воронки, трещины, карстовые пустоты, скопления полезных ископаемых, газовые залежи, сталактитовые или сталагмитовые образования и тому подобное. Геофизические аномалии вызывают, в свою очередь, электрические, магнитные, радиоактивные, ионизированные, световые, звуковые излучения различной частоты и величины, пагубно влияющие не только на растительность, но и на животных, включая человека.

Дело в том, что каждый из нас является открытой системой, которая обменивается с окружающей средой веществом и энергией, а, значит, и информацией. Каждый человек генерирует собственные электрические и электромагнитные поля, имея при этом свою (как и отдельно взятый орган — сердце, печень, мозг...), отличную от других частоту автоколебаний. Свою в том смысле, что на планете нет даже двух человек, собственные частоты которых были бы одинаковыми. Разумеется, ваша личная частота адаптирована к условиям той местности, на которой вы имеете счастье проживать. Если же вы долгое время пребываете в геопатогенной зоне, то ваша информационная система пойдет вразнос: аномальные источники имеют частоты, резко диссонирующие с частотами вашего организма. Поэтому в геопатогенной зоне и меняются физиологические и биохимические показатели, начинаются сбои функциональных систем. Об опасностях, тающихся в зонах, предупреждают и специалисты.

— Разлом — гигантское природное образование: при ширине 10-15 километров он тянется на сотни километров, — объясняет академик Российской Академии наук Феликс Летников. — Над активными разломами фиксируются проникающие высоко в атмосферу потоки ионизированных частиц, электромагнитные низкочастотные излучения, газовые флюиды и инфраволны. Их мощность бывает настолько велика, что при относительно спокойной атмосфере они блокируют прохождение кучевых облаков, над ними размываются покровы сплошных облачных масс... Случалось, что образовавшиеся над разломами поля экранировали прохождение обратного сигнала локаторных станций! Не стоит забывать, что мы находимся под воздействием и космических полей. А они генерируются Солнцем и другими космическими объектами. Вполне возможно, что в период повышенной солнечной активности и значительного роста энергетического потенциала ионосферы происходят своего рода "короткие замыкания" между полем, генерируемым зоной разлома, и ионосферой.

Потоки космических излучений вызывают и быстрые изменения магнитного поля Земли, в значительной мере обуславливая его вариации, — продолжает академик Летников. — Причем время от времени — из-за магнитных бурь — случаются резкие возмущения геомагнитного поля, что опять-таки связано с повышенной солнечной активностью. Заметьте: именно перепады естественного геомагнитного поля нами переносятся наиболее бо-

лезненно. Тому ярчайший пример — Курская магнитная аномалия. В ее пределах величина геомагнитного поля превышает фоновую в несколько раз. Не случайно и заболеваемость населения в этом районе на 120-160 процентов выше, чем в соседних.

Как установили американские специалисты, из-за проживания в геопатогенных зонах производительность труда понижается на 15-20 процентов. Немецкая исследовательница Н. Бачлер обследовала три тысячи квартир и домов в 14 странах мира и установила, что те люди, которые проживали на источниках земного излучения, страдали онкологическими заболеваниями, склерозом, ревматизмом, астмой, а дети в таких зонах хуже развивались. Между прочим в Германии даже существует дорожный знак "Внимание! Геопатогенная зона!" Польские ученые, обследовав 1300 жителей Варшавы, выяснили, что только 20 из них спали в "чистых" зонах, и все они здоровы, а многие из тех (335 человек), кто проживал в зонах геопатогенных, тяжело болели...

При желании и вам под силу определить места с глубинным вредным излучением. В лесу их можно опознать по интенсивной и пестрой окраске растительности. В их пределах увеличивается число хвойных деревьев с аномально раздвоенными стволами, уменьшается густота леса, снижается средняя высота деревьев. Часто попадаются уродливые, искривленные, коленчатые и шишковатые стволы, деформированной формы ягоды. Геопатогенные зоны любят вороны и дру-

гие хищные птицы. В местах пересечения уплотнений силовых линий прячут свои запасы мелкие птицы, а также белки, бурндуки — в таких местах эти запасы легко отыскать под снегом зимой. Семьи пчел в ульях, установленных в нехороших местах, дают больше меда.

На границе подмосковного Шатурского района с Владимирской областью на много километров раскинулись обширные леса и болота — край почти незаселенный и бездорожный. Здесь среди лесов и мшар затерялось таежное урочище Шушмор. Тут обнаружено место, где березы имеют не круглые, а квадратные в сечении стволы! Там же встречаются гигантские папоротники, значительно превышающие рост человека, а гриб "чага" на березах — размером более футбольного мяча. А буквально по соседству — растительность самая обычная.

С 1995 года, по заданию правительства Москвы, проблемой влияния геопатогенности на территории столицы занимается Институт геоэкологии Российской Академии наук. Его специалистами составлена карта Москвы, на которой отмечены геологические неоднородности, вызывающие геопатогенный эффект. Как заметил руководитель этой работы, доктор геолого-минералогических наук Владимир Манаров, даже "перемещение человека по городу, когда он пересекает участки геофизических полей разной величины, может негативно влиять на его здоровье".

Не только на самочувствие людей, но, оказывается, и на работающую технику влияют под-

земные водные потоки. Специальные эксперименты показали, что их повороты и разветвления совпадают с местами возникновения чрезвычайных ситуаций.

Между тем все сказанное — лишь одна сторона медали.

— Бурное развитие техногенной цивилизации и лавинное нарастание мощности электромагнитных систем передачи информации привело к формированию единого электромагнитного поля между земной поверхностью и ионосферой, напряженность которого растет как снежный ком, — утверждает академик Летников. — Оно действует как резонатор, и вблизи мощных, излучающих электромагнитную энергию устройств параметры поля увеличиваются на несколько порядков! В пределах мега- и технополисов происходит закачка электрической энергии не только в землю, но и в воздушное пространство высотой около 50 километров. И эта всевозрастающая закачка энергии может трансформироваться в различные виды низкочастотных колебаний. Скажем, утечка электроэнергии — в землю и в воздушное пространство — происходит вдоль высоковольтных линий электропередач, при этом напряженность поля порой достигает десятков тысяч вольт на метр! В промышленных городах в землю закачивается громадное количество электрической энергии, которая, в первую очередь, подпитывает зоны активных глубинных разломов, отчего их энергоемность увеличивается многократно, возрастает мощность, расширяются спектры генерируемых опасных для нашего здоровья излучений.

На самые кричащие вопросы: какие именно природные и техногенные поля взаимодействуют друг с другом, что за эффекты при этом возникают, наука пока ответить не в силах. А между тем огромные массы людей работают и живут около ЛЭП, трансформаторных подстанций, телецентров, радиоустановок...

— В это трудно поверить, — замечает Феликс Летников, — но созданная нами электромагнитная система уже конкурирует с природной, если угодно — с самой земной системой! Увы, мы не знаем возможных последствий, никто пока не изучает скрытые эффекты сочетания полей и излучений. Все процессы в нашем организме совершаются в автоколебательном режиме: за время суточного цикла синхронно меняется состав крови, функционирование внутренних органов, восприимчивость к лекарствам, ядам и так далее. Для человека наиболее опасны ситуации, когда его автоколебательная система попадает в резонанс с космическими, техногенными и геологическими полями. Тогда и происходит нарушение общего состояния. Скажем, мой головной мозг атакуется излучением какого-то вида, но в то же время воздействие от другого источника такой же волны будет гасить или усиливать влияние первого.

— Какие сочетания полей для нас представляют особую опасность?

— Близость техногенных источников электромагнитных излучений и зон глубинных разломов, подпитываемых электрической энергией в городских пре-

делах. Для ясности — пример. Допустим, вы проживаете в области действия глубинного разлома и его низкочастотные излучения не особенно влияют на человека. Но если на разломе или рядом с ним располагается техногенный источник того же, низкочастотного, диапазона — телевизионная вышка, мощная радиовышка или локаторная станция, то их поля могут суммироваться и излучающий эффект потока возрастет многократно. Особая же опасность возникает тогда, когда гравитационные аномалии сочетаются с излучениями сильных военных радиолокационных станций, просвечивающих пол-Европы или пол-Азии. Следом идут мощные передающие телевизионные устройства и радиостанции...

Да, мы живем уже на планете с иными свойствами. Отсюда и тревога академика Летникова. Ведь появление еще одной электромагнитной системы, внутри которой рождается и живет новое поколение людей, может привести к качественным изменениям — и это не оговорка — человека как вида.

Будем надеяться, что гипотеза эта не реализуется, а пока лучше подумаем, как защищаться от вредного воздействия геопатогенной зоны. Обратите внимание, как ведут себя в вашем жилище домашние животные. Скажем, собака никогда не ляжет в нехорошее место, а кошка, наоборот, предпочитает спать в геопатогенной зоне. Поэкспериментируйте со срезанными цветами: в благоприятных местах они стоят в два раза дольше.

Если вы жалуетесь на тяжелое засыпание, ночные кошмары, плохой сон, то, быть может, ваша кровать размещена в нехорошей зоне. Не рекомендуется спать или отдыхать в зоне отражения зеркала или зеркальной поверхности. Во время сна ваша голова должна быть направлена на север, северо-восток или восток. Наиболее благоприятное для вас направление определяется опытным путем. По знаку Зодиака рекомендуется спать так: Овен — север, северо-восток; Телец — северо-восток и восток; Близнецы — север, северо-восток, северо-запад; Рак — север, восток; Лев — север, северо-восток; Дева — север, северо-восток; Весы — север, северо-восток, Скорпион — север, северо-восток, северо-запад; Стрелец — север, восток; Козерог — север, северо-восток; Водолей — север, северо-запад; восток; Рыбы — север и северо-запад.

Для защиты от геопатогенных зон специалист в области невропатологии А. Литвиненко советует воспользоваться экранами, которые укладываются под место сна или отдыха. К естественным экранам относятся различные материалы — асбест, глина, плитки известняка, обломки ракушек, мрамор, смолы (канифоль, ладан, янтарь), растения: папоротник, каштан, снопики пшеницы, ржи, ячменя, живые цветы — каланхоэ, герань, калы, бегония, а также головки луна и чеснока. Для искусственного экрана сгодится красная резина, красный кирпич, алюминиевая фольга, оцинкованное железо, картонные пирамидки... ■

А. П. ПЕТРА Петра Великого

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Монахкилова

ГМ

За отрядом врагов, уводивших знатных юношей, бежала юная дочь местного африканского князька. Лагань заливалась слезами, падала, хватала за полы одежды высокого турка, протягивая свои бриллиантовые украшения. Она молила отпустить ее младшего братишку... Но тщетно. Рыдания юной принцессы не тронули сердца безжалостных захватчиков. Драгоценности девушки исчезли в кармане широких шальвар, но мальчика не освободили. Несчастная провела семилетнего Ибрагима до корабля, на который его посадили вместе с другими пленниками. Судно отплыло. В отчаянии Лагань бросилась в мутные воды реки и поплыла за ним. Мальчик пытался вырваться, но хватка стражников была мертвой. Сквозь слезы Ибрагим видел, как в последний раз волны сомкнулись над головой сестренки... Это происходило в 1703 году. До глубокой старости он без слез не мог вспоминать любовь и дружбу старшей сестры. А корабль держал курс на Константинополь...

Родился Ибрагим в 1696 году в городе Лагоне, недалеко от озера Чад. Его отец — владетельный князь — являлся вассалом турецкого султана. Гордый князь возводил свои корни к самому Аннибалу (Ганнибалу — Hannibal) Карфагенскому — одному из самых выдающихся полководцев и государственных деятелей древности, победителю римлян. Он мечтал о том, что оставит младшему сыну, который рос смышленным и ловким, свои владения. Ибрагим объединит разрозненные княжества, избавит эту часть Африки от гнета Османской Порты и прославит свой род на всю вселенную, станет достойным (если не превзойдет) самого Аннибала. Но, видно, не судьба.

Аннибал (247— 183 до н.э.) являлся сыном Карфагенского военачальника Амилькара Барка, завоевавшего западную и южную части Испании. Впервые Аннибал участвовал в военном походе в девятилетнем возрасте. Перед выступлением отец заставил сына поклясться перед алтарем, что он всю жизнь будет непримиримым врагом Рима. Аннибал клятву сдержал. Выдающиеся способности и необыкновенные условия воспитания сделали его достойным преемником отца. В нем сочетались горячность с настойчивостью в достижении цели, безумная храбрость с хладнокровием. Аннибал обладал необыкновенным даром властвовать над людьми. Он понимал, что бороться с Римом можно только на территории врага, и когда принял командование над карфагенской армией, двинул войска туда. 16 лет, не получая никакой поддержки от своего сената, этот гениальный военачальник продержался на чужой территории вдали от родных африканских берегов, громя извечного врага. Когда в 211 году до н.э. Аннибал сделал обманный маневр и двинул войска к Риму, в городе поднялась невероятная паника: “Hannibal-ad-Portas! Hannibal-ad-Portas!” — “Аннибал у ворот! Аннибал у ворот”. Этот панический клич стал поговоркой, выражающей ужас при грозной и неотвратимой опасности. “Не

Рим, а Карфаген победил Аннибала”, — горько признавался полководец. Когда великий полководец узнал о предательстве вифинского царя Прузия, который вел переговоры с Римом о его выдаче, 65-летний Аннибал предпочел позору плена смерть — он принял яд, который находился в его перстне.

Крестник русского царя

Расстроенный завидным упорством подданных в нежелании выйти из омута невежества и учиться, Петр I хотел показать им пример того, как люди “чуждой породы” способны к просвещению. Царь приказал своему посланнику в Турции прислать ему арапчонка с хорошими способностями. Так в 1705 году в Москве оказалось три отрока, и среди них — Ибрагим. Ибрагим, поступив в услужение к Петру, находился при нем неотлучно до 1716 года. Вскоре в Вильне арапа крестили в православную веру. Царь дал крестнику свое имя и отчество, а также фамилию Петров. Но Ибрагим чрезвычайно горевал из-за перемены имени, и его стали звать Абрамом Петровичем Петровым. Петр I полюбил крестника как собственного сына и приблизил его за природный ум, расторопность.

Когда Абрам выучился грамоте, Петр определил крестника в военную службу. В качестве барабанщика мальчик “был при всех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать изволил, а именно: под Добрым, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве”.

Полюбили чернокожего общительного “брата” и дочери царя — Анна и Елизавета. Арап фактически стал членом царской семьи. Обратив внимание на большие способности крестника, особенно в области математики, Петр заботится о тщательном его образовании: поручает лучшим профессорам, выписывает из Европы новейшие учебники по математике. “Арифметика” Виллема Бартенса, вышедшая в Амстердаме на голландском языке в 1708 году, хранится в наши дни в музее села Петровское. На нем автограф: “Абрам Петров. Москва. 1711”.

Париж

В 1716 году Петр I во второй раз отправляется в Европу и берет с собой Абрама, которому поручил следить во время путешествия за государевой библиотекой. Во Франции в те времена военное образование считалось самым лучшим. Поэтому, прибыв в Париж, царь решил расстаться с любимцем и оставить его здесь постигать инженерное искусство. Прежде, чем покинуть Францию, Петр I накупил одежды крестнику и оставил достаточно большую сумму денег. Абрам на них жил целый год. Распорядился он деньгами разумно: закупал книги и оплачивал занятия французским языком и математикой. Но как ни экономно он тратил, вскоре жить стало не на что. Деньги из России не поступали.

Положение русских юношей, обучавшихся за границей, было печально. Деньги на их содержание выделялись столь незначительные, что не хватало не только на покупку учебников, но даже на одежду и на ежедневное пропитание. Учение постоянно прерывалось потому, что нечем было платить за занятия учителям и мастерам. Конон Никитич Зотов, опекавший русскую молодежь, постоянно сообщал кабинет-секретарю Макарову о их бедственном положении. Юноши и сами по очереди писали Макарову, умоляя напомнить о них государю. 8 октября 1718 года Абрам сообщает кабинет-секретарю, что денег едва хватает на пропитание и наем квартиры: "...На плечах ни кафтана, ни рубахи почитай нет, мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще, токмо взяли резолюцию обмывать ваши ноги слезами милосердие отеческое над нами показать, иметь о нас попечение у его царского величества и прибавке нам жалованья, чтобы нам не явиться перед его величеством с пустыми руками к нашему возвращению в Петербург". Деньги были присланы только в конце 1719 года. Так что веселая жизнь среди придворных красавиц — всего лишь красивая сказка нашего великого поэта.

К этому времени Испания и Франция объявляют друг другу войну, и крестник русского царя в составе армии маршала Бервик участвует в ней "инженерным учеником". Абрам участвовал и при взятии французами Фонтарабии и Сан-Себастьяна. В "подземной войне" он был ранен в голову и за отличия награжден чином инженера-поручика.

В 1720 году под высочайшим покровительством короля Людовика XV в Лафере открылась высшая военно-инженерная школа, куда иностранцев не принимали. Абрам Петров все-таки подает прошение, надеясь, что служба в тамошней армии ему зачтется. Он не ошибся — героизм, проявленный в боях, офицерский чин французской армии и "военные заслуги перед Францией" были приняты в расчет.

Школа давала превосходное образование: первые два года преподавали теорию, читались лекции по математике, фортификации, артиллерии и др. Последний год — практика, на которой разрабатывались и испытывались снаряды и мины, на специальных полигонах обучали правильно организовывать осаду и строить противоосадные укрепления.

Абрам напряженно и с наслаждением учится, но вдруг русский посланник в Париже князь Василий Лукич Долгоруков объявляет приказ Петра I вернуться на Родину. Царский крестник не желает подчиниться, но не по причине страстного романа, как об этом пишет его великий правнук. Он желает закончить образование и заваливает письмами Макарова, умоляя его испросить у государя разрешение остаться еще на год. Арапа поддерживает и Долгоруков. Император согласился с их дово-

дами и разрешает крестнику остаться на год для окончания образования. В 1723 году (а не в 1722, как писал Пушкин) отставной поручик французской армии с богатой библиотекой (более 400 книг) и королевским дипломом военного инженера, подписанным самим Людовиком XV, возвращается в Россию.

Инженер, преподаватель, переводчик

Император остался чрезвычайно доволен полученным образованием крестника. Знания свои Абрам Петрович блестяще применил на инженерных работах в Кронштадте. Кроме этого он преподает математику и фортификацию гвардейской молодежи, для чего много переводит специальной литературы.

Царь-преобразователь использовал своих подданных, что называется, на полную катушку. Не являлся исключением и его любимец. Умирая, Петр I просил жену позаботиться о своем крестнике. Екатерина I поручила Абраму Петровичу преподавать математику наследнику престола — великому князю Петру Алексеевичу. Через год Петров преподнес императрице свое двухтомное сочинение (1-й том — Практическая геометрия, 2-й — Фортификация).

Вернувшись в Россию из Парижа, арап сошелся со своими прежними друзьями: Семеном Мавриным (учителем наследника престола), Иваном Черкасовым (кабинет-секретарем императрицы), Егором Пашковым (членом Военной коллегии), Александром Бутурлиным (камер-юнкером Елизаветы Петровны) и княгиней Аграфеной Волконской. Этот дружеский кружок известен в истории как кружок княгини Волконской. Во время дворцовых переворотов ему досталось, пожалуй, больше всего. Причем все временщики (начиная с Меншикова и кончая Бироном), приходившие к власти, имели основания ненавидеть Аграфену Петровну. Из-за беспокойного и "бойцовского" характера Волконской пострадали и все члены ее кружка.

В жизни Абрама Петрова началась черная полоса, которая длилась почти двадцать лет. 8 мая 1727 года он получает из Военной коллегии указ немедленно отправиться в Казань, "осмотреть тамошнюю крепость, каким образом починить ее или вновь сделать цитадель, тому учинить план в проекте, и, осмотря ее, в военную коллегию отписать на почте, к которому числу тот план в проекте поспеть может".

Подобное поручение могло считаться лестным для молодого офицера, но он понимал, что это изгнание. Через 25 дней после прибытия в Казань капитан получает новый приказ, на этот раз от самого светлейшего князя Меншикова, ехать в Тобольск и начать строительство там крепости. Но и Тобольск не явился конечным пунктом изгнания — его засылают еще дальше — на китайскую границу. Биографы XVIII столетия вполне серьезно писали о том, что Абрама Петровича послали измерять Великую Китайскую стену. Измерять он ее не измерял, а вот страте-

гическую крепость Селенгинск построил. Узнав о падении князя Меншикова, Абрам Петрович самовольно решил вернуться в Петербург, но был арестован и возвращен в Селенгинск.

В это время арап Петра Великого меняет свою фамилию — он становится Ганнибалом. Впервые документально это зафиксировано в иркутской летописи за 1727 год: “В декабре месяце прибыл из Тобольска лейб-гвардии, бомбардирской роты поручик Абрам Петров, арап Ганибал, для постройки Селенгинской крепости”.

При воцарении Петра II вновь возникло дело княгини Волконской и членов ее кружка, обвиненных в политических интригах, и 22 декабря 1729 года Верховный Тайный совет вынес определение об аресте Ганнибала и препровождении его под конвоем в Томск. Это было тяжелое время для крестника Петра I — без денег и поддержки друзей он тосковал в этом городе. Только Маврин писал ему из Тобольска, куда сам был сослан. Долгоруков, опасаясь, чтобы Ганнибал, “как человек иностранный”, не убежал, приказал держать его “под крепким караулом”.

При воцарении Анны Иоанновны в силу вошел граф Миних, который симпатизировал арапу и высоко ценил эрудицию этого замечательного военного инженера. Благодаря фельдмаршалу императрица сначала назначает Ганнибала майором в Тобольский гарнизон, а затем повышает чином и переводит в Эстляндию в инженерный корпус. Теперь он — инженер-капитан.

“Любовь страданий всех начало...”

В конце 1730 года Абрам Петрович Ганнибал возвращается в Петербург. Сразу же по приезде он сближается с капитаном галерного флота греком Андреем Диопером. Старшая его дочь была замужем за придворным поваром Богданом Халябием. Абрам Петрович, на свою беду, влюбился в младшую — красавицу Евдокию, и просил ее руки. Девушка любила флотского поручика Александра Кайсарова, за которого собиралась выйти замуж, но почему-то держала это в тайне от родителей. Сваатовство Ганнибала и согласие отца вызвали бурю. Евдокия ни за что не соглашалась стать женой нелюбимого человека, тем более негра. На все уговоры родных она отвечала “нет, понеже арап не нашей породы”. Довод девушки им казался пустым. Крестник Петра Великого, к которому благоволил сам фон Миних, казался отцу подходящей партией для красавицы дочери. Евдокия должна была покориться воле родителя, но, прежде чем пойти под венец с постылым арапом, она отдалась избраннику своего сердца. Счастливый согласием отца, Ганнибал, так же как и родные невесты, не обратил внимания на “капризы” красавицы, видно, надеясь заслужить ее любовь и утешаясь пословицей “стерпится — слюбится”. Венчание состоялось 17 января 1731 года в церкви Святого Симеона Богоприимца. Вскоре молодая чета отправилась к новому месту службы супруга на балтийские берега в Эстляндию, в Пернов (Пярну), где располагались гарнизон и

школа младших военных инженеров. Ганнибал должен был преподавать кондукторам математику и черчение. А убитый горем Кайсаров переводится в Астрахань.

Но красавица не долго горевала по Кайсарову. В провинциальном городке она сразу же утешилась. Среди кондукторов, которых обучал ее супруг, был местный Дон Жуан — Яков Шишков. Этот ловелас соблазнил старшую дочь мещанки Морши (Моор). Шишков не женился на девушке, как обещал, и мать пожаловалась на совратителя начальству, которое распорядилось: “Шишкову учинить наказание на теле, да тем дело и покончить”. Размолвка Шишкова с Моршей продолжалась недолго, и он по-прежнему стал бывать в ее доме. Здесь-то и познакомилась с ним скаучающая петербургская кокетка. Во время Великого поста (а Пасха в тот год была рано — 9 апреля) хозяйка послала свою младшую дочь Марию Елизабет за красавцем Шишковым, с которым дамы и сели играть в карты. Игра называлась “Короли”, “и когда он, Шишков, король был, то ей, капитанше, наложил, чтоб она его целовала, что капитанша и учинила”. Невинное развлечение имело продолжение. В отсутствие мужа Евдокия Андреевна через писаря Тимофеева призывала к себе перновского Дон Жуана. Ганнибал довольно долго не подозревал о романе жены с подчиненным.

Но еще до развязки произошло другое событие, которое больно ранило арапа. В октябре 1731 года жена родила дочь. И все бы ничего — у каждой молодой семьи через 9 месяцев после свадьбы мог родиться ребенок — да дивно было, что у негра и смуглой гречанки родилась белокурая девочка с белой кожей. В городке, конечно, не знали о романе Евдокии с Кайсаровым, но могли догадаться, что у жены капитана, кроме него самого, был и какой-то блондин. Девочку назвали в честь матери.

До последнего времени факт рождения этого ребенка считался легендой. Но автор биографии арапа Петра Великого Гнамманку сообщает в своей книге о недавно найденной записи в исповедной росписи Воскресенской церкви пригорода Вороницы за 1746 год, в которой среди детей “Абрама Петровича Ганнибала” упоминается и дочь Евдокия пятнадцати лет.

Видно, арап действительно самозабвенно любил жену и к тому же понимал, что не по своей воле Евдокия пошла за него. Он простил ее и признал ребенка. Ехидные ухмылки и бестактные намеки больно били по самолюбию капитана, и он тогда же, в октябре, просится в отставку, но получает отказ. Рождение белокурой девочки не было единственным ударом в спину. Спустя несколько месяцев Ганнибал узнает о романе жены с его подчиненным. Мало того, ему сообщают, что любовники собираются его отравить. Абрам Петрович подает в перновскую канцелярию “донос”, по которому сразу же начинается следствие. Свидетели подтвердили свои показания: “Фабер под присягою показал, что 26-го числа того же месяца Морша говорила ему: ...

приходил-де ко мне Шишков и говорил, что капитан Абрам Петров болен, и кабы капитанша была умна и послала в аптеку и купила чего и дала бы ему, Петрову, и он бы не долго стал жить. То же показала и сама Морша". Евдокия также подтвердила обвинения в блуде и желании отравить супруга.

Гарнизонная канцелярия, рассмотрев дело об отравлении, признала Евдокию Андреевну виновной. Евдокию заключили в Госпитальный двор, являвшийся местной тюрьмой. Но дело на этом не закончилось — оно длилось более 20 лет. Жена Ганнибала была в заточении на Госпитальном дворе еще четыре года.

В том же 1732 году Абрам Петрович вновь подает прошение об отставке, которую получил только через год. Коварство жены, вероятно, "излечило" его от любви к ней. Страдания крестника великого императора были вознаграждены.

Абрам Петрович знакомится с дочерью капитана ревельского полка Матвея фон Шеберг Христиной-Региной, которую не смутил его черный цвет лица. Девушка по-настоящему полюбила благородного Ганнибала. По воспоминаниям современников она была образованна, умна, красива, уравновешенна и рассудительна, лишена хитрости и лукавства. Ганнибал полюбил голубоглазую и златовласую красавицу. Имея на руках "аттестат" гарнизонного суда, он посчитал себя человеком свободным и вместе с Христиной поселился в Каррикуле Ревельского уезда, купленном на завещанные ему Петром I деньги.

5 июня 1735 года у них родился первенец Иван. Ганнибал пытался узаконить отношения с любимой, но он все еще являлся официальным мужем Диопер. "Аттестата" оказалось недостаточно для вступления в другой брак. Преодолевав все препятствия, правдами и неправдами Абрам Петрович находит священника, который хоть и не сразу, но согласился обвенчать его с любимой женщиной. Но и Евдокия Андреевна не сидела сложа руки: она подает прошение в Фортификационную контору с просьбой вытребовать ее в Петербург. Прошение удовлетворили, капитанша прибывает в столицу и 1 марта 1737 года в Святейший синод поступает от ее имени челобитная, в которой она сообщает, что из боязни расправы мужа оговорила себя. Евдокия Андреевна просит пересмотреть дело, передопросить Ганнибала и свидетелей, а также освободить ее из-под караула, дабы "голодной смертью не помереть". Законная жена теперь выступает как жертва насилия "страшного" негра, который пытками заставил ее оговорить себя. Началась волокита: синод требовал дело, Фортификационная контора отказывалась его выдавать. Только спустя 6 лет дело поступило в синод.

Власть в России меняется, а воз и ныне там. Умирает императрица Анна Иоанновна, свергнуты сначала Бирон, а затем и правительница Анна Леопольдовна, а просьбы Ганнибала о разводе остаются без ответа. На престол вступает дочь Петра Великого Елизавета Петровна, и крестник ее отца подробно излагает им-

ператрице свою семейную трагедию. Он просит ее посодействовать разводу, но бумага вновь идет в синод. Дети его подросли, их необходимо определять с учебой, а они считаются незаконно-рожденными, поскольку брак не признается действительным.

За это время Евдокия Андреевна сошлась в Петербурге с подмастерьем Академии наук Абумовым и ждала ребенка. Положение “невинной жертвы” становится шатким, и она вынуждена обо всем рассказать своему духовнику — священнику Андрею Никифорову. Тот уговаривает ее обратиться в консисторию с покаянным письмом. Делать нечего, и Евдокия признается во всех поступках и просит развести ее с мужем, у которого другая жена и несколько детей.

Возможно, дело в том году и было бы закрыто, а супруги получили бы свободу. Но, оказывается, Ганнибал дважды женат! Консистория посылает ему опросный лист. Он обязан ответить на вопросы: 1) действительно ли он повенчан? 2) Кто и в какой церкви венчал его? 3) По чьей венчаной памяти? 4) Которым показан браком?

Абрам Петрович раздраженно отвечает, что уже изложил все обстоятельства императрице. 15 сентября 1749 года он пишет письмо в консисторию и прилагает к нему аттестат, выданный ему перновской гарнизонной канцелярией.

Наконец-то петербургский архиепископ рассмотрел дело и предложил: 1) Евдокию с Ганнибалом разлучить; 2) на основании указа от 8 января 1744 года после наказания сослать навечно в Оренбург или в другой отдаленный монастырь, потому что “таковая сквернодеица в резидующем граде быти не может”; 3) брак со второю женою утвердить, но “снабдить его церковною эпитимиею и, сверх того, денежным штрафом...”. Казалось, можно было вздохнуть, да не тут-то было. Решение архиепископа должен подтвердить синод. На следующий год в Петербурге назначен новый архиепископ, который нашел дело неполным и посылает его на рассмотрение. Теперь загвоздка оказалась в вероисповедании второй жены. Ганнибала не смутил тот факт, что его жена протестантка, и он не настаивал на ее переходе в православие. По законам того времени брак между православным и протестантом мог быть заключен только по письменному разрешению церковного начальства. Снова началась долгая переписка чиновников. Синод требовал найти священника, который венчал когда-то Ганнибала. Не один год прошел, пока узнали, что священник давно умер. Закончились мытарства счастливых супругов только 9 сентября 1753 года.

На службе Отечеству

После падения Бирона правительница Анна Леопольдовна оказала Ганнибалу, как жертве временщика, милость, и в 1740 году назначила подполковником ревельского гарнизона. Назначение для него слишком невысокое. Но, соскучившись

по настоящему делу, Абрам Петрович служит с энтузиазмом. Наконец к власти приходит дочь крестного отца Ганнибала — Елизавета Петровна, которая сразу же произвела его в генерал-майоры по армии. Летом 1745 года Ганнибал был назначен членом комиссии по разграничению России и Швеции.

25 апреля 1752 года императрица перевела его в Инженерный корпус. Теперь талант, знания и способности арапа по достоинству оценены, и он получает возможность служить на благо Отечества. Абрам Петрович руководит обновлением всей системы защиты на западной и северо-западной границах империи, а также строительством укреплений на юге — между Днепром и Донцом. Кроме того, он следит и за инженерным образованием России. По его предложению в программу инженерных школ введены технические дисциплины, преподавание гражданской архитектуры.

В это время президентом Военной коллегии становится брат фаворита императрицы — Петр Иванович Шувалов, который считал, что артиллерия должна стать основной силой русской армии. Он проводит реформу и объединяет Инженерный и Артиллерийский корпуса в один — то, что предлагал Ганнибал за три года до этого. Главным военным инженером России становится Абрам Петрович. С 23 октября 1759 года он — генерал-аншеф и главный директор Ладожских каналов и комиссии Кронштадтских и Рогервикских строений.

Со смертью императрицы Елизаветы Петровны прерывается карьера арапа. Петр III возвращает из ссылки Бирона и других немцев, не любивших Ганнибала. В июне 1762 года его отправляют в отставку “за старостью”. Спустя три недели на престол взошла Екатерина II. Она не забыла талантливого инженера и обращается к нему с просьбой доставить ей проект канала между Петербургом и Москвой, задуманного еще Петром I.

Последние годы своей жизни Абрам Петрович провел в одном из пожалованных ему имений — Суйде, где и скончался 14 мая 1781 года на 86-м году жизни. Здесь же был и погребен.

“Ганнибал у ворот!”

Если кому и суждено было оправдать пословицу “Hannibal-ad-Portas”, так это старшему сыну Абрама Петровича — Ивану. Он родился в 1735 году, образование получил в кадетском корпусе, по окончании которого выпущен во флот. В 1769 году полковник Иван Абрамович Ганнибал был назначен цейхмейстером, т.е. начальником морской артиллерии и сразу же в составе эскадры адмирала Спиридова отправляется бороздить воды Средиземного моря.

31 марта 1770 года отряд судов (один фрегат и два корабля) бригадира артиллерии Ивана Абрамовича Ганнибала вошел в залив и приблизился к порту Наварин — самой удобной стратегической базе на Пелопоннесе. Ее гавань вмещала любой флот, а узкий проход был защищен укреплениями с обеих сторон.

Высадка десанта и осадная артиллерия Ганнибала заставили крепость сдаться. Трофеи русских — 42 пушки, 3 мортиры, 800 пудов пороха и большое количество оружия. Ганнибал был назначен комендантом крепости и приступил к ее восстановлению. Когда же русские вынуждены были оставить порт, Ганнибал погрузил всю артиллерию на корабли, взорвал пороховые погреба и наваринскую цитадель.

23 июня 1770 года русская эскадра нагнала турков. Вражеский флот представлял величественное зрелище: он растянулся двумя линиями по всему заливу между Чесмой и Хиосом. Общая численность вражеского флота доходила до 100 судов. На его борту находилось 15.000 человек и 1430 орудий. Русская объединенная эскадра насчитывала всего 26 судов, на борту которых — 6.500 человек и 608 орудий.

Русский флот атаковал вчетверо превосходящего противника. Во время знаменитой битвы при Чесме Иван Абрамович Ганнибал командовал всей артиллерией флота, обеспечивал защиту флангов. Его управление артиллерийским огнем соединенной эскадры вызывало восхищение.

В ночь на 26 июня турецкий флот был полностью уничтожен. Одна из самых блестящих морских побед — Чесменская явилась результатом изобретательности талантливого инженера Ганнибала и беспримерной храбрости русских офицеров.

25 июля 1778 года Иван Абрамович получает от Екатерины II новое назначение: ему поручено "...построение новозаводимого на Днепре при Александровском шанце города с надлежащими укреплениями, и в оном верфи и адмиралтейства". Ганнибал ревностно принялся за исполнение возложенного на него поручения. Он сформировал 12 рот мастеровых, заготовил лесные материалы в верховьях Днепра и доставил их на место, нанял внутри России более 500 плотников и в короткое время устроил верфь, а в августе заложил укрепленный город. Через три года новый город существовал с дворцом, адмиралтейством, литейным делом, арсеналом, верфями, казармами и частными домами. Крепость была снабжена гарнизоном и 220 орудиями, на верфях строились различные суда, в гавани находились военные и купеческие корабли.

1 января 1779 года он был произведен в генерал-поручики с оставлением в должности генерал-цейхмейстера. 12 октября 1801 года он скончался в Петербурге и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Другие дети крестника Петра Великого тоже служили Отечеству, но оставили меньший след. Осип Абрамович известен нам тем, что он женился на Марье Алексеевне Пушкиной. Дочь их, Надежда Осиповна, вышла за Сергея Львовича Пушкина и родила от него сына, ставшего великим поэтом. Осип Абрамович умер в 1806 году. Александр Сергеевич Пушкин видел Петра Абрамовича старцем в псковской деревне в 1824 году. ■

Ответственная ЭГОИСТКА

Неноторые критики называют Чулпан Хаматову "лидером молодой актерской волны". Действительно, работа с Валерием Тодоровским в "Стране глухих" стала открытием — сильной, яркой, очень откровенной заявкой творческого потенциала актрисы. Не заметить его было невозможно. Подкупающее сочетание взрослого ума и детской непосредственности, рассудочности и взрывной эмоциональности, трогательного мягкого обаяния и темпераментной жесткости "неофитки", — мимо такого сочетания невозможно было пройти. Неудивительно, что в "Лунном папе" Бахтиер Худойназаров, приукрасив все вышеперечисленное национальным колоритом и романтическим флером, получил типаж, о котором мог только мечтать. Экцентрические перипетии сюжета и режиссер помогли Чулпан показать свои возможности. На церемонии вручения высшей кинематографической награды России этого года Чулпан Хаматову за работу в фильме "Лунный папа" номинировали на

"Нину" в категории "лучшая женская роль". Ее соперницами были норифейки актерской профессии Зинаида Шарко и Екатерина Васильева. Чулпан проиграла. Наверно правильно. Еще рано. Не хватило стажа. Но без сомнения — ее главные победы впереди. Во всяком случае, сейчас этот талант вальсирует в невероятном темпе и диапазоне.

На встречу со мной она не опоздала. Быстро припарковала машину у служебного подъезда театра "Сатиры", до начала спектакля оставалось три часа, так что время поговорить у нас было. Поднялись на третий этаж в гримерную. Она вынула из большой спортивной сумки, которую принесла с собой, какие-то причиндалы — наушники, неды, шорты, гетры, майку, наверно аксессуары к своей роли. Закурила тонкую, длинную сигарету.

— Ничего, если я буду потихонечку гримироваться?

— *Нормально. Как называется представление, к которому вы сейчас готовитесь?*

— "Сильвия". Пьеса американского драматурга Альберта Герни. Странная история, по мнению критиков, о любовном треугольнике. Но я так не считаю. Это не любовный треугольник в классическом понимании. Здесь речь идет об отношениях собаки, ее хозяина и хозяйки. Со своей любовью каждого друг к другу.

— Вы играете собаку по кличке Сильвия и у вас главная роль?

— Да, я больше всех топчусь на сцене. Абсолютно нормальная роль с репликами, с большим текстом. Спектакль строится на конфликтных ситуациях, которые моя героиня пытается ликвидировать. Хотя Сильвия сама же и создает эту ситуацию. Но к концу спектакля, преодолевая ревность, Сильвия все-таки соединяет своих хозяев и все заканчивается хорошо.

— Поскольку мы заговорили о семейных проблемах, не могли бы рассказать о себе?

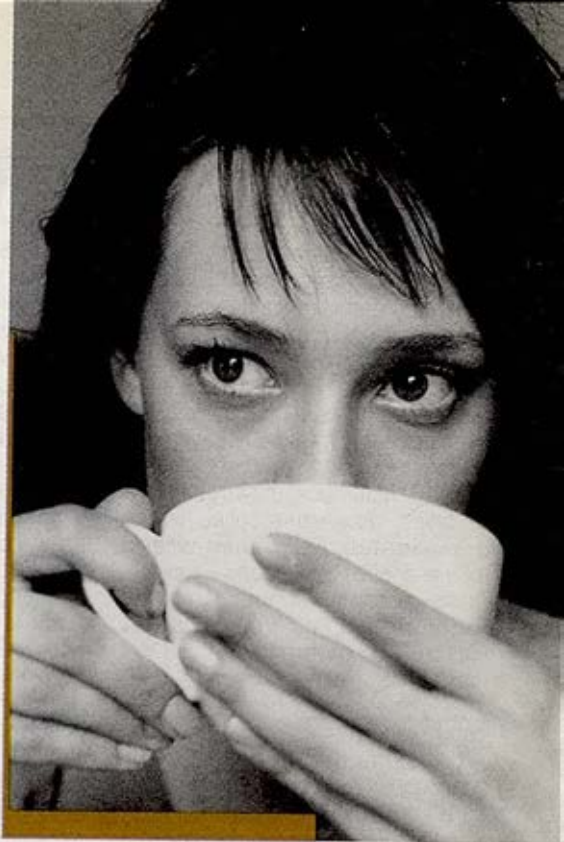
— Родилась в Назани 1 октября 1975 года. В обычной семье... Мама, папа — инженеры. У меня еще есть брат, ему сейчас шестнадцать лет, у него трудная пора, выбор направления жизни.

— А как, позвольте спросить, складывалось ваше детство? Как вы себя в нем ощущали?

— Как-то не задумывалась... Но уверена, у меня было великодушное, замечательное детство, потому что хочется туда вернуться. Я казалась себе тогда очень умной и поэтому была уверенной в себе, в правильности своего существования, бытия, что я могу

жить и понимать больше всех. Когда я маленькая смотрела фильмы, удивлялась, почему люди не могут выяснить между собой причину конфликта сразу. Зачем тратить полтора часа экранного времени на то, что и так очевидно. А вообще, с одной стороны, я была очень тихой девочкой, потому что любила заоем читать книжки, все подряд, что находила, вплоть до учебников, по которым учился еще папа. Например, по высшей математике. Сам процесс чтения доставлял удовольствие. Помню, прочитала даже все собрание сочинений Мамина-Сибиряка. С другой стороны — во дворе водилась с очень разношерстной компанией взрослых ребят. Не хоте-

лось от них отставать и поэтому я вместе с ними бегала, курила и ругалась матом. Дружить с этой шпаной было интересно и со многими из них до сих пор сохранились хорошие отношения. К концу школы появилась уже другая компания, студенты университета, преимущественно математики. Дело в том, что с девятого по одиннадцатый класс я училась в физико-математической школе. У меня была конкретная цель — хотела стать аудитором.

— Что, так хотелось проверять, контролировать?

— Нет, они не контролируют. Помогают, а иногда советуют, как обойти закон. Мне казалось, что в этом есть некая романтика, не говоря уже о моде, многие тогда

стремились поступить в финансовый институт.

— Мечтали о богатстве?

— Материальное благополучие — вещь весьма немаловажная. Мне хотелось родить ребеночка и баловать его. Эта мысль окрепла к концу школы. Во времена моего детства в магазинах Казани была только консервированная морская капуста, конфеты выдавались в заказах раз в месяц. А между тем, кто-то имел все. Наша семья жила очень скромно.

— Так что же произошло после физико-математической школы?

— Я выбрала финансовый институт, куда поступила автоматом, так как на выпускных экзаменах в школе получила пять по высшей математике. На самом деле учи-

лась я средне. Но математику обо- жала. У нас был потрясающий пре- подаватель, Александр Николае- вич, — умный, жесткий, абсолютно влюбленный в свое дело.

— Он вам нравился?

— Я об этом тогда не думала.

— Разве в детстве вы не влюб- лялись?

— Конечно. Причем сразу в че- ловек десять. В школе, во дворе и так далее. Этими позитивные влюбленности, заставляющие со- вершенствоваться, думать, как я выгляжу, что и как говорю, читаю, о чем мечтаю. Среди моих увлече- ний оказался даже один голник. Однажды он пригласил меня на та- нец и сказал, что мои глаза как вилки. Это потрясло меня... В на- ком-то поэтическом смысле.

— Итак, вы поступили в финан- совый институт...

— После месяца учебы в фи- нансовом институте решила посту- пать в театральный. Вариант с ин- ститутом культуры был отмечен сразу, так как, по мнению мамы, вел к дилетантству. Поступила в Казанское театральное училище. Опоздала, но меня взяли.

— С чем поназывались?

— Я читала стихи Олега Даля. Мне они нравились своей антило- гичностью и обнаженностью. Там я проучилась год. А потом наши мас- тера, которые вели курс, сказали, что я должна учиться в Москве. По их мнению, у меня есть шанс посту- пать в ГИТИС. Поехала. Опять чи- тала стихи Олега Даля, и меня опять взяли. Занятия проходили в очень жестком режиме. Первая лекция начиналась в девять утра, а заканчивались занятия к часу но- чи. Уставали мы страшно, посколь- ку выходных практически не было. Так прошло четыре года.

— Какие приглашения были за это время?

— В конце первого курса меня взяли в первую линию кордебале- та в РАМТ — Российский академич- еский молодежный театр, — в "Детский сон с продолжением". Я чувствовала себя на седьмом не- бе от счастья, хотя всего-то толь- ко танцы без слов. В этом спекта- кле протанцевала до окончания института и еще год после. На втором курсе сыграла роль Пятни- цы в "Приключениях Робинзона Крузо" в театре "Луны" у Прохано- ва. А потом, там же, Пеппи Длин- ныйчулок. На третьем курсе, пройдя кастинг, попала в фильм Вадима Абдрашитова "Время тан- цора". Вот тут я поняла, что мож- но быть актрисой и неплохо зара- батывать. А роль Натшки, — фрон- товой санитарки, стала просто по- дарным судьбы. Точнее попадания в мою природу у меня пока не бы- ло. На четвертом курсе Валера То- доровский пригласил меня в "Страну глухих". После этого филь- ма я как бы оказалась в статусе восходящей звезды и, вроде бы, в нем так и нахожусь.

— Следующая ваша работа в кино — "Лунный папа"?

— Мне пришлось побороться за эту роль. Долго упрашивала ре- жиссера Бахтияра Худойназарова взять меня. Он не хотел, — дес- нать, ростом не вышла, пропорции неправильные. А я уже влюбилась в роль, в сценарий, в музыку, в эс- низы денораций и поняла, что мне обязательно нужно участвовать в проенте, потому что это настоящее искусство. После пробы меня все- тани утвердили и мы уехали в Тад- жикистан. И пробыли там девять месяцев.

— У вас есть авторитеты?

— Главный авторитет — мой внутренний слух. Хотя прислушиваюсь ко всем. Часто соглашаюсь и часто нет. Каждый человек идет своим путем, живет собственной жизнью.

— Отстаиваете свою точку зрения?

— Обязательно. Бывает, сдаю позиции, но тогда не принимаю участия в проекте.

— Работа в "Луном папе" стала исключением? Ведь вы так хотели сниматься в этом фильме.

— С моей стороны не все было безоговорочно. С Худойназаровым у меня возникали серьезные эксцессы. Когда наши представления о сцене не совпадали, дело доходило до драки.

— А как вы попали в антрепризы Леонида Трушкина?

— Смешно получилось. Антриса Ольга Волкова, мама моего мужа, уже работала у него. Однажды она привела меня к Трушкину попробоваться в одной из ролей в спектакле "Поза эмигранта". А Леонид Григорьевич ненавидит любые формы протектирования и поэтому отодвинул меня в сторону, даже не посмотрев. Когда "Страна глухих" вышла

Свенцовь всегда поможет.

в прокат, Трушкин увидел меня... В то время он искал молодую артистку для ввода. Меня и пригласили. Так я попала в состав "Позы эмигранта". А спустя некоторое время стала играть и в "Чествований".

— Таким образом, где вы заняты на сегодняшний день?

— В двух антрепризах Леонида Трушнина, в театре "Современник" в спектаклях "Три товарища" и "Три сестры", в РАМТ играю Анну Франк в пьесе "Дневник Анны Франк". Этот спектакль посвящен памяти трагически погибшего в прошлом году нашего друга Жени Дворжецкого. Ну, и еще в одной антрепризе, — "Сильвии", поставленной Петером Штайном.

— А как возник в вашей жизни "Современник"?

— Когда я приехала из Таджикистана, мне сказали, что меня ищет Волчек на роль Пат в "Трех товарищах". На первой же нашей встрече Галина Борисовна сказала, что я буду играть премьеру. А я ей: "Вы же не знаете, каная я артистка". А она в ответ: "Это не важно... Мне нужна именно такая героиня". Оназывается, Галина Борисовна видела меня в программе "Взгляд", в которой мы с Любимовым и Бодровым разговаривали на всякие отвлеченные темы. В частности, обсуждали человека, который объехал земной шар на велосипеде.

— В "Трех сестрах" вы играете младшую сестру Ирину. Как относитесь к этому типану?

— Я ее люблю насколько могу. Она равнодушна к людям и в результате получает по заслугам. Но я не играю Ирину как отрицательную героиню.

— А сами себя вы как оцениваете? Вы эгоцентристка, эгоистка?

— По-настоящему я — эгоистка. Но очень ответственная. Если беру ответственность за другого человека или если дружу с кем-то, то мой эгоизм находится в конфликте с моими обязательствами перед

этими людьми. Поэтому не могу сказать, что у меня жертвенный характер. Человек должен любить себя, но отдавать отчет о пропорциях. Да, я люблю и уважаю свое эго, но, может быть, и называю себя больше, чем кто-либо другой. Я чувствую ответственность за сам факт своего рождения, за то, как меня воспитали родители, за то, что я хожу, живу, дышу. Нужно все это обрабатывать.

— Свою работу в "Современнике", постановки, в которых вы заняты, можете как-то оценить?

— Ну как может морнов в супе оценить его вкус? Я получаю удовольствие от игры. Это для меня важно. Как только ЭТО пройдет, я перестану ЭТО играть.

— Интересно. Вы что, уйдете из театра?

— Нет. Подойду к режиссеру и скажу: "Заменяйте".

— Леонид Трушнин считает, что гостеатр, имеющий постоянную труппу антеров, — дело неблагоприятное, рискованное и тяжелое, потому что в труппе всегда будут интриги, закулисная возня, зависть, сплетни, ревность и прочие издержки коллективной творческой жизни. Удастся ли вам избежать этой грустной специфики?

— Пока удается, потому что я не причисляю себя к труппе театра "Современник". Я так нагло говорю, потому что согласна с Трушным. Бывают редкие исключения. Например, хочется верить, это мастерская Петра Фоменко. Там работают ребята, которые на самом деле живут одной семьей. И происходит все у них как-то само собой, очень органично. В других труппах, как правило, этого нет. Людей принудительно засовывают в ситуацию общенития. И в этом смысле ант-

реприза мне нравится больше. Здесь всегда сохраняются хорошие отношения, члены команды успевают соснуться друг по другу. А театр "Современник" люблю, потому что у меня в нем два спектакля, а не десять, и я не сижу в нем с утра до вечера, а дышу и этим воздухом, и тем. Хотя я легкий человек, не напризная, не вздорная, ссориться не люблю. Очень быстро забываю обиды. Бывают, правда, такие обиды, которые помнишь всю жизнь. Но мстить не буду никогда. Просто оберегать стану себя от этого человека. Меня можно спровоцировать на вспышку ярости, гнева. Но это не моя природа и я буду сожалеть...

— По-моему, вы назвали шокирующую вещь по поводу того, что не считаете себя актрисой театра "Современник"?

— В том смысле, что не принадлежу труппе, — да. Вообще не хочу кому-либо принадлежать. Я имею в виду искусство, творчество. Мне кажется, театр с постоянной труппой — умирающий институт. В недалеком будущем, если и останутся гостеатры, то не более двух-трех. Остальные не выдержат конкуренции. Я в этом уверена. Антреприза за неудачу платит потерей зрителей, потерей денег и исчезает, как тановая. А гостеатр ничем не платит. Антреприза может исчезнуть, а гостеатр как стоял, так и стоять будет за счет государства. Поэтому антрепризе выгодно делать только хорошие спектакли, а гостеатру — безразлично. В "Современнике" я служу. Там лежит моя трудовая книжка. В молодом театре работаю по контракту и получаю деньги за конкретный спектакль — сто рублей. То, что я зарабатываю в трех антре-

призных спектаклях, дает возможность играть в гостеатрах.

— И какие же доходы?

— На это можно прожить месяц. При том, что я не хожу в рестораны, принципиально не одеваюсь в салонах и бутиках. Все уходит на текущие потребности.

— У вас хорошая машина...

— Да, хорошая, — "Пежо-206".

Купила по случаю с 50-процентной скидкой. Была новая и красивая, а сейчас уже битая. Какая хозяйка — такая и машина. Если у меня синяки, и после каждого спектакля я получаю пару новых, то почему моя машина должна оставаться целой?

— Вы производите впечатление человека гордого, независимого, самостоятельного. А в быту хочется, чтобы вами руководили, вели по жизни?

— Очень хочется. Вот в быту — да. Чтобы меня кто-нибудь будил с утра. Заставлял идти в бассейн. Мне нужен тренер с хронометром.

— А как же муж?

— Муж? Нет. Я хочу сохранить для себя любимого, а не шефа.

— Сами не пытаетесь нем-либо руководить?

— В данный момент пытаюсь руководить младшим братом, но очень-то получается.

— Чулпан, скажите напоследок, в каких жанрах вам бы хотелось себя попробовать?

— Мне хотелось бы сыграть в чем-то полярном. В хорошей комедии, настоящей, стильной, если уж человек начал смеяться, то чтобы доходило до мышечных спазмов. И в высокой трагедии с большим драматическим диапазоном. Я очень жду таких ролей. ■

Беседовал
Юрий ПЕТЕЛИН.

Небольшое помещение — приемный покой райбольницы — было насквозь пропитано запахом дезинфекции, казенного дома, боли и страха. Баба Мотя, вечно поддатая санитарка, ворча под нос, протирала мокрой тряпкой битый кафельный пол.

Только что сюда привезли двоих с поножовщины. Один вроде как ничего, а второму полоснули по артерии. Страх как крови налил, и в машине, и здесь. Вообще чудом довели.

Баба Мотя с уважением посмотрела на Ивана Семеновича. Несмотря на его молодость, она даже в мыслях называла доктора только по имени-отчеству. Чего-чего, а мозгов баба

СПАСАЮЩИЙ, КОГО ЛЮБИШЬ...

Иосиф ГОЛЬМАН

Мотя пока не пропила. Квартиру — да, а мозгов — нет. И уж она-то за сорок лет в медицине всегда сумеет отличить настоящего хирурга от бесцветного обладателя диплома.

Баба Мотя кряхтя домыла пол — швабру не признавала. Последний раз выжала тряпку и с трудом разогнулась. Стояв минутку для восстановления равновесия, вымыла руки над плохо покрашенной жестяной раковиной.

Иван Семенович дописывал историю болезни. У них всегда так: артерию зашить быстрее, чем потом отписаться. Правда, и то, и другое — важно. Там спасают больного, здесь — себя. Баба Мотя понимает в этой жизни гораздо больше, чем кому-то может показаться.

— Иван Семеныч, а с этим красавцем что делать будем? — наконец решила она прервать его занятие.

“Красавец” лежал на каталке уже больше часа, не обращая на себя никакого внимания. Его привезли в самый разгар суматохи. И отложили, поскольку помощь ему уже не требовалась. Даже лица не закрыли из-за суеты с ранеными.

Он и в самом деле был красив: высок, строен, хорошо одет. И возраст еще боевой, хоть и постарше доктора будет. Вот разве что не дышит.

“Наверняка какой-нибудь дипломат или буржуй”, — подумала про покойника баба Мотя. Буржуй — это так, для определенности. Баба Мотя не против буржуев. Ей нравится, когда кто-то живет красиво и богато. Несмотря на то, что у нее самой так не получилось.

Иван Семенович оторвался от писанины. В зарубежных фильмах он видел, как врачи надиктовывают тексты прямо в компьютер. А здесь приходится мозолить пальцы ручкой вместо скальпеля.

— А чего с ним делать, баб Моть, — рассудительно сказал он. — Бери Наташку и — в морг. Неопознанное лицо с переломом шейных позвонков. Завтра милиция им займется.

— Думаешь, убили его? — поинтересовалась санитарка.

— Не думаю, — ответил доктор. — Больше похоже на травму. — И вновь углубился в историю болезни.

Баба Мотя вздохнула, еще раз пошарила по карманам покойника. Ни бумажника, ни визиток, ничего. Бедные родственники, даже знать не будут. У нас ведь долго не церемонятся. Раз — и оприходуют в братской могилке. Потом ищи-свищи.

— Наташка! — неожиданным басом проорала она.

Иван Семенович вздрогнул:

— Баба Моть, я ж просил при мне так не кричать.

— Извини, — смутилась санитарка. — Устала искать эту шалаву.

Эта шалава прибежала сама. Веселая, молодая, с озорными глазами и размазанной на губах помадой.

— Опять с больным дежурила? — без особой, впрочем, строгости поинтересовалась санитарка.

— Во-первых, ты мне не начальница, — тоже беззлобно, скорей даже весело, огрызнулась медсестра. — А во-вторых, раз Иван Семенович на меня внимания не обращает, значит, я свободна. Так, Иван Семенович?

Иван Семенович вдруг взял и покраснел. Ни шесть лет медвуза, ни три года в экстренной хирургии не избавили его от этой несовременной привычки. Наташка довольно расхохоталась. В отличие от санитарки, она не испытывала к доктору особенного пиетета. Так, легкую симпатию, никак практически не закрепленную.

— Шалава ты, Наташка, — заступилась за доктора баба Мотя. — Бери перчатки, пошли мужичка свезем. — Она кивнула на тело на каталке.

— Баба Моть, может, без меня, а? — сразу сникла девчонка. Живых больных она любила. Покойников — нет.

— Не выйдет без тебя. Некому, — отрезала санитарка.

Наташка вздохнула и поплелась за перчатками.

Через пять минут не слишком скорбная процессия двинулась в путь. Баба Мотя толкала каталку сзади. Так ничем и не накрытая, красивая голова покойного была прямо перед ее глазами. Старухе стало не по себе.

— Ты уж это, не обижайся там, — пробормотала она. — Всех жалко, и тебя тоже. Да ничего не поделаешь.

— Бабка, ты совсем с ума спятила, что ли? — обернулась Наташка. — Уже с покойником разговариваешь!

— Иди, иди. Крути задом! — отбрехала санитарка.

— Завидуешь? — засмеялась сестра. — Небось, сама-то успела покрутить?

В морге уже никого не было. Санитарка большим ключом открыла двустворчатую железную дверь. Они вкатили каталку в помещение и из солнечного дня сразу попали в сумеречный полумрак. В еле горевшей лампочке даже нить была видна. Все места на лежаках были заняты. День “урожайный”. Здесь и бабушка-хроник из планового отделения, и утренний сбитый, и сердечник из кардиологии. Плюс вчерашние. Все, как положено, с номерами. Подбородки подвязаны.

— Куда ж тебя положить-то, прости Господи... — задумалась старуха.

В этот момент хрюкнула, заработав, холодильная машина. Вобрала в себя весь ток, и лампочка, и без того еле тлевшая, во все погасла.

— Баб Моть! — заверещала Наташка.

— Здесь я, не ори, шалава! — своеобразно успокоила опытная санитарка. — Лампочка, мигнув, снова вспыхнула. — Придется на пол ложить, — наконец приняла решение старуха.

— Он смотрит!!! — теперь уже по-настоящему заорала Наташка.

— Кто смотрит? — не поняла баба Мотя и посмотрела на покойника.

А он смотрел на нее.

Ожившего покойника положили в “блатную” палату. Маленькую, всего на две койки, рядом с ординаторской, чтобы успеть прибежать по первому зову. На стенках над койками — работающие кнопки вызова, давно срезанные в палатах общих. Чтоб не беспокоили. Все равно младшего персонала не хватает. Ну, и чего названивать?

Здесь лежали родственники врачей, местное начальство. В последнее время — так называемые коммерческие больные. Сейчас вторую койку занимал Леонид, журналист, нервный, но веселый. В общем-то, неплохой мужичок лет за сорок. Не родст-

венник и не “коммерческий”. Скорее — свой. Его здесь знали и любили, он не раз писал о самоотверженной работе хирургов экстренного отделения. Язык у него был хороший. И под пером Леонида обычные больничные будни становились чем-то похожими на знаменитый американский сериал.

Лечился он от болей в животе. Точнее, не столько от болей, сколько от страхов. Болезнь третьего курса. Все болезни, о которых писал, находил у себя. А поскольку совсем здоровых людей не бывает, то, накручивая на реальные болячки еще и мнимые, раз или два в год ложился на пару недель подлечиться. Ему спокойнее, а персоналу веселее: Леонид знал не одну сотню анекдотов и умел найти подход к сердцам медсестер.

А на второй койке, соответственно, лежал едва не списанный мужчина. Снова без сознания, но состояние, по словам врачей, стабилизировалось. Травмированный по-прежнему был безымянным, несмотря на то, что поцпи вторые сутки после его поступления. Приходили опера, щелкнули “Поляроидом”, но сказали, что пока его никто не ищет. На том и расстались.

...Иван Семенович в который раз разглядывал рентгенограммы. Он их и в кабинете смотрел, на просмотровом столе. И с рентгенологом долго беседовал. Теперь вот в палате, рядом с койкой пострадавшего.

Иван Семенович чувствовал себя неуютно. Это не он вчера осматривал больного и подписывал заключение о смерти. Но он дал команду везти живого человека в морг. И это накладывало на него некие обязательства, правда, самому ему пока не ясные. Их просто как-то невидимо связало. Вот и ходит сюда по десять раз на дню. И наблюдает одну и ту же совершенно безрадостную картину.

Жизненные показатели в норме, состояние стабильное. Сознания нет. И неизвестно, будет ли. Зато известно, что ходить, — да что там ходить — шевелиться даже! — этот больной не будет никогда.

Иван Семенович осуждающе глянул на еле видную полосочку, змеившуюся через шейный позвонок на одном из рентгеновских снимков. Именно эта сволочная полоска сделала еще молодого и сильного человека полнейшим инвалидом. А второй снимок, — затылочной части черепа, — заставил рентгенолога предположить, что дальнейшая жизнь этого человека, вполне возможно, будет чисто растительной. Впрочем, на этот счет у Ивана Семеновича было свое, более оптимистичное, мнение.

— Что, Иван Семеныч, не просыпается? — поинтересовалась баба Мотя, тоже заходившая в палату явно чаще, чем этого требовали ее служебные обязанности.

— Пока нет, — ответил доктор.

Леонид молча наблюдал происходящее со своей койки.

— А очнется?

— Думаю, да. Давление стабильное, кровь неплохая. У него просто железный организм.

— Слава Богу, что мы вчера задержались в холодильнике. Если б быстро выложили, он бы ночью от холода помер.

— Знать бы, что лучше... — задумчиво произнес доктор. И осекся: на него пристально смотрел больной.

Своим шестым медицинским чувством Иван Семенович понял, что его слова больным были услышаны и прочувствованы. И еще: они не открыли больному Америку. Если бы он мог, он бы понимающе улыбнулся. Но он не мог даже этого.

У доктора, наконец, проснулись его условные рефлексы. Он наклонился к больному:

— Вы меня слышите? Если — да, закройте глаза.

Больной послушно закрыл глаза.

— Вы можете говорить?

Глаза открыты.

— У вас что-нибудь болит?

Глаза открыты.

— Плохо тебе, милый? — совсем не по-медицински спросила баба Мотя и погладила лежащего по повязке.

...Глаза закрылись надолго.

Ольга Сергеевна шла по коридору своей знаменитой летящей походкой. Полы крахмаленного халата развевались, высокий белый колпак делал еще строже и без того холодное, хотя и очень красивое лицо.

“На этой двери поправить табличку”, — машинально отмечала она. Услышав из процедурной чересчур громкий для больницы смех, мысленно отметила в своем “гроссбухе” и это. “Опять, небось, Наташка. Никак не понимает”.

Она ровно относилась к местной возмутительнице спокойствия, но та ненавидела Ольгу Сергеевну всей своей искренней душой. В Ольге Сергеевне Наташка наблюдала все, что лично не любила. Например, Наташка не представляла, как можно провести в этих вонючих стенах столько лет жизни! Нет, она не такая дура, как баба Мотя или Ольга Сергеевна. Не все же время среди больных ей будут попадаться только неимущие кобельки. Что, конечно, тоже неплохо. Когда-то ей попадет умный богатый старик, очарованный ее молодостью и свежестью. И она честно будет за ним ухаживать, пока он не умрет. А, может, в нее влюбится и вовсе не старый человек. Ей же не только богатства хочется, а счастья. Хотя эти два понятия для малоимущих не слишком отличимы. А Наташка была откровенно малоимущим человеком, и оставаться таковым не собиралась.

Ольга Сергеевна у многих вызывала двойное чувство. Безупречно красивое лицо. Роскошные желтые волосы, правда, тщательно скрываемые под непрременным колпаком. Отличная фигура, угадываемая даже под халатом. И столько холода в глазах,

что даже признанные больничные ловеласы отказывались от попыток приручения старшей медсестры. Жертвы неудачных опытов в этом направлении даже пытались распространить слух о ее нестандартной ориентации. Но этот фокус не прошел: все, кому надо, знали, что у Ольги Сергеевны имеется дочь Санька, тринадцати лет. Такая же красивая. И такая же холодная, как ее мама. Никаких сомнений в родстве.

Ольга Сергеевна улыбнулась. Вот бы больничные сплетники узнали, откуда она сейчас пришла!

С Сашей Лордкипанидзе Ольга Сергеевна (тогда еще — просто Ольга, без отчества) появилась в больнице в один и тот же день. Строгая красавица, с отличием закончившая медучилище. И уж совсем нестрогий анестезиолог, московский в нескольких поколениях грузин, у которого от древних корней остались только горячий нрав и патетичность застольного общения. Ну и любовь к красавицам, конечно. Особенно — к недоступным.

С Ольгой его ожидал полный облом: все атаки, от лобовых до самых изощренных, закончились абсолютным провалом. Потанцевать — пожалуйста. Можно даже не на пионерской дистанции. Посмеяться над острым анекдотом — не возбраняется. Но все чуть более глубокие поползновения пресекались только Ольге свойственным способом. В ходе мягкого ползучего наступления ладони Лордкипанидзе вдруг ощущали, что имеют дело с холодильником. И поскольку секс с бытовым прибором в его планы не входил, он и сам моментально остывал.

Саша злился, обижался даже. После очередной неудачи проверял свои мужские чары на какой-нибудь другой представительнице прекрасного пола. Чтоб не заработать комплекса неполноценности. На других — срабатывало. Но — не здесь.

Каково же было его разочарование, когда где-то через полгода под Ольгиным идеально выглаженным халатиком вдруг зримо выступили очертания очень конкретной беременности. Понятное дело, не имеющей никакого отношения к бедному Лордкипанидзе.

Это просто убило горячего молодца. Такова их неприступность!

Он и злился, и проклинал задевшую его сердце девушку. Сотни раз доказывал себе и друзьям, что все они, которые в платьях — лицемерные и обманные. Но себя-то не уговоришь: Александр прекрасно понимал, что заноза в душе останется если не навсегда, то уж точно надолго.

В порядке лечения такого рода недуга он даже женился. На очень хорошей девушке, совсем не связанной с медициной. Чтоб уж ничего общего. На свадьбу позвал Ольгу. Дабы знала, что упустила. Она только недавно родила, но попросила подругу посидеть с крошкой и пришла. И в загс, и в кафе, где отмечали.

В загсе как-то все прошло ничего, спокойно. Ольга, конечно, и там была чертовски красива, но и его невеста тоже была хороша. Да еще фата придавала романтизма.

Кстати, Лордкипанидзе до свадьбы свою молодую невесту как женщину не знал. Сдержал свой темперамент. Кутить, так кутить! Но вот в кафе его дьявольские планы душевной реабилитации дали такую трещину, что и в год не замазать.

К Ольге тогда потянулись все свободные кавалеры. Каждый ее танец по-живому резал сердце ревнивого грузина. Ситуация была сумасшедшая: женился на одной, а ревновал другую.

А потом Ольга по своему обыкновению отшила всех и села в кресло, в холле. Закинула ногу на ногу, как всегда привычно и естественно выпрямив гордую спину. Великая и недоступная. “Как коммунизм”, — почему-то пришло в голову аполитичному Лордкипанидзе.

И пробило несчастного доктора по полной программе. Ну, не сможет он быть счастливым ни с кем, кроме этой Снегурочки!

Саша горько пожалел о своей спешке. Однако в силу мягкости характера (что часто бывает у громкоголосых и внешне крутых мужиков) свадьбу не прекратил: как-то неудобно перед невестой, ее и своими родителями, друзьями. А потом, что бы это дало? Разрыв с одной вовсе не означает союза с другой.

Год где-то промучился доктор. В постели обнимал свою Лену, а представлял Ольгу. Потом появился ребенок, потом — второй. И острота проблемы угасла.

Так Лордкипанидзе сам и считал. Но, когда дело касается сердечных дел, считать можно долго, да все равно просчитаешься.

Душа загорелась по-новому где-то с год назад. Дети подросли. В карьере Лордкипанидзе обогнал многих однокурсников. В тридцать пять — главврач. Как специалист звезд с неба не хватал. Но организатором оказался, как говорится, от Бога. При нем больница ожила. Появились спонсоры, пошли деньги от “коммерческих” больных. Изменился не только внешний вид здания, но и набор диагностической аппаратуры, и зарплата персонала. Медицина никогда не была в первых рядах по этому показателю, но, во-первых, деньги всегда выдавались без задержек, а во-вторых, почти все получали существенные доплаты к бюджетным зарплатам. В этой связи Лордкипанидзе прощали и безапелляционность высказываний на совещаниях, и многочисленные романы с симпатичными сотрудницами, и даже личный здоровенный джип, который на его зарплату, пусть и с добавками, купить было невозможно. Завидовать — завидовали, но в “органы” не стучали: и сам живет, и другим дает.

“Беда” пришла, откуда не ждали. Главврач, как когда-то, снова влюбился в Ольгу Сергеевну, ныне — старшую медсестру той же больницы. Даже амуры свои забросил. И возобновил попытки. Да еще с удвоенной силой, решив, что все надо довести до

конца: либо понять, что не так ему это и надо, либо — вплоть до развода и женитьбы на своей единственной.

Ольга Сергеевна даже шаг замедлила, вспомнив, чем занималась полчаса назад. В очередной раз зашла в кабинет главврача. В очередной раз он приобнял ее, как бы проверяя реакции. Если отстранится — значит, просто радушно встречал. А если... Хотя на второе “если” Лордкипанидзе, откровенно говоря, не рассчитывал. Так, по привычке. Все, как в предыдущие сотни раз.

А Ольга Сергеевна вдруг вздохнула, развернулась к двери и повернула торчащий в замке ключ. После чего сама сняла свой иссиня-белый халатик. И колпак тоже.

Как и у многих советских медичек, в жаркое время года — кондиционеров же нет! — под халатиком у нее имелись только трусики. Каковые Ольга Сергеевна аккуратнейшим образом сняла и положила на стульчик. Лордкипанидзе так и стоял с раскрытым ртом.

— Раздумал, Лорд? — поинтересовалась Ольга Сергеевна.

Главврач встрепнулся и разделся с такой скоростью, как будто одежда на нем горела.

На этом все попервоначалу и закончилось. Нельзя слишком долго чего-то хотеть и не получать. Когда оно, наконец, приходит, то уже может не понадобиться.

Правда, в этот раз все вышло не столь печально. С помощью провидения, а также — немножко — Ольги Сергеевны влюбленный главврач сумел-таки выполнить основное желание значительного куска своей жизни.

Потом он, счастливый, курил: любовь после достигнутого во все не прошла. Просто Ольга Сергеевна, кроме обожаемой, стала еще и родной.

Ольга тоже была довольна: удовольствие — среднее, однако никакого ощущения грязи она не испытала. И дело не только в шикарной душевой, которую главврач отгрохал себе за кабинетом (где, кстати, и кондиционер был). А в том, что она ощутила некое его право на нее: уж больно долгоиграющая была любовь.

“И чего я его мучила?” — размышляла Ольга Сергеевна. Монахиней она точно не была. Но все ее связи были целенаправленно случайными. Не в традиционном пошловатом смысле. А в том, что она целенаправленно не хотела продолжения с теми, кого не любила. Так, нормальные человеческие инстинкты. Их нельзя игнорировать. Но им нельзя потакать. “Бедненький, — опять пожалела она Лорда. — Все-таки я неблагодарная. Сколько он для меня и Сашки сделал. Одна квартира чего стоит. Век бы на двоих не получила. Надо было раньше мужика осчастливить”.

Вот за такими раздумьями она проделала большую часть пути, конечной целью которой была палата №28. Именно там лежал “мертвец”, спасенный из морга бабой Мотей. И хорошо, что это сделала именно баба Мотя. Других пьющих Ольга вышвыри-

вала недрогнувшей рукой. Но баба Мотя была случаем особым. Она и в самом деле любила больных. Да к тому же и в пьяном виде делала свое нехитрое, но абсолютно необходимое дело точно и аккуратно. Так что уж пусть работает.

...А в палате №28 Иван Семенович мучительно соображал, что бы еще сказать больному, чтобы сгладить впечатление от своей неприличной для врача фразы. Как у него с этим больным все коряво получается... Может, помочь найти его родственников? Но как? Больной же не говорит. А закрыванием глаз адрес не назовешь...

В эту секунду и открыла дверь Ольга Сергеевна.

Молодой врач искренне уважал старшую медсестру, на которой многое держалось в этой больнице. Поэтому счел возможным посоветоваться с замершей на пороге женщиной:

— Не соображу, как узнать его фамилию и адрес, Ольга Сергеевна.

— Адреса — не знаю, а зовут — Андрей Бестужев.

— С чего вы взяли? — вырвалось у ошарашенного доктора.

— Знаю, — ответила Ольга Сергеевна. Развернулась и быстро вышла.

Она никогда не была румяной. Но ее нынешняя бледность бросилась в глаза не только Ивану Семеновичу.

Один лишь парализованный больной оставался ко всему безучастным. Узнал ли он старшую сестру? Точного ответа не знал никто: больной плотно сомкнул веки. Но Иван Семенович склонился к тому, что — узнал. И что в мозгу несчастного сейчас идет тяжелейшая работа: ведь мозг его, в отличие от тела, парализован не был.

Андрей даже вспомнить толком не мог, как все произошло. Слишком уж прозаично, буднично для момента, изменившего жизнь. Точнее, погубившего ее.

Командировка уже закончилась. Да она и не могла быть долгой. Если б не заводик, несмотря на небольшой размер, монополизовавший поставки хитрого металла, необходимого атомщикам, он бы и не знал о существовании этого городишки. Не так уж далеко от Москвы, — два часа езды, — а, кажется, другая страна. Даже речь другая: русская, конечно, но не московская.

Андрей вышел из уютной заводской гостиницы и, отказавшись от любезно предложенного автомобиля, пошел пешочком к вокзалу. Отчего-то захотелось, как в давние годы, прокатиться в Москву на электричке, благо, жил прямо у вокзала.

На самом деле, он знал — отчего. Андрей всегда был суеверным. Перебегала дорогу кошка черная — останавливался, ждал, пока кто-нибудь пересечет невидимую черту первым. Сам над собой посмеивался. Но — ждал.

А здесь было похуже кошки. В его служебную машину, на которой собирался ехать в командировку, буквально за час до выезда въехал грузовик с вдребодан пьяным водителем. "Лексус" — в капитальный ремонт. Своя машина, всегда безотказная, — не завелась. На "счастье" (если б знать наперед...) позвонили заводчане, прибывшие в столицу по своим делам, и, возвращаясь, прихватили Андрея с собой. Из-за суеты забыл на столе в кабинете "визитку" с документами. Ребята еще посмеялись: охрана не пустит. Так оно десять лет назад и было бы.

По дороге — очередной знак: лишь чудом избежав лобового столкновения с идиотом, выскочившим на встречу, оказались в кювете. Без травм и серьезных повреждений, но на боку.

Этих приключений полностью хватило Андрею, чтобы утвердиться в намерении вернуться домой на электропоезде. По крайней мере, электрички не обгоняют друг друга по встречной колее.

На пути к вокзалу увидел магазин "Культтовары". Крыльцо с обшарпанными ступеньками, побитыми на краях так, что арматура вылезала. Старая поблекшая вывеска, золотыми буквами по синему растрескавшемуся фону.

Появляло чем-то хорошо забытым. То ли студенческими практиками в маленьких удаленных городках, то ли еще более ранними детскими впечатлениями, когда прилипал носом к витрине с фотоаппаратами и долго, несмотря на мамины увещевания, не мог от них отойти.

Зашел, благо до электрички время было. В магазине он оказался единственным посетителем. В углу скучала толстая непричесанная продавщица. На пыльных витринах — обычный "колоннальный" набор. Японская аудиотехника из Малайзии, китайские игрушки. Лучше бы не заходил. Хотя чего бы он мог ожидать другого?

Вышел на улицу раздраженный. Сбежал по ступенькам. Да неловко: задел модным башмаком за торчавшую арматуру. На лету перевернулся и ударился спиной о неровный, в выбоинах асфальт. А головой, затылком, — о выпирающий край бордюрного камня. Вот, собственно, и все.

Сознание потерял не сразу. Слышал, как захохотал придурковатый подросток. Понятное дело, смешно мужик навернулся.

Потом пацан понял, что дело худо, и на всякий случай ретировался.

Прохожих не было никого: заводик работал в одну смену, и его вредные цеха поглощали чуть ли не всех жителей поголовно.

Андрей лежал на спине, не чувствуя боли. Тела он тоже не чувствовал. Крикнуть не мог. Позвать на помощь не мог. Прямо перед глазами плыла вывеска с ненавистным словом "Культтовары". Покой пустых улиц не нарушали ни машины, ни прохожие. Лишь молодая мама быстренько прокатила коляску мимо так рано набравшегося мужчинки и удалилась, опасливо озираясь.

“Вот здесь я и умру”, — очень спокойно подумал Андрей. Но не умер, а только потерял сознание.

Леонид и Бестужев остались в палате одни.

Леонид с интересом и страхом наблюдал за парализованным. Со страхом — потому что страшно было представить в таком положении себя самого. С интересом — потому что базовый инстинкт журналиста — наблюдать и рассказывать. Сейчас он наблюдал, но уже предвкушал удовольствие от рассказа. Что ж поделать, что рассказ будет страшным.

Леонид подошел к сокоешнику, поправил сползшую простынку.

— Ты не переживай пока, мужик, — утешил он Андрея. — Никто не знает, как дальше пойдет. Илья Муромец тоже долго лежал... — Шутка вышла неудачной. Просто Леонид закомплексовал, устыдившись своего журналистского цинизма.

Андрей благодарно моргнул веками. Приступы тупого безразличия сменялись отчаянием. Да еще ни одного родного человека вокруг. Да что там родного — знакомого. В полубреду мелькнуло лицо девчонки, которую любил. Страшно сказать, сколько лет назад. Даже имя забыл. Мелькнуло — и исчезло. Как когда-то.

Леонид сел на стул рядом с Бестужевым.

— Слушай, ты, в самом деле, не отчаивайся. Сейчас и операции на позвоночнике делают, и нервы вживляют. — Он что-то слышал об этих операциях, точно не зная, о чем шла речь. Но сейчас ему приятнее было думать, что он говорит Андрею правду. Нормальному человеку тяжело переживать отчаяние находящегося рядом.

Они помолчали. Точнее, помолчал Леонид. Молчание Андрея было невременным.

— Слушай! — внезапно осенило журналиста. — А я ведь тебя сейчас разговаривать научу!

Он сорвался с места, сбегал на пост к медсестрам, взял у них большой лист старого ватмана с уже отмененным графиком дежурств, а также фломастер с широким “жалом”. Галантно сказав “мерси” и не забыв погладить веселую медсестру по обтянутой халатиком выпуклой попе, Леонид поспешил в палату.

— Сейчас будем с тобой болтать, — объявил он с порога. Как и многие журналисты, он тоже слегка преувеличил. Но смысл передал точно.

Леонид нарисовал толстым фломастером все тридцать три буквы алфавита и сел перед Бестужевым.

— Смотри, старичок. Я буду медленно вести пальцем по буквам и смотреть на тебя. У той буквы, которая тебе нужна, ты закрываешь глаза. Я уточняю, по букве слева и справа, и, убедившись, записываю твою.

Вот теперь Бестужеву стало тошно. Если остаток жизни придется разговаривать таким образом... Похоже, прав был Иван

Семенович, усомнившись в целесообразности его возвращения из морга.

Но Леонида уже было не остановить.

— Начали! — Его толстый сосискообразный палец пополз по буквенному ряду.

Первую, “П”, угадали с третьей попытки — палец проскакивал. Вторую, “О”, со второй. А далее, наловчившись, Леонид ловко выплевывал букву за буквой.

“П-О-Ш-Е-Л-Т-Ы-Н-А-Х” — записывал довольный своей образительностью журналист. Еще бы! Он вернул бедняге возможность общаться! Потому не сразу понял сообщение. Сообразив, не стал дописывать до конца, а радостно заржал:

— Молодец, Андрей! Если способен посылать, значит поправишься!

Даже Бестужев улыбнулся. Не губами — губы не слушались. Глазами. Может, и в самом деле поправится? Раз сразу не помер? Ведь для чего-то Бог его сохранил? И тогда, на асфальте. И позже, в морге.

И в этот момент в палату вошла она. В памяти всплыло забытое, казалось, имя. Ольга, Оленька.

— Ну, здравствуй, Андрюша, — поздоровалась Ольга Сергеевна.

— “Здравствуй, Оля”, — молча ответил тот.

— Я присяду. — Она аккуратно подобрала халат и села на край его койки с проложенным вместо матраса деревянным щитом.

Леонид внимательно наблюдал за происходящим. Здесь явно таился сюжет.

— Лень, а ты у нас ходячий? — поинтересовалась старшая медсестра.

— Намек понял. — Леонид спустил ноги в тапки и направился к двери. По дороге искоса посмотрел на сидящую Ольгу и с сожалением подумал: “Да, это не Наташка. Эту по попке на ходу не погладишь”.

Но лучше синица в руках, чем Ольга Сергеевна на Олимпе. Утешив себя таким образом, Леонид направился на сестринский пост помогать девочкам коротать время дежурства.

— Ленья тебя не напрягает? — спросила Ольга Сергеевна. — Вообще-то, он добрый малый. Мы его любим. Но, если захочешь, переведем тебя в отдельную палату. — Она успела привести себя в форму, и ее вид ничем не отличался от обычного.

Андрей вслух ответить не мог, но его ответы на простые вопросы Ольга понимала даже без помощи изобретенного Леонидом “букваря”. Единение душ, наверное.

Она поговорила с ним еще немного. Андрей волновался и взглядом показывал на “букварь”. Ольга взяла ватман и фломастер.

“Я-П-О-П-Р-А-В-Л-Ю-С-Ь”, — записала указанные им буквы. Потом внимательно посмотрела на него и дописала знак. Вопросительный.

— Не знаю, Андрюша. Травма очень тяжелая. Но самого страшного удалось избежать.

Андрей умудрился усмехнуться глазами. Это смотря с чьей колокольни глядеть. Если бы он стал животным, окружающим было бы тяжелее. А лежать в его положении с ясным сознанием — лучше?

— К-А-К-О-В-Ы-Ш-А-Н-С-Ы?.

— По моему опыту, шансы есть, — солгала Ольга.

— Н-И-К-О-Г-Д-А-М-Н-Е-Н-Е-В-Р-И, — рассердился Андрей, внимательно следивший за ее глазами. Врать она так и не научилась.

— Малые шансы. Ты же сам знаешь. Зачем спрашиваешь? — И, помолчав, добавила: — Но не нулевые. Уже звонили с нашего завода. И с твоей работы тоже. Завтра сюда привезут всех лучших специалистов-спинальников. Ты оказался большой шишкой, Андрюша.

Она нашла правильные слова. Мужчине, даже с перебитой шеей и раздробленным затылком, приятно быть крутым в глазах женщины.

Они посидели молча.

— Значит, ты вернулся ко мне, Андрюша. Видит Бог, я не просила у него такого твоего возвращения. Но ты должен знать: я рада. Не твоему несчастью, а тому, что ты со мной. Я час проревела в ординаторской. По мне не видно? — очень по-женски вдруг встревожилась она.

“Нет”, — глазами ответил Бестужев. Звук ее голоса успокаивал и расслаблял. Сразу исчезло ощущение одиночества. Он теперь не один. Неизвестно, что будет дальше, но когда не один, не так страшно.

— Мы будем вытаскивать тебя, Андрюша. Потерпи, пожалуйста. Постарайся помочь себе. И еще знай: ты мне не в тягость. И твоей дочери тоже.

“Какой дочери?” — вскинул взгляд Бестужев.

— Твоей дочери, Саньке. Ей тринадцать, и у нее твой характер. Самостоятельный, колючий и добрый. — Ольга Сергеевна намеренно разбрасывала “якоря”, которые должны удержать в Андрее интерес к жизни. Она слишком часто видела, что происходит с тяжелыми спинальниками, утратившими смысл существования, и была намерена побороться за своего Бестужева, так внезапно к ней вернувшегося.

Андрей закрыл глаза. Новость, — а в ее достоверности он не сомневался ни секунды, — надо было переварить.

Ольга Сергеевна смотрела на Бестужева и понимала, что жизнь ее опять круто переменялась. Еще она понимала, что недолго. Но и за это “недолго” была благодарна.

— А помнишь тот июль? — спросила Ольга, подняла безвольную ладонь Андрея и прижала ее к своей щеке. Потом приблизила к его лицу свою правую руку: — А это помнишь? — На безымянном пальце сверкал алмазными гранями перстенок. Камень и был бриллиантом, только маленьким. Но для Ольги он был дороже любого большого.

Еще бы Андрей не помнил!

Как только в памяти всплыло имя — Ольга, так все и вспомнил. И как будто не забывал. А ведь забывал! Хотя, прощаясь тогда у электрички (опять электричка!), был искренне уверен, что растается на полдня. Чтобы потом уже не расставаться вообще.

...Тот июль был прекрасен! За плечами защита диплома — вот он, новенький, в кармане новенького же, стального цвета пиджака. Лишних денег у Андрея никогда не было, но на импортный костюм не поспешил: на него ушла почти половина заработанного в стройотрядах. А как иначе, когда тебя ожидает прекрасная дипломатическая карьера? В том, что она будет прекрасной, Андрей не сомневался ни на миг.

Сам поступил в МГИМО. Без блата, без репетиторов и папы-посла. Папа у него — водитель. Что не мешает Андрею относиться к нему с обожанием. Вот с чем повезло, так это с родителями. Сами не получившие высшего образования, они были истинными русскими интеллигентами. Может, гены сказывались: говорят, что среди их предков был знаменитый декабрист. Мама — воспитатель в детском саду. Такой воспитатель, что к ней приходят сказать “спасибо” даже совсем взрослые и многого добившиеся люди.

Так что Андрею никогда не было стыдно за своих родителей. И когда его однокурсники небрежно бросали фразы про свои парижские или мадридские впечатления, Андрея это никак не задевало. Он еще побывает в Париже. И родителей свозит: они заслужили.

— Андрюха, я договорился, едем! — Это подбежал Вовик Бойков. Как раз из них, из посольских детей. Но отличный заводной парень. Только учился неважно, не раз спасая экзамен за счет головы Андрея и собственной ловкости.

— Куда? — не понял Бестужев.

— Ну ты даешь! Мы же еще вчера договаривались! — возмутился Бойков. — К девчонкам-медицкам.

— Нам это надо? — засомневался Андрей. — Мне еще по распределению нужно выяснить.

— Завтра выяснишь. Сам говорил — вторник-среда.

— Ладно. Можно и завтра, — согласился Бестужев. А почему бы, собственно, не поехать к девчонкам? Погода чудесная, сначала на пляж, потом — по обстоятельствам. Пляж Андрей любил: и поплавать приятно, и показать впечатляющие мускулы тоже хорошо.

— А что за девчонки? — уточнил он у приятеля. — Опять пэтэушницы?

— Не пэтэушницы, а выпускницы медицинского училища.

— А говорить с ними о чем? О клизмах?

— О Шопенгауэре, — заржал Вовик. — Не о чем говорить, делай свое дело молча. По крайней мере, у них у всех есть РВ.

— Что такое РВ? — не понял Андрей.

— Реакция Вассермана. Проверено — мин нет. Тебе же не нужны мины перед загранкой?

— Мне они вообще не нужны, — закрыл вопрос Бестужев.

В комнате общежития, куда их пропустили после проверки документов, девчонок было трое. Одна, стильная и броская, Надя, сразу прилепилась к Бойкову. Или он к ней. Обоюдное стремление.

Вторая, Нелли, бросала изучающие взгляды на Андрея, не смотря на жару, приехавшего в своем роскошном костюме.

А третья, не обращая внимания на гостей, размеренно водила утюгом по своему стерильного вида белому халату. Наверное, она была красивая. Но холодность и надменность прямо-таки били в глаза.

— Олька, кончай свою глажку. У тебя ж сегодня дежурства нет, — попробовала включить подругу в компанию Надя.

— Я не могу бросить на половине, — спокойно ответила та. И даже тем, кто ее не знал, сразу стало понятно: эта на половине не бросает.

— Она у нас такая, — с гордостью сказала Надя. — Красный диплом. Осенью в институт. Будет великий врач.

— Отстань, — улыбнулась Ольга. Улыбнулась — и нет надменности. Только некоторая сосредоточенность.

Вовик вызвал Андрея покурить на лестницу.

— Значит, так, — объявил он Бестужеву. — Надька — моя, Нелька — твоя.

— А Ольга? — спросил Андрей.

— Я тут человек бывалый. Ольга — неконтактная. Никуда не ездит, ни с кем не трахается. Отличница.

— Я тоже отличник, — улыбнулся Бестужев.

— Ты — нормальный. А она — нет. Будет великим врачом — буду у нее лечиться. Но, думаю, тебе сегодня Нелька полезнее.

— Вовчик, я сам знаю, что мне полезней.

— А знаешь, вы и в самом деле похожи, — заржал Бойков. — Есть смысл попробовать. Только подожди хотя бы, пока утюг остынет!

Бестужев не стал ждать, пока утюг остынет. Он подошел к девушке сразу.

— Ольга, можно вас отвлечь?

— Можно. — Она подняла голову, отбросила рукой прядь волос. Без сомнения, она была хороша. Прямая и стройная, откры-

тый взгляд. В мечтах Андрей рисовал себе именно таких девушек. Может, судьба?

— Я хотел бы пригласить вас в нашу компанию.

Ольга неожиданно смутилась:

— Мне вообще-то надо готовиться. У меня ведь один экзамен все равно будет.

— Но не завтра же? Еще успеете. Я сегодня тоже на важную встречу не поехал.

— Хорошо. Только доглажу, — на удивление легко согласилась девушка.

Присутствующие в комнате зааплодировали. Начала Надя, остальные продолжили.

— Ура, ура! Олька едет с нами! Андрей, вы — волшебник. Разбудили Спящую красавицу.

— Спящую красавицу не так будили, — уточнила Нелли.

— Какие наши годы! — самодовольно усмехнулся Андрей. Он и впрямь почувствовал себя хозяином жизни.

Лицо Ольги вновь стало надменным, и Бестужев понял, что, — как через много лет станут утверждать в рекламе, — “иногда лучше жевать, чем говорить”. Впрочем, Ольга никаких заявлений делать не стала. Андрей, улучив момент, когда остальные ушли покурить, снова подошел к ней:

— Извини, я глупость сморозил. Ты мне понравилась, вот и решил, что я тебе тоже. И ляпнул.

— Ты правильно решил. — Ольга аккуратно повесила выглаженный халат на плечики и убрала в шкаф. — И неправильно ляпнул.

— Я не хотел тебя обижать. Другие девчонки на такие шутки никогда бы не обиделись.

— Я не другая, — спокойно объяснила Ольга, закручивая шнур вокруг рукоятки утюга. — Я такая, какая есть.

— Ты меня простила? — решил идти до конца Бестужев. — Я постараюсь соответствовать.

— Посмотрим, — ответила Ольга.

Прожигать жизнь они начали с городского пляжа. Там им не понравилось — слишком много народа. Идешь к воде — боишься наступить на тело.

— Может, на мою дачу поедем? — предложил Вовик. Идею подхватили все, кроме Ольги.

— Я на дачу не поеду, — сказала она.

Без нее не захотел ехать и Андрей.

— А куда ты предлагаешь? — разозлился Бойков. — Не хочешь ко мне, поехали к тебе.

“Это он зря, — подумал Бестужев. — У девчонки из медучилица может и не быть дачи”.

— Поехали, — неожиданно легко согласилась Ольга. — Два часа на электричке. Но красиво.

Нелли ехать сразу расхотела: далеко. Вовика и Надежду два часа не напугали: не все ли равно, где обниматься? А Нелькин уход вообще все упрощал.

Впрочем, Андрей иллюзий не строил. Выражение — Ольгино.

У билетных касс она его так и спросила:

— Ты не строишь иллюзий? Можешь зря потерять время.

Андрей отлично понял, о чем речь. И ответил столь же прямо:

— Глядя на тебя, иллюзии теряешь быстро.

— И что же тебя держит?

— Оль, ты вправе решать, с кем и что, — разозлился Андрей. — А я вправе выбирать тех, кто нравится. Разонравишься — тут же уйду.

— И до дома не проводишь? — вдруг улыбнулась “несмеяна”.

— Провожу, — буркнул Андрей. И тоже улыбнулся.

Через два часа зеленый червяк электрички, не пропустив ни единой, даже самой маленькой платформы, наконец дотащился до ее городка. Они вышли на площадь перед крошечным вокзальчиком. Кроме большого буфета с надписью “Пиво-Воды” (где Вовик отоварился превосходным “Жигулевским”), на площадь выходили два магазина: “Культтовары” (“Вот откуда эта вывеска!” — если б мог, простонал бы парализованный Бестужев. Конечно, он интуитивно чувствовал, что уже видел ее) и “Ювелирный”.

— Все, как у людей, — оценил Бойков. — Даже золото продают.

— И бриллианты, — холодно добавила Ольга. Это было правдой. В тот год во многих магазинах появились перстни с бриллиантами и изумрудами, ранее страшнейший дефицит. Правда, цена их была такой, что ажиотажа не наблюдалось.

— Куда дальше? — спросил Бестужев.

— На автобус, — сказала Надя, уже бывавшая здесь.

На автобусе ехали недолго: минут пятнадцать. Лес начался буквально сразу. Потом проехали большое красивое озеро. За ним опять потянулся сосновый бор. Там и сошли.

День уже был в середине, и когда молча брели по мшистой тропинке среди сосен, уши заполняла многоголосая июльская тишина: жужжали насекомые, вскрикивала где-то рядом птица, шумели под ветром кроны сосен. Но все это было именно тишиной: кроме сглаживаемого мхом шороха шагов, вокруг не было ничего, как стало тогда модно говорить, антропогенного.

Домик оказался чудесным, — маленьким, но очень ладным, украшенным редкой теперь резьбой. Две маленькие комнатки снизу и одна, побольше, на втором этаже.

Девчонки ушли на летнюю кухню, готовить салат. А Вовка гулял вдоль полок с книгами, которых здесь было немало. Вдруг

он захохотал и пальцем указал Бестужеву на корешок. “Шопенгауэр”, — значилось на томе. Андрей улыбнулся. Ему нравилось здесь. Ему вообще все сегодня нравилось.

— Мальчики, может, искупаемся до обеда? — предложили, вернувшись, девчонки.

Озеро было прекрасным. Вода чистая, дно песчаное. Народу — они четверо, да еще трое мелких пацанов с удочками.

Бестужев плавал, мощно загребая воду руками. Он рассекал озеро как катер, оставляя за собой бурунчики.

— Здорово у тебя получается, — признала Ольга. Она плыла рядом, по-девчачьи мельтеша руками.

— Тренировки. — Андрей еще на третьем курсе выполнил норматив первого разряда, чем заслуженно гордился.

Ольга устала и, доплыв до мелкого, пошла к берегу. Андрей с удовольствием смотрел ей вслед. Фигурка у девушки, подчеркнутая купальником, действительно была отличной: где надо — стройной и миниатюрной, а где не надо — вполне осязаемых размеров. Или наоборот?

Андрей даже глаза отвел, а то выходить было бы конфузно. Проплыв еще десяток метров и слегка успокоившись, тоже вышел из воды.

Вовка с Надеждой уплыли на островок и, якобы спрятавшись за три росших там куста, активно целовались. Пацаны с нескрываемым интересом наблюдали за действием. Андрей подошел к одному из них, наиболее увлеченно пялившемуся на ребят, и надвинул на глаза кепку. Пацаны засмеялись. Андрей тоже. Чертовски хороший день! Ольга, наклонив голову набок, прыгала на одной ножке, пытаясь вылить из уха воду.

— Ты молодец, что нас сюда привезла, — сказал Бестужев.

— Надька его любит, а он — развлекается, — печально произнесла Ольга.

— Так часто бывает: один любит, другой развлекается, — философски заметил Андрей.

— Вот-вот, — разозлилась Ольга. — Она добрая и хорошая. А он...

— Он тоже хороший. По крайней мере, не злой. Просто... польский сын, — наконец подобрал определение.

— А ты чей сын? — усмехнулась девушка.

— Я рабоче-крестьянский.

— С такой фамилией?

— А ты откуда знаешь мою фамилию?

— Знаю, — покраснела Ольга. — Надя с Вовкой давно общаются. Он фото показывал.

“Здорово!” — чуть не вырвалось у Бестужева. Значит, Ольга на него и раньше смотрела с удовольствием. Даже фамилию запомнила. Нет, сегодня определенно отличный день!

— Чего ты развеселился? — рассердилась Ольга. — Опять иллюзии?

— Ага! — улыбнулся Бестужев. Шагнул вперед и обнял ее, еще мокрую, прохладную и такую хорошую, что дух захватывало.

Так Бестужев еще ни разу не целовался. Конечно, определенный опыт у него был, но чтоб голова кружилась...

— Доволен? — прокурорским тоном спросила Ольга. Она была явно смущена.

— Очень, — искренне ответил Бестужев. Ольга собралась сказать что-то явно нелицеприятное, но из воды выходили Бойков с Надеждой, и Андрей вздохнул с облегчением.

Что было дальше, Бестужев помнил обрывками. Помнил только всепоглощающее ощущение счастья. И светлого будущего. Не в том казенном, затасканном по лозунгам смысле, а в том, когда от предвкушения жизни сладко захватывает дух.

День пролетел быстро. В Москву на ночь глядя возвращаться не стали. Когда стемнело, Ольга и Андрей остались в комнатке на первом этаже, а Бойков и Надя поднялись на второй.

Никто, конечно, и не думал спать. Наверху долго шумели и тархтели старым диваном. Доносились смех, Вовкино бурчание и Надькино повизгивание.

А на первом было тихо. Андрей обнимал нагую Ольгу, и ему было так хорошо и спокойно, как никогда в жизни. От нее пахло свежестью, молодостью и счастьем. Время от времени эта полудрема прерывалась общим желанием, и все становилось еще лучше. Хотя и в перерывах казалось, что лучше быть не может.

— Ты не исчезнешь? — просыпаясь, испуганно спрашивал Бестужев.

— Нет, что ты, — как маленького, гладила его по голове Ольга. — Куда я теперь денусь? Буду с тобой до самой смерти.

— Тогда это надолго, — успокоенно соглашался Андрей.

По-настоящему они заснули только под утро.

Первым тогда проснулся Андрей. Солнечные лучи щекотали лицо, хотелось чихнуть. Он открыл глаза.

Ольга была рядом. Все вчерашние чувства не только вернулись, но и усилились. “И слава Богу”, — подумал Бестужев. Он не боялся потерять свободу. Если от мысли, что эта женщина будет с тобой всю жизнь, на тебя накатывает волна теплого счастья, зачем тогда свобода?

Видно, у Бестужевых такое в роду. Бабушка вышла замуж в три дня. А мама — в два. “Правильным путем идете, Андрей Викторович!” — похвалил сам себя Бестужев. Сколько ж будет знакома до свадьбы со своим женихом его дочь? Или сын?!

Мысль была свежей: ночью они никак не предохранялись. “Ну и слава Богу”, — второй раз за три минуты вознес Андрей хвалу Всевышнему. Он обнял Ольгу за голые плечи, поцеловал в губы. Она проснулась и обняла его.

Это и есть хорошая, правильная жизнь.

Потом они бежали к автобусу (Вовчик с Надеждой остались в теремке): тот ходил редко, а Андрею надо было обязательно успеть встретиться по поводу распределения — он ждал направления за границу. Все уже было расписано, даже билеты заказаны. На далекий неведомый Кипр, в торговое представительство. Страна маленькая, а торговля большая, потому как центр оффшорного предпринимательства. Очень перспективное место. Правда, теперь придется вносить коррективы, ведь он поедет с женой.

На автобус успели. И к электричке прибыли даже с запасом в десять минут.

— Пойдем в ювелирный! — предложил Бестужев.

— Зачем? — искренне удивилась Ольга.

— Хочу, — объяснил Андрей.

В магазине его заинтересовали бриллианты.

— Примерь, — предложил он Ольге, показывая на кольцо с прикрепленным ценником: “700 руб.”.

— Зачем? — не поняла она. Сумма, равная годовой пенсии ее отца и полугодовой зарплате мамы, казалась ей совершенно абстрактной, не имеющей отношения к реальной жизни. А нереальная жизнь ее никогда не привлекала.

— Я хочу.

Ольга пожалала плечами, она-то знала, что Бестужев — не польский сын. Но надела перстенок на палец. В самую пору.

— Выпишите, пожалуйста, — попросил Андрей продавщицу. Та с уважением посмотрела на него, и с завистью — на Ольгу.

— Ты что, спятил? — прошипела Ольга ему в ухо, и незаметно для продавщицы, под прилавком, наступила на его башмак своей босоножкой. Впереди явно маячил скандал. Но Бестужев не спятил. Достал из внутреннего кармана своего шикарного костюма остаток денег. Пересчитал их. И на кольцо хватит, и еще на “Пиво-Воды” останется. Нет, на “Пиво-Воды” не останется, потому что надо еще зарезервировать на электричку. Но все равно хорошо.

Ольга уходила из магазина ошарашенная, не зная, радоваться или негодовать. Покупка невероятная, сумасшедшая, безумная. Но такая приятная ее женскому сердцу.

— Дурак ты, Бестужев, — на перроне сообщила она.

— Ты обещала любить меня до самой смерти, — напомнил он.

— Я выполняю свои обещания.

Зеленым вихрем на станцию ворвалась электричка. Стоянка — полминуты. Бестужев поцеловал Ольгу, запрыгнул в вагон и уже из окна крикнул:

— Я появлюсь завтра. Веди себя хорошо, обещаешь?

— Обещаю, — улыбнулась Ольга.

“Электропоезд следует до станции “Москва-Курская”, — прохрипели натруженные динамики. Двери захлопнулись, перрон и Ольга остались, а Андрей уехал.

Ольга Сергеевна впервые за тринадцать лет опаздывала на работу.

С утра был тяжелый разговор с Санькой. Та спросила, не собирается ли мама замуж за Лорда. Ей очень нравился мамин жених-неудачник, и она, в отличие от мамы, не видела ничего предосудительного в том, чтобы отбить мужчину у женщины, которую тот не любит. Ольга вспылила, сказала, что это не Санькино дело, и что она вообще больше Лорда видеть не хочет.

— Это почему? — заинтересовалась Санька. Вот тут-то Ольга Сергеевна и заявила:

— Потому что твой отец у нас в больнице. И в очень тяжелом состоянии.

Новость сильно задела Саньку. Она здорово убивалась в раннем детстве из-за отсутствия отца. Потом как-то смирилась, да еще с Лордом очень сдружилась, чувствуя его отношение к маме и не ревнуя при этом.

И вот теперь — нате вам! Папа приехал!

— Он у тебя отнял тринадцать лет! Сколько еще заберет?

— Немного, — холодно улыбнулась Ольга Сергеевна. — Он почти полностью парализован и долго не проживет.

— Отлично! — мгновенно отреагировала Санька. — Ты-то хоть за ним в могилу не собираешься? — быстро выпалила и тут же получила ладонью по щеке. Никогда прежде не битая, застыла в недоумении.

А Ольга Сергеевна развернулась и пошла к двери.

Санька мгновение барахталась между страшной обидой и горьким раскаянием. Вид уходящей мамы перевесил. Санька догнала ее, повисла на спине.

— Мам, прости, пожалуйста. Я не хотела так. Но я действительно его не знаю. — Она искательно заглядывала Ольге Сергеевне в глаза. — Ведь мне тебя-то жальче, правда?

— Меня жалеть не надо, дочка, — сухо сказала Ольга. — У меня все хорошо. — Она открыла дверь, но на пороге вдруг остановилась: — Ты ведь понимаешь, что этот человек стал твоим отцом не случайно?

— Да уж, со случайным тебя трудно представить, — проворчала Санька, потирая горевшую щеку: рука у мамы была крепкой.

Ольга Сергеевна не выдержала, улыбнулась: дочка ей попала не сахар. Зато — своя. И, повеселевшая, поспешила на работу, день предстоял нелегкий.

На подходе к больнице увидела большой медицинский автобус-лабораторию. И прямо при ней из низких туч вывалился вертолет и пошел на посадку. Вертолетная площадка у больницы для этих целей и строилась, но до сих пор ни одна винтокрылая машина ее не опробовала. Не составляло труда понять, что вся эта кутерьма — из-за Андрея. Ольгу даже посетило странное чувство гордости.

На вахте ей передали, чтобы срочно зашла к главврачу.

Она открыла дверь. Он по селектору велел никого не впускать, потом отправил секретаршу по какому-то поручению и повернул ключ в замке.

— Это невозможно, — просто и холодно сказала Ольга Сергеевна. Сказала так, что у Лорда даже и мысли не возникло проверить серьезность ее слов.

— О, Господи, — простонал он, обхватив руками свою начавшую лысеть голову. — Мы что, жениться не собираемся?

— А я тебе обещала? — удивилась Ольга Сергеевна. — Да ты и не мусульманин!

— Но я уже холостой! — не выдержал главврач.

— А Лену задушил, что ли? — поинтересовалась старшая медсестра.

— Она от меня ушла! — заорал Лорд. — Понимаешь, ушла!

— Тише ты, — разволновалась Ольга. — Что ты несешь?

— Что слышишь!

— Из-за меня?

— И не надейся! Она влюбилась! Оставила детей — и адью!

Ольга Сергеевна неуместно улыбнулась.

— Очень смешно, да? — обиделся брошенный. — Все написала в письме. Детей, говорит, заберет через месяц. Если я ей отдам, — сбавил накал Лорд.

Ольге стало жалко мужика. Ему никак нельзя быть брошенным — уж очень горд. Но и пожалеть его вчерашним методом тоже невозможно: в ста метрах отсюда лежал чуть живой — но живой! — ее Бестужев. Ее мужчина. А Лорд — ее друг. Что совсем не адекватно.

— Извини, Лорд, — обняла она его. — Я действительно не могу.

— Господи, до конца недели ждать? — испугался он, неверно трактовав ее слова.

— Гораздо дольше, — улыбнулась Ольга.

— Но почему?

— Потому что больной со сломанной шеей, которого сейчас пойдут смотреть москвичи, отец моей Саньки.

Лорд некоторое время переваривал новость. Выводы, которые он сделал, прямо читались на его лице. Первое: любая оттяжка его обладания Ольгой — это плохо. Второе: оттяжка, связанная с паралитиком из “блатной” палаты, не будет слишком длительной.

Что ж, он, как карьерный человек, привык воспринимать жизнь такой, как она есть. Главное — результат. И если он требует больше времени, чем хотелось, то не станет от этого менее желанным.

Тут главврач вспомнил, что его бросила жена и опять расстроился.

На столе внезапно ожил селектор:

— Александр Вахтангович, вас просят пройти в палату.

Лордкипанидзе не побежал встречать московских незваных светил: у нас, советских, собственная гордость. Но дальше отсутствовать было бы уже неприлично. Он осторожно повернул ключ в замке, и, бросив на прощание Ольге Сергеевне какое-то начальственное указание, удалился.

С утра городишко переживал большие потрясения. Столько крутых московских профессионалов здесь не видели никогда.

Уже утром на завод с небольшим интервалом вкатили сразу три серьезных автомобиля, не считая машин охраны. Это приехали держатели крупных пакетов акций. У парализованного Бестужева их было не так уж и много — восемь процентов. Да беда в том, что они были “голосующими”. То есть этими восемью процентами он мог, используя голоса противоборствующих группировок, практически рулить сбытовой политикой завода. А это — миллионы долларов. И большая политика к тому же.

Первым делом хозяева постарались убедить гостей в том, что произошел несчастный случай. Гости не удовлетворились медицинскими описаниями и с помощью своих специалистов в полдень разыскали очевидцев трагедии: и придурковатого подростка, и пугливую мамашу. После этого обстановка слегка разрядилась.

Во второй половине дня делегация отправилась в больницу, предварительно выяснив, что, даже потеряв голос, Андрей сохранил способность к общению. Самый нетерпеливый гость предложил сразу и нотариуса вызвать, чтобы зафиксировать его распоряжения, однако большинство, восприняв информацию о стабильном состоянии больного, решило не торопиться.

В больнице важных гостей ожидал казус, от которого они уже давно отвыкли. Их к больному не пустили. “Консилиум”, — важно сказала баба Мотя, которой было решительно наплевать на рыночную стоимость завернутых ею господ.

Они и сами видели, что консилиум. Перед больницей стоял большой автобус с московскими номерами. Передвижной диагностический центр. Ими же и заказанный.

А на просторном больничном дворе непривычно выделялся вертолет, которым прилетели два выдающихся специалиста-спинальника. Это организовала Виктория. После свалившегося на нее известия она почти не спала, в минимальные сроки провела по сути спасательную операцию. Утром приехала на своей “Лянче” сама, и детей привезла: двенадцатилетнего Антона и двухлетнюю Маринку. Вика не знала, что будет с мужем завтра, и считала себя обязанной гарантировать ему последнюю встречу с детьми.

Андрей лежал на своей койке, точнее, на прикрытом тоненьким матрасиком деревянном щите, опутанный датчиками и про-

водами. Некоторые из них кончались приборами, занявшими половину небольшой палаты, некоторые тянулись дальше, через окно, к стоявшему на улице автобусу.

Доктора после первого же осмотра приняли решение, что трогать Андрея пока нельзя и все манипуляции необходимо проводить на месте.

Из местных присутствовали только Иван Семенович и Лордкипанидзе.

Напряженная работа длилась более двух часов. Москвичи привезли с собой и миниатюрный компьютеризованный рентгеновский аппарат, почти томограф, и весьма совершенный, несмотря на крошечные размеры, ультразвуковой диагностический комплекс, и многое другое, о чем Виктория в своей прежней жизни даже не слышала.

Она со страхом смотрела на безжизненное лицо мужа, и сознание забивала одна-единственная мысль: как жить дальше? Все эти годы она просто спокойно занималась любимым делом — психолингвистикой. Теперь придется многое менять, это было совершенно ясно.

Наконец доктора как-то разом встали. Наступила тишина.

— Ну, что сказать, — осторожно начал самый старший, пожилой профессор в очках. — Очень сложный случай. Удивительно, как при такой травме затылка сохранились основные функции мозга. Но это же и вселяет надежду.

— Надежда умирает последней... — машинально, едва слышно пробормотал стоявший рядом с Викторией Иван Семенович.

Потом доктора оживились и заговорили на своем тарабарском языке: случай был очень интересным.

Виктория заметила взгляд Андрея.

— Господа, — спокойно сказала она. Голос, негромкий, но властный, заставил всех замолчать. — Я думаю, мой муж вправе знать, что его ожидает. Я прошу произнести это вслух.

Андрей благодарно закрыл глаза. С Викой в тылу он всегда был спокоен.

Затянувшуюся тишину прервал все тот же пожилой профессор.

— Вы предупреждали нас о-о... характере своего мужа, — начал он, тщательно подбирая слово. — Поэтому буду откровенен. Оптимизма пока никакого, кроме того, что после такой травмы наш пациент выжил и стабилизировался. Судя по снимкам, он не должен был выжить, но выжил.

— Правильно ли я понимаю, — холодно перебила Виктория, — что, по вашим прикидкам, он не должен поправиться?

“Молодец, — устало подумал Бестужев. — Моя школа”. Он уже и так все понял, без пояснений. И с этим еще необходимо примириться. Сейчас Андрей хотел одного: чтобы все ушли, оставив его в одиночестве.

— Но поскольку одно маловероятное событие уже произошло, — вежливо ответил Виктории второй, моложавый доктор, — то почему бы не произойти и другому? Я бы не стал подписывать приговор.

— Понятно, — отрешенно сказала Виктория. Она тоже была готова к чему-то подобному. Но так хотелось верить в чудо... — Спасибо вам, — очнувшись, проговорила она. — Я хотела бы поговорить с мужем. Наедине.

Через пять минут палата опустела. Виктория устроилась в ногах Андрея.

— Что мне теперь делать, милый? — Голос жены впервые дрогнул. В присутствии мужа она привыкла ни о чем не заботиться.

Андрей глазами показал на “букварь”. Как им пользоваться, ей уже объяснили. Вылавливая букву за буквой, Виктория составляла фразы. “Акции пока не продавай. Дождись октября, большого собрания акционеров. Они резко подорожают. Перед собранием продай все сразу”.

— Кому? — она смахнула слезинку с щеки. Только сейчас, когда зашла речь о продаже акций, она кожей почувствовала, что уютная жизнь за надежной спиной закончилась навсегда. Но ничего. Она сильная. И у нее дети. Значит, справится. — Ты приказывай, я все сделаю как надо. Кому продавать, как продавать?

“Кто больше даст. Через брокерскую контору, которая меня обслуживала. Не соглашайся на трастовое управление. Ни за что”.

— Не волнуйся. Я сделаю, как ты велишь.

“Деньги в Сбербанке. Легальные. Трать их, пока дети не вырастут. Другие счета — в моей записной книжке в столе. Ты знаешь, я показывал. Это тебе и детям. На черный день. Юрист — Авдеев, все к нему. Он не продаст”.

Вика плакала, уже не скрываясь. Вряд ли будут дни чернее... И, как все годы своего замужества, гордилась мужем. Если б знать, где упадешь.

— Я привезла детей, — наконец смогла сказать она.

“Пока не надо, — “написал” Бестужев. — Береги их”. Андрей не хотел, чтобы сын видел его таким.

Она нагнулась к нему и поцеловала в губы. Он не почувствовал прикосновения. А вот слезу, упавшую ему на лицо, почувствовал. Травмированный мозг выделял престранные штуки.

Бестужев снова показал на “букварь”. “Очень важно. У меня есть дочь”.

— Какая дочь? — вскинулась Виктория. — Что ты говоришь? От той девушки? — вдруг сообразила она. В то жаркое лето в Лимассоле он все-таки рассказал ей про свой странный любовный опыт.

“Да. Помоги ей”. Вика пересилила чувство обиды:

— Я обещаю. Денег у нас хватит на всех. Не волнуйся за нее.

Бестужев удовлетворенно закрыл глаза. С женщинами он ни разу не ошибся. Но он очень устал. А впереди еще длинная ночь, наполненная осмыслением окончательного диагноза.

— Как мне их найти? — спросила Вика. Она привыкла все доводить до логического конца и держать слово.

“Она здесь”.

— Где “здесь”?

“В больнице. Ольга Сергеевна”.

— Хорошо, милый. Я все сделаю, как надо. — Виктория уже хотела отложить “букварь”, но он явно хотел “договорить”.

“Не езди ко мне. Так легче. Обоим. Тебе нужно отвыкнуть от меня. Ради детей”.

— Не говори ерунды, Андрей. Никто не знает, что будет завтра. Может, через год мы это будем вспоминать, как страшный сон. — Она встала, всем своим видом демонстрируя уверенность в сказанном. Но обоим было ясно, что ни через день, ни через год из этого страшного сна не проснуться.

Со своими недавними коллегами по бизнесу Бестужев общаться отказался. “Все через жену”, — “написал” он.

Виктория встретила Ольгу Сергеевну в длинном пустом больничном коридоре. Вычислила — мгновенно. Обе остановились. Не замеченный ими, издали за ситуацией наблюдал Леонид. Он явно чуял сюжет.

— Вы — Ольга, — без вопросительной интонации проговорила Виктория.

— А вы — жена Андрея, — подтвердила Ольга Сергеевна ее догадку. Они замолчали, окидывая друг друга нескрываемо опекающими взглядами.

“Я была первая. Тебе он достался случайно”.

“Он прожил со мной тринадцать лет. И жил бы всю жизнь”.

— Мы обе проиграли, — спокойно сказала Ольга Сергеевна.

— Да, — согласилась Виктория.

— Пойдемте ко мне, кофе попьем, — предложила старшая медсестра.

Они устроились в крошечном кабинетике Ольги. Пили крепчайший кофе, сваренный бабой Мотей — она и это умела. Две сильные женщины, которым больше нечего делить. Уходя, Виктория спросила:

— У вас ведь дочка?

— Да, Санька.

— Андрей просил обеспечить ее.

— В этом нет нужды, — мягко произнесла Ольга Сергеевна. — Мы справляемся.

— Но это не только ваша дочь, — парировала Виктория.

— Только моя, — подумав, ответила Ольга Сергеевна.

Виктория ушла, не выполнив просьбу мужа. Впрочем, это вовсе не означало того, что его просьба не будет выполнена никогда. Она сумеет.

Ночь в больнице тяжелее всего. Она тянется, как сырая резина. Уже с утра Бестужев начинал бояться следующей ночи.

“Блатная” палата, в отличие от всех прочих в этой больнице, была снабжена раковиной. Но на хороший кран сил уже не хватило.

Мерный звук падающих капель доводил бодрствующий мозг Бестужева до иступления. Утром же он забывал “сказать” об этом Ольге Сергеевне, чтобы вечером вновь с ужасом прислушиваться к этой китайской казни. Единственное спасение — виртуальные “побеги”. Вспоминая или мечтая о чем-то, он временно становился прежним.

...Он уехал, а она осталась на перроне.

Электричка проехала уже несколько остановок, а с лица Бестужева так и не сходила широкая придурковатая улыбка. Со стороны она, видимо, и в самом деле смотрелась странноватой, потому что бабушка, сидевшая на деревянной скамье напротив, предпочла пересесть подальше.

Но Андрей ничего не замечал. Он понимал, что в его жизни произошло нечто важное, настолько важное, что все происходившее раньше уже было не в счет.

У него был роман год назад. Наталья — прекрасная девочка, и Бестужев помнил, как его колбасило, когда на новогоднем вечере она, назло ему, весь вечер протанцевала с этим чертовым Бойковым.

Потом они быстро выяснили отношения и даже попробовали вместе пожить: родители Наташки, как и многих других студентов МГИМО, были в загранке, и она жила в квартире одна.

Андрей помнил эти тягостные вечера. Начинались-то они недурно. Весь день ребята с нетерпением ожидали момента, когда, придя домой и захлопнув дверь, можно будет быстро раздеться. И насладиться друг другом.

После чего общение становилось, как бы это помягче сказать, не таким волнующим. По крайней мере до появления новых желаний.

К концу недели Бестужев понял, что, если сейчас не уйдет, то всю оставшуюся жизнь будет с тоской вспоминать эту неиспользованную возможность.

Он ушел. И, похоже, к обоюдному облегчению. Наташка тут же нашла нового друга. Не его, и не Бойкова. Бестужев даже вновь познал муки ревности, наблюдая, как его подругу, пусть бывшую, по-хозяйски обнимал солидный, уверенный в себе мужчина.

Но когда Андрей спрашивал себя, не хочет ли вернуть любимую навсегда, сердце четко отвечало "нет". Хуже того: его просто страх брал от мысли, что он целую жизнь будет придумывать, о чем бы им поговорить.

После этой истории Бестужев даже всерьез заопасался, что не сможет без моральных потерь завести семью. А она для него в карьерном плане была просто необходима. Да и в человеческом тоже.

И вот за какой-то один летний денек он не просто готов сдать в утиль свою бесценную свободу — он будет счастлив сделать это! Фантастика.

Андрей не заметил, как потянулись московские окраины. Уже на выходе с перрона его вдруг посетила убийственная мысль. А откуда он приехал?

Маразм какой-то! Бестужев чуть не заплакал: ни названия города не знает (вчера было не до изучения маршрута — везут и везут), ни тем более адреса, ни даже — до него вдруг дошло — фамилии своей невесты!!! Вот же идиот! Он не спросил, а она не будет же ему силой запикивать свои данные! Слава Богу, что хоть кольцо догадался подарить, а то вообще бы подумала, что поматросил и бросил!

Андрей остановился, лихорадочно обдумывая положение. Он не знает ничего! В том числе — адреса общаги: Бойков вел. Бестужева охватило отчаяние. Но уже через минуту слегка расслабился. Есть несколько путей решения.

Первый, самый простой: сегодня вечером позвонить Бойкову и узнать, где найти Надю. Даже если Оля не вернется в общежитие, Надя знает ее адрес. Второй путь — разыскать общагу самому. Метро он помнит: Новогиреево. Дальше, если порыскать в окрестностях, ноги должны вспомнить сами. И третий вариант — покататься на электричке, пока не узнаешь вокзал. Не так уж много городков на этом направлении. Правда, найти городок — еще не значит найти Олю.

Все равно Андрей успокоился. Так или иначе, он ее найдет. Но и она хороша: неужели после того, что с ними произошло, нельзя было презреть условности? Или она тоже потеряла голову? Ладно, что сделано — то сделано. А сейчас надо идти в институт: возможно, уже выяснилась дата вылета на Кипр.

Андрей оказался прав: дата вылета выяснилась. Вылетать нужно было завтра. Бестужев ошарашенно крутил в руках разноцветные клочки бумаги, о которых еще вчера он, ни разу не выезжавший за границу, так по-детски мечтал.

— Вы чем-то недовольны? — спросил не улыбочивый кадровик, которому больше подошла бы военная форма. — Может, хотите отказаться?

— Доволен, — промямлил Андрей.

— Так в чем же дело?

— У меня родители в Иваново. К ним еще нужно успеть заехать.

— Успеете обернуться. Завтра в 16.00 быть в Шереметьево. — Сменив ведомство, кадровик стиля общения не поменял. — Вы свободны.

Бестужев вышел в коридор. Билеты жгли руки. Он отчетливо понял, что их надо было порвать еще в кабинете. И что Кипр ему выйдет дорого.

Не заехать в Иваново было нельзя. Мама давно и опасно болела. Невозможно отнять у нее радость увидеть успех сына. Да и в Союз он вернется в лучшем случае через год.

Отказаться от Оли тоже нельзя. Это как самоубийство, только хуже.

На ватных ногах Бестужев пошел на Ярославский вокзал. Купил билет, сел в поезд.

Звонил Бойкову отовсюду, даже с большой станции. Потом из Иваново. Дома его не было.

Встреча с родителями получилась печальной. Мама выглядела плохо. К тому же она не могла понять, почему ее удачливый сыночек ходит как в воду опущенный. А он не стал рассказывать.

И опять ошибся. Таким родителям, как у него, можно было рассказать. И они нашли бы Олю. Но — не рассказал.

На обратном пути в Москве снова вызванивал Бойкова. Даже из Шереметьева. И снова безрезультатно.

В Ту-154, кроме него, немногочисленных туристов и нескольких киприотов, ехала большая группа евреев на ПМЖ в Израиль — это была самая дешевая дорога в страну обетованную, потому что прямых авиарейсов в Тель-Авив еще не пустили. Их выделяла неизгладимая печаль в глазах, которую невозможно было затушевать ни громкими выкриками, ни веселыми анекдотами. Ведь на горячей бетонке Шереметьева они оставили изрядную часть своей жизни. Бедняга Бестужев своим скорбным видом был столь похож на них, что в Ларнакском аэропорту его прозвала встречающая.

Он долго озирался вокруг, но лишь после отбытия новоиспеченных израильтян к нему подошла совсем молодая девчонка.

— Вика, — представилась она.

— Андрей, — мрачно сообщил Бестужев.

— Вот вы и на Кипре, — улыбнулась девушка. Нужно было быть совсем убитым печалью, чтоб не заметить ее красивого лица, ярких глаз, наконец, совсем открытых стройных ножек.

Бестужев не заметил.

Эта ли причина, или дело в том, что он сам ей понравился, но Вика окружила вновь прибывшего парня полной заботой. А он, не обращая на девчонку (которая к тому же оказалась дочерью нашего торгового представителя) никакого внимания, пресадил весь аванс на телефонные разговоры.

Бойкова нашел, но не младшего, а старшего. Младший, оказывается, поехал на стажировку в Лондон. Бойков-старший дал телефон. Бестужев разыскал его в Лондоне, но Бойков смог только визуально описать место, где находится девчоночья общага.

— А потом, знаешь, — охладил он друга, — они наверняка от туда съехали. Они же выпускницы.

Андрей был в отчаянии. Вика, считая, что парень тоскует по Родине, всячески пыталась его развеселить.

А дальше — по обычному сценарию. Ночные улочки Лимассола полны южных ароматов. Волны с пенной окаемочкой с шипением выбегают на песок. Ресторанчики работают допоздна, и цены в них доступны даже для начинающего сотрудника советского торгпредства.

Нет, Бестужев не забыл Ольгу. Он прекрасно понимал, что теряет. Но не видел, чем может изменить ход событий, не сломав заодно свою судьбу. Тем более, что размышлял он над этим, как правило, на открытой террасе своего любимого лимассольского кафе. В двадцати шагах за спиной ласково шипело море, подсвеченное садовыми фонарями. На рейде стояли тоже расцвеченные пароходы. В глубине зала двое молодых ребят прекрасно играли на гитарах и пели волнующие греческие песни. А главное — за его столиком, напротив, так близко, что колени касались, сидела Вика. Ее красивые глаза блестели. Аккуратно подкрашенные помадой губы в слабом электрическом свете демонически притягивали. И, в довершение всего, она была добрым и порядочным человечком, влюбившем в себя весь мужской состав торгпредства. Ну, как в таких условиях устоять?

Через полгода образ Оли здорово померк и вместо душевной боли вызывал лишь светлую печаль. И сожаление о навсегда упущенном.

А через год после вступления Андрея на кипрскую землю, он сходил по трапу на землю московскую. С молодой и любящей женой Викторией.

— Андрей, ты не спишь? — громко прошептал Леонид. Как будто Бестужев мог ему ответить.

Андрей был рад его обществу. И днем. И, тем более, сейчас, когда падающие в раковину капли уже, казалось, добились то, что еще оставалось после столкновения с бордюрным камнем.

— Я тут стишок накропал, — извиняющимся тоном сказал Леонид.

Стишки он кропал постоянно. И по просьбам трудящихся — с посвящениями: мгновенно, даже с какой-то непонятно откуда берущейся искренностью. И сам по себе. Писал он и серьезные стихи. Но, в любом случае, Леониду требовалось немедленно прочесть сотворенное, пока ему самому не успевало разонравиться. Да, еще: критиковать запрещалось. Поэтому Бестужев был практически идеальным слушателем.

— Так можно я прочту? — спросил Леонид, и, сочтя молчание за согласие, продекламировал:

*Больница, милая больница!
Не правда ли, эпитет нов?
Листаю дней твоих страницы
Под умным взглядом докторов.
Держась за швы, бредут больные
Наглядной вереницей бед.
Разносят няньки деловые
Неискушающий обед.
С невозмутимостью варана
Бегут минуты, как вода.
Печально капают года
Из незавернутого крана.
В твоих протяжных коридорах —
Унылый запах вековой.
Спасут меня — придет другой.
Беззвучно мелет старый жернов.
Больница, милая больница!
Ну как тобой не восхититься?
Раздваивает время лик:
Годы летят, но замер миг.*

Леонид, зачарованный собственной музыкой, вдруг понял, что плод его вдохновения мог ранить парализованного Андрея. Он с тревогой и сочувствием склонился над Бестужевым.

— Это так, в порядке шутки, — прошептал Леонид. — Я лучше тебе эпиграммы почитаю.

Бестужев не хотел слушать эпиграммы, поэтому глаз не закрыл. Они с Леонидом уже понимали друг друга. Журналист, повздыхав, пошел на свою койку.

Волновался он зря. Стихотворение Андрея не задело. Оно лишь включило в нем какую-то внутреннюю работу. Пошел процесс. Результатом которого была фраза, прочно осевшая в мозгу: “Надо уходить”.

После консилиума, который окончательно вычеркнул его из последней жизни, Андрей пережил два этапа.

Первый — отчаяние. Хотелось плакать. Даже не плакать, а — выть. В голос, которого нет. И ни с кем не хотелось общаться. Трудно общаться тому, у кого нет будущего, с теми, у кого оно есть.

Потом это состояние прошло. Прежде всего — из-за родных. Когда Вика во второй приезд привела все-таки Антона с Маринкой, Бестужев понял, что то, что с ним случилось, — не самое страшное. Например, гораздо страшнее было бы, если б на его месте оказались его дети. А когда ты понимаешь, что вытянул не самый страшный жребий, уже немного легче.

Его очень занимала Санька. Она стала приходить к нему. Они не разговаривали. Девочка просто тихо сидела в углу. Потом уходила.

Этот почти незнакомый человек был разительно, до испуга похож на него самого. В ее геноме — половина Андреева Божьего Предсказания. И конечно он испытывал чувство вины за то, что только сейчас узнал о ее существовании. Андрей попытался было решить хотя бы финансовые проблемы ее благополучия, но Ольга Сергеевна даже не стала дописывать фразу. Это, пожалуй, был единственный случай, когда она грубо лишила Бестужева возможности “говорить”. Что ж, он заслужил это. Хорошо хоть перстенок в свое время не выбросила, он постоянно отсверкивал на ее пальце.

Каждый день приходила к своему крестнику баба Мотя. Производила с ним все необходимые процедуры, которые он стеснялся позволять Ольге Сергеевне. Попутно монотонно-ворчливым голосом рассказывала о своей жизни. Стороннему слушателю она показалась бы совсем не сладкой, но, странное дело, баба Мотя была ею вполне удовлетворена.

И, конечно, больше всего радовали Бестужева долгие беседы с Ольгой Сергеевной. О чем бы они ни заговорили (точнее все-таки — она: он “говорил” гораздо реже, потому что при всей постоянно растущей догадливости собеседницы, замедленный информационный объем убивал сам дух человеческой беседы), через несколько минут Бестужев размывал ощущение реальности и оказывался с Ольгой то в прошлом, то в настоящем, а иногда даже в будущем. И не обломком человека, а полноценным Андреем Бестужевым, еще не старым и очень жадным до жизни.

Мысли о работе и о деньгах, которые занимали практически все его время до этого, нынче вообще перестали его посещать. Не волновало. Вика предприняла уже по его указанию все необходимые меры. Его будущая вдова и его дети не будут страдать материально в ближайшие пятьдесят лет.

А теперь самое главное: Андрей, наконец, понял, зачем Бог руками бабы Моти извлек его недвижимое тело из, казалось, последнего пристанища и продлил, пусть и некомфортно, его бренное существование.

Нужно было завершить круг. Каждое дело должно иметь свой конец. Бессмысленно Божье творение, Божий дар, если тот, для кого он творился, его не осознал.

Андрей не был верующим, как не был и атеистом. Но он понял идею Всевышнего. Или Провидения. Или Природы — кому как спокойнее. И принял ее. А, значит, теперь уже можно было уходить.

Несмотря на все старания медперсонала, потихоньку в бездвижном теле начинали отказывать то тот, то другой органы, еще недавно вместе составлявшие могучий и безотказный механизм.

“Надо уходить”, — решил Андрей. Подумал просто и разумно, без всякой аффектации. Миссия выполнена. И он благодарен тому, что у него была такая возможность.

Скрипнула дверь. В проеме возникла легкая Ольгина фигура.

— Не скучаешь? — спросила она.

— Мне погулять? — поинтересовался Леонид.

— Оставайся, если хочешь. — И, уже обращаясь к Андрею: — Булгакова дочитаем?

Бестужев в знак согласия закрыл глаза. Герои “Мастера и Маргариты”, озвученные Ольгиным легким голосом, помогли ему покинуть его оболочку и жить по-настоящему.

Ольга Сергеевна устроилась поудобнее, раскрыла книгу на закладке и продолжила с того места, где остановилась в прошлый раз.

Бестужев лежал с закрытыми глазами, но Ольга Сергеевна могла поклясться, что он буквально впитывает бессмертные булгаковские строчки. Ее и саму, — сколько раз ни перечитывала, — захватывал этот ночной полет над городом, печальное — но освобождение.

Андрей открыл глаза и показал, что хочет “говорить”.

Ольга достала “букварь”, уже усовершенствованный ребятами с работы Бестужева. Теперь это был ноутбук с большим экраном, сбрасывающий отобранные буквы в нижнюю строку и частенько “угадывающий” слово по первым буквам. Процесс “письма” здорово ускорился.

“О-Т-П-У-С-Т-И-М-Е-Н-Я-О-Л-Е-Н-Ь-К-А!”, — “написал” Андрей.

— Куда? — не поняла сначала Ольга Сергеевна. Потом поняла. — Тебе плохо со мной?

— М-Н-Е-Ч-У-Д-Н-О-С-Т-О-Б-О-Й.

— Мне тоже, — не кривя душой, сказала Ольга. Ее кумир, ее фетиш, пусть и поломанный (в самом прямом смысле), достался ей. — Зачем же ты это говоришь?

— “О-Т-П-У-С-Т-И-М-Е-Н-Я-М-И-Л-А-Я-Е-С-Л-И-Л-Ю-Б-И-Ш-Ь”. — “Знакомые” слова компьютер выбрасывал вниз почти мгновенно.

Ольга сидела, глотая слезы. Она поняла. Ощущение того, что жизненный круг замкнулся, не покидало и ее. А жизнь не должна замыкаться. Она все время должна идти дальше.

— Андрюша, но ведь сейчас каждый год изобретают что-то новое. Правда ведь, Леонид? — обратилась она за поддержкой.

— Не знаю, — грустно ответил журналист, спустил ноги с кровати, надел тапочки и вышел в коридор.

— Может, мы еще подумаем? — прошептала Ольга, склоняясь к лицу Андрея.

Он даже не стал “писать” ответ. Ответил глазами: “Отпусти меня!”

— Хорошо, — сказала Ольга Сергеевна, поцеловала его в губы, вытерла ему и себе слезы и вышла из палаты. Сестры, болтавшие в конце коридора, брызнули в разные стороны: по больнице шла властная, уверенная в себе и знавшая, чего хочет от других, старшая медицинская сестра Ольга Сергеевна Пономарева.

...Она вдруг подумала, что Андрюша ее фамилии так никогда и не узнает.

Виктория приезжала раз в неделю, обычно ближе к выходным.

Бестужев "разговаривал" с ней мало и неохотно. Приучал к жизни без него. Она с этим смирилась.

На третий месяц такой жизни Виктория вдруг заметила, что на работе, где она в последнее время здорово продвинулась, мужчины смотрят на нее с нескрываемым желанием. Может быть, она просто похудела и стала женственней. Может быть, горе отточило ее черты. В любом случае этот интерес был ей приятен. Раз в неделю она наблюдала за процессом угасания дорогого ей человека. Жить одним этим нельзя. И она была благодарна Андрею за то, что он, понимая это, выталкивает ее в жизнь.

Ольга Сергеевна терпеть не могла Димку. Другого на его месте она просто бы ненавидела. Но Димку ненавидеть было нельзя. Потому что человеком он уже не был. Он был наркоманом.

Ольга Сергеевна знала его столько лет, сколько ему и было. Соседи. Димка рос симпатичным умным пацаном. Совсем недавно гордая тетя Зина показывала Ольге его аттестат. В нем не было ни одной тройки. У самой тети Зины к тому времени все было плохо, кроме сына: муж — ушел, завод почти закрылся — сидели без зарплаты, нагрянули возрастные болезни. Димка — одна отдушина. Единственная. Все сватала его к Ольгиной Саньке: десять лет разницы сегодня — очень современно.

Потом Дима поехал учиться в московский институт. И почти сразу, встретив его на каникулах, Ольга Сергеевна профессиональным глазом уловила произошедшую в нем перемену. Спиртным от него никогда не пахло, но мутные, смотрящие в самого себя глаза выдавали.

Ольга, смущаясь, поделилась опасениями с тетей Зиной. Та возмущенно раскричалась, расшумелась. А потом расплакалась и сквозь слезы призналась, что, разбирая вещи сына, нашла в сумке шприц.

Из института Диму скоро вышибли. Приходилось только दि-
ву даваться, с какой скоростью он терял человеческое лицо. Буквально за год парень, юноша, потерял возраст, а еще через два — и пол. Совесть и прочие человеческие качества он потерял еще быстрее.

Тетя Зина в квартире уже не жила: сынок постоянно тянул из нее деньги, однажды чуть не выкинув из окна. Она переехала в сторожку, где бессменно сторожила товары какой-то коммерческой фирмы. Посадить собственного сына рука у нее не поднялась.

Хотя арестовывали его дважды: один раз, когда поймали на глупой безумной краже, все в том же магазине "Культтовары". Срочно нужен был "чек", начинало "ломать". Второй — когда в их квартире от "передоза" скончался его дружок-наркоман.

— Тебе его не жалко? — спросила в коридоре Ольга у тупо ухмыляющегося Димки.

— Теть Оль, ты ничего не понимаешь. Ему было хорошо. А плохо ему уже не будет.

Ольга Сергеевна стояла перед дверью тети Зининой квартиры и слушала доносившуюся оттуда музыку. Она постучала — звонок был вырван с корнем. Дверь не сразу, но открылась.

Дима был один, и пока соображающий. Даже в полумраке, царящем в квартире — все, что можно было продать, начиная от мебели и кончая электропроводкой, было продано (один магнитофон остался, и тот, возможно, ворованный) — Димино лицо ужасало. Есть очень точная поговорка: покойника в гроб краше кладут. Впрочем, Дима и среди покойников занял бы последнее место.

— Чего хочешь, тетя Оль? — придвинувшись, спросил Димка. Ольга инстинктивно брезгливо отстранилась. Умом она понимала, что наркомания — болезнь, хоть и не заразная. Но каждый день наблюдая в больнице, как без вины мучаются тяжелобольные, особенно — дети, она не могла сострадать наркоманам, добровольно загоняющим себя в эту бездну.

— Мне нужен героин.

— Чего? — заржал Димка. — Решила узнать настоящего кайфа?

— Слушай, ублюдок, — холодно продолжила Ольга Сергеевна. — Я предлагаю тебе сделку. Ты мне — пять доз чистейшего героина, а я тебе — денег на двадцать доз.

Димка задумался, даже глазки ожили, забегали.

— И не вздумай разбавлять, — предупредила Ольга Сергеевна.

— А что ты мне сделаешь? — поинтересовался Димка. Но без особого куража: он отлично знал свою соседку и понимал, что слов на ветер она не бросает.

— Лучше бы тебе не знать, — ответила Ольга. Если этот подонек из жадности продаст ей плохой товар, он точно пожалеет об этом.

— А ты хоть знаешь, сколько это стоит? — поинтересовался наркоман. Теперь в его голосе была истинная печаль. Уж он-то знал цену отраве. И назвал сумму. Ольга торговаться не стала, боялась, что тот все-таки разбавит наркотик. Но и де-

нег таких не имела. Поэтому протянула ему руку с перстеньком.

— Этого хватит?

Дима аккуратно стянул кольцо и попытался его в полутьме рассмотреть.

— Думаю, да, — наконец сказал он. — Тебе когда отдать дозы?

— Сейчас.

Он полез куда-то за чудом сохранившийся шкаф, долго там ковырялся и достал крошечные пакетики. Объяснил, как и в какой пропорции разводить, чтобы не отправиться на тот свет.

— “Баян”, тебе, думаю, не нужен, — сказал он на прощание.

— Зачем мне твой баян? — не поняла Ольга. Она помнила те времена, когда чистенький мальчик с пионерским галстучком ходил в “музыкалку”, сгибаясь под тяжестью здорового инструмента.

— Шприц, — засмеялся Димка. Засмеялся так, как когда-то. У Ольги Сергеевны сердце защемило.

— Я пошла, — сказала она и закрыла дверь.

Они опять по очереди с Леонидом читали Булгакова. Бестужев слушал. Но невнимательно. Все время вопросительно смотрел на нее. Она была вынуждена взяться за “букварь”.

“К-О-Г-Д-А?” — спросил Андрей.

— Не сегодня, — тихо ответила Ольга.

“Т-Ы-О-Б-Е-Щ-А-Л-А”.

— Я помню.

Леонид слушал и понимал гораздо больше, чем ему хотелось. Он уже не мечтал о сюжете.

На самом деле — сегодня. Ольга Сергеевна понимала, что если не сегодня, то — никогда. Он умрет сам, в муках. Перед уходом она сказала:

— Все. Пора спать. Андрюше, как всегда, немножко промедола, а тебе, Леня, ничего.

— Вечно так, — невесело рассмеялся Леонид. Сюжет развивался.

Ольга Сергеевна достала одноразовый шприц и пузырек с раствором. Тщательно протерла спиртом место укола.

— Ну вот, Андрюшенька, теперь ночь проспешь. — Она наклонилась, поцеловала Бестужева в губы. Уже поднимаясь, поймала его благодарный взгляд.

После укола Бестужев сначала ничего не почувствовал. Так, легкое волнение. И преклонение перед Олей. А потом, внезапно и очень явственно, у него ожило тело. Он легко встал с кровати, так же, как и на протяжении всех предыдущих лет. Леонид смотрел на него с нескрываемым восторгом.

Бестужев подхватил отчего-то вернувшуюся Ольгу Сергеевну и под звуки вальса со своего выпускного закружил ее по палате.

Они танцевали легко и слаженно, и утлая больничная мебель им не мешала. Они просто ее не замечали.

А потом Бестужев совсем развеселился. Окно было распахнуто, и он предложил Оленьке полетать. Ольга согласилась, и они полетели прямо сквозь теплую июльскую ночь. Андрей даже удивился: по идее, должна была быть осень. Но был июль. Как он это определил, сказать сложно. Да и зачем говорить, когда можно летать?

А что было дальше, Андрей не помнил.

Помнил Леонид. После ухода Ольги Сергеевны он собрал и порвал все исписанные бумажки, потом на всякий случай расформатировал винчестер ноутбука. Чтобы сюжет не покатился в ненужном направлении.

...Поскольку родственники против вскрытия категорически возражали, похороны состоялись на следующий же день.

Эпилог

...Они сидели с Санькой вдвоем на темной кухне. Из прохудившегося крана и здесь подкапывала вода. Темноту разбавляли лишь яркие звезды за раскрытым окном да красный светлячок светодиода на клавише выключателя. Они долго сидели молча.

Наконец Санька спросила:

— Ты теперь к Лорду не вернешься?

Ольга Сергеевна молчала.

— Мам, ты к Лорду вернешься или нет? — переспросила Санька. Она всегда все доводила до конца. Как мама.

— Вернусь, дочка.

— Правильно, мам. Он хороший.

— Да, он хороший.

И снова сидели молча.

— Мам, а ты счастливая, — вдруг подвела итог Санька. — Ты любила.

— Да, — подумав, согласилась Ольга Сергеевна. ■

ЧЕЛОВЕК —

Слово обладает огромной магической силой
психолингвист, профессор

Галина КАЛИНИНА

Кажется, никто не отрицает ставшее уже банальным утверждение, что слово лечит и калечит, но, согласитесь, никто это, по большому счету, и не воспринимает слишком уж... серьезно. Есть, правда, истории о том, как кто-то кому-то бросил в сердцах: "Чтоб ты сдох!" — и человек действительно через час (на следующий день, через неделю...) умер или погиб, утонул. Получается, он вроде как выполнил "приказ" умереть ("что б ты сгинул"), но куда же девается хваленая "сила слова", когда кому-то не менее эмоционально и жестко "приказывают": "Не опаздывай!", "Не ври!", "Не упади!"? (А он продолжает и врать, и опаздывать, и спотыкаться на ровном месте...) Можно ли предугадать, как повлияет на человека слово?

Пермячка Ирина Черепанова утверждает, что это можно рассчитать бунвально с математической точностью. Пока мы почти полгода созванивались с ней по телефону и договаривались, где встретимся — в Москве или в Перми, я втайне опасалась, что еще чуть-

чуть и (чем черт не шутит?) мне придется звонить ей в какую-нибудь Америку. (Раньше профессионалов такого уровня из провинции, как насосом, выкачивала Москва, теперь — Нью-Йорк.) Впрочем, быть может, о человеке, изучающем "зомбирующую" силу слова, не стоило бы писать (слишком много шарлатанов пасутся на этом поле!), но многочисленные ссылки на мнение Черепановой обильно рассыпаны по книгам профессиональных психологов, серьезных специалистов по модному сегодня нейро-лингвистическому программированию (НЛП). Ее называют и одним из ведущих специалистов по НЛП в России, и известным психотерапевтом, и даже... ведьмой. На самом деле Черепанова — доктор филологических наук, профессор Пермского госуниверситета. Малый тираж одной из ее книг, вышедшей в провинции, моментально был "восполнен" пиратским изданием. Обычное дело в наше время. Правда, книга эта — не острозюжетный детектив, а... докторская диссертация в области психолингвистики, защищенная в

ЭТО ТЕКСТ?..

способно повлиять на наши судьбы, утверждает Ирина Черепанова.

институте языкознания Российской Академии наук.

Однако в публикациях об Ирине Черепановой действительно упоминаются и "магия", и "зомбирование"... И, как ни странно, все это имеет отношение к ней.

Ирина Юрьевна утверждает, что ее всю жизнь интересовало, как одни люди управляют другими. Причем интерес к этому у нее вроде как наследственный. Дело в том, что один из ее дедов умел хорошо рисовать, писать и (внимание!) — говорить. То есть он "воздействовал на людей словом" — так внучка интерпретирует его военную карьеру от рядового до политруна. И утверждает, что та давняя история оказалась влиянием на ее судьбу. Пона скажу только, что девчонка пошла по стопам деда-комиссара — комсомол, коммунарское движение, песни у костра...

— Ирина, признайтесь, про деда-комиссара это вы, наверное, потом поняли. Неужто уже в школе думали про то, "как слово воздействует на человека"?

— Да я еще в детском саду про это думала, — парирует Черепанова. — А в школе уже профессионально занималась, потому что коммунарское движение предполагало институт комиссаров, фактически это работа уже взрослого — возглавить группу, проводить сборы ребят-комсомольцев. Между прочим, первые слова, которые я научилась произносить — не поверите — "книга" и "карандаш". Звучало это так: "кнтя" и "ининда". Я еще ходить не умела, когда снимала с полки книги, оставляла в них свои автографы и анкуратно ставила обратно.

Интерес к тому, как одни люди управляют другими, привел Ирину в школу юного журналиста. Она полагала, что газетчики, медики, владеющие гипнозом, наверняка умеют как-то измерить действие слова на человека, знают, как оно "работает". Но вскоре Ирина убедилась, что и те, и другие многое делают по интуиции, вслепую. Так что на филфак Черепанова попала случайно — надо же было где-то учиться.

— После первых же лекций по языкознанию поняла, что именно здесь лежит самый короткий путь от человека к человеку, путь к подсознанию, — рассказывает Ирина Юрьевна. — На первом же курсе подошла к именитому профессору Мурзину: "Я хочу с вами работать". И сказала ему, чем именно буду заниматься. Он потом вспоминал ту историю не без смеха: "Надо же, подошла такая пигалица и совершенно серьезно заявила, что будет со мной работать".

Вскоре она принесла ему свой труд — 250 печатных страниц.

— Это у вас что, диссертация?

— Нет, курсовая работа.

— Не читая, могу поставить четверку.

— Нет уж, вы почитайте.

Это было начало ее поисков дороги к "дому колдуньи". Так французский психоаналитик С.Леклер назвал таинственную область психики, неподконтрольную сознанию. Где ключ к этому "дому" — ключ к бессознательному? Считается, что доступ к нему имеют колдуны, ведьмы, психотерапевты — "ключники бессознательного". Однако Черепанова полагает, что ближе всех к разгадке тайны бессознательного, тайны "дома колдуньи" стоят... филологи, лингвисты. Ирина Юрьевна даже стала одним из основателей в нашей стране такой междисциплинарной науки как суггестивная лингвистика (суггестия — внушение). Суггестивная лингвистика — это и философия, и методы осознанного входа в "дом колдуньи", основанные на мастерском владении языком, это и лингвистическая теория, объясняю-

щая воздействие языка на подсознание.

Алхимия языка

На одном из семинаров Ирины Черепановой для психотерапевтов был проведен забавный эксперимент, если можно так назвать хоровое пение. Все спели хором песню из кинофильма "Земля Санникова" — "Есть только миг между прошлым и будущим..." "Когда мы запели, — рассказывал мне кандидат медицинских наук из Челябинской медресы Сергей Быков, — все вдруг с ужасом почувствовали состояние жуткого дискомфорта". А Ирина Юрьевна вспоминает, что медики тогда даже... поскандалили: "Они с наменными лицами пропели песню — и началось что-то вроде истерики. Кто-то кричал, что я провела над ними эксперимент, вторглась в их сознание".

Раскрою карты: в популярной песне была заменена одна единственная буква — вместо "миг" собравшиеся пропели "миф". "Мы изменили всего один звук, — вспоминает Черепанова, — и почувствовали, как все меняется: меняются смыслы, меняется мир вокруг".

Широко распространено мнение, что "дело не в словах". Дескать, на человека влияют не сами слова, а интонация, с которой они произносятся, эмоции собеседников или их, как нынче модно говорить, энергетика. Черепанова решила, что дело как раз в словах — в слогах, бунвах, звуках (у лингвистов есть такой термин — звукобунва, полагаю, понятный без научнообразной расшифровки). В самом деле, интонация, какие-то эмоции не играли особой роли, когда психотерапевты пели

строчку из "Земли Санникова". Это же просто песня. Впрочем, тот случай на семинаре — всего лишь забавный урок для "Фомы неверующего".

— У нас в стране жил замечательный ученый Александр Павлович Журавлев, который уже лет девять продолжает свои научные исследования в Америке, — рассказывает Ирина Черепанова. — В России его не признавали, его исследования долгое время относили к лженауке. Я взяла их за основу, потому что он придумал не только, как изучать фонетическое значение отдельных звуков, слов, но ему удалось это формализовать. Он создал основу для компьютерной программы, которая позволяет прогнозировать воздействие на человека того или иного звука, слова, целого текста.

Сочетание профессиональных компьютерных программ с новейшими лингвистическими методами позволило Черепановой подтвердить то, о чем раньше только догадывались. Оказалось, что каждый звук действительно имеет свой цвет. Например, звук "а" мы видим ярко-красным, звук "и" — голубым, "о" — желтым, "е" — зеленым... Нетрудно догадаться, что и у каждого слова, текста — тоже свой цвет. Но это еще не все. На основе фоносемантических признаков (фоносемантика изучает значение отдельных звуков) Ирина Юрьевна характеризует тексты такими понятиями, как "суровый", "нежный", "стремительный", "тихий", "зловещий", "угрюмый", "тоскливый", "устрашающий"... Эка невидаль, скажете вы, нетрудно понять — угрожают мне или объясняются в любви! И будете не правы. Оказывается, по содержанию

текст может быть очень даже нежным, например, объяснением в любви, а по лингвистическим признакам — устрашающим.

Человек, находящийся в подавленном состоянии, скорее всего, напишет текст, который с точки зрения психолингвистики будет звучать угрожающе или даже зловеще. И неважно, что это — автобиография, юмореска, доклад для симпозиума или наной-нибудь там годовой отчет об использовании денежных средств. В общем, по словам Черепановой, расстроенный человек "порождает жуткий текст", который так же — "жутко" — и действует на нас. И этим текстом может оказаться, например, информация из "Последних новостей", звучащая по радио. И мы даже не поймем причину ухудшения настроения — новости-то в эфире были вполне оптимистичными.

— Ирина Юрьевна, но ведь это уже мистика?

— Нет, лингвистика, — смеется Черпанова. — Это то, что я называю алхимией языка. Иногда в огромном тексте достаточно изменить всего лишь одно слово, чтобы он из "жесткого" превратился в "мягкий". Проблема в том, что именно это слово очень трудно найти. Поэтому я советую все писать на свежую голову, в хорошем расположении духа — особенно то, что будут читать или слушать много людей.

В самом деле, смогли бы вы отыскать ту бунву "ф", так изменившую восприятие песни, не будь эта строка столь известна?

"Слово мое крепко..."

Наверное, тысячи специалистов и студентов в нашей стране

собирали и изучали фольклор, есть даже сборники этих шедевров народного творчества. В новейшее уже время собраны и изданы заговоры и наговоры, присушки и отсушки, заклинания и бог знает что еще. Специалисты изучали и описывали словесные образы, особенности жанров, красоту и богатство языка древних текстов, их распространение в разных областях страны, национальные особенности... Но парадокс в том, что при изучении заговоров не принималось во внимание самое главное — то, для чего, собственно, и были созданы эти "памятники культуры". В поле зрения ученых было все что угодно, кроме одного — силы воздействия этих текстов на человека. Оно и понятно, сила заговоров или присушек-отсушек считалась чистой воды суеверием, а кому придет в голову изучать то, чего нет? Да и вообще внушающая (по научному — суггестивная) сила слова — слишком скользкая тема... Не случайно и сегодня в лаборатории суггестивной лингвистики Пермского университета, которой руководит Черепанова, нет-нет да и звучат опасения, что их могут "засекретить". (Ведь здесь имеют дело с самым мощным оружием — словом, а ну как методы работы с ним попадут в нечистые руки?)

Идея препарировать древние тексты, исследовать механизмы, которые там действуют, — находка Черепановой, "изюминка" ее исследований. И именно за их использование ее чаще всего... упрекают. Мол, как можно святое пропускать через компьютер? Да, она не остановилась на изучении заговоров, она действительно "пропустила через компьютер" не

менее древние тексты — молитвы. И, между прочим, обнаружил их... генетическое родство с заговорами. Ирина Юрьевна даже ездила в фольклорную экспедицию к... йогам.

— Сегодня уже научно установлено, что на человека можно воздействовать словом, не обращаясь к смыслу этого слова, — через звук, ритм, форму, — объясняет Ирина Юрьевна. — Таково свойство санскрита. Не случайно американцы используют его при создании искусственного интеллекта.

Монахи придумывали санскрит как язык для записи сакральных (тайных) текстов, чтобы профаны не смогли их прочитать, а в результате получилось идеальное средство воздействия на человека. Мантры, ради которых Черепанова и общалась с йогами, — это просто сочетание звуков и, в отличие от заговоров, они действуют жестко. Если метафорически описывать звуко-ритмическое влияние мантр на человека, то, по словам Черепановой, оно неотвратимо, как смерть. (Между прочим, наводит на размышления брошюра вскользь замечание ученого о том, что наши аббревиатуры очень близки к санскриту по жесткости формы...) А молитвы действуют мягко, постепенно обволакивая человека, у него есть выбор — он может сопротивляться этому влиянию, уйти в сторону.

— Я не оцениваю действие текстов, как "хорошее" или "плохое", могу сказать только, сильно и слабо они на нас влияют. Наши программы, где для каждой звуковой вычислена специальная формула, это легко высвечивают.

Анализ 288 мантр и заклинаний показал, что они, как прав

но, имеют красный цвет. Черепанова объясняет это тем, что в индийской традиции красный цвет считается цветом Учителя. Получается, в кришнаитских мантрах на санскрите зафиксирована идея служения ему.

— Если вспомнить традицию передачи мантры от Учителя к ученику, то красный цвет, цвет Учителя (божества) здесь оказывается не только уместен, но необходим, — рассуждает Ирина Дрьевна. — Когда люди часами повторяют мантру, их невозможно вывести из медитативного состояния ни логикой, ни психотерапией, потому что мантра воздействует сразу на подсознание, минуя сознание.

А какого цвета молитвы? Большинство из них — голубые. Как тут ни вспомнить Павла Флоренского, который голубой цвет всегда связывал с божественными, религиозными идеями и писал, что "голубое есть знак самоотверженности и желания принести себя в жертву за всех. Если эта склонность к самопожертвованию крепнет настолько, что превращается в сильный акт воли, выражающийся в деятельном служении миру, тогда голубое превращается до светло-фиолетового". Ирина Черепанова на основании лингвистического анализа молитв поддерживает идеи об их целебном влиянии на физио-химическую и психофизическую основы человека, об их способности влиять на процессы саморегуляции личности. Как показывают исследования, все универсальные тексты, которые ведут разговор с нашим подсознанием на древнем языке, построены по типу "мягкого кодирования", исключением яв-

ляются только мантры, построенные по типу "жесткого кодирования". Причем опять же речь идет не о том, что мантры влияют на нас "хуже" или "лучше" молитв, а о том, что — жестче.

Любопытно, что языческие заговоры и наговоры (вредоносные заклинания, чернушные) — разноцветные, как варево в колдовском котле. В лечебных, благотворных заклинаниях преобладают "высокие", "хорошие" буквы "и", "ю", а в "чернушных" текстах — вредоносных наговорах, в отсушках много столь неприятных слуху, "плохих" шипящих и свистящих звукобунв — ж, ш, щ, с.

Золотая пропорция

— Однажды сынишке одного нашего программиста знахарка заговаривала грыжу, а у него память феноменальная. Он пришел на работу, продинтовал этот текст и мы его сразу же через наши программы пропустили, чтобы посмотреть, как он устроен. Почти весь заговор оказался нейтральным (чтобы психику не перегружать, мы обычно так и общаемся — "нейтрально", а все эмоционально окрашенное часто уходит на периферию языка — либо в сакральные слова, либо в ругательства, в мат), но в точке золотого сечения стоит очень жесткая фраза — "грызь перегрызай", как удар скальпелем. В любом тексте информация, которая находится в золотом сечении, уходит прямо в подсознание.

А вот заговор "на кровь": "Шла баба по ричне, вела бына на нитке, нитка порвалась, кровь унеслась. Стану я, раб божий имярек, на пашень, кровь моя не капнет, стану на кирпич, кровь запе-

нись. Закрепитесь, мои слова, двенадцатью ключами, крепкими замками. Аминь!" Вы уже, наверное, догадались, что в золотом сечении этого старинного заговора находятся слова "кровь запекись". Если до них текст заговора характеризуется лингвистами, как "стремительный, "нежный", то после золотого сечения — как "тихий", "нежный". Образно говоря, — замечает Черепанова, — кровь должна "стремительно затихнуть". Интересно, что до золотого сечения заговор "красный", а после него — "синий". (Напомню, что золотое сечение — это такое деление целого на две части, при котором отношение большей части к меньшей равно отношению целого к большей части.) А заговор на усыпление ребенка, между прочим, после золотой пропорции... "темнеет". Как будто наступает ночь, и — спать пора...

Несколько лет назад у Ирины Юрьевны и ее научного руководителя (ныне уже покойного) Леонида Николаевича Мурзина возникла идея открыть при университете институт динамической лингвистики. Тогда НИИ, наоборот, уже закрывались, ученых сокращали, а у Черепановой еще не было докторской степени. Она вспоминает, что даже проректор по науке не верил в эту идею: "Вам никто не разрешит!" "Мы написали все бумаги в высокие инстанции, используя определенные лингвистические закономерности. Не прошло и двух месяцев, как мы получили разрешение", — рассказывает Ирина Юрьевна. Говорят, местный научный мир был в легком шоке.

В докторской диссертации Черепанова подробно разбирает с

точки зрения золотой пропорции одну из "классических славянских психотехник" — Иисусову молитву, известную на Руси под названием "умное делание" ("Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго".) Золотое сечение в ней находится перед словом "помилуй" и, совпадая с кульминацией текста, делит его на две части — развернутое обращение и короткую смиренную просьбу. Понимаете, как надо просить?

Рожь, морда или Лик?

Когда я услышала про то, что информация "без моего ведома и согласия" может направляться прямоком в подсознание, "не обрабатываясь сознанием", мне стало как-то не по себе. Еще недавно казалось, что я "не обращаю внимания" на теле- и радиорекламу, а боль в желудке не имеет никакого отношения к ежедневно звучащему по моей любимой радиостанции: "Вы чувствуете острую боль в желудке... Вам поможет ультра... ин". Я что-то заподозрела только тогда, когда мне "неожиданно" пришла в голову мысль попробовать этот самый "ультра... ин". Сколько еще "приказов" мы получаем ежедневно от "у вас разболелся зуб..." до "ваши близкие страдают алкоголизмом..."? По словам Черепановой некоторые рекламные тексты она без малейших колебаний причислила бы к социальной порче. Однажды на ее семинаре кто-то прочитал вслух текст про "маленькую язвочку" — и на следующий день у половины специалистов появился герпес на губах. А ведь есть еще ятрогения и дидактогения. При этом, знаю, я впервые услышала от

Ирины Юрьевны, что так называются болезни, вызванные СЛОВОМ врача и СЛОВОМ учителя.

— Семьдесят процентов пациентов в клиниках неврозов в глубине души считают, что на самом деле у них... порча или сглаз. Почему так? Дело в том, что сейчас человек ничем внутренне не защищен, — размышляет Ирина Черепанова. — Такую внутреннюю защиту дает, например, какой-то глобальный миф, к которому человек мог бы присоединиться. Язычники защищались от всего враждебного и непонятого заговорами, христиане — молитвами. У коммунистов, условно говоря, был "Интернационал". Каждая идеология предусматривала свою систему обрядов и защитных текстов для "укрепления" человека, для того, чтобы он более уверенно чувствовал себя в этом мире.

За разрушением глобальных мифов последовала потеря и мифов семейных. В результате сегодня очень много людей считают себя "такими же, как все", замечает Ирина Юрьевна, они не осознают своей уникальности, неповторимости, а, значит, подсудно не уверены не только в своем праве на взаимную любовь, счастье или творчество, но и на существование в этом мире. Обычно педагоги, психотерапевты, в конце концов, родители предлагают им эталоны для подражания, а Черепанова полагает, что им нужны... тексты — мифы о себе. Она очень любит напоминать, что русский философ Лосев назвал миф "в словах данной личностной истории".

— Люди интуитивно стремятся к каким-то текстам, которые их

защищали бы. Не случайно же многие хватаются за мантры с легкостью кришнаитов. И не случайно обязательный компонент любой магии — вербальная, то есть словесная магия. А ведь текст можно выкристаллизовать из любой человеческой истории...

Черепанова предложила создавать личные защитные тексты — мифы для внутреннего пользования, так сказать. Логика простая: если заговоры, заклинания, молитвы поддаются точному математическому описанию (и результаты их анализа удалось компьютеризировать), значит, можно, используя механизм их воздействия на человека, самим, "искусственно", сочинить эффективный защитный текст, влияющий на подсознание, — миф. Рассказывая о предложенном (и запатентованном) ею методе вербальной мифологизации личности, Ирина Юрьевна напоминает слова одного из философов о том, что "человек — это текст". (Сначала эта фраза показалась мне несколько... странной, но чем больше я думаю над ней, тем она мне кажется более глубокой.)

— Любому человеку, когда у него появляется эта в словах данная чудесная история, — это в принципе уже... другой человек. Он иначе себя воспринимает. У него в первую очередь меняется языковая призма, через которую он смотрит на мир, меняется собственный язык. Миф как бы запускает скрытые в нас механизмы, его можно назвать ключом — ключ поворачивается и в человеке что-то открывается. И, между прочим, реально представленный образ будущего может изменить настоящее...

Банковского служащего, пришедшего на один из семинаров Черепановой, мучило ощущение, что он ходит по кругу, как рабочая лошадь, что каждый день делает одно и то же. Ему казалось, что жизнь потеряла смысл. На семинаре ему придумали красивую легенду о проснувшемся вулкане. В результате человек не только вышел из депрессии, но открыл свое дело и стал преуспевающим бизнесменом, чего от него не ожидали ни знакомые, ни даже близкие друзья.

Другая ситуация. Парень на семинаре не мог вспомнить ничего светлого из своей жизни кроме давней пятерки в школе за контрольную по математике да единичной награды в армии — за метную стрельбу. После публичной исповеди парню помогли создать миф о метном стрелке, всегда поражающем цель. И... полоса неудач осталась позади. Невероятно, но у него стало получаться буквально все, за что бы он ни брался.

Одним из первых, кому пермские ученые помогли создать личный миф, был подполковник из смоленского спецназа. Военного мучила... неуверенность в себе. Его миф, беспристрастно и отстраненно излагавший абсолютно реальные факты из жизни подполковника, назывался "Доктор-воин". Офицер после этого удивлялся вопросам знакомых: "Ты что, стал выше ростом?"

Лицо можно назвать рожей, харей, физиономией, мордой, а можно — Лицом. Лик есть не только у святых, но и у каждого из нас. И миф — это не вымысел, не ложь, не фантазия человека — это его Лик. Это правда о нем, но правда высокая, поэтическая.

— Обратите внимание, что представители любой конфессии стараются дать человеку что-то в руки, чтобы он унес это с собой. Библии бесплатно раздают. И совершенно нерелигиозные люди берут их. А после психотерапевтического сеанса человек уходит с пустыми руками и ему как будто не хватает "конечного результата" — вот только что на сеансе было хорошо, а вышел — и опять плохо. А когда человек уходит, принимая к груди вдохновляющую легенду о себе (она может быть написана в жанре заговора, молитвы, песни, письма, заклинания... — каждый сам выбирает), он воспринимает ее, как таблетку, причем, долгоиграющую, она становится талисманом. Сейчас психотерапевты пишут диссертации, изучая медицинские аспекты метода, но это уже не моя тема. Меня интересует лингвистическая сторона.

— Метод вербальной мифологизации личности предлагает творить себя, как... текст, — продолжает Черепанова. — Многие по этому начинают сочинять стихи, и они изменяются круг общения, внешность. Человек меняется уже в процессе создания мифа о себе, раскрываясь буквально, как цветок, — за этим очень интересно наблюдать.

От комиссара до ведьмы и обратно

Вообще-то миф есть у каждого из нас, а не только у певцов, киноактрис, политиков или, например, греческих богов. Просто мы не осознаем, что, семейные истории, наши прозвища — это тоже влияющие на нас мифы, только зачастую... разрушительные. Но

от биография Черепановой — будто живая иллюстрация того, как миф творит судьбу человека, и человек — свой миф. Казалось бы, у Ирины этот стихийный миф был изначально — вдохновляющая ее легенда, связанная с дедушкиным комиссарством. Ее коммунарное прошлое. Однако Ирина Юрьевна не случайно говорит, что она "близнец в квадрате" — по гороскопу и по рождению. Девочка появилась на свет вместе с мальчиком, умершим при рождении. "Так что я живу за двоих", — говорит Черепанова. Эта двойственность, если можно так сказать, неожиданным образом отразилась в ее личном мифе, а значит — в судьбе.

— Сначала у меня одна реальность перевешивала — все, что связано с большевиками, коммунистами — все, что шло от дедушки, служившего в Красной Армии. Я росла девушкой очень идейной, политизированной, а все, что касалось народной среды, древних ритуалов, было где-то под спудом, на этом мое внимание особенно не акцентировалось, — вспоминает Черепанова. — Мамина мама была нем-то вроде знахарки, что особенно не афишировалось, но все знали, что она умеет "править". В доме постоянно в ходу были какие-то простенькие заговоры ("У кошки боли, у собачки боли, а у Маши заживи"), бабушка умела "нашептать" их, и я еще в детстве заметила, что все словом сопровождается. С одной стороны, дедкомиссар, с другой — бабушка знахарка, — обе эти реальности в одинаковой степени мифологичны но, повторяюсь, перевешивало все, что было связано с идеологией.

Когда я, уже защитив кандидатскую, в Красноярске чуть ли не впервые в своей жизни прочитала лекцию про вербальную магию для врачей, психотерапевтов (в аудитории было около шестисот человек) и среди них пронеслось — "ведьма", я была шокирована. Я, выросшая на коммунарских традициях, вся такая идейная, и вдруг... Если говорить о личных мифах, то это было начало трансформации мифа комиссара в миф ведьмы. Раз народ говорит, что "ведьма", значит надо что-то с этим делать, для начала — понять, подходит или не подходит. Я залезла в словари и оказалось, что на самом деле слово "ведьма" — от "ведать", обозначало когда-то носительницу светлого начала, знающую больше других. (Ее негативное восприятие сегодня связано с борьбой христианства против язычества, это уже идеологические наслоения.) Писатель-фантаст Иван Ефремов писал, что ведьмы — наиболее образованные женщины своего времени. Быть ведьмой означает знать, ведать, что творишь. Я думаю, сегодня ведьма — женщина... с системным гуманитарным образованием.

Ирина Юрьевна полагает, что сейчас она снова к дедушкиной программе возвращается — к тому, от чего отошла. Ее очень волнует то, что никто не озабочен психическим здоровьем нации, поддержанием "экологической чистоты" языка на всех уровнях — в быту, в медицине, в рекламе... Силу слова — и разрушительную и благотворную — она испытала на себе. Дело в том, что после смерти грудного младенца врачи категорически СКАЗАЛИ Черепано-

вой, что детей у нее больше не будет никогда. Невозможно это. Бесплодие.

После того, как Ирине Юрьевне сказали, что она никогда не сможет родить, у нее в самом деле начались выкидыши. Она уверена, что это — пример ятрогении, о которой здесь туже упоминалось, — болезни, вызванной СЛОВОМ врача.

Но раз ты так уверена, что слово и лечит, и калечит, что тебе навредили именно слова врачей — попробуй ими же, словами, и... вылечить. А почему — нет?

В начале 90-х к нам с Запада пришла довольно жесткая такая фразочка — "Если ты такой умный, то где твои деньги?" Я ее понимаю как опровержение исконно российского "сапожника без сапог", ведь у нас всегда было извинительно сапожнику не иметь хорошей обуви. А тут противоположное — мол, если ты сапожник, то уж, будь добр, имей приличные сапоги, а если лечишь других, то сначала избавься от собственной язвы желудка. Мол, если ты такой умный, то сначала обустрой свою жизнь, а уж потом меня берись учить уму-разуму. А если ты утверждаешь, что себя можно творить, как текст, что слово обладает магической силой, то испробуй для начала эту "магию" на себе.

Именно это и сделала Черепанова. Она "испробовала на себе" свой метод вербальной мифологизации личности. Мне показалось бестактным выспрашивать подробности ее личной "мифологизации", да и в них ли дело? Вот итог: Ирина Юрьевна после "диагноза" рожала — не поверите! — трижды. У нее подрастает трое сыновей.

...Во время октябрьских событий 93-го года Черепанова случайно оказалась в Москве и была потрясена тем, как людей... провоцировали выйти под выстрелы, поглазеть на баррикады. Провоцировали призывами... "не выходить на улицу", звучавшими из всех динаминов на вокзалах. Дело в том, что частица "не" очень трудно проходит в подсознание. Например, для того, чтобы воспринять словосочетание "не бегущая собака", нам необходимо сначала представить собаку, потом — как она бежит, и, наконец, — все это перечеркнуть. Так что не стоит удивляться, если в ответ на просьбы "не подвести", "не опоздать" друг безнадежно подводит и опаздывает. Почему нам так трудно сказать "приходи вовремя" вместо "не опоздай", "будь здоров" вместо "не заболеет", "держись крепче" вместо "не упади"?.. И так трудно потом поверить, что человека нинто не "сглазил" — это мы запрограммировали его на неудачу, на опоздание, на падение.

Где граница между магией языка и просто... магией? А может, это действительно одно и то же, как утверждают лингвисты? Получается, гоняясь за чем-то "магическим", ища помощи у потусторонних сил, пытаюсь понять и быть понятыми, мы упорно не замечаем того, что всегда при нас — языка, на котором говорим, букв и слов? Быть может, "колдовской" рецепт до наивности прост: вместо "я не могу..." просто сказать "я могу..." Вы возразите мне, что это всего лишь самоВНУШЕНИЕ, и я отвечу — да. Внушение при помощи СЛОВА. Магии слова. ■

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

В этой публикации вы, уважаемые читатели "Смены", узнаете все об именах, начинающихся на буквы "Г", "Д" и "Е".

Галина. Имя происходит от греческого слова "галене", что означает спокойствие, безмятежность.

Галина в детстве — папина дочка, она наследует многие черты его характера. Это накладывает отпечаток на ее поведение. Она любит наряжаться в новые платья и повертеться у зеркала, но лучше всего чувствует себя в обществе мальчиков.

С возрастом Галине становятся чужды чисто женские проблемы: кто, что и про кого сказал и как посмотрел. В юности любит читать исторические романы, книги о путешествиях.

Галина очень трудолюбива и поспевает повсюду: на работе, до-

ма и в развлечениях. Дело у нее находится на первом месте. Она расчетлива, заранее знает свой интерес. Люди ее интересуют постольку, поскольку могут быть чем-то полезны. Будет доброжелательна и предупредительна с нужным человеком, с ненужным будет вести себя вежливо, но без проявления радостных эмоций.

У Галины всегда много поклонников и ей есть из кого выбрать себе мужа. Это, как правило, самый красивый и самый умелый мужчина, считающий Галину самой лучшей женщиной в мире. В браке Галина занимает ведущее положение.

Со здоровьем проблем обычно не бывает, но иногда возника-

ют сложности с беременностями, особенно с первой. Слегка склонна к депрессиям.

Удачно сложится брак с Алексеем, Валерием, Виктором, Георгием, Павлом, Станиславом, Яновом. Неудачно — с Егором, Кириллом, Леонидом, Николаем, Романом.

Геннадий. Имя происходит от древнегреческого слова "геннадис", означающего "благородный, родовитый".

Геннадий с детства обладает противоречивым характером. Он может устроить некрасивую сцену в магазине, упасть на пол, зайти криком, требуя купить игрушку. Но временами он становится просто идеальным ребенком — послушным и внимательным. Быстро начинает соображать, на кого и как можно подействовать, чтобы добиться желаемого.

Умеет приспосабливаться к обстановке, обладает сложным характером. На работе старается быть в числе первых. Умеет зарабатывать деньги, но долги возвращает неаккуратно. Обидчив, на критические замечания реагирует болезненно. Любит красиво приврать. Может зазнаться от похвал.

В семейной жизни ценит уют и комфорт. Будущую спутницу жизни выбирает особенно тщательно. Требуя от жены обязательного выполнения разнообразных капризов и прихотей. Геннадий будет добиваться успехов по службе, оказывать помощь по дому, не будет пропадать после работы со своими друзьями.

Подвержен только травмам — и то из-за собственной беспечности, но с возрастом

обычно становится осмотрительнее.

Много шансов быть счастливым в браке с Валентиной, Верой, Ириной, Лидией, Любовью, Майей, Натальей, Ольгой. Надо остерегаться брака с Галиной, Оксаной, Риммой, Тамарой, Татьяной.

Георгий. Происходит от древнегреческого слова "георгос", означающего "земледелец".

В детском возрасте Георгий держится несколько в стороне от своих сверстников. Умеет выслушивать своего собеседника, ему можно довериться в ценотливой ситуации. Может сохранить чужую тайну.

В незнакомом обществе держится обособленно, но в целом к людям доброжелателен. Зла долго не помнит и отношениям с теми, кто его недолюбливает, старается придать ироничный характер.

С женщинами Георгий нерешителен, но семейная жизнь складывается, как правило, счастливо. Единственное, что он не способен перенести — это обман. Георгий любит веселые компании и вечеринки. Выпив, становится задумчивым. Любит гулять с детьми и женой.

С детства заботится о своем здоровье, поэтому подвержен лишь острым вирусным инфекциям.

В браке повезет с Верой, Галиной, Натальей, Ниной, Светланой. Трудно будет ужиться с Викторией, Екатериной, Инной, Лидией.

Григорий. Происходит от древнегреческого слова, означа-

ющего "бодрствующий, неспящий".

В детстве непоседливый характер постоянно мешает ему быть спокойным. Отправившись гулять, обязательно вернется со сбитыми коленками, перепачканной одеждой. С девочками не дерется, но если они начинают дразнить его, то может их и поколотить.

Повзрослев, Григорий не теряет повышенной душевной чувствительности, легко уязвим. Старается всегда быть приятным в любом обществе. Уделяет больше внимания одежде и внешне-му виду. Приятен в общении.

Григорий может освоить любую профессию: водителя, инженера, фотографа. Ему не нравится, когда пытаются им командовать. Заядлый болельщик, посещает все подряд футбольные и хоккейные матчи. Темперамент порой даже до буйства. Из-за взбалмошного характера с ним нередко приключаются несчастья, а здоровьем он откровенно пренебрегает.

Григорий не будет ставить цель обязательно найти жену, имеющую престижную специальность, происходящую из обеспеченной семьи и обладающую эффектной внешностью. Для него важно, чтобы жена была хорошей хозяйкой, имела спокойный и ровный характер. Любит домашний уют, хорошо подготовленное застолье.

Жену Григорию лучше выбирать со следующими именами — Вера, Алла, Елизавета, Лидия, Оксана, Мария, Тамара, Татьяна. Непрочным брак может оказаться с Викторией, Еленой, Ларисой, Натальей.

Дарья. В переводе с древнеперсидского — "победительница".

Девочка Даша смысленна, импульсивна в поступках. Может быстро навести порядок среди детей и даже подраться с забияками. Не выносит одиночества, любит шумные и веселые игры. Много помогает матери в ведении домашнего хозяйства, приучена к организованности и самостоятельности.

Учится неплохо, но подолгу сидеть за уроками не может, ей не хватает усидчивости и трудолюбия. Выручает ее природная сообразительность и хорошая память. Учителя видят в ней помощницу, но общественной работой занимается без желания и старается уклониться от нее.

Дарья хорошо шьет и вяжет, умеет со вкусом одеваться. Косметикой не злоупотребляет. Больше всего ей подойдет работа журналиста, психолога, страхового агента.

Вступая в брак, Дарья считает, что совместная жизнь должна начинаться "с нуля". Все добрые увлечения, романы, привязанности должны быть вычеркнуты. Дарья сразу начинает ладить со всеми родственниками мужа, приглашает их в гости. Любит заниматься домашним хозяйством. Ее страсть — это всевозможные варенья, соленья и консервирование. Бережет самолюбие мужа и при посторонних всячески избегает делать ему критические замечания.

Дарье категорически нельзя курить, так как она предрасположена к заболеваниям бронхов и легких.

Найдет счастье в браке с Александром, Антоном, Иваном,

Евгением, Сергеем, Юрием. Жизнь может не сложиться в браке с Олегом, Семеном, Федором, Филиппом, Алексеем.

Даниил. В переводе с древнееврейского означает "Божий суд".

Даниил — спокойный и добрый мальчик. Характером больше похож на мать. Болеет мало. Любит подвижные игры. Общителен, постоянно окружен друзьями. Даниил не выносит лжи, может даже вспылить, но тут же быстро отходит и зла долго не помнит.

Осваивает самые разнообразные профессии: инженера, художника, предпринимателя, повара, водителя, строителя.

Первый брак не всегда складывается удачно. Любит детей, но жене по дому никакой помощи не оказывает. Любит проводить время на даче или на природе. К еде равнодушен и не будет ссориться с женой по поводу невкусного обеда. Пьет немного, но может увлечься картами.

Удачным брак может оказаться с Анной, Любовью, Людмилой, Ниной, Ольгой, Тамарой, Татьяной. Маловероятно, чтобы удачными были отношения с Елизаветой, Ириной, Ангелиной, Хсенией.

Денис. Это имя происходит от древнегреческого имени Дионисиос. В мифологии Древней Греции Дионис — бог природы и вина.

Денис растет очень общительным мальчиком. Его лучшими друзьями становятся не только дети, но и соседские собаки, которых он подкармливает. Не-

плохо было бы купить мальчику щенка. Это помогло бы воспитывать такие качества, как обязательность, трудолюбие, заботливость.

В школе учится хорошо, но может получать замечания от учителей за беспокойное поведение. С возрастом Денис становится усидчивым и аккуратным человеком, не лишенным способностей. Легко преодолевает всевозможные сложности в жизни. Часто ему улыбается удача. Может выиграть крупную сумму в лотерею.

Денис с детства на всю жизнь заядлый коллекционер. Не боится кропотливой работы. Принципиален. Часто навязывает свои идеи окружающим.

Первый брак у Дениса может сложиться неудачно. Жена часто вступает в конфликт с его родителями. По этой причине молодой семье лучше жить отдельно. При выборе спутницы жизни может в первую очередь руководствоваться корыстными мотивами. Хорошо знает цену деньгам.

Склонен к простудам, должен много внимания уделять состоянию зубов и десен.

Наиболее благоприятным брак может получиться с Анной, Екатериной, Ларисой, Евгенией, Мариной, Полиной, Софьей. Непрочным может оказаться союз с Антониной, Зинаидой, Зоей, Ириной, Ольгой.

Дмитрий. Происхождение этого имени связано с именем Деметры — богини земли и плодородия.

Дмитрий растет болезненным ребенком, переболевает самыми разными болезнями, что отразит-

ся на его нервной системе. Он будет капризным, требовательным к окружающим. У матери будет постоянно искать защиты и помощи.

Взрослея, Дмитрий избавляется от детской капризности, но общение с ним будет непростым. Он упрям, в то же время умен, настойчив, не опускает руки в случае неудачи. В коллективе чувствует себя свободно и быстро продвигается по службе там, где требуется умение общаться с людьми.

Дмитрий любит комфортную обстановку, красивых женщин и самые разные удовольствия. Как правило, ни в чем себя не ограничивает. В принципе, устойчив к болезням, но должен следить за сердцем и системой кровообращения. Любит выпить, но сильного пристрастия к алкоголю не испытывает. Часто вступает в повторный брак, но к детям от предыдущих браков относится с любовью и продолжает заботиться о них всю свою жизнь.

Будет счастлив в браке с Анной, Еленой, Людмилой, Наталией, Эльвирой. Не стоит связывать судьбу с Викторией, Зинаидой, Инной, Ириной, Марией, Ниной, Софьей, Юлией.

Евгения. Женская форма имени Евгений, то есть — "благородная".

Девочка Женя придумывает свой собственный мир, который постороннему человеку трудно понять, там свои законы и правила. В то время, когда дети увлекаются Красной Шапочкой, у Жени может проявиться интерес к религии, и она с интересом будет читать библейские истории. Проявляет склонность к рукоде-

лию, вышивке, но ей не чужды и обычные детские развлечения — катание на велосипеде, игра в куклы. Одноклассники ценят Женю за справедливость, готовность оказать помощь. Об отношениях между разными полами узнает из специальной литературы и к дружбе с мальчиками относится строго. Очень пунктуальна и из-за этого иногда вызывает раздражение у окружающих.

Взрослея, становится более неуживчивой, упрямой и обидчивой. Часто подает повод для ссор, легко может надуться из-за пустяка и испортить настроение окружающим. Может стать хорошим врачом, юристом или домохозяйкой.

Любители легких побед над женщинами быстро чувствуют строгость нравов Евгении. Ей больше по душе мужчины со старомодными манерами, обходительные и сдержанные. Евгения умеет красиво накрыть стол, она запаслива, деньги тратит экономно.

Благоприятен брак с Владимиром, Егором, Аркадием, Константином, Петром. Неудачен брак с Виталием, Всеволодом, Максимом, Эдуардом.

Екатерина. Имя происходит от греческого слова "катариос", означающего "чистый, непорочный".

Екатерина в представлении большинства людей вызывает ассоциации с "царским" именем, с величавостью и властью. Но в жизни женщины, называемые этим именем, чаще всего ничего общего с таким представлением не имеют.

Екатерина уже в детстве выделяется некоторым своеобразием.

Она любит делать запасы, проявляя при этом жадность. Самолюбива, с трудом переносит чье-то превосходство. Стремится быть лучшей в классе и общаться старается только с "избранными".

Хорошо справляется с работой в любом виде деятельности, особого предпочтения никакой-нибудь профессии не отдает. Склонна верить астральным прогнозам. Обладает нерешительным характером. Здоровье у Екатерины шаткое, сильно зависит от психики, причем нервная система — нестабильна.

Возле Екатерины постоянно находится много поклонников, но замуж она долго не выходит. Ищет человека, близкого ей по психологическому складу. Ей нужен муж, который дал бы чувство уверенности в себе. Хозяйственными делами занимается по необходимости. Не всегда удается правильно воспитывать детей.

Удачным брак будет с Антоном, Виталием, Денисом, Петром, Павлом, Семеном. Неудачным — с Виктором, Кириллом, Николаем, Филиппом, Яковом.

Елена. Слово догреческого происхождения, толкование неясно, возможно означает "избранная, светлая".

Маленькая Елена любит сказки. Держится немного замкнуто, живет своим внутренним миром. Очень доверчива, но если кто воспользуется этим ее качеством и обманет ее, то Елена непременно накажет обманщика, проявив при этом незаурядную изобретательность.

Легко увлекается каким-либо делом. Пытается вязать, шить, вышивать. Ей нравится красота в

вещах. Характером больше похожа на отца. В юности производит впечатление замкнутой и застенчивой, но при более близком знакомстве можно увидеть в ней жизнерадостную, эмоциональную натуру с богатой фантазией. Наибольших успехов Елена добивается в профессиях, где требуется умение общаться с людьми.

Любовное чувство чаще всего у Елены проявляется вместе с сочувствием и состраданием к человеку, который нуждается в помощи. За него и выйдет замуж. Принося себя в жертву, Елена ждет и такого же отношения к себе. Она ждет полной самоотдачи, болезненно относится к тому, что отнимает у нее мужа — друзьям, работе, увлечениям. Поглощенная своими душевными переживаниями, равнодушна к бытовым проблемам, обходится самым необходимым. В семье создает атмосферу мира и покоя. Домоседка и заботливая мать.

Слабые органы — поджелудочная железа, почки, позвоночник и кишечник.

Будет счастлива в браке с Андреем, Дмитрием, Игорем, Захаром, Константином, Романом, Станиславом. Неудачно могут сложиться брачные отношения с Анатолием, Василием, Иваном, Степаном.

Елизавета. Имя имеет древнееврейское происхождение, означает "Божья клятва, обет Богу (почитающая Бога)".

Елизавета — шаловливый и непоседливый ребенок, всюду хочет успеть, все узнать. Одноклассники любят ее за веселый характер, верную дружбу. Старается создать о себе впечатление

лучше, чем она есть на самом деле. Ей кажется, что люди относятся к ней хуже, чем она того заслуживает, поэтому, пытаясь самоутвердиться, совершает иногда экстравагантные поступки. Себялюбива, импульсивна, как правило, привлекательна. У нее хорошая интуиция, она способна быстро понять психологию человека и найти нужную форму общения с ним. В семье больше всего стремится к миру и спокойствию, спокойно переносит визиты многочисленных друзей и родственников, дружит с соседями.

Умело занимается домашним хозяйством. Всегда готова удовлетворить любой кулинарный каприз своего мужа. Любит вязать. Своей работе придает второстепенное значение, на первом месте у нее семья и дом. В первые годы семейной жизни отношения с мужем могут быть несколько напряженными, но со временем все трудности исчезают.

Когда Елизавете сопутствует успех, то у нее и здоровье прекрасное. Самое слабое место — цитовидная железа.

Будет счастлива в браке с Александром, Иваном, Михаилом, Никитой, Эдуардом. Маловероятен удачный брак с Валентином, Николаем, Олегом, Станиславом.

Евгений. Происходит от древнегреческого слова, означающего "благородный".

Маленький Евгений рано начнет читать и писать. У него разо-

вется склонность к богатой фантазии, легко будут даваться иностранные языки. С ровесниками дружен, пользуется у них уважением. К девочкам испытывает романтические чувства, иногда излишне идеализируя их.

Евгений трудолюбив, но трудности, возникающие у него на пути, выбивают его из спокойного состояния, заставляют нервничать. Наибольшего успеха может добиться в технике и точных науках. В работе, требующей большой концентрации сил и внимания, достигнет средних показателей. Среди Евгениев встречаются электронщики, писатели, летчики.

Евгений подвержен инфекционным заболеваниям, у него слабые бронхи и глаза, он быстро утомляется.

Больше всего в женщине ценит душевную чистоту. Примерный семьянин. Делает любую работу по дому, ходит по магазинам. Всячески избегает ссор и конфликтов с близкими.

Вопрос лидерства в семье его не интересует. Такое поведение объясняется больше терпимостью Евгения, а не бесхарактерностью. Любит возиться с детьми, не только со своими, но и с чужими. Евгений никогда не решится на развод первым.

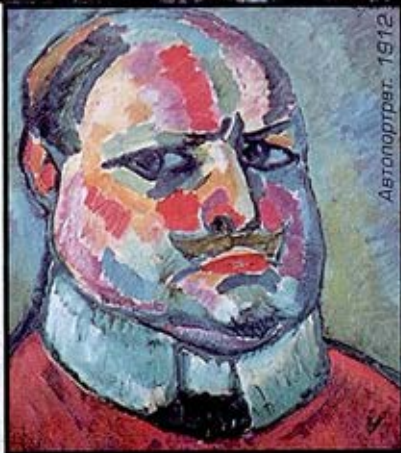
Удачен брак с Анной, Валентиной, Верой, Людмилой, Наталией, Ниной, Татьяной. Меньше подходят для брака Варвара, Елена, Зоя, Клавдия, Марина. ■

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

Алексей Явленюк

Натюрморт с желтыми
и белыми кофейниками, 1908

Кип

Автопортрет. 1912

“Моя старая няня рассказывала мне: “Вы родились в пути”. — Так начинается свои “Воспоминания” Алексей Явленский, один из самобытнейших русских художников. И всю свою жизнь Явленский “был в пути”, объездив многие крупнейшие города мира и никогда не прекращая творческого поиска, эксперимента. А вот его дорога к любителям искусства — соотечественникам оказалась трудной и затяжной. До сих пор его имя почти не известно на Родине. В то же время западные искусствоведы единодушно ставят его в один ряд с крупнейшими мастерами XX века.

Причин тому много. Большую часть жизни Явленский провел за границей, в основном, в Германии. В музеях и частных собраниях Германии, Швейцарии и США сосредоточено большинство произведений мастера. Но главное, пожалуй, — тот глубоко духовный, христианский пафос его произведений, который плохо вписывался в официальную “сопореалистическую” доктрину.

В 1939 году Явленский писал: “Каждый живописец работает в определенной традиции. Одни берут свою традицию у искусства греков, другие — от Ренессанса. Я — урожденный русский. Моей русской душе всегда было близко древнерусское искусство, русские иконы, византийское искусство, мозаики Равенны, Венеции и Рима и романское искусство. Все эти искусства приводили мою душу в священный трепет, так как я чувствовал там глубокий духовный язык. Это искусство и было моей традицией”.

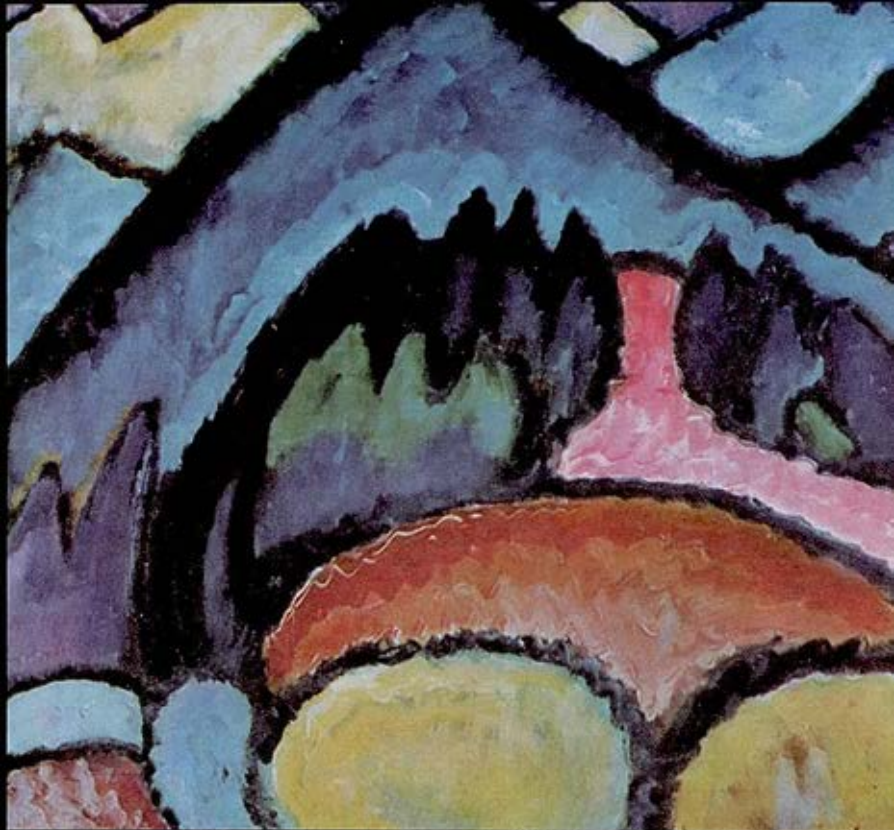
Алексей Георгиевич Явленский родился 13 марта (по старому стилю) 1864 года в Тверской губернии, близ Торжка, в семье гусарского полковника. Семья Явленских принадлежала к старинному дворянскому роду: среди предков были графы Ростопчины, самый известный из которых — Федор Васильевич — в 1812 году руководил обороной Москвы.

По долгу службы отцу Явленского приходилось часто переезжать вместе с семьей из одного города в другой. Когда Алексею исполнилось девять лет, полк под командованием Георгия Явленского перевели в городок Апенстово, находившийся на прусской границе. Здесь, в знаменитом польском костеле, хранилась чудотворная икона Божией Матери. Икона имела золотой оклад, украшенный кораллами, жемчугами и бриллиантами. Однажды мать повела в храм Алексея вместе с братьями и сестрами. Когда они вошли, образ еще был закрыт расшитым золотом занавесом. Вдруг тишину разорвали звуки органа. Маленький Алексей закричал от страха, когда увидел, как отодвигается занавес — и появляется изображение Богоматери в золотой ризе. Это было первое глубокое потрясение Алексея от вида Божественного и одновременно первое сильное впечатление от соприкосновения с изобразительным искусством.

Через год после этого события семья Явленских переехала в Москву. Родители стремились подготовить Алешу к военной карьере. Сначала он два года занимался в частной школе, а затем,

Девушка с веером. 1908

Ландшафт близ Мурман. 1912

успешно выдержав экзамен в Московский кадетский корпус, был зачислен сразу в четвертый класс.

Но в 16 лет с Явленским произошло событие, полностью перевернувшее его судьбу. В 1880 году его привели на большую международную выставку, проходившую в Москве. «Для меня это было очень утомительно, — вспоминал впоследствии художник. — Когда же я попал в секцию искусства, там были только картины, а я видел картины впервые в жизни — моя душа была так потрясена, что я обратился из Савла в Павла. С этого времени искусство стало моим идеалом, самым святым, к чему устремлялась моя душа». Действительно, после этого уроки рисования в Кадетском корпусе приобрели для него совершенно новый смысл. Прежде он не проявлял к ним никакого интереса, теперь же все изменилось. Его страсть была столь велика, что учитель рисования Сетров с удивлением сказал Явленскому: «Что случилось с тобой? Раньше ты рисовал так плохо, а теперь у тебя получается все лучше и лучше!» За короткое время успехи Явленского стали столь велики и явны, что его рисунки вывешивали для образца в рамках под стеклом. Теперь каждое воскресенье рано утром Алексей отправ-

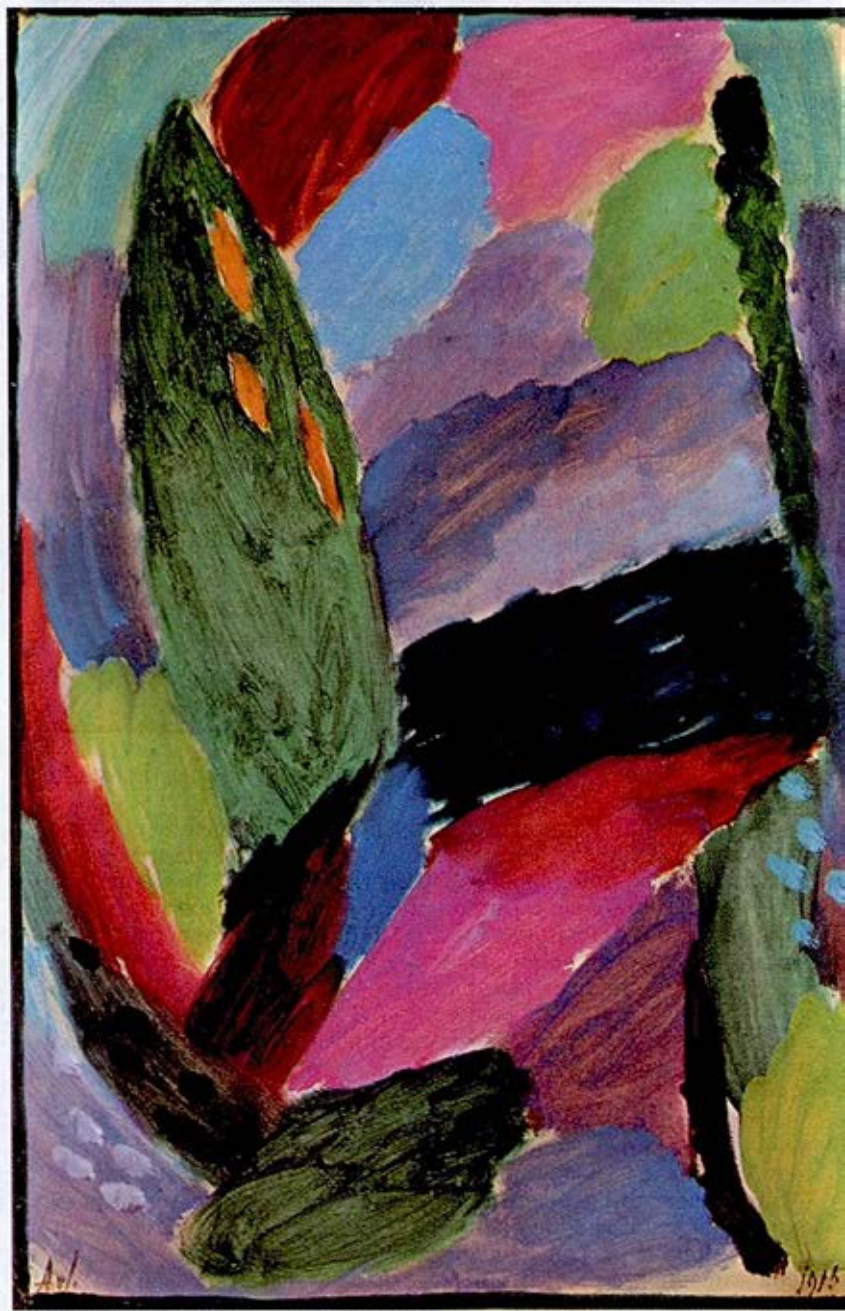

лялся в Третьяковскую галерею и проводил там все время до самого закрытия.

По окончании Кадетского корпуса Явленский мечтал сразу же поступить в художественную школу. Но в 18 лет на него обрушился тяжелейший удар — смерть отца, которого он сильно любил. Потрясение было так велико, что он впал в депрессию и в течение целого месяца приходил в себя. Кроме того, теперь у семьи не оказалось денег на его обучение в художественной школе, и Явленскому пришлось продолжать образование в военном Московском Александровском училище. Здесь он занимался особенно прилежно, рассчитывая, что по присвоении офицерского звания его как лучшего оставят в Москве, и тогда он смог бы изучать живопись.

По окончании училища в 1884 году Явленский получил назначение в пехотно-гренадерский полк. В это время он снимал комнату у известного и уже довольно старого художника Кателькова. С ним Явленский познакомился еще во время обучения в Кадетском корпусе. Кательков жил в одном из флигелей дома Боткина — миллионера, обладавшего прекрасным собранием французской живописи. Три брата Боткиных были известны всей Москве

Горбун. 1911

Закход солнца. 1912

своими богатейшими коллекциями китайского и византийского искусства. Особенно Явленский сблизился с младшим братом — Дмитрием Петровичем, который собирал работы французских художников. У Явленского и Боткина, кроме живописи, была еще одна общая страсть — музыка. Как-то Боткин достал Явленскому билет на концерт из произведений Бетховена. Художник сидел в первом ряду. За его спиной располагались высшие генеральские чины, и это, как вспоминал позднее Явленский, уже само по себе было неприятно. Но еще неприятнее оказалось то, что он вдруг стал всхлипывать: так его поразила музыка.

Тем временем стремление стать художником у Явленского все усиливалось. Однако в Москве офицерам не разрешалось посещать художественную школу. А вот в Санкт-Петербурге, в виде исключения, разрешение на это давалось. И Явленский стал добиваться перевода в Петербург. А чтобы не тратить попусту время, он постоянно пропадал в Третьяковке, писал копии с небольших картин Верещагина.

Рассмотрение его прошения о переводе затягивалось, и Явленский, взяв недельный отпуск, отправился в столицу, чтобы на свой страх и риск сдать экзамены в Академию. Уже в Петербурге узнал еще об одном идиотском правиле. Оказалось, учиться в Академии могут только те, кто проживает в Северной столице постоянно. И тут Явленский познакомился с одним господином, который был вхож в семью самого начальника Генштаба генерала Величко. Его жена занималась живописью и очень любила покровительствовать художникам. В один из дней Явленскому назначили встречу на квартире у генерала. Генеральша приняла Явленского очень любезно. Он показывал свои работы и вдохновенно говорил об искусстве. Тем временем из Генерального штаба вернулся домой сам Величко. Его жена и дочь закричали хором: «Мы берем лейтенанта Явленского под свое покровительство!» Затем Явленского пригласили за стол, после чего генерал привел его в свой кабинет. Явленский просил, казалось бы, невозможного: перевести его в другой полк в Петербург. Величко пообещал и действительно против воли начальника полка помог Явленскому.

Летом 1889 году Явленский уже в составе Александрово-Невского полка в Петербурге. А в сентябре — студент I класса Академии художеств. В соответствии с действующей программой, он занимается главным образом тем, что до бесконечности рисует гипсовые торсы и головы. И так из месяца в месяц. Но через год в Академию пришли преподавать известные своими передовыми взглядами Репин, Куинджи, Чистяков, и консервативная Академия стала заметно изменяться.

Каждый месяц в Академии проводились выставки работ студентов всех классов. Профессора выносили коллегиальное суждение, и работы Явленского всегда оказывались в числе первых.

Проучившись полгода, он перевелся в фигурный класс, где принципы обучения оставались прежними — только теперь моде-

лями для рисования служили гипсовые античные фигуры. Тем не менее Явленскому здесь нравилось, особенно лекции по эстетике, которые читал профессор Саккетти. Между ними установились дружеские отношения, и однажды Саккетти дал ему совет пойти к Репину, и даже снабдил рекомендательным письмом. К этому времени у Явленского скопилось немало работ, которые он делал для души, по вечерам, после занятий. В основном портреты друзей — углем на холсте. Взяв некоторые из них, Явленский “с трепетной душой” отправился к Репину. Тот принял Явленского довольно любезно, с интересом просмотрел работы, похвалил их. А по окончании визита пригласил молодого художника на одну из своих знаменитых “сред”, когда у Ильи Ефимовича собирались известные художники, писатели, ученые. С того времени Явленский стал у Репина частым гостем. Здесь он познакомился с Шишкиным, Куинджи, Серовым, Мережковским, с некоторыми из них подружился.

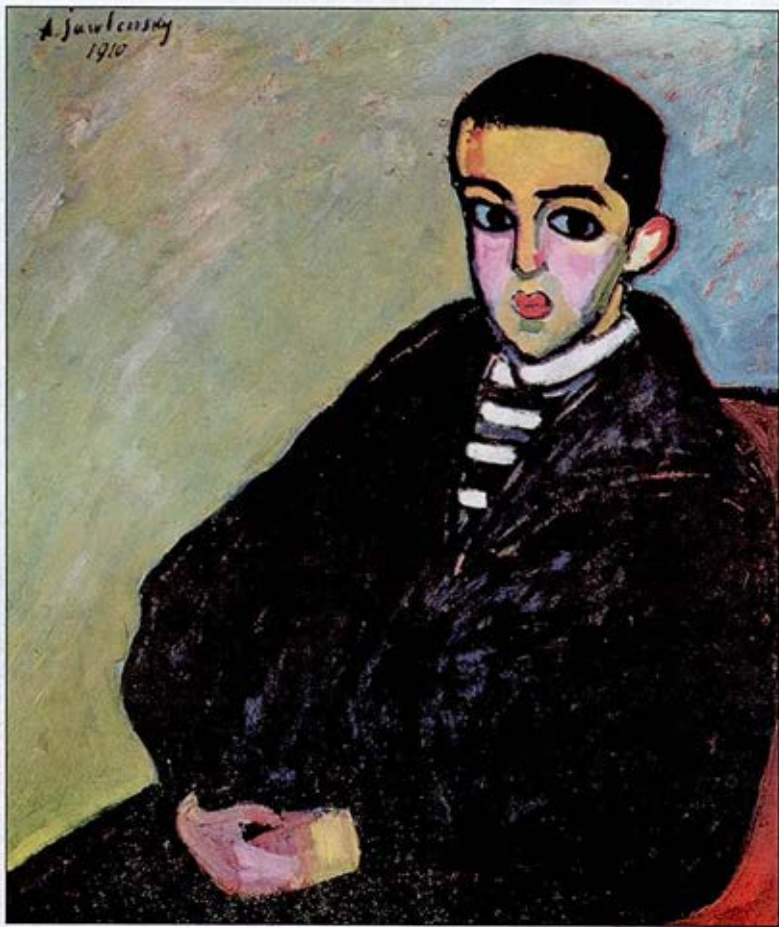
Однажды Репин представил Явленскому свою ученицу Марианну Веревкину, отец которой был генералом и комендантом Петропавловской крепости. Репин высоко ценил Веревкину, в то время она писала масляными красками довольно большие картины — в темных тонах и очень изысканные по форме. Этому знакомству было суждено перевернуть всю жизнь Явленского. Он подружился с молодой художницей, которую считал очень умной и гениально одаренной. Они стали работать вместе в ее мастерской, а затем еще пару месяцев в мастерской Репина, среди его знаменитых шедевров — в то время, как он сам находился в Италии.

В июле 1895 года Марианна пригласила Явленского погостить в имении своего отца с красноречивым названием “Благодать” (в губернии Ковно). Здесь Явленский встретил 14-летнюю девочку Елену Незнакомову, которая впоследствии стала его женой. Все лето и осень художники работали в “Благодати” в мастерской Веревкиной. Но в конце года пришло печальное известие — умер отец Марианны. Пришлось им возвращаться в Петербург. А весной 1896 года Явленский вышел в отставку в чине капитана. И тогда он и его друзья, Дмитрий Кардовский и Игорь Грабарь, недовольные обучением в Академии, вместе с Марианной Веревкиной отправились за границу, чтобы продолжить образование. В ноябре все четверо прибыли в Мюнхен. Грабарь, Кардовский и Явленский поступили в знаменитую художественную школу, которую вел словенский живописец Антон Ажбе. И то, что Ажбе говорил о рисунке и форме, оказалось совершенно новым для молодых русских художников. Все трое старались держаться вместе и даже образовали некую замкнутую партию внутри школы. Все новое, что узнавали об искусстве, они стремились использовать в своих собственных работах, но в то же время ко всему относились весьма критически, внося тем самым в школу свежие мысли и виде-

Пионы. 1909

A. Jawlensky
1910

Ничита. 1910

ние. В школе Ажбе русские художники занимались вплоть до 1899 года.

А годом раньше из России приехал Василий Кандинский. Он также сперва поступил в школу Ажбе, но вскоре перешел к крупнейшему представителю стиля модерн в Германии — Францу фон Штуку. Однажды Явленский с друзьями посетили Штука в его знаменитом доме на Принцрегентенштрассе. Ателье маэстро утопало в роскоши — старинные гобелены, шпалеры, колонны в античном стиле. Обычно фон Штук держался холодно и довольно сдержанно, но с русскими посетителями неожиданно разговорился. Он показал им свои живописные работы и познакомил с техникой темперной живописи, после чего все трое стали работать в технике темперы.

По окончании занятий в школе Ажбе Грабарь и Кардовский возвратились в Россию, а Явленский стал работать самостоятельно в собственной большой мастерской на Гизельштрассе. Стремясь достичь красочной гармонии, Явленский принялся писать натюрморты. Самые ранние из них исполнены в довольно темных тонах. Позднее, под влиянием Матисса, с которым Явленский познакомился, побывав в Париже в 1905 году, его цветовая палитра высветилась. Однако в отличие от Матисса, у которого преобладал декоративный элемент, для Явленского самым важным с самого начала было самовыражение. И потому цвет в его картинах становился носителем мощного эмоционального заряда. Сюжетная сторона все больше отступала в его живописи на задний план. В 1905 году Явленский писал: "Мои друзья яблоки, которые я люблю за их роскошные красные, зеленые и сиреневые одежды, уже для меня, на том или ином фоне, в том или ином окружении, больше не яблоки. Их тона и их сверкающие краски на фоне других сдержанных тонов сливаются в пронизанную диссонансами гармонию. Для моих глаз это как музыка, которая передает мне то или иное соприкосновение с душой вещей, с тем нечто, что трепещет тайно и незаметно для мира в каждом материальном предмете, в каждом впечатлении, которое мы получаем извне..."

В этом же году Явленский побывал в Бретани, где написал много пейзажей, особенно с изображением домов, виднеющихся из зарослей кустарников (этот мотив Явленский использовал и позднее), а также изображения бретонцев. Десять из этих картин выставил в октябре 1905-го в русской секции Парижского Осеннего салона, куратором которой был сам Сергей Дягилев.

В 1906 году по инициативе Дягилева в Санкт-Петербурге проходила большая выставка современных русских художников. На ней были представлены и картины Явленского — наряду с произведениями Сомова, Серова, Добужинского, Кузнецова, Грабаря... Явленский сам ездил в Санкт-Петербург, чтобы развесить свои картины. А затем вновь вернулся в Мюнхен. Зимой он много работал, а летние месяцы проводил в небольшом курортном городке Мурнау, где писал пейзажи вместе с Кандинским. С 1908 году оба русских художника стали часто выставляться вместе.

Весной 1911 года Явленский с женой Еленой, сыном Андреем (которому исполнилось девять лет) и Марианной Веревкиной отправились в городок Преров на Остзее. В Прерове Явленский написал свои лучшие пейзажи и фигурные работы, исполненные в очень сильных, пламенных красках: красных, синих, желтых, оранжевых и зеленых. Именно тогда появились и самые знаменитые работы: "Горб", "Фиолетовый тюрбан" и один из выразительнейших автопортретов, ныне находящийся в частном собрании в Базеле. Все картины этого периода западные искусствоведы объединили под общим названием "Предвоенные работы".

В 1911 году возникло знаменитое художественное объединение "Синий всадник". Основанный в Мюнхене Василием Кандин-

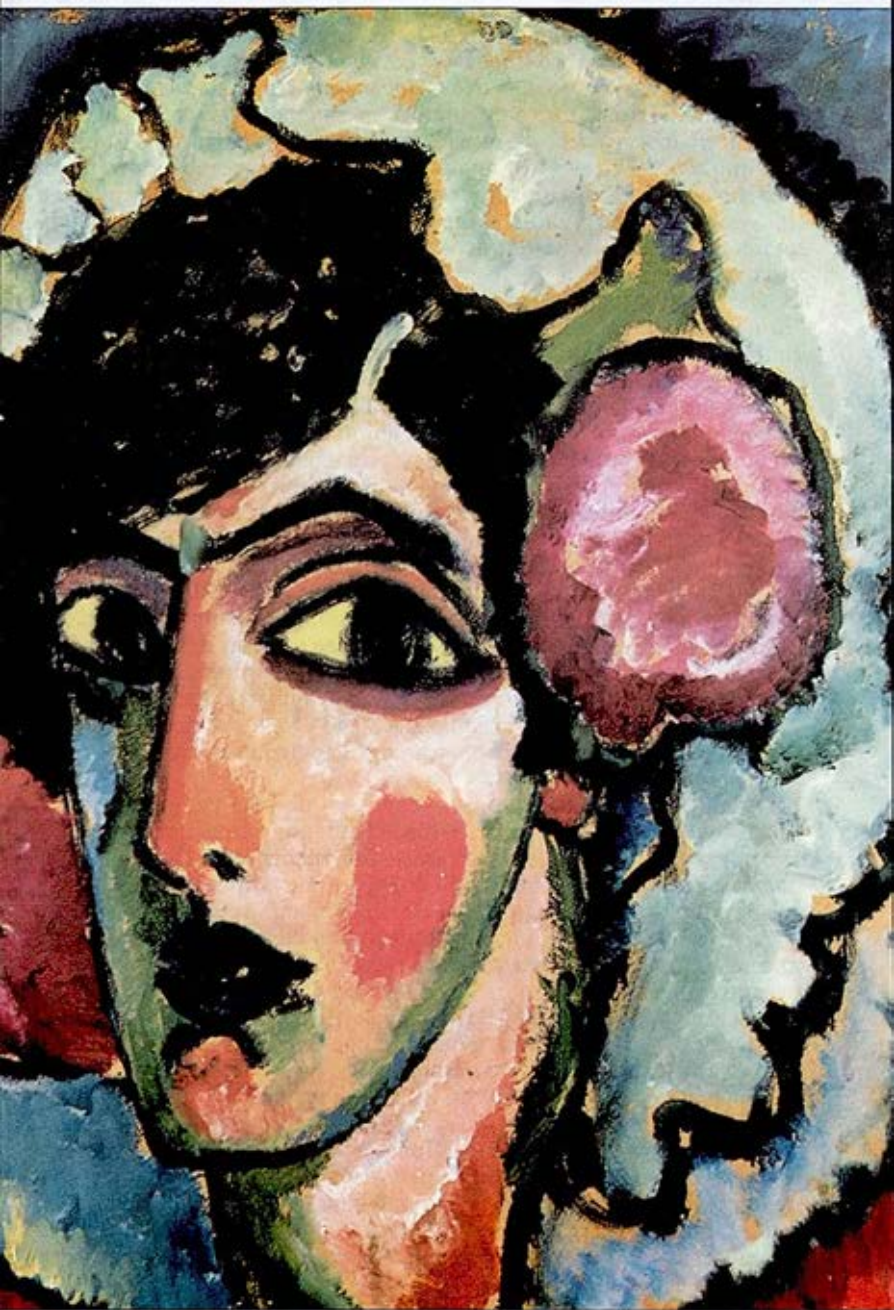
ским и его другом, немецким художником и критиком Францем Марком, "Синий всадник", наряду с дрезденской группой "Мост", стал крупнейшим экспрессионистическим объединением Германии. Явленский хотя и шел своим путем, но часто выставлялся вместе с "Синим всадником". Позднее, в 1924 году, уже поселившись в Висбадене, где ему было суждено прожить до конца дней, Явленский основал вместе с Кандинским, Паулем Клее и Лионелем Файнингером новую группу "Синяя четверка", которая успешно выставлялась за границей, в том числе в Соединенных Штатах.

Весной 1914 года Явленский в последний раз приехал в Россию. Побывал в Москве, Вышнем Волочке и Варшаве. Навестил своих сестер, мать. Как оказалось, в последний раз. Больше ему не суждено было увидеть родственников.

В августе 1914-го началась Первая мировая война, и Явленский, как русский, должен был покинуть вместе с семьей Германию и переехать в Швейцарию. Собираясь в дорогу, оставили квартиру со всей мебелью и произведениями искусства, взяли с собой только то, что могли унести в руках. Явленский с семьей поселился в местечке Сен-Пре на Женевском озере. Это оказалось тяжелое для художника время. Он чувствовал, что уже не может так просто выплескивать на холст "половодье чувств", как делал раньше. "Моя душа не позволяла мне эту чувственную живопись... Я понимал, что должен найти другой язык, более духовный..." Катастрофические мировые потрясения, чувство личной неустроенности порождали особо острое ощущение трагизма человеческого бытия. И художник обращается к поискам его изначальной гармонии. Он пишет "Вариации на пейзажную тему". Это вид из окна его маленькой комнаты — палисадник, озеро, горы. В этих, очень маленьких, всего 30 на 40 сантиметров, работах постоянно повторяется один и тот же мотив. Но передаются различные оттенки переживаний, душевных состояний. Так в "Заходе солнца" природа почти неузнаваема, но краски закатного неба точно передают тревожное состояние человека в предвечерний час.

Бросая ретроспективный взгляд на свое творчество в письме, написанном в 1938 году патеру Виллиброрду Феркаде и ставшем своего рода письмом-исповедью, а скорее, духовным завещанием художника (оно было написано за три года до смерти), Явленский отмечал: "Я писал эти вариации несколько

Испанна. 1913

лет, а потом мне было необходимо найти форму для лица, так как я понял, что настоящее искусство должно писаться только с религиозным чувством. И это я мог выразить только в человеческом лице. Я понял, что художник должен сказать посредством форм и красок то, что в нем есть Божественное. Поэтому произведение искусства — это видимый Бог, а искусство — это богоскательство. Я писал лица много лет, и природа как суфлер мне уже была не нужна. Мне было достаточно, когда я углублялся в себя самого, молился и приготавливал свою душу в религиозное состояние”.

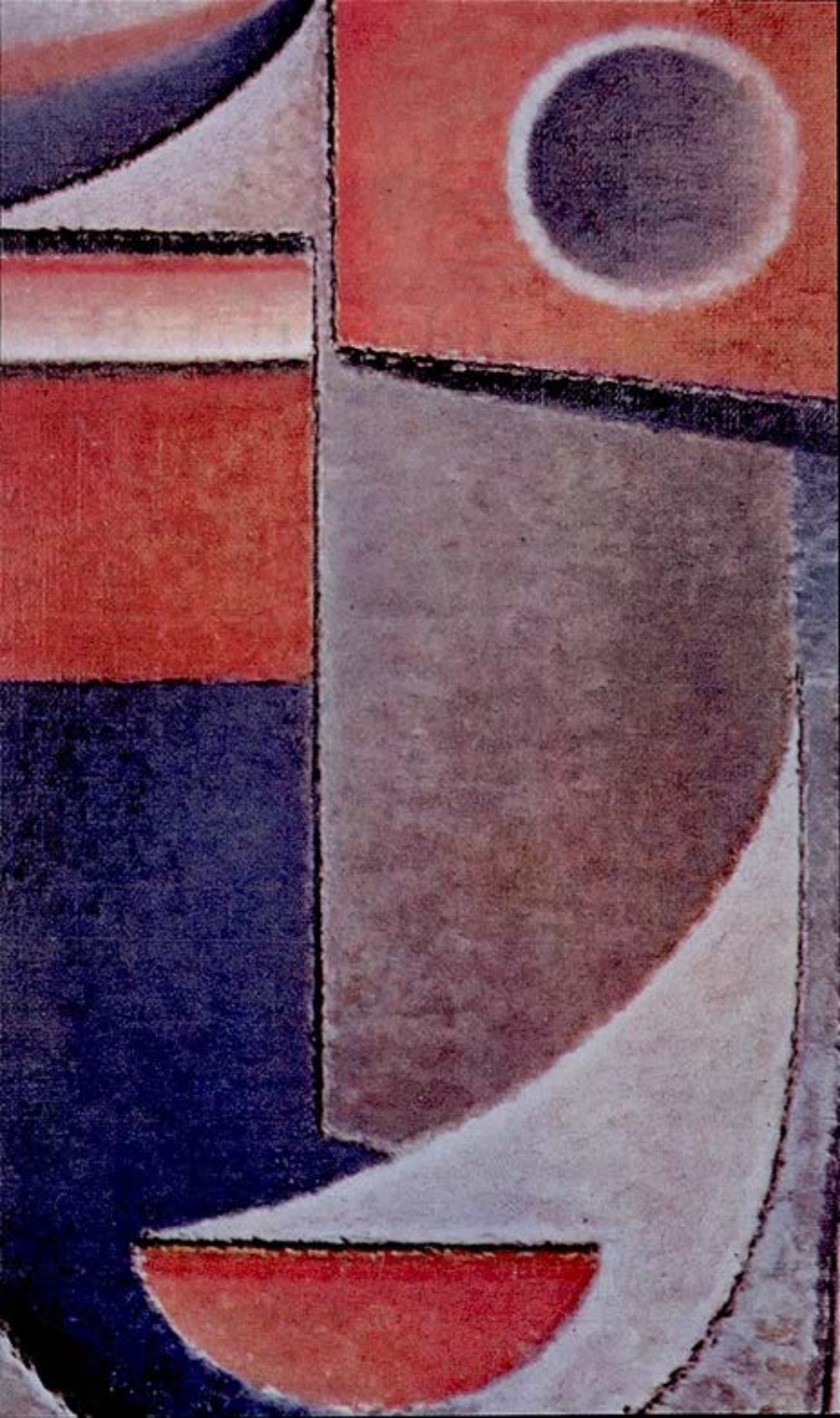
Явленский называет цикл своих картин 10-х и 30-х годов — “Конструктивные головы”. Каждая из них имеет свое, очень поэтичное название, например, “Тихий свет”, “Теплый свет”, “Поэзия утра”, “Аврора”, “Великая тайна”.

Явленский пережил, находясь в Германии, куда он вернулся после окончания Первой мировой войны, приход нацистов к власти и лично на себе испытал ужасы гитлеровских культурных погромов. Его искусство официальная нацистская пропаганда объявила “выродившимся”. Явленскому запретили выставляться, а в 1938 году его работы были конфискованы из всех немецких музеев. Впрочем, тяжелые испытания обрушились на Явленского еще в середине 20-х. Он заболел подагрой, которая в 1929 году поразила также и руки. Но несмотря на тяжелейшие физические страдания, он не откладывает кисть, а держа ее обеими руками, пишет “медитации” — картины довольно малого формата. В короткие моменты облегчения работает над цветочными натюрмортами уже большего размера. Но главным с 1934 года все же были медитации, которые некоторые специалисты считают вершиной творчества художника.

“Медитации” Явленского — глубоко личные размышления о Боге, человеке и его душе. Цветовое решение вновь как и в “работах предвоенного времени” обретает контрастность. Но теперь она получает новое художественное содержание и превращается в метафору “брани духовных”. И хотя изображение становится почти абстрактным, все же необычайная насыщенность красок, экспрессивная лаконичность образа вновь возвращают нас к древнерусскому искусству.

Он умер в Германии в 1941 году, за три месяца до начала Великой Отечественной войны, и был похоронен по православному обряду на русском кладбище в Висбадене.

Увы, даже и сейчас, спустя 60 лет после кончины художника, наш зритель все еще лишен возможности во всей полноте оценить величие творческого подвига Явленского, художника с давно и прочно установившейся мировой славой, которого можно по праву считать гордостью русской культуры. Любопытно, что в Германии после краха “третьего рейха” состоялось немало персональных выставок Явленского. У нас же в России с 1917 года не показано ни одной.

Городок наш невелик...

Юрий КОЗЛОВ

Из Москвы до Нашина — тихого старинного русского городка в Тверской области — добирался я электричками. И вот, сопровождаемый стойким вагонным "аэроматом" жареных семечек, выбрался на немногочисленный перрон и интуитивно влился в цепочку неторопливо шагающих к автостоянке пассажиров. Как тут же выяснилось, в городе существует единственный автобусный маршрут, по которому курсирует стандартный "ЛИАЗ" со смешной табличкой над ветровым стеклом: "Нашин — Нашин". В этот "экипаж" и "заныривала" сошедшая с поезда публика. Туда же шмыгнул и я.

На вопрос: "Как добраться до гостиницы?" оказавшийся рядом пожилой дядечка словоохотливо отозвался:

— Через пару остановок, когда повернем направо, будет в самый раз. Я подсказку... А там налево и

под гору. Увидишь здоровый дом, розовый таной, высокий. Тут тебе и гостиница...

Затем, деликатно посмотрев на мою дорожную экипировку, не без доли иронии добавил:

— У нас в Нашине три, так сказать, основных места, где обычно тусуются приезжие. Во-первых, это завод "Вереск", который только что проехали. Там неплохую водку делают. Ну, еще лимонад. На сорона травах выдержанный. Рекомендую, совсем недорого. Его многие туристы, то есть гости города, берут... Во-вторых, советую на курорт сходить. Минеральной водицей побаловаться. Это уже за мостом... Если с похмелья, то как рукой снимет... А уж после доброй выпивки и промывки нутра в самый раз и душу очистить. Храмы, монастыри, краеведческий музей... Этого здесь на каждом шагу. Экскурсоводы и верующие все тебе обстоятельно

доложат... А сейчас выходить пора... Вон туда иди, под горку. Бывай здоров!

Вежливо поблагодарив бескорыстного "гида", я спрыгнул с подножки автобуса и, хорошенько поразмыслив, решил не пренебрегать советом местного знатока "по культуре и отдыху". Тем более что приехал я как раз к празднику — машинцы отмечали День города. На одной из импровизированных площадок — оживленный гул, пляски и частушки под гармошку, конкурсы, аттракционы. Здесь же мини-зоопарк из домашних питомцев, чтение стихов, выступления самодеятельных коллективов.

Один из интригующих моментов праздника — чествование молодоженов, а также "серебряных" и "золотых" семейных пар. Звучит напутствие: "Хранить любви залог святой до самой свадьбы золотой!" Это, конечно, только что вышедшим "из-под венца".

Маленькая девчушка, сидя у папы на плечах, восторженно тарачится на юную невесту в шифоновой вуали и вполголоса шепчет, забавно растягивая слова: "Какой интересный обвал лица у этой невесты. Прямо индусский..." Папа смеется: "Не обвал, а овал. И ты, наверное, хотела сказать — индусский?" Девочка небрежно отмахивается: "Ну все равно. Индейкин, в общем. А глаза на нашу кошку, Мууську, похожи..."

Иду дальше и на тихой, полусонной улочке в глаза бросается старый дом с огромными окнами. За ними в глубине проступают стены, "украшенные" скромными ковриками, нижними полками и этажерками, незамысловатыми репродукциями, живыми и самодельными цветами, различными поделками. Куда ни глянешь, везде обилие детских игрушек: от плюшевых мишек и голубоглазых кукол до пластиковых роботов и наборов "Юного

конструктора". Виднеются и маленькие клетки с мелкой живностью — попугайчиками, хомячками, морскими свинками.

Неожиданно в одном из окон появляется силуэт крохотной девчушки в простеньком халатике. Она осторожно прижимается к оконному стеклу и внимательно смотрит на меня. Несколько секунд глаза наши с интересом изучают друг друга. Потом она резко оборачивается (видимо, кто-то окликнул), отстраняется от окна и на протяжении застенчиво, но доверительно машет мне ладошкой.

Пройдя несколько шагов, вижу у входа неброскую табличку: "Дом ребенка". Вот оно, оказывается, что... Сиротский приют. Скромная обитель для маленьких нашинцев, обделенных родительской любовью...

А совсем рядом, через дорогу — каменный дом. Только, судя по вывеске, здесь оказывают акушерско-гинекологическую помощь будущим мамам. На дверях непри-

метно белеет приклеенный листок, подсызавающий, в каком магазине можно по льготной цене приобрести все необходимое для появившегося на свет долгожданного малыша. Выходит, нашинцы к своему юному поколению совсем не равнодушны. Хотя и не с размахом, без показухи выглядит это благое дело, но, как говорится, с любовью и пониманием...

В скверине рядом с местным кинотеатром, носящим гордое (правда, избитое) название "Родина", ведут свой неторопливый "базар" несколько тинейджеров. Слышу, что разговор у них насущный и понятный: куда "двигать" после школы, какой институт интереснее, где после получения диплома можно устроиться на работу? Суждения доносятся разные, но основная суть...

Вот уж не думал, что молодежь сегодня еще способна даже на слабые проявления местного патриотизма. Однако коренастый светловолосый юноша, одетый в синюю

дунинсовку, с готовностью опровергает мои неверные представления, рьяно доназывает друзьям-сверстникам:

— На фига нам действительно рыскать по стране? Компьютеров и у нас хватает, были бы "репы" (головы) светлые. Зато здесь не так наркотой, СПИДом и другой мерзостью воняет. И энология у нас пока еще не совсем загнила. Вы как хотите, но я после института к родным берегам отгрести буду. Где родился, там и пригодился. А то, что работа и в Нашине найдется, — будь спок! Вон, даже из-за бугра разная крутизна к нам валит. Опытом обменивается. А на заводе электроаппаратуры сейчас новую продукцию раскручивают, европейского, блин, образца. Че еще надо? От добра добра не ищут...

Беседа этих ребят продолжалась еще долго. Но и так основной лейтмотив ее, кажется, "высветился". Отрадно было услышать из уст совсем молодых ребят о нестандартном подходе к выбору своего

дальнейшего пути. Похоже, вопреки бесчисленным предсказаниям, беспросветно-унылое, жалкое будущее нашему Отечеству вовсе не грозит. Именно вот такие, случайно услышанные рассуждения (причем, среди молодежи) дают почву для оптимистического настроения и упорного стремления к созиданию. Да простят читатели за излишнюю патетику, но лично для меня город Нашин открылся многими, весьма интересными гранями. Возникло желание узнать людей, его населяющих, поближе. Но сначала немного истории...

Отшумевшее в веках

По утверждениям дотошных краеведов, сильноупрепленная крепость Нашин (окраина Владимиро-Суздальских земель) существовала уже в середине XII века, являясь форпостом на пути к Великому Новгороду. В те достопамятные времена небезызвестный князь Юрий Долгорукий, беспар-

донно вытесняя новгородцев с берегов Верхней Волги, залонил в устьях рек, впадающих в Волгу, несколько городов: Дмитров, Углич, Снятин. На одном из притоков реки-матушки возник и Кашин.

Название населенного пункта идет, скорее всего, от реки Кашинки (ранее — Каша, Кашина), на которой он стоит. Происхождение слов "наша", "нашина" не установлено, но никак не связано с национальным русским блюдом. На картах Тверской, Ярославской и Московской областей довольно часто встречаются названия местечек и рек с одинаковой основой — "наш". И как раз именно там, где обитало когда-то славянское племя кривичей. Возможно, эти дали название городу.

XIII-XV века "ознаменованы" для земли кашинской бесконечными междоусобными баталиями (князь на князя) и борьбой с монголо-та-

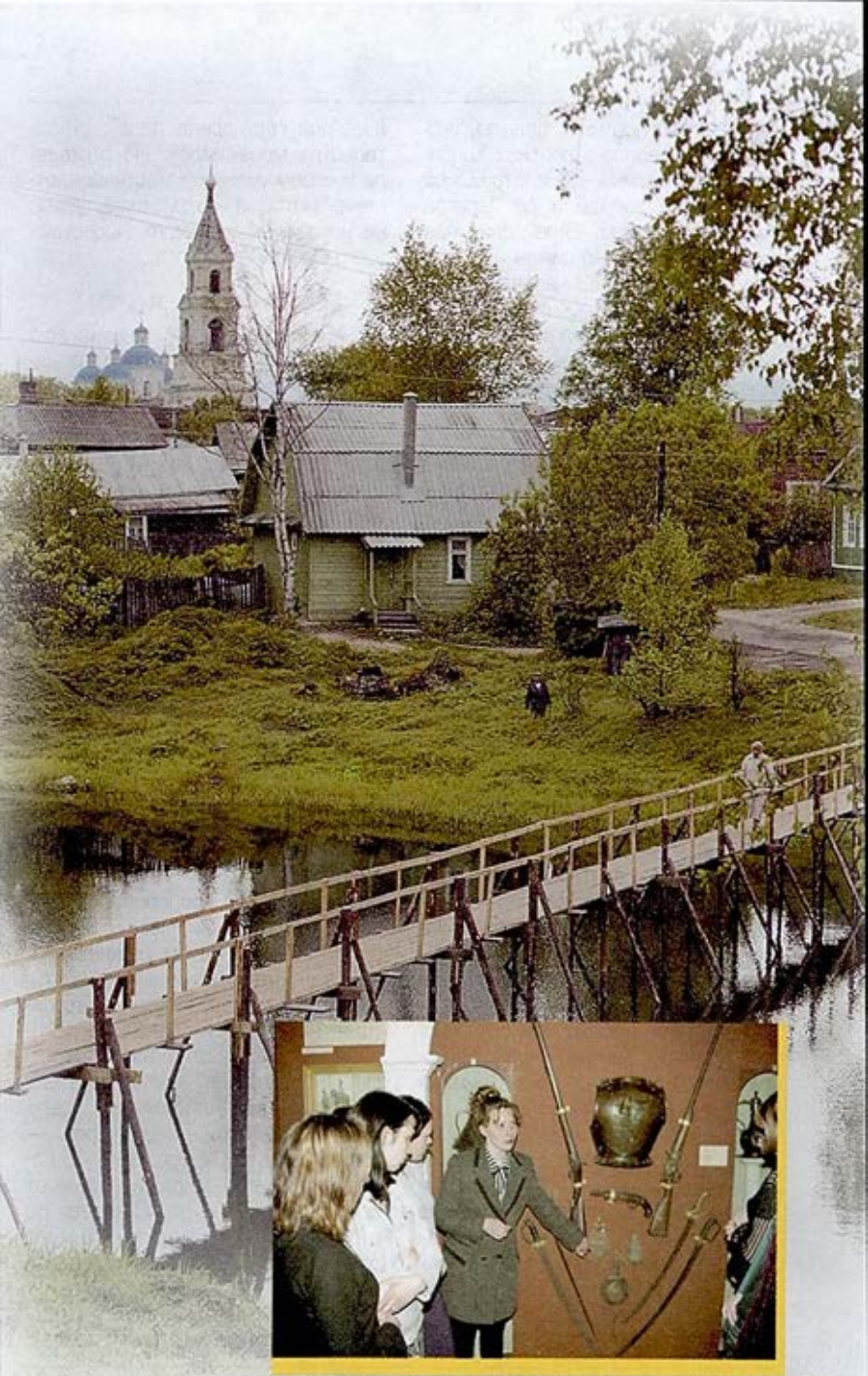
тарским произволом. Едва наступила долгожданная "передышка" (что позволило городу Кашину присоединиться к Московскому княжеству), как на стыке 16-го и 17-го столетий вспыхнула вдруг крестьянская война, вызванная "обострением" помещичьего самодурства.

Смутой в Русском государстве воспользовались польские феодалы. Захватив Москву, польская шляхта всласть "покуражилась" на подмосковных землях. В 1609 году отряды польско-литовских войск, преодолев упорное сопротивление отчаянно сражавшихся кашинцев, разорили и сожгли город. Интервенты "отличились" неслыханной жестокостью: детей бросали в костры, женщин насиловали и тут же убивали, мужчин вешали на деревьях или, набив несчастным в рот пороху, хладнокровно любовались "живым фанелом".

Русское ополчение во главе с князем Скопиным-Шуйским "усмирило" захватчиков, уготовив им "вечный поной" в устье реки Жабни у Манарьевского монастыря и освободив Кашин. В конце 1611 года город стал одним из сборных пунктов второго ополчения Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

Вскоре на городском посаде мирно застучали топоры. Разрушенная крепость воскресала из пепелища. Появились первые торговые ряды. В 1775 году Кашин получил статус уездного города...

После на шумевшей реформы 1861 года кашинский крестьянин, получив мнимую волю, из-за сокращения надела потерял почти треть той земли, которой пользовался до отмены крепостного права. Пришлось от "щедрот" царского правительства искать работу на стороне. Кашинские плотники, стекольщи-

ни, пастухи, портные, валялы, зубрильщики серпов в поисках "шабашек" добирались до австрийской границы на западе и до берегов Амура на востоке. "В походки", как говорили тогда нашинцы, из ста дворов уходило 133 человека...

На рубеже XIX-XX столетий Нашинский уезд "сказал не последнее слово" в производстве льна и торговле снотом. Однако льноводов и снотоводов беззастенчиво обкрадывали как местные дельцы, так и иностранные скупщики. Крестьяне за гроши надрывались в непосильной работе, а в это время нашинские купцы и промышленники наживали "ронфеллеровские" капиталы. При этом всеми способами стараясь увильнуть от налогов в городскую казну. Не удивительно, что в начале XX века Нашин выглядел запущенным, вымороченным городом, поражающим своей непролазной грязью и зловонием.

Однако при всей напущенной забитости и беспросветности нашинцы все же заставили о себе говорить. И в первую очередь следует отметить "укротителей металла". Сохранился указ Петра I, по которому нашинские кузнецы изготовили три тысячи сабельных лезвий. Помимо предметов вооружения (ножы, сабли, ядра), они отливали и выковывали лемехи, присохи, ножи, подновы, гвозди, снобы. Не уступали им в мастерстве овчинники и сыромятники. Спрос на их "продукцию" на Руси всегда был велик.

Особо прославил себя Нашин производством цинковых белил и сурина. Они были лучше и дешевле голландских. В XVI веке нашинцы хорошо освоили изготовление кирпичи. В 1616 году в Нашин была направлена специальная грамота с вызовом каменщиков и кирпични-

нов "для государева дела": строительство монастырей. Не отставали в своем умении и местные плотники, которые потрудились даже на корабельных верфях вырастающего Санкт-Петербурга...

Пей — не хочу!

А в середине XIX века на всю Россию прогремела "слава" о нашинских производителях суррогатных вин. Наверное, сам Остап Бендер счел бы за честь походить у этих "иллюзионистов" в учениках. Ведь, согласитесь, не каждый может превратить обыкновенную воду в "подлинное французское вино". И не каждый догадается для повышения спецэффента "жжения во рту" (что весьма ценилось выпивохами) добавлять в "вино"... азотную кислоту.

Писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин, занимавший в 1860-62 годах должность тверского вице-губернатора и не раз бывавший в Нашине, с горькой иронией отмечал, что способ изготовления "заморского" (читай — нашинского) вина до неприличия прост. В бочку в определенной пропорции наливаются астраханский чихирь и вода (из Нашинки). Потом добавляется ведро спирта и начинается "сортировка": на мадеру — столько-то патони, на малагу — дегтя, на рейнвейн — сахарного свинца и т.д. После "выдержки" хозяин или главный приказчик производят "дегустацию". "...Плюнет один раз — выйдет просто мадера (цена 40 копеек); плюнет два раза — выйдет цвеймадера (цена от 40 копеек до рубля), плюнет три раза — выйдет дреймадера (цена от одного рубля пятидесяти копеек и выше)".

Вероятно, чтобы заручиться покровительством местных властей,

оним "шмурдяком" потчевали сначала членов врачебной управы, после чего — губернатора. "...Когда последние засвидетельствуют, что лучше ничего не пивали, то вино начинают пить члены окружного суда и земской управы. Затем вся заготовка отправляется на Нижегородскую ярмарку, а оттуда нарахват разбирается для всей России".

Самыми именитыми "виноделами" прослыли нашинские купцы Н. Терлинов и М. Зазыкин. В винных погребах Н.В. Терлинова практиковался "мальчином на посылках" никому не ведомый тогда Петя Смирнов, ставший потом "королем" знаменитой на весь мир водки, названной его именем — "Smirnoff". Существует легенда, что понравившийся какой-то барыне проворный мальчуган был облагодетельствован ею лотерейным билетом, на который выпал выигрыш в 200000(!) рублей. Этот капитал и послужил в дальнейшем основой для "раскрутки" собственного дела династии Смирновых.

А живший в семье Терлиновых эмигрант-француз, видимо, подтолкнул хозяев не только к мысли о "штамповке" винного суррогата, но и каким-то образом повлиял впоследствии на открытие в Кашине завода "Вереск" (год основания — 1898).

Сегодня фирма "Вереск" высокоотируется у ценителей алкогольной продукции. Ревностным поклонником Бахуса предлагается огромный выбор различных водок и настоек, выдержанных на основе зернового спирта "Экстра" и чистой артезианской воды. Пикантность напиткам придают ароматы душицы, мяты, зверобоя, можжевельника, почек березы, ягод черемухи, клюквы, черники,

земляники, смородины... Так что — пей не хочу. Только, конечно, в меру. И желательно по поводу...

"Кристаллу нужна золотая оправа..."

Надо признать, что неистребимый дух оптимизма всегда был присущ русскому человеку. И, похоже, чем основательнее отдаляешься от столицы, тем острее чувствуешь влияние этой поддупающей энергетики, готовой свести на "нет" самую, казалось бы, безвыходную кризисную ситуацию. Русский мужик (особенно из глубинки) затаит потуже пояс, по-хозяйски осмотрится вокруг, посидит, посмолит папироску, покумекает. Глядишь, встал, полгавал на ладони и... за дело. Да так, что вскорости от полной, вроде бы, беспросветности не осталось даже тени намена...

Первый заместитель главы администрации Кашинского района Владимир Николаевич Засимовский говорит о проблемах города с пониманием, по-отечески заботливо, но в то же время с оттенком легкой иронии:

— Да вся наша жизнь, в общем-то, сплошная головная боль! Но о ней не говорить, а избавляться надо решительно! Иначе в следующий раз вам уже и писать будет не о чем.

И, грустно улыбнувшись, неторопливо переходит к перечню городских "плюсов" и "минусов"...

30-тысячный Кашин, как и большинство малых городов России, испытывает хроническое "недомогание" при расчетах за поставку газа и электроэнергию. Бюджетных средств явно не хватает, хотя город всегда являлся "донором" для Тверской области: губернская казна ежемесячно имеет 15% кашинского "пая" при доле населения всего лишь в 1,5% от областного.

Совсем туго обстоит дело с муниципальным жильем. Нового почти не строится, деньги используются лишь на реконструкцию и ремонт зданий, на зарплату бюджетникам и выплату пенсионных пособий. Вероятно, здесь следует искать причину того, что рождаемость в Кашине втрое меньше смертности. Это и понятно: без должных жилищных условий молодым семьям статус "многодетная" — только в обузу.

— В любом случае мы всегда рассчитываем лишь на свои внутренние ресурсы, — оптимистично заявляет Владимир Николаевич. — Никогда не вживались в роль просящих подаяния. Ясное дело, что центру и без нас хлопот хватает. А мы, кашинцы, хоть и круто пришлось нам последние лет десять, выстояли. Говорю это с особой гордостью, поскольку действительно горжусь моими землянами. Вы только посмотрите...

Тут первый зам заметно оживился и с особой, можно сказать,

проникновенной теплотой заговорил о предприятии, которому в марте 2001 года исполнилось 55...

В самом деле, Кашинский завод электроаппаратуры, созданный в 1946 году на территории торговых рядов и бывшей Спасской церкви, начав с изготовления простейших предохранителей, в последующем освоил выпуск магнитных пускателей, тепловых реле, распределительных коробок и т.п. Комплектующие стали завозить из Германии. Сегодня предприятие достаточно компьютеризировано, широко внедряется система автоматизированного проектирования оснастки. Его продукция экспонируется на международных выставках в Москве, Будапеште, Познани, Бухаресте, Брно, Софии, Лейпциге, пользуется большим спросом в странах СНГ, а также за его пределами.

— Сегодня неплохо обстоит дело и в аграрном секторе, — после некоторой паузы продолжил В.Н. Засимовский. — За 2000 год только льноволокна произведено на 240% к уровню 1999 года. И это при том, что цены на покупку нашего льна зарубежные потребители увеличили в 2 раза. А урожайность зерновых? В 4 раза выше показателей 1999 года! Согласитесь, это уже прорыв!.. Благо, и местный курорт — санаторий "Кашин", славящийся своими минеральными водами, — пока что вполне рентабелен. Есть тенденция к увеличению туристического потока через город. Значит, будет улучшаться качество автомобильных дорог и самоокупаемость гостиничных комплексов...

После разговора с Владимиром Николаевичем и в самом деле поверилось, что не все так плачевно в "государстве Российском". Взять, к примеру, подрастающее поколе-

ние. Три года назад в Нашине появилось новое учреждение — социально-реабилитационный центр для детей и подростков. За это время 96 ребятшек родились здесь, можно сказать, заново: не сгинули в пропасть наркомании и алкоголизма, детской проституции, избежали возможного лишения свободы с отбыванием в колонии, не примкнули к различным криминальным группировкам, обрели веру в людей, поверили в свое более достойное предназначение. А юные нашинские спортсмены в соревнованиях по волейболу, самбо, шашкам, шахматам, стрельбе из пневматического оружия, футболу, хоккею не раз побеждали на областных, республиканских и даже международных турнирах.

Сознаю, мне было прелюбопытно заглядывать в сегодняшний день жизни небольшого провинциального городка, но командировочное время быстротечно. И потому самыми неожиданными, и, пожалуй, исключительно меткими показались мне слова местного жителя, с которым я случайно разговорился на скамейке около торговых рядов. Не представившись и не вступая в пространные диалоги, он лишь коротко изрек: "Про город снажу я вам честно и здраво — кристаллу нужна золотая оправка!"

— В каком смысле? — удивился я.

— Статус! — пояснил. — Нашин известен как заштатный, ничем не примечательный город в русской глубинке. А я полагаю, что он заслуживает более пристального внимания российских властей. Вот увидите, его ждет исключительное будущее!

После этих слов пожилой мужчина (вероятно, местный поэт), сте-

пенно и гордо поднялся и не торопясь пошагал к газетному киоску, куда подвезли свенную прессу...

Я очень уважаю таких вот своих сограждан.

Благодатный образ

Во времена оные на территории Нашина располагалось 12 монастырей и 60 церквей. Но пронесли эпохи смут, пятилеток и перестроек, и от многих храмов остались лишь летописные предания. Хотя и по сей день, стоит только повнимательнее присмотреться, в любой части города можно увидеть возвышающиеся над постройками золоченые луковки куполов и шпили колоколен. Даже местный краеведческий музей разместили во Входеоерусалимской церкви.

Самым известным в Нашине является Вознесенский собор (XVII в.), в котором находятся святые мощи преподобной Анны Нашинской. Как донесли до наших дней святые писания, благоверная княгиня Анна, родившаяся в городе Нашине, была женой тверского князя Михаила Ярославича. Супруг княгини Михаил, сыновья Димитрий, Александр, Константин и внук Феодор приняли мученическую смерть в Орде, дабы избавить тверскую землю от притеснений и разорений "поганных татарове". Переехав в родной Нашин и приняв монашество, Анна Дмитриевна, прославшаяся в народе мудрой, терпеливой и сердобольной заступницей и благодетельницей, скончалась в 1368 году. Имя великой княгини было до времени забыто.

Однако при очередном нашествии на Нашин польско-литовских интервентов (1611 г.), она явилась во сне занедожившему пономарю Успенского собора Герасиму, "на-

звала свое имя и повелела возвестить всем жителям, чтоб гроб ее почитали, чтоб над ним свечи палили и литии пели". После этого видения Герасим, выполнив просьбу святой (в 1650 году она была канонизирована), исцелился, а город был спасен от разорения.

С тех пор, как утверждают писания, начались многочисленные чудеса (известны более 40 случаев) от гроба великой княгини. Заступничеством Анны перед Господом объясняют верующие спасение Нашина от эпидемии чумы в XVIII веке, а в 1831 г. и в 1844 г. — от холеры. В 1812 году город молитвами преподобной Анны был избавлен от разорения французами. По воспоминаниям местных старожилов, поздней осенью 1941 года, когда фашисты подбирались к Москве, многие жители Нашина видели на мосту через речку Нашинку явление святой Анны, благословляющей крестным знаменем дома и храмы города. Как известно, ни один снаряд или бомба в ту войну на Нашин не упали. Хотя основательно досталось близлежащим Горицам и в особенности — Калинин (Твери).

И в наши дни многие православные россияне едут в Нашин, чтобы поклониться гробу святой Анны (ее имя означает "благодать"). В июне 2000 года верующие отметили 350-летие первой канонизации преподобной княгини.

А на упомянутом уже предприятии "Вереск" выпускают минеральную воду из источника, освященно-го в память святой Анны. На красочных этикетках этого изделия в русско-английском варианте так и выведено: "Анна Нашинская". И водица, надо сказать, весьма благодатная. Впрочем, как и сам город.

Но об этом лучше поговорить отдельно...

Неприметное

В самом деле, кто хоть раз побывал в Нашине, вряд ли скажет, что место это не благодатное. Если будете гулять по городу, вас приятно удивит чистота и ухоженность тротуаров, обилие зелени и цветов, продуманная планировка прямых, но бегущих с холма на холм улиц. Ранее полноводная и судоходная речка Нашинка, впадающая в Волгу, теперь обильно заросла изящными лилиями и кувшинками. В черте города она, к сожалению, малопригодна для купания. Хотя с моста хорошо видно, что вода в речке очень чистая и прозрачная, "простреливается" до самого дна, позволяя различить шныряющих в ней не крупных рыбешек...

И в лицах нашинцев вы при всем желании не заметите распротраненной сегодня угрюмой замкнутости, растерянности или откровенного "жлобизма". Хоть и бросается в глаза, что основная масса горожан живет не совсем "стильно" и богато, но при этом не наблюдается в них унылой безысходности или скрытой ущербности. Похоже, люди вполне самодостаточны и счастливы тем, что имеют. Смотрят на мир открыто и спокойно, без злорады, зависти, алчности или чувства унижительной неполноценности.

Возможно, здесь играет свою роль тот фактор, что в Нашине практически отсутствует безработица. "У кого есть желание, тот всегда найдет себе работу, — говорят горожане. — Можно пойти на "Вереск", в санаторий, на завод электроаппаратуры, швейную фабрику... В городе есть свой мясом-

бинат, молокозавод, хлебозавод. Естественно, школы, больницы, детские сады, милиция... А еще зооветтехникум, аграрный техникум, медучилище... Так что, не ленись, и место найдется!..

Следует также добавить, что заработная плата на предприятиях и цены в торговых точках города абсолютно схожи с подмосковными. А местный "прикид" и говор, в общем-то, не отличишь от столичного...

Как рассказали работники Нашинского краеведческого музея Наталья Охапова и Ирина Иванова, река Нашинна, плавно изгибаясь, обтекает центральную часть города в виде анкуратного "сердечка". В православии изображение сердца является символом Богородицы. Не потому ли нашинцы в массе своей так доброжелательны и отзывчивы?

Вот написал эти строчки и засомневался: отчего же тогда совсем позабыли тут об уроженцах Нашинского уезда братьях Тучновых — Николае, Александре и Павле, отличившихся при Бородинском сражении, и о жившем всего в 15 км от Нашина (село Башвино) Григории Потемкине (фаворите императри-

цы Екатерины II), главнокомандующем нашей армией во время русско-турецкой войны 1787-1791 годов? Есть ли в городе хотя бы дворик, названный его именем? Не попался.

То же самое можно сказать про учителя и наставника А.С. Пушкина Александра Петровича Нуницына, жившего в Нашине в юношеские годы. Упомянуто ли в каком-нибудь переулке или тупичке это имя? Не заметил...

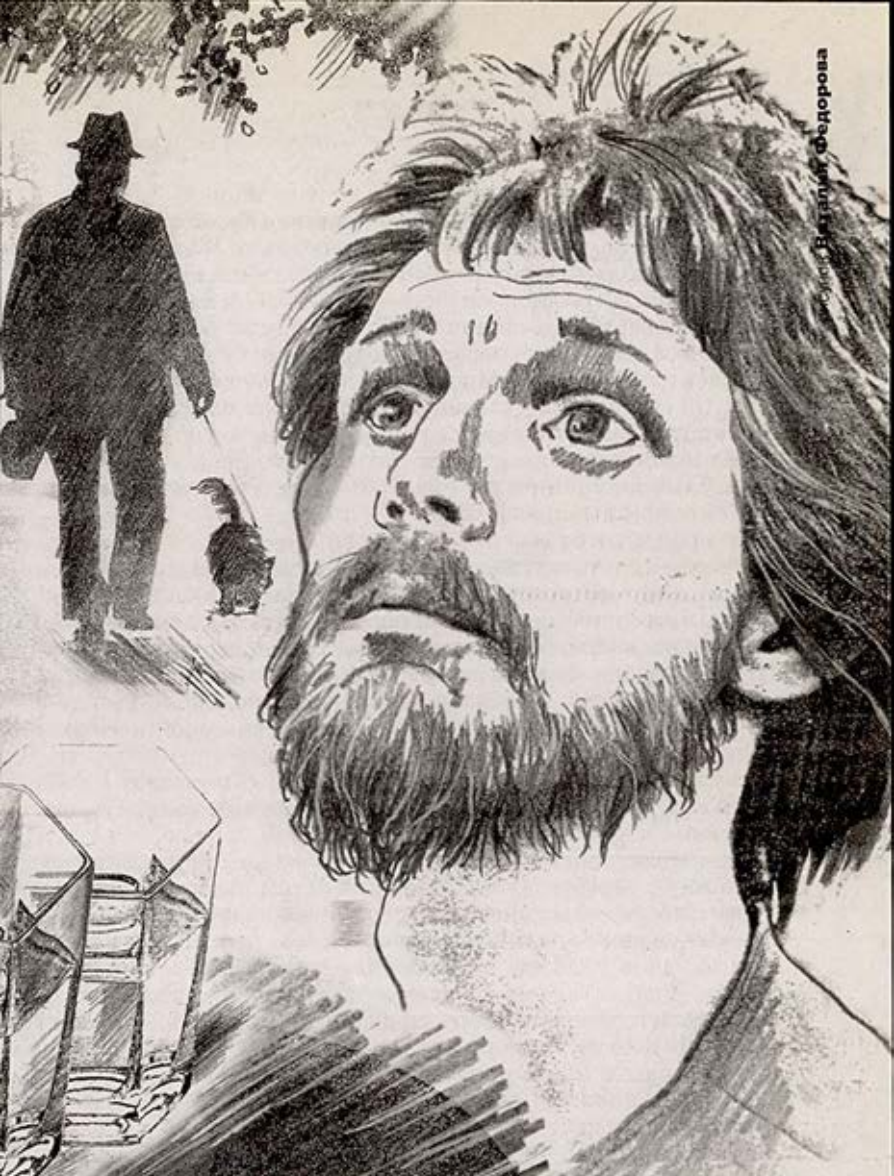
...Тишину просыпающегося города неожиданно всколыхнул мелодичный колокольный перезвон. Поживаясь от утренней прохлады, я вышел на полусонную улицу и "вырулил" к мосту, изогнувшемуся над Нашинкой. Перегнувшись через перила, бросил в прозрачную глубину реки сверкнувшую "серебром" монетку. Она упала тихо, без всплеска, и сразу скрылась среди извилистых переплетений многочисленных водорослей. Глядя, как течение уносит маленький кругляшок металла, я загадал одно единственное желание:

"Как хотелось бы вернуться сюда вновь!.."

по

Следнее дело комиссара

Вернер ШТАЙНБЕРГ

Глава 1

1

Раз в месяц почувствовать себя в роли охотника!

Это единственное хобби доктора Ксавера Обермозера, его заглавная слабость. Сегодня ему здорово повезло. В этот прекрасный теплый июльский вечер он лежит, расслабившись, на террасе своего бунгало, расположенного в живописном местечке около озера Штарнберг, в компании с девушкой, тело которой смутно белеет в наступивших сумерках. Он прихватил ее по дороге, направляясь из Аугсбурга в Мюнхен. Она стояла на обочине и голововала. Он сразу понял, что она не из дешевых потаскушек и не какая-нибудь замызганная бродяжка — он их терпеть не мог.

В Мюнхене они основательно поужинали. Рената, так звали девушку, не жеманничала, она проголодалась и не скрывала этого, с толком выбирая блюда.

Как пройдет этот вечер, он уже знал.

В свои двадцать восемь лет Обермозер слыл преуспевающим юристом, и это соответствовало истине: юрисконсульт с десяти-тысячным месячным окладом плюс тридцать тысяч в качестве специальных выплат ежегодно. Он мог себе позволить постройку этого загородного дома за кругленькую сумму в полмиллиона. Правда, работой он обязан своему отцу, большой шишке в баварском министерстве юстиции с бесконечным количеством влиятельных связей.

Девушка уже стоит на краю бассейна и сбрасывает с себя платье. В скудном лунном освещении он успевает заметить, что она хорошо сложена, с прекрасно развитой грудью, и видит, как она ныряет вниз головой и исчезает в воде, оставляя за собой длинную серебристую дорожку, а затем снова появляется на поверхности воды, энергично стряхивая влагу с волос.

Он вынужден поторопиться, чтобы не отстать от нее, однако прыгнуть вниз головой не отваживается, присаживается на край бассейна, осторожно соскальзывает в воду, прекрасно понимая, что его бледное нетренированное тело не придает ему привлекательности, и медленно плывет за ней. Все это продолжается довольно долго, прежде чем она позволяет приблизиться к себе. Она должна принадлежать ему. Он обнимает ее. И тут она неожиданно начинает сопротивляться.

— Ну, что еще? — сдавленно бормочет он. — Брось глупить! — И вдруг улавливает ее шипение:

— На нас смотрят!

Мгновенно отрезвев, он выпускает ее.

— Где?

Сквозь тяжелые ветви хвойных зарослей Рената указывает на соседний участок. Обермозер наклоняется. Действительно,

* Журнальный вариант.

под выступающей вперед крышей массивного бунгало видна приземистая фигура за садовым столиком, человек сидит неподвижно, подавшись вперед, руки широко раскинуты, и кажется, этот человек устался именно на них. Обермозера охватывает яростный приступ гнева. Так бесстыдно, так нагло может вести себя здесь только один человек — Штокингер, этот выскочка, строитель-подрядчик, заполучивший в свое время громадный участок здесь, на озере Штарнберг.

Обермозер делает слабую попытку спасти свое приключение.

— Да он просто пьян, не обращай на него внимания!

— Нет, он не пьян, определенно не пьян, — говорит девушка. — И что теперь?

— Ничего, — холодно отвечает Обермозер. — Сожалею, спектакль не удался. Я провожу тебя до выхода.

Она даже не подает ему руки, не бросает небрежно: пока, а просто поворачивается к нему спиной и направляется по выездному пути к дороге. Постепенно ее силуэт растворяется в зыбком лунном свете.

Охота на дичь закончена, трофеев нет.

Обермозер никак не мог успокоиться. Он пошел в сауну, растянулся на полке и попытался расслабиться, но что-то мешало ему. Пришлось подняться наверх, чтобы в сумеречном свете послушать музыку Баха, но и это не действовало, как обычно. Мысли постоянно возвращаются к незадачливому происшествию.

Как-то странно сидел там Штокингер, навалившись на стол, широко раскинув руки и неподвижно глядя в пространство. Совсем не к лицу ему проявлять такое любопытство, вмешиваясь в обстоятельства жизни посторонних людей. Мужуку, должно быть, перевалило уже за шестьдесят, накопил порядочный жизненный опыт, трудно представить его в роли любителя замочных скважин. Вдруг Обермозер вскочил в порыве внезапного решения. Выключил проигрыватель, вытащил из шкафа свой полевой бинокль и направился в сад, несколько замешкавшись на террасе. Окинул взглядом спокойную водяную гладь бассейна и осторожно подкрался к тому месту, где стоял с девушкой, непроизвольно приглушая шаги и стараясь не попадаться в поле зрения Штокингера, словно тот все еще продолжал сидеть на том же самом месте, пялясь в эту сторону.

И действительно, он все еще там. Обермозер перепугался, когда обнаружил это.

Он осторожно раздвинул ветки, приблизил к глазам полевой бинокль. Тень от крыши террасы делит теперь силуэт Штокингера пополам, но стол, за которым тот сидит, в свете полной луны можно рассмотреть довольно ясно. К своему удивлению, Обермозер заметил бутылку вина и два бокала. Он что, этот

Штокингер, распивал с приятелем, а, выпроводив того, продолжил пьянку в одиночестве?

Обермозер опускает бинокль и направляется в дом, досадуя на самого себя.

Этому делу необходимо положить конец. Вайнцирли, думает он, чета Вайнцирлей.

2

Валентину Вайнцирлю уже перевалило за шестьдесят. По профессии он каретник; с течением времени, однако, когда после денежной реформы из деревень постепенно стали исчезать лошади, вытесняемые машинами, он нашел пристанище у одного столяра и досконально освоил все тонкости этой профессии.

Примерно лет десять назад некий профессор Нойгир поместил в газете объявление, что подыскивает на работу супружескую пару для исполнения обязанностей старшего дворника и привратницы. То, как это было преподнесено в газетном объявлении, понравилось Вайнцирлю, и он решился предложить свою кандидатуру. Профессор сразу же оценил стабильность и надежность немногословного человека. Для Вайнцирля это стало настоящим подарком судьбы. Он смог откладывать ежемесячно до двух тысяч, они с женой жили в деревянном домике, расположенном у входа во владение, в долине реки Изара, в подвале Вайнцирль оборудовал себе мастерскую. Его навыки скоро получили широкую огласку среди окрестных жителей. Как только что-нибудь ломалось или требовался ремонт, Вайнцирль был незаменим.

Его жена, маленькая, подвижная особа под шестьдесят, тоже не сидела без дела: она подрабатывала приходящей прислугой у доктора Обермозера, которого Вайнцирль терпеть не мог, а также содержала в порядке дом и сад у инженера Штокингера.

Стамеской Вайнцирль тщательно снимает крошечную стружку с деревянной планки, она предназначена для восстановления детали напольных часов. Он полностью погружен в свою работу. Вдруг резко зазвонил телефон. Со вздохом Вайнцирль снимает телефонную трубку. Еще чего не хватало: это Обермозер, белесый невзрачный человек, который не соизволит другим даже руки подать.

— Но, господин доктор, уже почти одиннадцать часов! — бурчит он в трубку. Но от Обермозера не так-то легко отделаться.

— Я действительно не могу себе представить, — ворчит Вайнцирль, — чтобы с господином Штокингером могло случиться что-то серьезное, но я скажу жене, чтобы она посмотрела.

Недовольный, он кладет телефонную трубку, с сожалением бросает взгляд на свою работу, тяжело ступая, поднимается по отполированной до блеска деревянной винтовой лестнице вверх и громко стучит в дверь:

— Позвонил доктор Обермозер, ты должна сходить к Штокингеру.

Вскоре маленькая седовласая женщина стоит рядом с ним и, торопясь, с горечью спрашивает:

— Ты ведь пойдешь вместе со мной, Валентин?

Естественно, он пойдет, он не позволит женщине одной где-то бродить среди ночи, мало ли что может случиться! Двигатель видавшего виды “фольксвагена” заводится сразу же, в молчании Вайнцирль съезжает по узкому проулку вниз к основной магистрали; некоторое время спустя сворачивает налево на подъездную дорогу, которая вьется наверх к участку Штокингера, и останавливается перед железными воротами.

Врони торопливо выбирается из машины и, прежде чем хлопнуть дверцей, просовывает в салон голову:

— Я скоро вернусь, Валентин. — Затем исчезает в темноте кустарников за железными воротами.

Вайнцирль обстоятельно закуривает, открывает бардачок, но быстро вернувшаяся Врони уже стоит у машины и торопливо стучит по стеклу.

— Со Штокингером что-то случилось, Валентин, он без сознания, не шевелится даже.

Вайнцирль неуклюже вылезает из машины и молча бредет за женой вокруг бунгало, направляясь к террасе.

Действительно, Штокингер сидит за садовым столиком, перед ним бутылка вина и две рюмки. Вайнцирль брюзжит:

— Да он попросту надрался, жена, что же еще! Сейчас мы отнесем его в постель. Завтра он проспится и придет в себя.

Подойдя к подрядчику, он внезапно останавливается: Штокингер сидит за столом в какой-то странной, скрюченной позе: может, у него инфаркт? Он осторожно наклоняется к нему, прислушивается — и не улавливает дыхания. Мягко берет его за подбородок и бережно приподнимает голову — в рассеянном лунном свете Штокингер смотрит на него неподвижными, широко раскрытыми пустыми глазами.

Вайнцирль с глубоким вздохом, но совершенно спокойно обращается к своей жене, которая боязливо наблюдает за его действиями:

— Штокингер мертв, Врони. Нужно вызвать врача! Он должен решить, нужна ли здесь полиция.

Глава 2

1

— Собственно, это не доставляет большого удовольствия, — говорит шеф-комиссар Гриссбюль, размышляя о том, как же постарел Гроль, сидящий напротив него в небольшой уютной комнате. — Видите ли, последним делом, которое я вел, было дело Ирины Гравье, наверно, вы читали об этом в газетах.

— Я не читаю газет, — отвечает Гроль, отрицательно качая головой, которую украшает мощная лысина. — Эти друзья доставили мне достаточно хлопот, когда я был на службе. Теперь я на заслуженном отдыхе, и почему должен о чем-то беспокоиться?

В этот момент зазвонил телефон. По-стариковски шаркая ногами, Гроль направляется к письменному столу, устрещающему сооружению, такому же громоздкому и неуклюжему, как и он сам. Гриссбюля на секунду охватывает острое чувство жалости к старику — поверхность стола абсолютно пуста. Гроль снимает трубку, говорит в нее:

— Да, вам повезло. — И молча протягивает трубку шеф-комиссару. — Это коллега с ночного дежурства из Управления полиции.

Гроль прислушивается к недовольному голосу Гриссбюля:

— Вы что, не могли найти кого-нибудь еще? Как вообще пришло вам в голову искать меня здесь? А, моя жена? Ну, хорошо, еще раз: Алоиз Штокингер, строитель, бунгало на озере Штарнберг, да, а как я найду его? Ах, так, в Кемпфенхаузе. — Он с возмущением швыряет на рычаг трубку: — Из-за какого-то сумасшедшего, спустившего курок или еще как-то решившего свести счеты с жизнью, шеф-комиссар Гриссбюль должен мчаться туда ночью сломя голову. Итак, всего доброго, господин Гроль, я непременно дам о себе знать.

2

Оставляя за собой на приличной скорости центр города, Гриссбюль мысленно вернулся к Гролю, вызывая в памяти картину, увиденную в зеркале заднего обзора: приземистая, теперь уже слегка согнувшаяся фигура, кажется, что прошедшие годы уменьшили его в росте, нет прежней массивности, мощную лысую голову венчают редкие седые волосы, рядом премилый песик Чарли. В один прекрасный день его не станет, кто вспомнит о нем? Одно ясно, ему, Гриссбюлю, старика будет не хватать.

Когда перед Кемпфенхаузом в его поле зрения попала площадка с кемпингом, Гриссбюль поехал медленнее — это должно быть здесь! Но ему не пришлось разыскивать бунгало Штокингера: с досадой он заметил на улице патрульный автомобиль с мигалкой, неужели нельзя обойтись без того, чтобы постоянно не привлекать к себе повышенное внимание? Один из служащих указал ему частную дорогу.

Не успел Гриссбюль припарковать машину перед воротами, как увидел спешащего к нему Брахведеля, которого он про себя, по примеру Гроля, называл “мой паренек”.

— Хорошо, что мы вас застали, господин шеф-комиссар, — обращается к нему Брахведель, — однозначно убийство. Но предположительно не в целях ограбления, мы обнаружили в одном из выдвижных ящиков деньги, больше тысячи марок, и вообще, кажется, ничего не было похищено.

Гриссбюль не реагирует на его слова.

— Я хочу сначала осмотреть тело.

Штокингера уже перенесли в дом. В странном, скрюченном положении он неподвижно лежит на широкой кушетке, покрытой белой шкурой.

Врач стоит в ожидании рядом с трупом, Гриссбюль знает его давно — далеко не приятное для врача занятие постоянно составлять экспертизы на трупы, вместо того чтобы лечить живых.

— Причина смерти?

— Скорее всего, синильная кислота, — отвечает врач. — На это указывает горький миндальный запах недопитого вина в его рюмке, а также цвет лица — взгляните.

Действительно, лицо Штокингера равномерно налилось темно-вишневым цветом.

— Конечно, может обнаружиться и еще что-нибудь, это мы установим после вскрытия, — добавляет врач.

— А время наступившей смерти?

— Трудно сказать. Я могу только назвать приблизительно — от четырех до шести часов назад, судя по окоченению тела. Но вы же знаете сами, это далеко не точный показатель. Только после вскрытия...

Гриссбюль прерывает его, успокаивающе махнув рукой.

— Знаю, знаю. Для начала мне достаточно и этого. Вы свободны, доктор.

Брахведель поспешно достает свою записную книжку и делает пометки. Потом поднимает голову и поясняет:

— Обследование тела начато в двадцать четыре часа пять минут. Следовательно, если отнять четыре или шесть часов, убийство произошло между восемнадцатью и двадцатью.

Гриссбюль принимает это сообщение молча. Он направляется на террасу, мощный прожектор наискосок освещает ее, оба стула и стол отбрасывают четкие тени, белым обозначен контур Штокингера. Две рюмки и бутылка все еще стоят на своих местах.

— Съемки произведены, — сообщает Брахведель. — Следы в пределах террасы зафиксированы. На бутылке и одной из рюмок обнаружены только отпечатки Штокингера, на второй рюмке отпечатков нет. По-видимому, преступник стер их. Можно предположить, что преступление было тщательно продумано — откуда тогда яд, и как объяснить вполне мирное времяпровождение преступника и жертвы? Оба должны хорошо знать друг друга, может, это был деловой партнер, или конкурент, или еще кто-нибудь из ближайшего окружения семьи. Я распорядился, чтобы проверили отпечатки следов и в саду. Я почти уверен в том, что преступник покинул участок не через дом. Может быть, удастся обнаружить отпечатки автомобильных шин или обуви...

— Я хотел бы осмотреть бунгало, — говорит Гриссбюль.

— Конечно, — быстро соглашается Брахведель.

До сих пор все внимание Гриссбюля было сосредоточено на потерпевшем; теперь же он, стоя на террасе, осматривает просторное помещение, которое, по-видимому, являлось центральным местом дома.

Здесь принимали гостей, здесь, вероятно, устраивались вечера, а мебельный гарнитур говорит о том, что хозяйева стремились создать впечатление прочного благополучия, даже богатства.

В сопровождении Брахведеля Гриссбюль начал подниматься по величественной лестнице, ведущей на второй этаж. Наверху расположены четыре гостевые комнаты, одинаково обставленные, две ванны, одна из которых находится между спальнями хозяина и хозяйки дома. Видно было, что комнатой хозяйки никто не воспользовался, зато Штокингер ночевал в своей, постель в беспорядке, дверца гардероба открыта, на ночном столике лежала электробритва.

— Судя по всему, — заговорил Брахведель, — убийца не мог приехать вместе с ним, в гостевых комнатах никто не ночевал.

— Если это было действительно убийство, преднамеренное или нет, — вставил Гриссбюль. — Но даже если мы остановимся на этой версии, не ясно, не подобрал ли он кого-нибудь сегодня по дороге, например, в Штарнберге. И вообще, почему вы все время говорите о преступнике? С таким же успехом речь может идти и о женщине. Кто знает, какие страсти обуревали его. Кроме того, нельзя исключать и самоубийство.

— Да, и это тоже нельзя упускать, — с готовностью поддакивает Брахведель, проводя рукой по своим тщательно уложенным волосам.

Шеф-комиссар подводит итог:

— Проследите, чтобы составили протокол осмотра по всем помещениям, в первую очередь, обратите внимание на спальню Штокингера, кухню и гараж и обследуйте весь дом на возможные отпечатки. Я не хотел бы пропустить ни единого отпечатка пальцев, здесь должно обнаружиться изобилие всяких, но делать нечего. Как вы представляете себе все случившееся, Брахведель, я имею в виду, ваше первое впечатление?

— Вероятнее всего, Штокингер назначил преступнику встречу, — Брахведель сразу же поправляет себя, — или преступнице. Причина неясна, возможно, деловой разговор, возможно, интимные отношения, не исключены и другие самые разнообразные варианты. Они распили по бокалу вина, и преступник или преступница использовал эту ситуацию, чтобы подсыпать яд Штокингеру в рюмку, Штокингер отпил глоток, и яд подействовал мгновенно. После этого преступник спокойно удалился, но постарался предусмотреть все меры предосторожности, чтобы его никто не видел. Я даже думаю, что он не

пользовался автомобилем, во всяком случае, до бунгало не до-
ехал, чтобы не возбудить подозрение.

— Скажите-ка, подозрение! Здесь все жители пользуются
машинами.

— Да, конечно. Когда он покинул бунгало, было уже, по
всей видимости, темно, а в лунном свете все выглядит так неоп-
ределенно.

— Вы думаете, он задержался здесь еще на некоторое вре-
мя? Преступление было совершено между восемнадцатью и
двадцатью часами, как предположил наш доктор. Если это вер-
но, то было еще светло. Ну что ж, хорошо, — заключил Грис-
сбюль. — Сделайте соответствующие распоряжения, Брахве-
дель, а я поговорю с супругами Вайнцирлями.

3

Гриссбюль приветливо поздоровался с Вайнцирлями, стара-
ясь их приободрить. Тело Штокинтера тем временем из сосед-
ней комнаты уже забрали.

— Я хотел бы поговорить с каждым из вас отдельно. Лучше,
если еще несколько минут вы посидите здесь, госпожа Вайн-
цирль.

Утопая напротив Валентина в одном из двух мягких ком-
фортабельных кресел, он спрашивает:

— Вы работали на господина Штокинтера?

— Нет, что вы, этим занималась моя жена. Я только иногда,
когда нужно было подсобить в тяжелых работах, помогал ей.
Сгрести снег, например, чтобы расчистить подъездную дорогу.

— Следовательно, это ваша жена обнаружила мертвого
Штокинтера?

— Не совсем так. Собственно, обнаружил его господин док-
тор Обермозер.

И Вайнцирль подробно объясняет, как он получил сообще-
ние по телефону и добрался сюда вместе с женой.

— И вы сразу же определили, что Штокингер мертв? Нельзя
ли было предположить, что он без сознания или его хватил удар?

Вайнцирль напрягся.

— Я был на войне, господин шеф-комиссар, там знают, как
выглядят мертвые.

— Поэтому вы вызвали врача?

— Я подумал, что так будет правильнее, потому что уж
очень это походило на убийство.

— Скажите, что за человек был господин Штокингер?

— Я мало с ним общался, но он мне нравился.

— Почему?

— Он очень правильно всегда говорил, и всегда знал, чего
хочет.

— А доктора Обермозера, который позвонил вам, вы, конеч-
но, тоже знаете?

— Да, моя жена работает и у него.

“Слишком лаконичен, — думает Гриссбюль. — Попробуем разговаривать госпожу Вайнцирль”.

— Расскажите, пожалуйста, по порядку все, что вам известно о господине Штокингер, госпожа Вайнцирль. Кто навещал его здесь в бунгало, какие у него были взаимоотношения с соседями, с женой. А я буду задавать по ходу дела вопросы.

— Так вот, я должна была следить здесь за порядком, два раза в неделю делать уборку, а когда ожидалась гости, господин Штокингер заранее меня спрашивал, смогу ли я прийти, и если я могла, то приходила. Он был очень великодушным, всегда округлял с верхом.

— Что вы имеете в виду?

Она смущается.

— Дело в том, что я всегда точно подсчитывала проработанные часы. Он платил мне десять марок...

— Прямо вам? Вы можете спокойно сказать об этом, я ведь не из налоговой полиции. — Гриссбюль улыбнулся, чтобы подбодрить ее.

— Ну да, в общем... прямо мне. Если это было полчаса, то он платил за полный час. Он был щедрым, но и очень дотошным. Все должно было быть в полном аккурате, за этим он очень следил, ну, а если я что-нибудь упускала из виду, он устраивал настоящий скандал; я никогда на него за это не обижалась, мой тоже иногда взрывается, если я долго сижу в ванне.

Гриссбюль понял, что беседа может затянуться, и прервал ее.

— А госпожа Штокингер, она была такой же пунктуальной?

— Что вы, господин шеф-комиссар, ей до этого не было дела. Знаете, господин комиссар, жена, она ведь моложе на добрых тридцать лет, очень красивая женщина, господин Штокингер вполне можно понять. И он сделал для нее все, что мог, вы понимаете? Как это иногда случается с пожилыми мужчинами его возраста, их тянет к чему-нибудь юному. И он заполучил ее. Но чтобы часто выбираться сюда, такого не было, не знаю, почему. Когда они устраивали вечера — два или три раза в году, то она, конечно, всегда принимала в этом участие и очень веселилась. В таких случаях господин Штокингер старался приобрести все самое качественное и дорогое, заказывал еду из Мюнхена, нанимал одного или двух официантов, смотря по обстоятельствам, для меня одной это было уж чересчур. Они включали музыку и танцевали. Но вообще, господин Штокингер приезжал сюда по большей части только со своим приятелем, с которым у него были общие дела, здесь они вели переговоры. Иногда сюда приезжали другие знакомые и оставались ночевать.

— Но вчера или позавчера, судя по всему, он приехал сюда один, или, во всяком случае, ночевал наверху один.

— Об этом мне ничего не известно. Я не знала, что он и был-то здесь. Я думала, что он приехал только сегодня. Вообще, он

не должен был появляться здесь раньше вторника. Обычно я делаю с утра уборку, и должна была бы столкнуться с ним.

— Если господина Штокингера убили, у него должны быть враги, это может быть мужчина или женщина. Может быть, вы слышали его спорящим с кем-то? Не жаловался ли он вам, что испытывает в отношениях с каким-либо лицом определенные трудности? Если являешься своим человеком в доме, как вы, госпожа Вайнцирль, то часто пользуешься доверием хозяина.

— Я ничем не могу помочь вам, — говорит Врони Вайнцирль с сожалением. — Больше чем о погоде или о работе, или о том, как дела у моего мужа, мы с ним ни о чем не говорили.

— А госпожа Штокингер? Она ведь гораздо моложе его. Я вполне допускаю, что в один прекрасный день она захотела бы отделаться от своего мужа.

— Да что вы. Ведь она имела все, что только можно пожелать, и пользовалась полной свободой. Он ведь так часто был в разъездах.

Гриссбюль встал.

— Вы мне очень помогли, госпожа Вайнцирль. Если у меня возникнут какие-то вопросы, я обязательно свяжусь с вами.

Только теперь Гриссбюль почувствовал, как он устал. И, тем не менее, этой ночью ему предстоит выполнить еще два дела: встретиться с доктором Ксавье Обермозером и женой Штокингера. Ему становится не по себе от одной только мысли, что он станет вестником несчастья.

На террасе он натывается на Брахведеля. Тот сразу же возбужденно накидывается на него:

— Чертовски не везет! Мы перерыли весь сад — и никаких следов. Как будто преступник все за собой убрал.

Безрадостным тоном Гриссбюль попросил:

— Сообщите, пожалуйста, обо мне по телефону доктору Обермозеру, я отправляюсь сейчас к нему. А затем заеду к жене Штокингера.

— Мне позвонить и ей тоже?

— Вы что, в своем уме? Хотите спровоцировать обморок? Нет, я просто поеду туда. У вас есть их адрес?

Брахведель торопливо выхватывает записную книжку:

— Бортенхофштрассе, тринадцать.

— Это место мне знакомо, как раз по соседству со мной, — устало говорит Гриссбюль.

4

Когда Гриссбюль подъехал к бунгалу Обермозера, все многочисленное наружное освещение уже было включено. Его, следовательно, ждут. И действительно, садовые ворота бесшумно распахиваются перед "вольво". Гриссбюль осторожно разворачивается у дома перед самым входом и, уже выходя из маши-

ны, замечает стоящего снаружи Обермозера. Он начинает с извинений.

— Мне очень жаль, господин доктор, что пришлось вас беспокоить так поздно. Но вы были первым, кто заметил Штокинтера на веранде и у кого он вызвал подозрение.

— Пожалуйста, входите, — чопорно приветствует доктор Обермозер и пропускает гостя вперед.

— Я бы сначала охотно осмотрел то место, с которого вы увидели Штокинтера.

Проходя через помещение, Гриссбюль сразу же отмечает разительное несходство этого интерьера с гостиной Штокинтера. Здесь господствуют почти протокольная сдержанность и строгость линий, все выдержано в бледных, едва различимых розовато-бежевых тонах, повсюду дорогие вещи, гармонично сочетающиеся друг с другом. Наглядная разница между пристрастиями строителя и культивированного архитектора по интерьерам, непроизвольно подумал Гриссбюль, попутно делая вывод о различии в характерах обоих мужчин.

Обермозер ведет его в сад и, указывая на место у забора, невнятно бормочет себе под нос:

— Вот отсюда я и увидел.

В ярком свете прожекторов Гриссбюлю видны терраса, стол, стулья, фигуры криминалистов, спящих туда-сюда, — авансцена, на которой молча разыгрывается нечто непонятное. Прожектор, освещавший сад, уже погашен.

— Большое спасибо.

Гриссбюль повернул назад. Они возвращаются рядом тем же путем, при этом Гриссбюль замечает тускло отсвечивающие мокрые следы на бортике бассейна, но вопросов пока не задает.

— Садитесь, пожалуйста. Что вам налить?

Гриссбюль отмахивается:

— Я хочу покончить с этим как можно скорее и не злоупотреблять вашим драгоценным покоем, господин доктор. Мой первый вопрос: в какое время вы заметили Штокинтера на террасе?

— Возможно, в половине одиннадцатого или в одиннадцать, я не смотрел на часы.

Ответ последовал подозрительно быстро, будто к нему он готовился заранее.

Юрист, который не может позволить себе никакой оплошности, думает Гриссбюль. Непроницаемое бледное лицо этого мужчины с узкой верхней губой и очками без оправы не вызывает у него симпатии.

— Вы не видели там других людей?

— Нет.

— У вас была какая-то особая причина посмотреть в ту сторону? Я хочу сказать, возможно, вы хотели поговорить с соседом?

— Я не люблю разговаривать с соседями, это порождает сплетни. А для серьезного разговора не было причины. Хотя господин Штокингер строитель, я бы, честно говоря, не воспользовался его услугами.

— Почему?

— Мне не нравится его вкус.

— Понимаю. Но все же он ваш сосед, и мне сказали, женат на очень молоденькой женщине, моложе самого Штокингера чуть ли не на целых тридцать лет. Она должна быть примерно вашего возраста. Вы знали госпожу Штокингер?

— У меня не возникало желания познакомиться с ней.

— Но вы, конечно же, должны были видеть ее, просто так, случайно. Вы же увидели сидящего там господина Штокингера?

— Возможно, но она не произвела на меня никакого впечатления.

— В таком случае, видимо, нет смысла спрашивать, в курсе ли вы их семейной жизни: жили они дружно или ссорились иногда?

И хотя это была простая констатация факта, все же Гриссбюль постарался придать своей фразе вопросительную интонацию. Как и следовало ожидать, Обермозер промолчал.

— Последний вопрос, господин доктор, вы купались?

После последовавшей непродолжительной заминки Обермозер отвечает:

— Да, конечно. Я купаюсь иногда. А сегодня был такой чудный вечер, купание доставило настоящее удовольствие.

Вероятно, неприятно растянутая верхняя губа, обнажающая зубы, должна обозначать улыбку.

— Вы были один? — Гриссбюль думает о мокрых следах на бортике бассейна. — Не исключено, что ваш гость мог увидеть гораздо больше.

Улыбка погасла. Ответ сух и короток:

— Нет, я был один.

Гриссбюль поднимается.

— У меня все. Большое спасибо.

— Не стоит.

Обермозер даже не удосужился вежливо попрощаться, ограничившись только этой пустой фразой. Он провожает Гриссбюля до двери и, не дожидаясь, пока тот сядет в машину, сразу же запирает ее.

5

Гриссбюль сбавил скорость. Улица изгибалась, как бумеранг. Надо действительно быть мастером своего дела и иметь особый нюх, чтобы в центре Мюнхена подыскать такой участок: рядом с основными городскими магистралями и в то же время в полном уединении, благодатная тишина и покой.

Гриссбюль аккуратно разворачивает машину и останавливает ее напротив дома номер тринадцать. Не выходя из машины, принимается внимательно изучать его. Дом двухэтажный, крыт шифером, высокая крыша круто спускается вниз, образуя на втором этаже два широких окна, аккуратно выложенных кровельным гонтом. По фронтальной части первого этажа широко раскинулись шесть окон. Ели, высаженные по периметру узкой полоски палисадника, еще не достигли той высоты, чтобы полностью скрыть дом от любопытных взглядов с улицы.

Гриссбюль размышляет о расходах на постройку бунгало, о затратах, которые вложены в это строительство, — у парня определенно водились денежки! Видимо, мотив убийства как-то со всем этим связан.

Он осторожно нажимает на кнопку звонка. Проходит довольно много времени, прежде чем в переговорном устройстве раздается слегка осипший женский голос:

— Да, слушаю вас.

— Криминальная полиция. Я хотел бы поговорить с госпожой Штокингер.

Наступает продолжительная пауза. Судя по всему, там пытаются осмыслить сказанное, затем снова раздается тот же голос:

— Госпожа Штокингер спит. Я бы не хотела напрасно будить ее. Может быть, дело потерпит до утра?

— К сожалению, нет, — напористо возражает Гриссбюль. — Если бы обстоятельства могли ждать, я не мчался бы сюда глубокой ночью сломя голову. Дело касается господина Штокингера.

— Подождите, пожалуйста.

Нетерпеливо прохаживаясь вдоль забора, Гриссбюль мучительно задает себе один и тот же напрасный в таких случаях вопрос — как в наиболее деликатной форме сообщить жене потерпевшего о его смерти?

Услышав зуммер, Гриссбюль надавливает на садовую калитку и через несколько шагов оказывается у бокового входа. Дверь открыта, его встречает пожилая женщина, тщательно одетая даже в эту позднюю пору.

— Проходите, пожалуйста. Я экономка. Вам придется подождать еще несколько минут. — С этими словами она исчезает.

А Гриссбюль непроизвольно рисует себе портрет женщины, которую поджидает: хрупкая, с мягкой улыбкой, тщательно ухоженная блондинка...

Та, которая, наконец, появляется, не имеет ничего общего с воображаемым портретом. Рослая и стройная особа, в закрытом светло-коричневом платье до колен. Черные волосы с челкой на лбу, стриженные под пажа, открывают лицо с пропорциональными, скорее даже строгими чертами, на улыбку нет и малейшего намека.

— Ваш визит в такое неожиданное время, господин... — холодно начинает она и в упор смотрит на него своими светло-серыми глазами.

Гриссбюль поспешно представляется:

— Шеф-комиссар Гриссбюль. Видите ли, причина моего появления здесь не совсем обычна.

Она указывает на один из стульев. Гриссбюль осторожно опускается на него.

— Слушаю вас...

— К сожалению, с вашим мужем произошло несчастье.

На лице явный испуг, глаза прищурены, как от яркого света, черные брови сошлись к переносице. Она приподнимает правую руку и прерывающимся голосом спрашивает:

— Несчастный случай? На автобане? Очень плохо?

Бесполезно затягивать сообщение, прибегая к полупаузам.

— Нет, не несчастный случай. Вашего мужа нашли мертвым в бунгало на озере Штарнберг.

— Когда?

— Сегодня ночью. Несколько часов назад.

— Инфаркт?

— Нет, — отвечает Гриссбюль, — отравлен.

Она теряет дар речи, самообладание изменяет ей. Легкое дрожание век, всего какое-то мгновение. Затем она встряхивает головой и, не глядя на Гриссбюля, начинает говорить, как бы размышляя вслух:

— Я не понимаю. Яд? Почему яд? И почему в бунгало? И почему несколько часов назад? Он же только три дня назад... — Она умолкает. Гриссбюль терпеливо ждет. Наконец она распрямляется и резко произносит: — Это ужасно. Так неожиданно! Конечно, мой муж не обладал хорошим здоровьем, у него были проблемы с сердцем. Но убийство? И почему? Не понимаю, я вообще ничего не могу понять.

В комнате повисает пауза.

Внезапно, так, что комиссар невольно вздрагивает, она вдруг обрушивается на него в манере, которая абсолютно не вяжется ни с ее строгим обликом, ни с изящной обстановкой этой комнаты:

— Не молчите же, как рыба! Мой муж убит? Говорите же, наконец!

— Итак, начнем, мадам. — Гриссбюль начинает спокойно излагать ход событий.

Она внимательно его слушает, и только на том месте, где он упоминает доктора Обермозера, с отвращением бросает:

— Как нарочно, этот тип.

— Это все, что мы знаем, не много, однако на сегодняшний день вряд ли удастся сделать больше. Как говорится, нет ничего, что бы определенно указывало на преступника. Откровенно

говоря, мне бы хотелось получить ваши отпечатки пальцев, чтобы нам продвинуться вперед, и в этой связи задать вам несколько вопросов, хотя я хорошо понимаю, вам сейчас не до этого...

— Спрашивайте, — перебивает его она. — Чем скорее все это будет позади, тем лучше для меня. Заснуть я все равно больше не смогу.

— Хорошо. Ваш муж был найден в бунгало. У меня сложилось впечатление, что вас это поразило.

— Да, я и не предполагала, что он собирался в бунгало. Три дня назад он уехал в Ганновер, деловая поездка, это он часто практиковал.

— А когда вы ждали его назад?

Она пожимает плечами.

— Он никогда мне не говорил, когда вернется. Профессия часто вынуждала его задерживаться, одни переговоры влекли за собой другие, неожиданно выяснилось, что необходимо предпринять поездку, так как кто-нибудь хотел показать ему свое бунгало, да мало ли что.

— А не случилось ли, что, возвращаясь после такой поездки, он мог завернуть в бунгало, прихватив с собой какого-нибудь приятеля по бизнесу?

— Нет. Когда он возвращался в Мюнхен, он сначала всегда заезжал домой.

— Итак, вы не находите объяснения тому, почему он сказал вам о своей деловой поездке, а был найден тем не менее в бунгало?

— Нет. Мне самой это представляется странным. Я совершенно не могу понять... — Она обрывает фразу, потом продолжает: — Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. Но, тем не менее, задавайте свои вопросы.

— Господин Вайнцирль сказал мне, что раньше ваш муж был простым каменщиком. Он сделал свое состояние, начав с нуля, а насколько я могу судить по этому дому и вашему бунгало, в настоящее время оно довольно значительно.

— Это правда. Но если вы намерены узнать что-то о его коммерческих делах, то должна вас разочаровать. Я никогда этим не забивала себе голову. Мне это просто неинтересно.

— Конечно, — сразу соглашается Гриссбюль. — Но, наверное, он вам рассказывал когда-нибудь, с чего начинал свое дело, каких размеров оно достигло.

Не скрывая своего раздражения, она с досадой восклицает:

— Господи, ну, конечно же! Но я никогда не вслушивалась, откровенно говоря. Я знаю только... да, я помню, что после денежной реформы он начал работать самостоятельно, тогда желающих строиться было очень много. У него под началом было три или четыре человека, и начали они с ремонтных работ, никаких новостроек. Со временем он принял участие в большом

заказе, это, видимо, и помогло ему пробиться, но как и чем он занимался, не имею никакого понятия.

Гриссбюль наигранно обрадовался.

— Это уже очень существенные сведения, сударыня. Может, вы мне подскажите, над какими объектами фирма работает в настоящее время?

Снова отрицательное покачивание головой.

— Никакого представления. Как-то он мне рассказывал о домах престарелых. Мне кажется, что строительство ведется недалеко от Ганновера, во всяком случае, не в Баварии. Он считал, что пожилые люди должны жить уютно, в покое и иметь возможность достойно встретить свой конец, или что-то в этом роде.

— Он уделял им большое внимание, как вы думаете?

— Да, полагаю. Наверное, потому, что и сам уже состарился — шестьдесят три года, в таком возрасте должны приходиться мысли об одиночестве. Я не могу себе такое представить, но предположить можно.

— Собственно, у него не было причины обременять себя такими мыслями, сударыня, ведь у него были вы, а вы так молоды...

— Ну, не так и молода. Уже тридцать.

— Ну, что вы. А брак был счастливым?

— Стал бы он мне привозить цветы?

Гриссбюль прекрасно видит, что она уклонилась от прямого ответа, но к этому он вернется завтра. Затем он переходит на более формальный тон:

— Если предприятие вашего мужа было таким широкомаштабным, не исключено, что у него могли быть враги, завистники, люди, которые боялись конкуренции с его стороны или даже пострадали от нее? Вы же сами говорили, что он мог быть очень прямолинейным, вести себя грубо, возможно, даже беспощадно. Он никогда вам ничего такого не рассказывал? Возможно, преступника следует искать в этих кругах.

Она возражает:

— Слишком много вопросов, и потом, я очень устала. Если вы хотите более подробно узнать, как обстоят его производственные дела, вам лучше поговорить об этом с госпожой Телпе, его секретаршей. Она в курсе всех его дел. А также с Бихлером, он работает на этом предприятии уже целую вечность.

— А чем занимается господин Бихлер?

— Ах, в его ведении все эти технические штуки. Точно не знаю. Но, видите ли, Бихлер — мой муж всегда с ним все обсуждал.

Гриссбюль встает:

— Мне очень неприятно, сударыня, но надо соблюдать формальности: вы должны опознать труп вашего мужа. Завтра утром я пришлю к вам служащего, который заберет вас. А я

сам... Вас не затруднит, если во второй половине дня я наведаюсь к вам еще раз?

— Да, — соглашается она. — Приходите, я буду дома.

Глава 3

1

Предприятие Алоиса Штокингера находилось в Оберзендлинге, на Кистлерхофштрассе — промышленный район, с которым Гриссбюль был мало знаком. Он медленно ехал мимо многочисленных складов и заводских построек, высматривая вывеску с фамилией Штокингера. Недалеко от высотного здания фирмы Сименс он заметил ее, поколебавшись какое-то мгновение, где ему лучше припарковать “БМВ” — на улице или во дворе строительной фирмы, он решил поставить машину на внутренней площадке, которая, как он одобритительно отметил, занимала добрых тысяч пять квадратных метров. Аккуратными рядами на ней были разложены бетонные трубы, опорные сваи, готовые стеновые блоки, по всей вероятности, Штокингер наладил собственное производство бетона.

Слева, на административном здании, Гриссбюль увидел щит с ориентировочным планом: бухгалтерия, управление складским хозяйством, автодиспетчерская, производство готовых блоков, секретариат...

Ему на третий этаж. Войдя в комнату, шеф-комиссар поразился: в большом казенном помещении сидели семь стенотиписток, перед каждой стопка бумаг, ни одного мужчины. Такого количества машинисток он никак не ожидал увидеть.

На его вежливое приветствие никто не обратил внимания, треск машинок продолжался. Тогда он обратился к юной особе, яркой блондинке, явно химического происхождения:

— Я хотел бы поговорить с госпожой Тёлпе.

Она равнодушно посмотрела на него:

— Как о вас доложить?

— Шеф-комиссар Гриссбюль.

Треск машинок мгновенно прекратился, на него воззрилось, как по команде, несколько пар глаз.

Химическая блондинка поспешно встала.

— Подождите немного. — Она исчезла в боковой двери, спустя несколько секунд дверь запахнулась: — Прошу вас, входите.

Госпожа Тёлпе встречает его, стоя у стола. Зрелая дама, лет сорока пяти, производит очень солидное впечатление. Ладно сидящее платье из дорогого материала говорит о хорошем вкусе. Никаких лишних украшений, только небольшая золотая брошь, приколотая к платью с левой стороны.

Она предлагает ему сесть, не сводя с него выжидающего взгляда.

— Вы знаете о случившемся в бунгало?

— Госпожа Штокингер позвонила мне сегодня утром и сообщила о том, что произошло.

Гриссбюль замечает, что пальцы ее правой руки нервно теребят край стола. Итак, события подействовали на женщину гораздо сильнее, чем это хотелось бы ей обнаружить.

— Мы установили, что в бунгало ничего не похищено. Следовательно, убийство с целью грабежа исключается. Мы пока в полном неведении как относительно самого преступника, так и мотива его преступления. Возможно, госпожа Тёлпе, вы могли бы дать мне какую-нибудь подсказку, может быть, вы кого-нибудь подозреваете?

Ответ Ингеборг Тёлпе краток:

— Нет.

— Вы являетесь на предприятии доверенным лицом, через вас, как ответственного секретаря, в принципе, проходит вся информация, в том числе и та, которая предназначена далеко не каждому здесь.

— Да, это так.

— И такой ответственный пост не достается в одно прекрасное мгновение. Как долго вы работаете у господина Штокингра?

— В ноябре должно было исполниться пятнадцать лет.

— Должно было?

— Я не уверена, что госпожа Штокингер и дальше будет заинтересована в моих услугах.

— Вы полагаете, вас могут уволить? А кто, собственно, вел дела в отсутствие господина Штокингра? Мне удалось выяснить, что он довольно часто уезжал и нередко надолго. Нет ли у вас управляющего делами, который мог бы в интересах госпожи Штокингер вести дела фирмы и дальше?

— Нет, такого у нас нет. Когда господин Штокингер уезжал, то все дела передавались мне, у меня была также ограниченная доверенность на подпись.

— В таком случае, не может ли госпожа Штокингер оказаться в затруднительном положении, если ей в будущем придется отказаться от ваших услуг?

— Не исключено.

— И все-таки... Госпожа Тёлпе, я не хочу играть с вами в кошки-мышки. Скажем так: вы не питаете теплых чувств к госпоже Штокингер и хотите уволиться, и при этом вам безразлично, как дальше сложатся дела предприятия и будет ли испытывать затруднения госпожа Штокингер? Вы почти пятнадцать лет были правой рукой господина Штокингра, не правда ли? Как вы в свое время попали к нему?

Ингеборг Тёлпе четким голосом отвечает:

— Тогда предприятие было небольшим. Немногочисленную переписку и бухгалтерские счета вела его жена, господин Штокингер ничего в этом не смыслил. Но она внезапно умерла от

воспаления легких. И все так неожиданно сошлось: у меня тоже умер муж и остался двухлетний ребенок, о котором я должна была заботиться, и я дала объявление. Господин Штокингер ответил на него, я представилась ему.

— Полагаю, вы сразу же поладили друг с другом?

— Да, очень даже. — Ингеборг Тёлпе оживляется. — Он был честолюбив, хотел поставить на ноги свое предприятие, ему нужны были люди, которые бы радели за него. Я не просто добросовестно выполняла монотонную рутинную работу, мне действительно доставляло удовольствие день за днем вносить свою лепту в дела фирмы. Это правда, господин Штокингер часто обращался ко мне за советом, прислушивался к нему... не всегда, конечно.

— Госпожа Тёлпе, я верно понимаю, что ваши отношения с господином Штокингером не всегда, скажем так, носили чисто деловой характер?

— Сначала у нас были чисто деловые отношения. Но, видите ли, господин шеф-комиссар, я была одинока, он был одинок. Я была совсем молода, двадцать восемь лет, а он был, как говорят, в расцвете сил. Днем он, естественно, проводил много времени на стройке, но потом мы оставались одни в бюро, мне приходилось подолгу задерживаться на работе, это было просто необходимо. Ну и затем, простоты ради, он стал иногда приглашать меня на ужин, так все это и случилось.

— А ваш маленький сын?

— С ним тогда занималась моя мать, — отвечает она. — Это было мне большой помощью, я просто не знаю, как бы иначе справилась со всем этим. И потом, я хочу сказать, что господин Штокингер с самого начала, когда между нами еще ничего не было, вел себя по отношению ко мне очень великодушно. Он никогда не скупился и всегда щедро вознаграждал мою работу.

— И вы надеялись, госпожа Тёлпе, что когда-нибудь он женится на вас?

— Не то чтобы надеялась, но предполагала. Все происходило так естественно, так очевидно. Я понемногу в выходные дни стала наводить порядок в его доме. А затем два раза мы проводили вместе отпуск в Австрии, это было действительно прекрасно. Мне кажется, он тоже подумывал о женитьбе, но ему незачем было торопить события, он ведь знал, что я никуда не денусь и всегда буду при нем.

— И тогда в события вклинилась его жена?

— Да, она навязалась ему на шею в Италии. Он поехал в отпуск один, как раз тогда у нас было много заказов, поэтому мне пришлось остаться. После отпуска он пришел утром и сказал: "Зайди-ка ко мне, Ингеборг". В своем кабинете он, даже не присев, тут же выпалил: "Я познакомился в Равенне с молодой дамочкой, Ингеборг, чудесная девушка, я решил жениться на ней и как можно скорее".

Я подумала, что потеряю сознание, не могла ни слова выдать из себя. Он же благодушно посмотрел на меня и похлопал по плечу, как старого приятеля. "Это судьба, Ингеборг, я не могу переступить через себя. Мне вдруг открылось, что я что-то упустил в своей жизни и пришло время это наверстать". Это было все, больше мы ни о чем не говорили и продолжали работать, как если бы ничего не случилось.

— И вы не попытались отговорить его от женитьбы?

— Нет. Я не могла пересилить себя, не тот характер. Да и не имело никакого смысла — он ведь, если что заберет себе в голову, так добьется обязательно.

— Это и есть причина, почему вы хотите оставить свое место?

— Да, для этой женщины я работать не буду.

— Со дня женитьбы уже прошло как-никак семь лет, — осторожно продолжает Гриссбюль. — Вы не думаете, что могли бы договориться с госпожой Штокингер?

— Нет, не думаю. И я этого не хочу.

— Видите ли, вы сказали мне до этого, что госпожа Штокингер навязалась на шею своему мужу в Италии. Но это очень спорно. Госпожа Штокингер была в то время очень молода, всего двадцать три года, и если я не заблуждаюсь, это могло быть чем-то вроде любви с первого взгляда. Во всяком случае, у него, вы сами намекнули на это. Почему бы также и не у нее? Может быть, Штокингер, несмотря на свой возраст, импонировал ей, как раз потому, что она почувствовала потребность в твердой руке ...

— В твердой руке, — говорит с презрением Ингеборг Тёлпе. — Да, его рука была твердой, но только не по отношению к ней. Нет, я хорошо знаю этот тип, такие сидят и в нашем бюро. Они думают только о том, как бы им подцепить на крючок мужчину побогаче, для этого стараются вовсю. И госпожа Штокингер, она сама ведь из Франкфурта, там она занималась стриптизом или чем-то похожим ... — Вдруг она закрывает лицо руками и начинает безудержно рыдать. — Я не хочу больше об этом думать.

— Итак, — продолжает Гриссбюль, дав ей время успокоиться, — я хотел бы вернуться к поездке господина Штокингера. Его жена была очень удивлена, что он остановился в бунгало. Ей он дал понять, что ему предстоит деловая поездка.

— Это верно, — подтверждает Ингеборг Тёлпе. — У него была назначена встреча в Ганновере. Речь шла о домах престарелых, которые он намеревался там строить, видимо, у него возникли трудности.

— А как вы можете объяснить то, что он затем был найден в бунгало?

— Я все пытаюсь и никак не могу понять.

— То есть это было совершенно на него не похоже. Не считаете ли вы, госпожа Тёлпе, возможным, что он мог покончить с собой? Представьте себе, если его жена была такой, как вы мне

ее обрисовали, то нельзя ли предположить, что, пережив глубокое разочарование, он решил положить всему конец?

— Штокингер? Наложить на себя руки? И бросить на произвол судьбы фирму и все остальное? Но это же просто смешно. Господин шеф-комиссар, время от времени у нас возникали трудности, но он всегда в таких случаях придерживался девиза: “С этим мы обязательно справимся!” В нем было столько жизненной силы — нет! Это было убийство!

— Ну, хорошо, предположим. Для убийства требуется какой-то мотив, не правда ли. Преступление было заранее обдумано, яд в стакане. На втором стакане стерты отпечатки, никаких следов. Может быть, на предприятии у него были враги, может, он кого-то преждевременно выгнал с предприятия, или это месть конкурента?

— Нет, не думаю, что это возможно.

— А где, по-вашему, следует искать причину убийства?

— Жена, его жена! — мгновенно реагирует Тёлпе. В ее словах слышна неприкрытая ненависть. — Он был абсолютно слеп, влюбился без памяти, я не знаю, что он в ней такого нашел, во всяком случае, совершенно не то, что она в действительности собой представляла, холодная расчетливая особа! Быть может, это не она подсыпала яд, может, кто-то другой, но я совершенно убеждена в том, что она в этом замешана. Она хотела отделаться от него, он был для нее слишком стар.

— Это очень тяжелое обвинение, госпожа Тёлпе, но мы отрабатываем и эту версию. Однако я хочу предупредить вас, чтобы вы последовали моему совету и не делились ни с кем своим мнением, это может навлечь на вас неприятности. На сегодня достаточно, мы еще обязательно встретимся, чтобы продолжить нашу беседу. Завтра сюда приедет комиссар Брахведель. Он будет вести дальнейшее дознание, выслушивать показания ваших коллег, и я прошу оказать ему в этом поддержку. Еще я хотел бы поговорить с господином Бихлером. Где я могу найти его?

— Вам повезло. Он только что вернулся с одной из строительных площадок, я слышала, как подъехал его автомобиль.

Она широко распахивает окно, перегибается через подоконник и громко кричит во двор:

— Бихлер! Поднимайтесь сюда!

2

Под “правой рукой” Штокингера Гриссбюль представлял себе внушительного, рассудительного мужчину, держащего в своих руках бразды технического правления над всеми ветвями предприятия и осуществляющего над ними надзор.

Тот же, кто протиснулся сейчас в дверь, был небольшого роста, худой, лысый, в невысоких сапогах, в которые заправлены забрызганные глиной штаны. Утирая пот со лба тыльной стороной руки, он обращается к госпоже Тёлпе:

— Ну и жарница сегодня. На стройплощадке хлещут пиво, как воду, просто невыносимо.

Она натянуто представляет:

— Это шеф-комиссар Гриссбюль, Бихлер, он хочет с вами поговорить.

Бихлер протягивает правую руку с короткими пальцами и широкой шершавой ладонью и настороженно спрашивает:

— Что-то натворили мои ребята?

— Нет, совсем не то, Бихлер. Господин Гриссбюль вам сейчас все объяснит, лучше в кабинете господина Штокингера. — Она открывает дверь, и тут выдержка окончательно оставляет ее. Слезы ручьем бегут из глаз, она со стоном закрывает лицо левой рукой: — Это ужасно, слишком ужасно.

Бихлер, входя в кабинет впереди Гриссбюля, недоуменно спрашивает:

— Что это с ней?

— Давайте сначала присядем, господин Бихлер, — предлагает Гриссбюль и говорит: — Господин Штокингер был вчера вечером найден отравленным в своем бунгало в Штарнберге.

Бихлер вскакивает, упирается ладонями в круглый стол и, перегнувшись через него, выкрикивает в лицо шеф-комиссару:

— Нет! Это неправда. Этого просто не может быть! Дружиче, перестаньте разыгрывать, мне сейчас не до шуток, я ... — Неожиданно он замолкает.

— Это правда, господин Бихлер, мне искренне жаль, — спокойно произносит Гриссбюль.

— Кто ... кто это сделал?

— Мы не знаем, поэтому я и хотел бы поговорить с вами. Вы ведь так давно работаете вместе со Штокингером.

— Давно? Да с самого начала. Еще до того, как он создал фирму, я уже работал вместе с ним. Нас было трое, мы занимались ремонтными работами на свой страх и риск, брали любые заказы, никакими не гнушались. Третьим был Айхельбауер, но он умер одиннадцать лет назад. Из нас троих голова лучше всего работала у Штокингера, это ему пришла идея основать фирму. Да, все так и начиналось.

— Поговорим о другом. Вас очень удивило в свое время, что господин Штокингер женился?

Лицо Бихлера приняло непроницаемое выражение.

— Нет, об этом никто ничего не знал.

— Вы не очень жалуете госпожу Штокингер?

Бихлер насутился и промолчал.

— Почему? Потому что она слишком молода для господина Штокингера?

— И это тоже.

— И?

— Она ничего не смыслила в делах предприятия, и это ее никогда не заботило. А то, что мы потом должны были строить

этот дом и бунгало, было чистым безумием. И потом, такие идеи, как с этими домами престарелых, никогда раньше не приходили ему в голову. Иногда я думаю, что это она ему внушила. Как говорится, что хорошо молодому, не годится старику.

— Ну, это все слова, слова! — Гриссбюль начал сердиться. — Я полагаю, не следует делать такой вывод, господин Бихлер.

После затянувшегося молчания Бихлер вдруг неожиданно спросил:

— А вообще, отчего он умер?

— Он выпил отравленное вино.

— Яд! — презрительно бросил Бихлер. — Мужчина никогда не подсыплет в вино яд — он либо застрелит, либо убьет, либо придушит.

Шеф-комиссар смотрит на ручные часы:

— Я бы охотно продолжил с вами беседу, господин Бихлер, но у меня неотложная встреча, очень жаль.

Когда Гриссбюль спустился во двор и уже садился в машину, он представил себе, как там наверху, в бюро, Тёлпе и Бихлер еще долго будут обсуждать случившееся, и ему становится жаль их; теперь решающее слово принадлежит жене Штокин-гера, они оба могли бы работать на предприятии еще долгое время, ведь они привязались к нему, оно стало частью их жизни, а пожилым людям трудно найти новую работу.

3

Чувствуя себя совершенно опустошенным, изнывая от жары, Гриссбюль ввалился в бюро, сбросил на стул пиджак и распустил узел галстука.

Комиссар Брахведель уже ждал его и принялся докладывать:

— Полное отсутствие сведений! Алиби Вайнцирля железно. В сомнительное время он занимался починкой слива в бунгало у своего шефа, профессора Нойгаира, а его жена ходила по магазинам в Штарнберге, свидетели имеются. Об Обермозере разузнать ничего не удалось, и вообще не удалось ничего узнать. Я облазил все бунгало в окрестностях, они или стоят пустые, никого из жильцов нет, или люди ничего не слышали, ничего не видели и ничего не заметили.

— Безрадостная картина, — посочувствовал Гриссбюль, — но ничего не поделаешь. Доктора Обермозера я попытаюсь прощупать еще раз — вряд ли успешно. Он далеко не правдив в своих ответах, весьма вероятно, любитель тайных наслаждений. Ну, хорошо. Это все равно не продвинет нас вперед.

— А на предприятии?

— У Штокин-гера два доверенных лица, во-первых, его секретарша, госпожа Тёлпе, на которой он даже не прочь был однажды жениться, пока не познакомился со своей теперешней женой...

— Вот это да!

— А во-вторых, некий господин Бихлер, его правая рука, с которым он вместе работал еще до основания предприятия и который в течение всех этих лет был его доверенным лицом на стройплощадках. Оба терпеть не могут Еву Штокингер. В большей или меньшей степени считают ее потаскушкой, удачно подцветавшей богатого дядюшку. Само предприятие кажется процветающим, несмотря на общий застой. У меня еще не сложилось окончательное впечатление. Дело в том, что Штокингер в последние годы оседлал двух лошадок: строил по заказам, как и все предыдущие годы, и, кроме того, на свой риск стал строить и продавать дома с правом собственности на квартиры и что-то в этом роде, а не так давно вошел в дело по строительству комплекса домов престарелых под Ганновером. Для этого открыл там собственное бюро. Как уже было сказано, я еще не улавливаю взаимосвязи.

— Другими словами, — покорно проговорил Брахведель, — я должен завтра раздобыть все необходимые сведения.

— Именно, — подтвердил Гриссбюль, не без усилия добавив, — приятель. Я уже предупредил Тёлпе и Бихлера о вашем визите. Прежде всего, войдите в контакт с главным бухгалтером, его зовут Вингертен, и раздобудьте сведения о финансовом положении предприятия. Общей картины нет ни у Тёлпе, ни у Бихлера.

— Значит, я загружен завтра на весь день.

— Похоже, что на пятницу дел вам хватит. Не исключено, что и на будущей неделе придется заниматься тем же самым. К сожалению, нам не остается ничего другого, как шаг за шагом отследить все, что входило в его круг общения, в надежде обнаружить где-нибудь хоть какой-то намек на след или что-нибудь подозрительное.

— Само собой, ведь протокол о вскрытии трупа не добавил ничего нового.

— При этом меня удивляет одно обстоятельство, — в раздумье продолжал Гриссбюль. — Я спросил госпожу Штокингер о привычке ее мужа потреблять спиртное. Она утверждает, что он пил вина, как настоящий знаток, то есть наслаждаясь, небольшими глотками. Как это увязывается с тем, что бокал, в котором был яд, он выпил, судя по всему, в один присест? Почему он не уловил горького запаха миндаля, который отчетливо чувствовался даже в небольшом остатке на дне рюмки? Я не могу понять этого, если только он не покончил жизнь самоубийством.

— Но для чего тогда вторая рюмка? Ведь из нее тоже пили!

— Возможно, Штокингер уже держал в руке бокал с ядом, потом спохватился и решил перед смертью не лишать себя удовольствия просто выпить вина — именно как гурман!

— Даже если принять вашу точку зрения, почему тогда на втором бокале не осталось отпечатков пальцев Штокингера, по-

чему они были тщательно стерты? Нет, я склонен думать, что преступник вынудил его выпить вино залпом.

— Как можно вынудить любителя вина пить именно таким образом? Я очень сомневаюсь. Но продолжим: как сумел убийца высыпать яд в бокал? Для меня это тоже загадка. Он должен был побудить Штокингера пойти в бунгало в тот момент, когда вино уже было налито в рюмку. Потому что, если бы Штокинггер оставался в саду, убийца должен был считаться с тем, что тот может заметить его манипуляции с ядом и рюмкой. Нет, он должен был удалить его из зоны видимости. Но как?

— Остается только предположить, что речь идет о хорошем знакомом, который был своим человеком в бунгало и который мог попросить Штокингера что-нибудь принести, например, документы для переговоров. Или просто соленые палочки. Или что-нибудь в этом роде.

— Документы, что ж — это вполне возможно. Штокинггер как раз основные переговоры вел в бунгало. Возможно, это был должник, может быть, речь зашла о долговых обязательствах или контрактах.

— Вот, именно, — оживился Брахведель. — Преступник мог тогда подсыпать яд в бокал и заполучить документы.

— Не будем гадать на кофейной гуще, — заключил Грисбюль. — Мы сдвинемся с мертвой точки, когда вы получите необходимые сведения на предприятии и, прежде всего, у главного бухгалтера. Но вы упомянули соленые палочки.

— Жена?

— Над этим следует подумать. Большая разница в возрасте, разочарование в браке — это причина. Преступление мог совершить ее любовник, хорошая знакомая, или соперник из ревности. Однако против этого говорит то, что госпожа Штокинггер очень расчетливый человек, взвешивающий выгоду и риск, а убито собственному мужу дает ей сомнительную выгоду, но зато связано с большим риском. Она сама — маловероятно, хотя на это сомнительное время у нее нет убедительного алиби. Только начиная с девятнадцати часов ее экономка может свидетельствовать, что она была дома, время до этого — белое пятно. Она вполне могла добраться до бунгало на второй машине, отравить мужа и заблаговременно вернуться домой. Но тогда остается вопрос, зачем ее мужу нужна была такая уловка, объявить о своей поездке, а затем вызвать свою жену в бунгало? Это совершенно невероятно.

— А любовник? — не унимался Брахведель.

— Да-а, — задумчиво протянул Грисбюль, — разница в возрасте не исключает такой возможности. Ревность всегда была могучим стимулом. Но с другой стороны, женщина была очень осторожной, она заверила меня, что не падка на аферы, и я не мог не поверить ей. Хотя Еве Штокинггер не обязательно действовать напрямую. Попробую подстроить ловушку для

доктора Обермозера. В своем поведении он показался мне несколько настороженным. Кто может поручиться, что это не он из мести отправил ее мужа на тот свет? Ему было проще простого завести через ограду разговор с соседом, напроситься в гости на рюмку вина, кто мог бы что-то заподозрить, увидев за столом двух соседей? Обермозер где-то около шести часов мог повернуть дельце на террасе бунгало, а затем выждать несколько часов, прежде чем позвонить Вайнцирлю и... — Гриссбюль покачал головой: — Не сходится, должен признать, не сходится. Не вижу также взаимосвязи между тем, что Штокингер ночевал в своем бунгало, а представил все так, что ему надо в командировку. Он хотел попасть в Ганновер, в свое тамошнее бюро. Мы должны выяснить, появлялся ли он там, и как долго пробыл. Он ведь мог отправиться в свое бунгало только в среду. И узнайте у Тёлпе, в какой гостинице или пансионе он имел обыкновение останавливаться в Ганновере. Запросите по телексу коллег в Ганновере, чтобы они по служебной линии навели справки о состоянии дел Штокингера в этом городе.

4

Выйдя на улицу из полицейского управления, Гриссбюль вынужден был зажмуриться, чтобы яркие лучи солнца не ослепили его.

Он вдруг почувствовал зверский голод, ему захотелось молочных сарделек.

В гриль-баре Гриссбюль заказал пару молочных сарделек с увесистым шлепком сладкой горчицы, которую очень любил, и кружку пива. В поисках свободного места он стал озираться вокруг и в глубине у стенки заметил пестрое пятно, смесь коричневого, черного и белого. Не может быть! Вот это встреча, — подумал шеф-комиссар и подался вперед, чтобы получше рассмотреть. Действительно, теперь он узнал в сидящем за столиком Гроля, который держал в руке наполовину опорожненную кружку, а рядом с ним, у ноги, расположился его любимый пес Чарли.

Осторожно балансируя, Гриссбюль пробрался со своей тарелкой к столику Гроля и учтиво осведомился:

— Разрешите?

Казалось, Гроль с трудом очнулся от своих мыслей:

— Неужели это вы, Гриссбюль? Я думал, вы пребываете в погоне за преступником.

— Занимаюсь этим постоянно, а теперь должен перекусить что-нибудь.

Гриссбюль вонзает зубы в сочную сардельку, с наслаждением жует и смотрит в темные глаза-пуговицы Чарли, ожидающе направленные на него.

— Он всегда такой настырный?

— Всегда, когда речь идет о жратве, — подтверждает Гроль. — Как и люди. — Он вздыхает и меняет тему разговора. — А как ваши успехи, как всегда, в полном порядке?

— Какие там успехи. С этим делом, по которому меня срочно вызвали ночью, полная неудача: нет ни малейшей зацепки, никаких следов и подозреваемых, ничего. Только труп и яд.

— Прекрасная работа, — откликнулся Гроль, — одобряю. Я всегда охотно занимался такими делами. Чувствуешь себя тем самым петухом, который усердно разгребает навозную кучу в поисках дождевого червя и при этом не находит его.

— Именно так, — соглашается Гриссбюль.

— Это не дело Штокингера? Я читал в газете несколько строчек, вспомнил, что вы упоминали в телефонном разговоре фамилию, и сразу же сделал для себя соответствующие выводы. Послушайте, Гриссбюль, — Гроль вдруг перешел на серьезный тон, — если вам потребуется моя помощь, вы знаете мой адрес.

Глава 4

1

Погода резко переменилась. В низвергающихся с небес потоках воды Гриссбюль старается лавировать между машинами, медленно пробираясь к полицейскому управлению. Сегодня он выехал позже обычного. Он почувствовал себя с раннего утра смертельно уставшим, однако не отказал себе в плотном завтраке.

В бюро его с кислым выражением встретил Брахведель.

— Отвратительная погода. Как раз сегодня, когда мне нужно облазить все строительные площадки. Нельзя ли изменить наш план? Я бы мог проделать все эти вещи и завтра, от этого вряд ли что изменится, а сегодня я обобщил бы наши результаты и основательно поразмыслил над ними.

— Какие результаты, — насмешливо спрашивает Гриссбюль, снимая свой плащ и вешая его на плечики. — Разве они у нас уже есть? Нет, нам нужно копать дальше, все остается прежнему.

Брахведель молча принял его слова к сведению. Выждав, когда Гриссбюль водворится на свое рабочее место, он добавил:

— Между прочим, сегодня звонила какая-то молодая особа. Она объявилась, прочитав нашу заметку в газете. Судя по всему, она что-то знает об убийстве Штокингера, знает даже, кто убийца. Хотя, — уныло продолжил он, — такого рода сообщения к нам будут поступать теперь в избытке. Всегда находятся люди, которые хотят казаться значительнее, чем они есть на самом деле.

В этот момент зазвонил телефон. Гриссбюль снимает трубку, вслушивается и коротко бросает:

— Направьте ее сюда, кабинет двести восемнадцать.

Несколькими секундами позже в дверях офиса стояла насквозь промокшая молодая девушка в бежевом льняном платье, с волос на лицо стекали капли дождя.

— Садитесь, пожалуйста! — предлагает ей Гриссбюль и неловко замолкает, так как не знает, чем ей помочь.

Без всякого стеснения она садится напротив него, отбрасывает назад волосы и вопросительно смотрит на шеф-комиссара.

— По телефону вы сказали моему коллеге, — начинает Гриссбюль, — что можете кое-что рассказать нам об убийстве строительного подрядчика Штокинтера. Может, вам также известен и убийца? Мы расследуем этот случай, и нам, естественно, интересны любые подробности.

— Можно закурить? — спрашивает девушка.

— Конечно, — соглашается Гриссбюль, галантно предлагает ей пачку сигарет и ждет, пока она прикурит от зажигалки. Она глубоко затягивается. — Хотите кофе?

Девушка ничего не имеет против, и Брахведель приносит для нее кофе. С наслаждением отпив глоток, она произносит:

— Какой горячий! Дело в том, что в то время я как раз находилась в соседнем саду, и это я обнаружила Штокинтера.

Неожиданность сообщения озадачивает Гриссбюля.

— Может, вы назовете нам все-таки свое имя и объясните, как вы там оказались?

— Меня зовут Рената Мюллер, — начинает она. — Позавчера все происходило так...

Гриссбюль не удивляется. Он знает этот тип молодых особ, любительниц приключений, которым жизнь дома кажется слишком пресной и убогой, которые, несмотря на все дорожные превратности, а может быть, именно благодаря им, ищут чего-то нового, неизведанного, устремляясь в поисках новых ощущений даже за пределы своей страны. Им безразлично, как они выглядят, умыты они или нет, они стойко переносят все трудности и ни во что не ставят обывателей, живущих в элитных отелях; они голодают и при этом жизнерадостны, и, как само собой разумеющееся, принимают помощь и поддержку, готовы платить за это той единственной монетой, которой располагают, никаких сожалений и угрызений совести при этом не испытывая, — такова жизнь, а они хотят жить.

— Потом мы купались в бассейне, собственно плавала я, а Обермозер таскался вплавь следом за мной, мне ведь было понятно, что у него на уме. Вдруг я увидела этого мужчину, там на террасе. Видите ли, я допускаю все что угодно, но чтобы при этом кто-то наблюдал за мной, этого я не терплю. Ну, я, конечно, и ушла.

— Вы сказали: наблюдал, — прервал ее Гриссбюль, — значит, у вас сложилось впечатление, что мужчина, Штокинтер, был жив.

Она пожимает плечами.

— Так мне показалось. Я решила, что он из тех, кто любит подсматривать в замочную скважину.

— Следовательно, убийство должно было произойти позже?

Она снова пожимает плечами и молчит.

— По времени это можно допустить, — говорит Гриссбюль. — Время смерти очень часто не удается определить совершенно точно. Но против этого говорит тот факт, что вы заметили бутылку и две рюмки.

— Да, это говорит против, — соглашается она.

— Я не хочу вводить вас в заблуждение, — продолжает Гриссбюль и морщит лоб. — Собственно, это и был доктор Обермозер, который позвонил затем сторожу и поделился своими наблюдениями. Наверное, он бы не сделал этого, если бы незадолго до того совершил убийство. И, кроме того, он сообщил бы Штокингеру, что его визит откладывается на более позднее время, так как у него в это время были вы. И вот еще что: разве выбрал бы доктор Обермозер для интимных занятий с вами такое место, которое было видно Штокингеру, если бы знал, что тот может наблюдать за всем с террасы? В этом случае он удалился бы с вами в дом. Я познакомился с доктором Обермозером, и у меня сложилось впечатление, что он чрезвычайно замкнутый, осторожный человек, который старается не привлекать к себе внимания и избегает любого скандала.

Рената Мюллер внимательно слушает, автоматически берет вторую сигарету и закуривает ее, не сводя глаз с Гриссбюля.

— Это звучит логично. Я могла бы согласиться с вами, если бы, как вы предполагаете, в тот момент Штокингер был еще жив. Но я представляю себе это по-другому.

— И как? — Шеф-комиссар действительно с нетерпением ждет ее объяснения.

— Очень просто. Когда мы приехали из Мюнхена, то посидели сначала какое-то время в бунгало — мы же не сразу ринулись в бассейн. Обермозер спросил меня, не хочу ли я послушать пластинки. Но мне этого совершенно не хотелось. Потом мы выпили по бокалу вина. Разговор не клеился, было ясно, что ему от меня нужно. А мне хотелось побыстрее освободиться. Кроме того, я устала. Я направилась к бассейну и там всласть накупалась. Если путешествуешь автостопом, далеко не каждый день представляется такая роскошная возможность, как купание. Это и было как раз то время, когда Обермозер пошел к Штокингеру, подсел к нему и сообщил, что у него гости, а потому визит не состоится. В этот момент он и подсыпал яд Штокингеру в рюмку. Штокингер наверняка ничего не подозревал, его внимание можно было легко отвлечь. Я вполне могу себе это представить.

— Фройляйн Мюллер, не является ли причиной вашего тяжкого обвинения то, что вы презираете доктора Обермозера?

Скажем так, небольшая месть? Вы отдаете себе отчет в том, что только что обвинили человека в убийстве?

Она равнодушно отвечает:

— Если он невиновен, вы сумеете это доказать. Мне это безразлично. Завтра я намерена исчезнуть из Мюнхена.

— Ну, что ж, если так... Думаю, могу теперь сообщить вам, дело в том, что доктор Обермозер скрыл от меня ваше посещение, хотя у меня были причины предположить, что позавчера вечером он был не один. Я все равно собираюсь поехать в Штарнберг, было бы неплохо, если бы вы составили мне компанию, вы готовы на очной встрече с доктором Обермозером повторить ваше заявление? Без обвинения, это наши заботы, только то, что вы были вместе с ним в бунгало и что он в течение определенного времени оставался один, когда вы купались.

— Само собой, — равнодушно бросает она.

2

Дождь лил не переставая, дворники, натужно скрипя, не успевали смахивать потоки воды с ветрового стекла. Большегрузные автофургоны, которые обгонял Гриссбюль, обдавали "БМВ" каскадами брызг, затрудняя движение, временами Гриссбюлю казалось, что он совершенно ослеп.

Как и в первый раз, он не был уверен, что сразу найдет съезд с олимпийского автобана. Гриссбюль подался вперед, чтобы лучше видеть дорогу сквозь заляпанные окна и не пропустить поворот. Сбавив скорость, он напряженно всматривался в проплывающий мимо пейзаж, пока не заметил отводной путь к участку Обермозера, и, резко затормозив, повернул машину налево.

Перед воротами он попросил:

— Подождите меня в машине! Я хочу сначала поговорить с доктором Обермозером с глазу на глаз.

Гриссбюлю пришлось дважды нажать на кнопку звонка, прежде чем открылась калитка, а затем долго ждать перед входной дверью.

Наконец появился Обермозер и, не проронив ни звука, впустил его в дом. Едва они вошли в жилое помещение, как он, не предложив Гриссбюлю даже раздеться, недовольно спросил:

— Почему вы не позвонили мне? Я с головой погружен в работу, мне необходимы тишина и предельная концентрация.

Действительно, Гриссбюль заметил на столе стопку документов и книг. Извинившись и не дождавшись приглашения сесть, он заявил:

— Нам нужно, соблюдая формальности, на основе вашего показания, а также показаний господина Вайнцирля и его жены, составить протокол, нам необходима ваша подпись.

— Только не сейчас, — раздраженно осадил его Обермозер, — ни в коем случае! Этот протокол может и подождать.

Свяжитесь со мной, и я назначу вам время, когда снова буду в Мюнхене. Мои показания носят совершенно безобидный характер.

— Я бы не стал так утверждать. — Гриссбюль опустил взгляд на свои ботинки и сделал вид, что в замешательстве. — Мы должны выяснить ваше алиби.

— Мое что?

— Ваше алиби.

— Да вы спятили! — Обермозер медленно снял очки, покачал ими, держа за дужку левой рукой, и водрузил их снова. — Я не буду ничего говорить ни для протокола, ни для подтверждения так называемого алиби. Считаю нашу беседу законченной. Если вам потребуется что-нибудь еще, сообщите мне об этом в письменной форме. Я не считаю нужным говорить с вами даже по телефону. Свои показания я также изложу в письменной форме. Я выразился достаточно ясно?

Все это он проговорил совершенно спокойно, без всякого выражения, и на его лице не отразилось ровно ничего.

— Да, — согласно закивал Гриссбюль, — я понял. Только один вопрос, доктор Обермозер. Вы утверждаете, что позавчера ночью были в бунгало один. Правильно?

— Разумеется.

— И у вас нет свидетеля, подтверждающего, что в тот вечер вы не покидали ваш участок?

— Мне это не требуется, — коротко парировал Обермозер.

— Не совсем так. К сожалению, я вынужден возразить. Ваше утверждение, что вы были один, не соответствует действительности.

— Что вы себе позволяете ...

— Свидетельница ждет в моей машине.

Если Гриссбюль ожидал увидеть бурную реакцию, то просчитался. Доктор Обермозер неподвижно застыл перед ним, не сводя с него сквозь очки пристального взгляда, и не проронил ни слова.

Гриссбюль бесцеремонно развернулся и направился к выходу. Он спустился к машине и, рванув дверцу, коротко бросил:

— Пошли!

Девушка поспешно выбралась из машины и с напряженным ожиданием спросила:

— Что он сказал?

Гриссбюль ничего не ответил, таким же размашистым шагом вернулся вместе с ней в бунгало, по-хозяйски пропустил ее в дом, будто он принадлежал ему.

Обермозер все еще стоял на прежнем месте. Увидев девушку, он глубоко вздохнул, пробормотал:

— Подлый прием, этого я от вас никак не ожидал! — и рухнул в кресло. Уже сидя в нем, ожесточенно ополчился на Гриссбюля. — Что вы хотите знать? Да, эта женщина была у меня

здесь, я ее забрал по дороге из Аугсбурга, потому что мне стало ее жалко. Но когда она стала приставать ко мне, я ее вышвырнул, наверно, она думала развлечься, у меня же сложилось впечатление, что она просто-напросто хотела меня обокрасть. Утром бы потом незаметно скрылась. Как это и бывает.

Рената Мюллер от души рассмеялась:

— Вот так доктор! Я и не предполагала, что вы так здорово умеете заливать.

Гриссбюль деловито перебил ее:

— Я уже в ту ночь знал, что вы были не совсем искренни, господин доктор. От меня не укрылось, что у вас в саду был еще кто-то. Вы меня малость недооценили. И я буду вам весьма признателен, если вы избавите меня от всяких околичностей и просто подтвердите: что правда, а что нет.

— Вы не можете не согласиться, что в моем положении я не могу позволить скомпрометировать себя, — процедил Обермозер. — Сохранение тайны — это для меня вопрос моего существования. Только с одним я не могу согласиться, это с тем, что фройляйн Мюллер купалась здесь, в моем доме. Этого действительно не было.

— Вы что, господин доктор, не понимаете, что отрицаете как раз тот единственный факт, когда вы имели возможность отравить Штокингера?

— Это мне понятно, — четко выговаривая слова, возразил Обермозер. — Но мне нечего беспокоиться, я подожду, пока вы не проведете ваше дальнейшее расследование. Потому что тогда вы сможете убедиться, что между мной и Штокингером не существовало никаких отношений, и у меня не было причин убивать его. Видите ли, вся эта история отдает дешевкой.

Гриссбюль ужасно разозлился и потребовал:

— Я вынужден просить вас сопровождать меня в Штарнберг. Я должен занести в протокол ваше признание, признание фройляйн Мюллер, а также обоих Вайнцирлей.

— Вы не можете так поступать со мной! — взвился Обермозер. — Вы подрываете мою репутацию! Нет, — он схватился за оправу очков, но сразу же отпустил ее, — я отказываюсь!

Глава 5

1

К утру погода совершенно переменялась. Солнце пригревало уже довольно сильно, и только отдельные облака еще плыли по небу, день обещал быть жарким. В палисаднике и на тротуаре темнели остатки луж, быстро испаряющиеся под жаркими лучами. Гриссбюль, насвистывая, энергичным шагом направился к машине. Все так же, насвистывая, он легко взбежал по лестнице полицейского управления и продефилировал по длинному светлому коридору мимо многочисленных круглых

и квадратных колонн в свое бюро. Его обуревала жажда деятельности.

Правда, она несколько поубавилась при виде Брахведеля, который сидел за рабочим столом, уткнув свое плоское лицо в листы скоросшивателя.

— Я думал, что вы уже отправились в путь по делу Штокин-гера.

— Зачем? — раздосадованно откликнулся Брахведель. — Я не собираюсь сегодня на строительные площадки. А главный бухгалтер просил не беспокоить его до десяти часов.

Шеф-комиссар молча снял пиджак и повесил его в шкаф. Несколько минут он сидел неподвижно, углубившись в размышления. Было бы неплохо составить предварительный отчет. Первый этап поисков, предпринятых сразу же после убийства, можно считать завершенным, теперь начнется кропотливое соби- рание всевозможных фактов, которые будут появляться в ходе дальнейшего расследования. Потребуется немало дней, чтобы составить более подробное представление о состоянии дел Што- кингера, его многочисленных связях. Необходимо проверить все личности, которые могут всплывать по ходу следствия.

В это мгновение зазвонил телефон, Брахведель с недоволь- ным видом оторвался от бумаг и снял трубку. Шеф-комиссар услышал его удивленный возглас:

— Письмо? Что еще за письмо? Он не мог написать никако- го письма, он ведь погиб!

Гриссбюль прислушивался с нарастающим интересом. Брахведель внезапно умолк, держа трубку возле уха и издавая время от времени нечленораздельные звуки. Наконец он при- крыл трубку рукой и прошептал:

— Это госпожа Тёлпе, я не совсем понимаю, что там случи- лось. Штокингер, кажется, отправил срочное заказное письмо, которое было доставлено на фирму. Тёлпе не решается его вскрыть. Сказать ей, чтобы она его вскрыла и зачитала по теле- фону?

— Ни в коем случае! Пусть не трогает, через четверть часа мы будем на фирме.

Брахведель передает распоряжение и кладет трубку. Он не- доуменно качает головой:

— Срочное письмо с доставкой! Это может означать только, что ...

Но Гриссбюль не любит подобные сентенции.

— Подъем! — командует он. — Мы едем туда оба.

2

Ингеборг Тёлпе уже поджидала их. Взволнованным шепотом, будто опасаясь, что их кто-то подслушает, она сообщила:

— Я оставила письмо в кабинете господина Штокингера. Не хотела, чтобы его увидел кто-нибудь еще. Оно было в поступив-

шей корреспонденции, хотя, по идее, как срочное, его должен был доставить курьер. И написано от руки. Этого я вообще не могу понять. Господин Штокингер никогда не писал письма сам, он всегда диктовал их мне, даже когда они были личного характера.

Гриссбюль прервал ее словоизвержение:

— Сначала, госпожа Тёлпе, нам хотелось бы ознакомиться с этим письмом, затем мы подробно обо всем поговорим. — Уже держась за дверную ручку, он спросил: — Мы можем войти?

— Разумеется.

Письмо лежит посередине уже разобранного от бумаг письменного стола Штокингера. Обычный белый конверт. Гриссбюль осторожно берет его в руки, рассматривает со всех сторон и вполголоса обращается к Брахведелю:

— Адресовано на имя господина Дитера Юнгханса, Ганновер, гостиница на Тиленплатц. От руки приписано: срочное, подчеркнуто красным. Отправитель Алоиз Штокингер и обратный адрес. А вот здесь сделана пометка: вернуть отправителю за отсутствием получателя в гостинице на Тиленплатц. Странно. Брахведель, посмотрите сюда, может, вам удастся разобрать дату на почтовом штемпеле?

Тот осторожно берет письмо, подносит его к глазам, пытается рассмотреть, но тщетно — штемпелей много, и все они размазаны.

— Не имеет значения, — успокаивает Гриссбюль. — Мы можем с определенной долей точности реконструировать дату. Возьмем на пересылку по два дня туда и обратно, приплюсуем еще три дня на срочность доставки, в течение которых, как правило, корреспонденция лежит без движения в регистратуре, затем задержку получения из-за субботнего дня, так как никого на предприятии не было, и получается, что письмо должно было быть отправлено в промежуток между понедельником и средой на прошлой неделе.

— Итак, незадолго до убийства.

— Да. Возможно, даже и в день убийства. Вот посмотрите-ка сюда на штемпель, получается, что не из Мюнхена, а из Штарнберга. Не исключено, что Штокингер мог написать письмо в своем бюро или на Бортенхофштрассе, а скорее всего в спокойной обстановке в бунгало, и отправил его оттуда же.

— Получается, что он действительно намеревался поехать в Ганновер?

— Все может быть! Во всяком случае, необходимо сделать запрос в гостиницу на Тиленплатц, тогда станет ясно, не бронировал ли он себе номер. А теперь неплохо бы познакомиться с содержанием, — продолжает Гриссбюль, чувствуя, как его охватывает нетерпение.

Он опускается за письменный стол в кресло Штокингера, берет в руки узкий золотой нож для разрезания корреспонденции

и осторожно вскрывает конверт. Бережно, стараясь не стереть отпечатки пальцев, разворачивает письмо.

Охваченный таким же нетерпением Брахведель вплотную подходит к нему и склоняется над письмом.

“Дорогой друг, — читает шеф-комиссар. — Ты знаешь, как я был рад увидеть тебя после стольких лет. У меня здесь нет никого, с кем бы я мог поговорить по душам. И, кроме того, я очень рад, что ты не прочь принять мое предложение. Что касается финансовой стороны, то мы, конечно же, обо всем договоримся. Я не против того, чтобы ты еще раз все хорошенько обдумал, время терпит. К сожалению, я не смогу в настоящее время приехать в Ганновер. У меня действительно есть уважительная причина, мешающая осуществить это. Не хочу скрывать ее от тебя. На меня оказывают здесь мощное давление. Некий Пюшель пытается шантажировать меня. Газетный писака. Представь себе только! Ну, я покажу ему, где раки зимуют, — встреча уже назначена. Как только я все улажу, сразу же напишу тебе, чтобы мы могли согласовать новую дату. Извини, пожалуйста, за эту задержку. С наилучшими пожеланиями, твой Алоиз”.

Гриссбюль надул щеки, с шумом выпустил воздух и, обернувшись к Брахведелю, проговорил:

— Ладно. Разберемся. Во всяком случае, мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы найти этого Юнгханса. Жаль, что в письме нет больше никаких данных. — Он встал и открыл дверь: — Госпожа Тёлпе, зайдите, пожалуйста.

— Вы знаете получателя этого письма, некоего господина Юнгханса? Судя по тексту, это должен быть старый знакомый господина Штокингера, во всяком случае, в письме он обращается к нему на “ты”.

— Никогда не слышала такой фамилии, — отвечает она и сквозь очки беспомощно смотрит на Гриссбюля. — Не понимаю, если это действительно его старый знакомый, то я должна бы знать. Правда, у господина Штокингера была такая манера, он ко многим людям обращался на “ты”.

— Намечалось деловое сотрудничество. Вам что-нибудь об этом известно?

— Нет.

— А господин Бихлер? Может, стоит поинтересоваться у него?

— Он сейчас на одной из строительных площадок. Если вы не возражаете, я спрошу у него, когда он вернется. Могу вам потом позвонить.

Гриссбюль выразительно посмотрел на Брахведеля.

— Мне кажется, для начала этого хватит. И времени мы не потеряем, — соглашается тот. — Я мог бы потом еще раз снять с него показания. А если он знает Юнгханса, — взгляд в сторону госпожи Тёлпе, — то задержите его, я тотчас же прибуду сюда.

Она кивает в знак согласия.

— Упоминается еще одна фамилия, которой в письме придается определенное значение. Некий Пюшель.

— Такого я тоже не знаю.

— Вы уверены в этом? Может, он звонил по телефону? Не исключено, что он когда-то звонил сюда в бюро.

— Я действительно не могу припомнить.

— Предположительно, речь идет о каком-то журналисте. Звонок мог поступить и из редакции.

— Но господин Штокингер никогда никаких дел с редакциями не имел.

— Может быть. Только его шантажировали.

— Шантажировали? — Лицо Ингеборг Тёлпе выражает неподдельное изумление. — Почему его должны были шантажировать? И чем?

— Нам хотелось бы выяснить это у вас.

Она возмутилась:

— Да нечем было его шантажировать. Господин Штокингер был насквозь положительным человеком, потрясающе честным. Это, должно быть, какой-то жалкий прохвост, решивший раздуть дело из ерунды, высосанной из пальца. Вы же знаете, как поступают эти прохвосты.

— Ну, ну, — подал голос Брахведель, — это не совсем так. Дело в том, что господин Штокингер придавал этому настолько важное значение, что отложил даже запланированную поездку в Ганновер, где хотел встретиться со своим другом. Все это написано в письме.

Пораженная Ингеборг Тёлпе, лишившаяся дара речи, только недоуменно качала головой.

Перед машиной шеф-комиссар остановился, чтобы закурить, и Брахведель возбужденно спросил:

— Займемся Пюшелем?

— Я как раз соображаю, — задумчиво откликнулся Грисбюль. — Видите ли, кто-то из окружения *должен* знать или этого Юнгханса, или Пюшеля, Штокингер жил ведь не в безвоздушном пространстве. Давайте для начала просто обратимся к жене Штокингера.

3

На Бортенхофштрассе было тихо и спокойно. Ничто не нарушало дремотной тишины, в которую был погружен дом, заливаемый солнечными лучами. Брахведель, который был здесь впервые, не мог не удержаться от восторженного замечания:

— Черт возьми! Неплохое местечко, жить можно!

— И умереть, — сухо добавляет Грисбюль.

В этот раз им не пришлось ждать, Ева Штокингер стремительно вошла в комнату и, не удостоив их приветствия, швырнула на стол газету:

— Вы это читали? Уж не полиция ли снабжает прессу информацией? Неслыханно! Вы за это ответите.

В самом центре на третьей странице красуется фото, на котором они с Евой Штокингер садятся в полицейскую машину. Крупными буквами набран кричащий заголовок: "ОТРАВЛЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КОРОЛЯ!" А ниже жирным шрифтом две строки в подзаголовке: "Что известно тридцатилетней жене, бывшей танцовщице стриптиз-шоу?"

Шеф-комиссар бросил беглый взгляд на заметку — ничего существенного, только многозначительные намеки, рассчитанные на сенсацию. Положил газету на стол.

— Не воспринимайте это так трагично, госпожа Штокингер, обычная манера для "Бильд ам Зоннтаг". Никакой информации мы в прессу не давали, и поэтому ваши обвинения меня не касаются, было бы гораздо разумнее спокойно поговорить с нами. Ведь в выяснении обстоятельств этого дела вы должны быть заинтересованы не меньше нас, хотя бы для того, чтобы рассеять эти нелепые слухи. В противном случае, госпожа Штокингер, все то время, пока мы будем блуждать в потемках, эти "Бильд" или "Бильд ам Зоннтаг" и подобные им газетенки будут стряпать для падкой на сенсации публики свои "новости".

Ева Штокингер с явным раздражением возразила:

— Но у вас нет даже никаких следов, что толку от вашего расследования?

— Как раз поисками следов мы и заняты, мой коллега, комиссар Брахведель, и я. А для начала нам хотелось бы выяснить, не знаете ли вы некоего Дитера Юнгханса?

— Никогда о таком не слышала.

— Он был старинным приятелем вашего мужа.

— Возможно. Но меня никогда не интересовали его прежние друзья. Может, Тёлпе знает этого человека, спросите у нее.

— Уже интересовались, к сожалению, безрезультатно. Всплыло еще одно имя, некто Пюшель. Вам оно тоже ничего не говорит?

— Пюшель? Нет, я не знаю никого с такой фамилией.

Брахведель, скромно стоявший рядом с женщиной, вкрадчиво произносит:

— Обе эти личности, Юнгханс и Пюшель, играют далеко не последнюю роль в письме вашего мужа.

Она резко оборачивается:

— В письме? Моего мужа?

— В том-то и дело, — спокойно подтверждает Гриссбюль. — И в нем говорится о шантаже.

Кажется, впервые за все время Ева Штокингер потеряла самообладание. Крылья бровей сошлись вместе, на переносице появилась неглубокая морщинка.

— Шантаж? Это невозможно.

— Почему невозможно, сударыня?

— Кто мог шантажировать моего мужа? Зачем? И чем могли его шантажировать?

— Кто? Как раз этот Пюшель. Ваш муж утверждает это в письме, адресованном Юнгхансу. А вот чем и для чего — этого мы не знаем и хотели бы узнать от вас.

— От меня? Я понятия не имею. Что вы собираетесь теперь делать?

— Попытаемся найти и Юнгханса, и Пюшеля.

4

Однако так просто приняться за Пюшеля им не удалось. Связавшись с секретаршей союза журналистов, Гриссбюль установил, что некий Пюшель, по имени Курт, тридцати восьми лет, проживающий на аллее Дрыгальского, действительно работает в газете "Тагес-Цайтунг", конкурирующей с "Бильд-Цайтунг". Звонок в редакцию прояснил, что Пюшеля нет на месте, он занят сбором материала для статьи.

— Когда он вернется? — настойчиво допытывается в трубку Гриссбюль.

— Никакого представления. — Мужской голос звучит равнодушно.

— Но вы же должны знать, хотя бы примерно, на какое время можно рассчитывать?

— Вопрос, достойный полицейского. Вы же имеете дело с редакцией. — Это звучит издевательски. И, к своему стыду, шеф-комиссар вынужден признать, что тот прав. — У вас все? Тогда я разъединяюсь.

— Нет, — мгновенно реагирует Гриссбюль. — Будьте любезны передать Пюшелю, что в ближайшее время его ждут в полицейском управлении, комната двести восемь, шеф-комиссар Гриссбюль.

— О'кей. — В голосе послышались заинтересованные нотки. — У вас есть что-то для нашей газеты? Вы знакомы с Пюшелем?

— Все это я хотел бы обговорить с господином Пюшелем лично.

— О'кей. — В трубке послышался щелчок.

Не прошло и часа, как вахтер доложил, что к ним явился визитер. Гриссбюль и Брахведель в ожидании устались на дверь.

К собственному удивлению, Гриссбюль обнаружил, что Пюшель произвел на него благоприятное впечатление. Молодой мужчина с хорошими манерами, приятной внешности, рыжеватая борода обрамляла дружелюбное лицо, с которого смотрели безмятежные голубые глаза. На нем были надеты легкие белые брюки, бежевая рубашка в ненавязчивую светло-коричневую полоску открывала загорелую шею. Он остановился в дверях, слегка приподнял в приветствии руку:

— Привет, Пюшель. Меня вызывал господин шеф-комиссар Гриссбюль.

— Это я. — Гриссбюль указал на один из стульев перед письменным столом. — Садитесь, пожалуйста.

— Простите, у меня очень мало времени. — Пюшель своеобразным жестом вздернул левое плечо. — Разрешите узнать? У вас есть что-то для меня, для нашей газеты?

— Вполне возможно, но я не совсем в этом уверен.

Журналист слегка подался на стуле вперед, быстрым движением достал блокнот и шариковую ручку из заднего кармана брюк и приготовился записывать.

— О чем речь?

— Все по порядку. — Гриссбюль откинулся назад. — Скажем так, для вас представляют интерес строительные фирмы? Входит это в ваш круг обязанностей?

Ему показалось, что во взгляде Пюшеля появилась некоторая настороженность.

— У нас нет определенного круга обязанностей. А почему, собственно, вы обратились именно ко мне? — заинтересовался он.

Шеф-комиссар не удостоил его ответом, однако пояснил:

— Речь идет в данном случае о владельце строительной фирмы, небезызвестном Алоизе Штокингер.

Пюшель положил ручку рядом с блокнотом.

— “ТЦ” уже сообщила об этом.

— Я знаю, — солгал Гриссбюль.

— Вы попали на след убийцы?

— Возможно.

— Это может представить интерес, — заявил журналист и снова взялся за ручку.

— Сначала один вопрос. Вы были знакомы с господином Штокингером?

— Я? Нет.

— Подумайте.

— Мне нечего думать, я не знал его. Эта фирма не такая уж мощная. До убийства я никогда и не слышал о нем, что же касается крупных строительных фирм, то они у всех на слуху, как, например, “Бау-Унион”, “Хаймштатт” или тому подобные.

— Если мы, — осторожно продолжает шеф-комиссар, — составим протокол, поставите вы свою подпись под тем, что не знали ни Штокингера, ни его строительной фирмы? А вот мы располагаем доказательствами, что вы были знакомы со Штокингером.

— Какими доказательствами? Ну, хорошо, возможно, я мог знать Штокингера, в моей профессии приходится сталкиваться с различными людьми, которых легко забываешь. Если вы имеете в виду что-то подобное...

— Как раз ничего подобного! Напротив, мы убеждены в том, что фамилия Штокингер вам слишком хорошо известна.

Пюшель опустил голову, стараясь не смотреть на Гриссбюля и явно игнорируя намек.

— Это ваше предположение, оно бездоказательно.

— Вот как! А если я сообщу вам, что у нас имеется письмо Штокингера, письмо, в котором он упоминает ваше имя?

— Письмо? Мое имя? — Пюшель вскидывает голову, облизывает губы. Сообщение выбило его из колеи, он сидит неподвижно, только левая рука, как заведенная, поглаживает рыжеватую бороду. — Это какое-то недоразумение.

Не без удовольствия шеф-комиссар выдвигает ящик письменного стола, достает письмо и легонько трясет им в воздухе:

— Вот оно, это недоразумение.

— В нем упоминается мое имя?

— Да.

— И в какой связи?

— В очень для вас неприятной. У вас, скажем так, были определенные деловые контакты со Штокингером.

— У меня? Деловые контакты? — Рука Пюшеля опускается, он в полной растерянности.

— М-м-м, если, конечно, шантаж можно назвать деловыми контактами.

— Шантаж?

— Так и стоит, черным по белому, — вдруг жестко произносит Гриссбюль. — Вы пытались шантажировать Штокингера.

Журналист вскакивает. Обеими руками он упирается в крышку стола и подается всем корпусом вперед.

— Я? Шантажировал Штокингера? Да это просто бред!

— Да, действительно, бред, господин Пюшель, то, что вы затеяли.

Журналист медленно опускается на стул.

— Я могу прочитать письмо?

— Я прочитаю вам пассаж, который имеет отношение к вам. Вот он: "На меня оказывают здесь мощное давление. Некий Пюшель пытается шантажировать меня. Газетный писака". Вам этого достаточно?

— Во-первых, не обязательно я, сидящий перед вами, должен быть тем самым Пюшелем, в Мюнхене полно людей с такой фамилией.

— Бросьте! Не лгите так беззастенчиво. Все это не делает вам чести.

Журналист сдается.

— Ну, хорошо. Я действительно знал Штокингера.

— И шантажировали его.

— Нет. Не шантажировал! Это какой-то бред, то, что написано в письме.

— Тогда расскажите нам, как все было на самом деле.

Пюшель глубоко вздохнул.

— Собственно, нас свел случай. Я хотел подготовить материал о домах престарелых и тому подобное, и в моих поисках вышел на Штокингера, который также занимался ими. Дело показалось мне подозрительным, я не могу даже объяснить почему, у меня просто на такие вещи нюх. Во всяком случае, выяснилось, что источники финансирования очень сомнительны. И здесь вы должны меня понять, господин шеф-комиссар. Я рассуждал так: вероятно, это какой-то авантюрист, делает себе рекламу, и коллеги из “Бильд-Цайтунг” еще не докопались до этой аферы, так что мы первые. Это все, в общих чертах.

— В общих чертах, да, но не точно.

Журналист с безразличным видом продолжает:

— Знаете, как обычно у нас делается? Я позвонил ему.

— Куда?

— В его бюро.

— И когда это было?

— Примерно четыре недели назад.

— Следовательно, вы позвонили ему. И как же вы с ним говорили?

— Это был совершенно безобидный разговор. Я не хотел его запугивать. Просто сказал, что меня интересует его предприятие под Ганновером в связи с домами престарелых и все такое.

— Как он отреагировал?

— Очень сдержанно. Сказал, что не хочет иметь с прессой никаких дел. Что ему не нужна реклама средствами информации. Но меня это дело уже зацепило.

— Что это, собственно, за “дело”, о котором вы все время говорите?

— Штокингер не рассчитал свои силы. С определенного момента он стал принимать любые заказы и начал вкладывать свои собственные средства или участвовать в долевым финансировании. При этом те деньги, которые получал как предварительную оплату, он вкладывал в очередной строящийся объект, и все было хорошо до тех пор, пока у него было достаточно заказов, которые шли по нарастающей. Если бы он ориентировался в делах, если бы хоть немного изучал рынок, то должен был бы сообразить, что вечно так продолжаться не может. Наступил момент, когда он со всей своей системой въехал в экономический спад. Заказов становилось все меньше и меньше, он должен был считаться с конкурентностью, сбавить сумасшедшие цены и начать составлять нормальную смету. И тут ему не хватило ни собственных средств, ни банковских подпиток. Потому что банки стали держаться в стороне, они не хотели быть также втянутыми в экономический кризис. Понятно?

— Понятно. Разве этого было недостаточно для статьи?

— Видите ли, я не отношусь к тем, кто стряпает свои статьи на основе одних только предположений. Я ответственнее подхо-

жу к делу, не как корреспонденты в "Бильд". Просто я хотел получить более конкретную информацию, статья такого рода должна быть неуязвимой.

— Однако Штокингер повесил трубку. Шантаж отсутствует. Как события развивались дальше?

— Меня это не устроило. На следующий день я позвонил снова.

— И?

— Его в бюро не было. Он был дома. Я позвонил туда. Информация, которую он сообщил, оказалась слишком скудной. Тогда я махнул на затею рукой и положил дело "под сукно".

Гриссбюль снова достал письмо.

— Послушайте. Вот это место из письма, его нельзя так просто объяснить. Вот что он здесь пишет: "Газетный писака. Представь себе только! Ну, я покажу ему, где раки зимуют, — встреча уже назначена". Вот это, господин Пюшель, написано всего несколько дней назад, незадолго до смерти Штокингера. И я хочу вам рассказать, как все было в действительности. Вы не отстали от него. По своим каналам раздобыли на него дополнительную информацию, загнали Штокингера в угол, пригрозив ему сенсационным разоблачением в прессе, ясно дали понять: если статья появится в газете, он конченный человек, ни один олух больше не даст ему заказа, банкротство ему обеспечено. И когда часть дела была сделана, и, вероятно, вам действительно удалось сломить его, вы ему пообещали: дело можно похоронить, оно не стоит жизни. И вы выставили свои условия. Сколько вы потребовали? Пятьдесят тысяч? Сто? Или больше? Дельце должно было выгореть, вы продумали его основательно. — Гриссбюль увидел, как побледнел Пюшель. Он медленно прошел на свое место, опустился на стул и спокойно продолжил: — В ваших интересах признаться во всем, Пюшель. Дать самые подробные показания. Дело обстояло именно так и никак иначе. Штокингер, понятное дело, не хотел видеть вас ни у себя в бюро, ни дома. Он пригласил вас в бунгало, чтобы, как это сказано в письме, показать вам, где раки зимуют. Однако вдруг круто изменил свои намерения и пригрозил вам полицией. Вас охватила паника, и вы подсыпали ему в бокал яд.

Пюшель не проронил ни слова, его лоб покрылся мелкой испариной, на светлой рубашке под мышками проступили большие темные пятна. Он делал горлом глотательные движения, губы мелко дрожали. Видно было, что он пытается что-то сказать, но безуспешно.

За его спиной вдруг раздался невозмутимый голос Брахведеля:

— Можно начать составлять протокол. Вы готовы?

Журналист испуганно дернулся.

Гриссбюль предостерегающе поднял руку:

— Подождем, пока он будет в состоянии дать подробные показания. Итак, вы готовы, господин Пюшель?

С Пюшелем произошла резкая метаморфоза, вместо уверенного господина с приятными манерами перед ними сидел пришибленный, жалкий человек.

— Клянусь вам, все было совсем не так. Я не имею к убийству никакого отношения. Не знаю никакого бунгало, я вообще не знал, что у Штокингера есть бунгало.

— Сомневаюсь в этом.

— Но это действительно так. Поверьте мне! Когда я позвонил Штокингеру последний раз на прошлой неделе, он решил, что я должен прийти к нему домой, где мы могли спокойно все обсудить, чтобы скомпоновать статью для формирования необходимого общественного мнения, и так далее. Это было в пятницу. Мы договорились с ним на вторую половину дня, на шестнадцать часов. Я и был там. Он открыл мне сам.

— Как протекала беседа?

— Паршиво. Он меня почти не слушал. Ничего не предложил, даже не предложил сесть. Мне показалось, что он вполне владел собой, только был очень рассержен. Он заявил, что об этом деле не желает больше ничего слышать, и я должен уйти.

— И это все?

— Да.

— Невероятно. Как же вы объясните тот факт, что Штокингер упомянул в письме о шантаже, и что именно по этой причине он и пригласил вас к себе?

— Не могу этого понять, пытаюсь и никак не могу понять. Вероятно, он решил сыграть со мной злую шутку.

— Но, господин Пюшель! Да вы просто фантазер. Как же в данном случае связать концы с концами? Он сыграл с вами злую шутку, как вы говорите, и в то же время лежал отравленным на озере Штарнберг? Нет! И еще раз нет! Начнем с вашего алиби. Расскажите, где вы были во время убийства и есть ли у вас свидетели. Итак, в среду, в промежутке между пятнадцатью и двадцатью часами.

— В это время я, несомненно, был или в редакции, или в дороге.

— Несомненно. "Несомненно" для нас пустой звук. Вы не можете уточнить, где конкретно?

— В среду? — повторяет Пюшель. — Так трудно вспомнить то, что было несколько дней назад...

— Всего-то пять дней! Уж на этот отрезок у вас должно хватить памяти.

— Дайте подумать. Кажется, я был в редакции ... ах, нет, я катил в своей машине в Нюрнберг.

— Зачем?

— А-а, просто так. Я подумал, что удастся сделать что-то вроде репортажа или собрать какой-нибудь материал.

- А свидетели?
— Если бы я знал.
— Вы ехали по заданию редакции? Просто, наугад, без задания, вы вряд бы поехали в Нюрнберг.
— Но это действительно так.
— Не считаете нужным еще что-нибудь добавить?
— Нет, не считаю.
— В таком случае мы должны составить протокол.

5

Составление протокола заняло достаточно много времени. Оба криминалиста вынуждены были постоянно напоминать Пюшелю о более точном изложении. Пюшель, со своей стороны, настаивал на определенных формулировках. Только к полудню на столе лежали готовые листы. Брахведель принялся громко зачитывать текст, поглядывая в конце каждого предложения на Пюшеля, согласен ли тот. Наконец журналист подписал протокол, поставив свою подпись под каждой страницей.

В упор глядя на Пюшеля, Гриссбюль с нажимом произнес:

— Надеюсь, что изложенное вами правда. Один раз вы нам уже грубо солгали. Ну, хорошо. Сотрудник проводит вас в отдел уголовной регистрации.

— Необходимо? — простонал Пюшель.

— Да. Если вы говорите правду, вам нечего бояться этой процедуры.

Наконец все было позади, оба криминалиста отправились в закускую, где с аппетитом съели по сочной свиной ножке и обильно утолили жажду пивом.

Когда они снова вернулись в бюро, Брахведель не преминул поделиться своими впечатлениями:

— Такой допрос здорово утомляет. Все время в напряжении, не дай Бог, упустишь какую-нибудь уловку — и вся картина будет в корне неверна.

— А Пюшель непрерывно пытался подбросить нам такие уловки. Поначалу он здорово перетрусил, изображал полное неведение, из него признание пришлось выдавливать миллиметр за миллиметром. В любом случае нам предстоит проделать теперь две вещи: я отправлю подробный телекс коллегам в Ганновер, чтобы получить дополнительную информацию. А вам следует заняться адресатом, этим Дитером Юнгхансом. Необходимо также выяснить, бронировал ли Штокингер место в гостинице на Тиленплатц, останавливался ли там раньше. Кроме того, мне хотелось бы более подробно разузнать о домах престарелых, с кем Штокингер сотрудничал, кто с ним был в контакте, то есть собрать, по возможности, наиболее полную информацию по данному обстоятельству. И второе: нам нужно как можно скорее перепроверить алиби Пюшеля на среду, на вторую половину дня. Эта пресловутая поездка в Нюрнберг без

конкретной цели здорово смахивает на отговорку. В заключение надо съездить в редакцию, поговорить с ведущим редактором, он должен быть в курсе, или в администрации. Надеюсь, вам удастся поймать кого-нибудь, кто сможет дать справку. Итак, за дело. Я отправлю телекс, а вы проверьте алиби Пюшеля. Думаю, сегодня нам никакие неожиданности больше не грозят.

6

Поздним вечером Гриссбюль сидел в своем кабинете и пил колу. Жара на улице усилилась, и в помещении стояла невыносимая духота. Потягивая колу, Гриссбюль мысленно возвращался к пресловутому Пюшелю, перед глазами стояла ухоженная рыжеватая борода журналиста. Нужно выяснить обстоятельства его личной жизни, возможно, у него есть долги, не исключено, что он игрок, ведь потребовались же ему деньги, — важно не упустить ни одной мелочи, все может иметь значение.

От ленивого течения мыслей его отвлек внезапно зазвонивший телефон. Гриссбюль неохотно снял трубку, но, расслышав фамилию, резким движением отставил колу и весь обратился в слух:

— Да, госпожа Штокингер, слушаю вас!

В трубке слышен тихий любезный голос, Гриссбюль слушает очень внимательно. Затем произносит:

— Конечно, мы нашли журналиста. Его показания оформили протоколом. Сначала он пытался отрицать, что был знаком с вашим мужем. Однако когда мы показали ему то письмо, он вынужден был признаться. Да, конечно, вполне может быть. И последнее, госпожа Штокингер, в предпоследнюю пятницу, во второй половине дня, вы были дома? Почему меня это интересует? — Шеф-комиссар медлит с ответом, его не покидает странное чувство, что Еве Штокингер не следовало бы говорить всю правду. — Этот Пюшель утверждает, что в ту пятницу он встретился с вашим мужем у вас дома. Откровенно говоря, мне в это верится с трудом. Вы припоминаете? — Он вслушивается. — Что? Вас не было дома? В городе? Ну, это меняет дело. Однако ваша экономка должна быть в курсе. Ведь она встречает всех посетителей. — Он замолкает. — Какое совпадение! Ваша экономка получила отпуск? Собиралась поехать к своим родителям? Ну, что ж! Пюшель вполне мог говорить правду. Во всяком случае, мы не можем уличить его в противоположном. Мы не собираемся преследовать невинного, сударыня, заверяю вас. Разумеется, буду держать вас в курсе событий. Сообщу вам сразу же, как только что-то прояснится.

Он медленно опускает на рычаг трубку и машинально тянется за бутылкой колы, допивает остатки, пытаясь высосать через соломинку все до последней капли.

Дверь с шумом распахивается, и в комнату вваливается отдувающийся Брахведель.

— Бьюсь об заклад: вы себе и представить не можете, что я откопал.

— И что же?

— Во-первых, алиби высосано из пальца. Я говорил с ведущим редактором, для полной уверенности связался еще и с расчетным отделом. Пюшель за командировку не отчитывался и никакого задания не получал, вообще в редакции не было намерения публиковать что-либо похожее на путевые заметки о Нюрнберге. Все свое внимание они сосредоточили на Мюнхене и его окрестностях, так как считают, что в этом больше шансов обеспечить читательский интерес. Во-вторых, Пюшель в редакцию не возвращался. Он позвонил туда и сообщил, что заболел и ему нужно к врачу. Что будем теперь делать?

Размышления криминалистов были прерваны звонком. Шеф-комиссар снял трубку, немного погодя возбужденно воскликнул:

— Что? И это установлено точно? Бесспорно? Вы не могли бы оказать мне дружескую услугу и срочно переправить копию сравнительных снимков?

— Что случилось? — забеспокоился Брахведель.

— Сидите спокойно и пейте колу.

— К сожалению, я все уже выпил. — Брахведель уныло посмотрел на свою бутылку.

Через некоторое время в комнату вошел полицеймейстер Коттин с папкой в руках, положил ее Гриссбюлю на стол и молча открыл.

Брахведель сорвался с места и пристроился рядом с полицеймейстером. Тот указал пальцем на снимки и спокойным низким голосом пробасил:

— Вот оба увеличения.

Гриссбюль нагнулся. На глянцевой поверхности были представлены два отпечатка пальцев в сопровождении двух стрелок.

— Вот здесь, справа, — пояснил служащий, — вы видите отпечатки пальцев, которые мы сняли у Пюшеля в отделе криминалистической экспертизы. А здесь, слева, — два отпечатка среднего и безымянного пальцев со следами ягод. Их мы обнаружили на ручке в бунгало. Тождество абсолютное, оба отпечатка четкие, не смазанные, речь идет действительно об отпечатках пальцев Пюшеля. Характерный папиллярный рисунок спутать нельзя.

— Вам удалось установить, на какой из ручек были обнаружены эти отпечатки?

Полицеймейстер Коттин кивнул, явно гордясь своими успехами.

— Это было не так просто. В общей сложности мы располагали ста двадцатью семью различными отпечатками из бунгало. По всем нужно было провести сравнительный анализ. Но только два из них, которые вы видите перед собой, оказались идентичны отпечаткам Пюшеля. Все остальные не принадлежали ему. Я приложил также и снимок этой ручки. — Он перевернул снимок с отпечатками, под прозрачной пленкой стал виден один из тех снимков, которые были сделаны в бунгало в ту ночь при фиксации следов. На ручке прикреплена небольшая табличка с цифрой 19.

Дверь, ведущая на террасу! Брахведель многозначительно посмотрел на Гриссбюля.

Тот моментально отреагировал:

— Большого мы и желать не могли. — Затем повернулся к Коттину: — Попрошу вас оставить эти документы нам.

— Так точно! — Полицеймейстер, чеканя шаг, вышел из комнаты.

— Итак, Брахведель, начнем по новой. Мы едем на квартиру к Пюшелю. Постараемся не упустить его!

Глава 6

Когда Пюшель увидел обоих криминалистов у своей двери, он не мог скрыть своей растерянности, но попытался взять себя в руки:

— Пожалуйста, проходите.

Затем предложил им сесть. Гриссбюль незаметно обвел взглядом комнату. Пюшель обставил ее в современном духе: кушетка, кресла, встроенная мебель, письменный стол у окна — все выглядит просто, но мебель была дорогой, шеф-комиссар определил это сразу.

— Позвольте мне...

Гриссбюль не дал ему договорить:

— Мы не надолго. У нас всего несколько вопросов. Как известно, Штокингер обвинил вас в шантаже. Я хотел бы более подробно узнать о ваших материальных возможностях.

Безобидность этого вопроса явно успокоила Пюшеля. Запустив пальцы правой руки в бороду, он промямлил:

— Я являюсь сотрудником "ГЦ". Это две тысячи триста в месяц. В "Бильд" нашему брату может обломиться и три куса, но мне не повезло. Конечно, я еще дополнительно подрабатываю. Для объединения "Глория-фильм" сочиняю рекламные статьи. Они платят мало, всего сто марок, но я получаю еще гонорар за копии. А примерно восемь недель назад я случайно вышел на информационную пресс-службу фирмы "Сименс". Дело пошло, и теперь я пишу для них целую серию публицистических статей. За каждую они платят по сто пятьдесят марок. Это вполне прилично.

— А где вы были в прошлую среду во второй половине дня на самом деле?

— Простите? — Пюшель откровенно тянет время.

— Я хочу знать, где вы были в среду после обеда. Ваше алиби несостоятельно. Нюрнберг — это просто уловка. Итак?

— Но я действительно был в Нюрнберге!

— Господин Пюшель! Мы получили в редакции совершенно четкую информацию.

— Я поехал частным образом. — Пюшель изображает негодование. — Если мой главный редактор настолько близорук, что не понимает, какое значение для нашей газеты ...

Гриссбюль перебивает его:

— Вы настаиваете на своей версии? Уверяю вас, вы измените свои показания очень скоро. Но пока оставим это. Где вы были сегодня после того, как уехали из полицейского управления?

— У врача. Мне стало плохо.

— Такое объяснение вы оставили и в редакции. Прекрасно. И у какого врача?

— Я же не мог сообщить моему шефу, в чем вы меня обвинили. Я был слишком взволнован, чтобы продолжить работу, и просто поехал куда глаза глядят, чтобы настроиться на другие мысли.

— Конечно, свидетелей у вас нет.

— Нет.

Гриссбюль замедленным жестом кладет себе на колени служебную папку, так же, не спеша, извлекает из нее скоросшиватель, открывает его и сдвигает оба увеличенных снимка отпечатков пальцев на стеклянную крышку журнального столика.

— Это, — поясняет он, — отпечатки среднего и безымянного пальцев вашей правой руки. Один отпечаток снят сотрудниками отдела уголовной экспертизы, второй оставлен вами на ручке двери террасы в бунгало Штокингера.

— Что все это значит? — ошеломленно спрашивает Пюшель.

— Это значит, — бесстрастно откликается Гриссбюль, — вы должны мне объяснить, каким образом ваш отпечаток попал в бунгало, если вы утверждаете, что никогда там не были.

— Я не знаю никакого бунгало, никогда не был там. Как отпечаток мог попасть на ручку двери? Это недоразумение.

— Никакого недоразумения. Речь действительно идет об отпечатках ваших пальцев, Пюшель.

— Бред! Абсолютный бред! Какая у меня могла быть причина убивать этого Штокингера?

— Шантаж! Вам нужны были деньги!

— Но они у меня есть.

Этому надо положить конец, решает шеф-комиссар, пододвигает к себе скоросшиватель с увеличенными снимками, небрежно засовывает его в папку и объявляет:

— Своими запутанными маневрами вы загнали себя в тупик. Отпечатки пальцев на ручке двери принадлежат вам, доказательства не подлежат сомнению. Я согласен предположить, что в Штарнберге вы действительно были не в ту среду. Вполне возможно, что побывали у Штокинтера в другой день. Однако вы не в состоянии подкрепить мое предположение своим алиби. Его нет. Признайтесь, в среду вы были не в Нюрнберге, это так?

— Да, — вымученно прошептал журналист.

— Где же вы были на самом деле?

— У моей жены.

— Разве вы женаты?

— Был. Мы развелись несколько лет назад.

— И где живет ваша жена?

— В Форстенриде, недалеко от Дорфкирхе.

— С какой целью вы были там?

— Ах, это трудно объяснить, господин шеф-комиссар. Вряд ли вы поймете. Моя жена шантажирует меня. Она не работает, и от всего того, что я зарабатываю, одна треть уходит ей.

— И в среду вы опять ничего не добились?

— Конечно, нет. Ее не пробьешь, она твердокаменная. Она меня форменным образом высмеяла.

— Ваша жена может подтвердить, что вы были у нее в среду?

— Естественно.

— У нас осталось еще два вопроса, господин Пюшель. Первый: как на ручке могли оказаться ваши отпечатки пальцев? Постарайтесь дать этому объяснение.

— Нет, я не в состоянии это объяснить.

— Если действительно подтвердится, что вы были у бывшей жены, подозрение в совершении убийства снимается. Поэтому вам ничуть не повредит, если вы признаетесь, что посещали Штокинтера в бунгало раньше, скажем, во вторник. В этом случае находит свое объяснение и письмо Штокинтера в Ганновер, с которым связан и второй вопрос: шантаж. Вы встретились с ним в Штарнберге, он послал вас на все четыре стороны, поездка не оправдала надежд, и единственное, что после нее осталось, ваши отпечатки пальцев.

— Нет, — упрямо настаивает на своем Пюшель. — Я не шантажировал Штокинтера и не был в его бунгало.

Гриссбюль с сожалением вздохнул.

— Ну что ж, господин Пюшель, вы задержаны. Сегодняшнюю ночь вы проведете в нашей тюрьме, завтра я передам ваше дело исполнительному судье. Он и примет окончательное решение, освободить вас из-под ареста или оставить в предварительном заключении.

— Господи, помилуй, но завтра в десять часов я должен быть в редакции.

— Им придется обойтись без вас. Мой коллега позвонит туда завтра утром и все объяснит.

Когда Брахведель появился в дверях вместе с совсем юным начальником местного КПЗ, и тот скомандовал Пюшелю: "Пройдемте", шеф-комиссар почувствовал нечто вроде жалости к Пюшелю, глядя, как тот выходит из кабинета с низко опущенной головой и маленьким чемоданчиком в правой руке, даже не попрощавшись.

Глава 7

1

Шеф-комиссар был рад, когда, наконец, ранним утром они оставили гористый Харрас позади, и Брахведель выехал на широкую и просторную улицу Плинганзер. Гриссбюль сидел, ослабившись, дорога предстояла неблизкая, и понадобится немало времени, прежде чем они попадут на место.

Постепенно вид из окна машины менялся: по обеим сторонам дороги в громадных садах появились виллы и современные жилые блоки террасного типа. Спустя некоторое время показались первые деревенские дома, и взгляду открылась старая деревенская церковь под черным шифером, сияющая новой побелкой, с куполом, крытым таким же шифером. Вокруг церкви в беспорядке сгрудились небольшие деревенские дворы, неприметные, с примыкающими к ним помещениями для скота и амбарами. Гриссбюлю казалось, что он уже чувствует крепкий, ни с чем не сравнимый запах навоза.

— Это должно быть здесь.

Брахведель направляет машину в узкий подъездной путь, в конце которого стоит небольшой деревенский домик, и резко тормозит.

Они выходят из машины, берут брошенные на заднее сиденье форменные куртки, надевают их и подтягивают узлы галстуков.

По дороге Гриссбюль внимательно разглядывает дом. Тот приветливо красуется, аккуратный, будто собранный из деталей детского деревянного конструктора. Низко спускающаяся крыша заново перекрыта гонтом, стены выкрашены в светло-желтый цвет, светло-голубые наличники обрамляют окна, в которых отражается солнце. Входная дверь с красной окантовкой тоже выкрашена в светло-голубой. Только серый забор из штакетника местами подгнил, и Гриссбюль, указывая Брахведелю на него взглядом, насмешливо замечает:

— Нашему bravому Пюшелю скоро опять придется играть роль дойной коровы.

Он нажимает на звонок, и сыщики терпеливо ждут.

— Сейчас! — раздается женский голос.

Гриссбюль настолько ошарашен, что с трудом берет себя в руки, чтобы представиться. С явной натугой он подбирает слова:

— Криминальная полиция, шеф-комиссар Гриссбюль. А это мой коллега, комиссар Брахведель.

При этом он не может оторвать взгляда от женщины. Она почти с него ростом, светлые волнистые волосы спускаются ниже плеч, золотая перевязь подерживает их надо лбом. Узкое лицо со строгими, по-гречески правильными чертами.

— Пожалуйста, проходите, — приятным голосом приглашает их госпожа Пюшель и идет впереди них.

Комната похожа на игрушечную деревенскую горницу из кукольного набора. На окнах висят белые занавески в мелкую сборку, вокруг обеденного стола расставлены плетеные кресла, у стен стоят расписные шкафы и лари. Обычный открытый камин, судя по всему, по назначению не используется. На его карнизе расставлены вазы с бессмертниками.

Оба удобно устраиваются в жалобно поскрипывающих креслах, и Гриссбюль осторожно начинает:

— Ваш муж ...

— Мой бывший муж, — сразу же последовало уточнение.

Гриссбюль согласно кивает.

— Ваш бывший муж, госпожа Пюшель ...

— Моя фамилия не Пюшель, — следует еще одна поправка. — После развода я снова взяла свою девичью фамилию. Меня зовут Оливия Диффенбахер.

— Вашего бывшего мужа, госпожа Диффенбахер, мы вынуждены были вчера задержать вследствие подозрения в совершении убийства строительного предпринимателя.

Она откидывается назад так, что кресло издает громкий скрип, и раздражается звонким смехом.

— Вследствие подозрения в убийстве? Пюшеля? Вот это здорово! Превосходно! От него этого я никак не ожидала.

— Прежде всего, — поясняет шеф-комиссар, озлобившись, — это только подозрение. Убедительных доказательств у нас нет. И я хотел бы попросить вас, сударыня, не подходить к этому делу с заранее сложившимся предубеждением. В конце концов, не каждый мужчина обязательно убийца. Убийцами бывают и женщины. Нас же сейчас интересует следующее: не был ли здесь ваш бывший муж в среду на прошлой неделе?

— Он это утверждал?

— Да.

— Тогда, наверное, это для него очень важно.

— Конечно. Так как ему нужно на это подозрительное время иметь беспорное алиби.

— А если я отвечу — нет?

— Тогда дела его плохи.

— А если скажу — да?

Шеф-комиссар вышел из себя.

— Это не шуточки. Речь идет об убийстве, о том, упрячут ли вашего бывшего мужа на долгие годы за решетку. Вы можете

думать о нем, все что хотите, вы можете не ценить его, презирать, но речь идет о человеческой жизни. И поймите, что свои высказывания вы должны будете подтвердить в суде под присягой.

— Суд мужчин, — бросает она презрительно.

— Так был ваш бывший муж здесь на прошлой неделе в среду или нет?

— Вчера он здесь был, это правда.

— Вчера?

Гриссбюль и Брахведель ошеломленно уставились друг на друга.

— Об этом он ничего нам не говорил. Что он хотел от вас?

— Денег, он хотел платить мне меньше денег. Он хотел, чтобы я отказала себе в определенных вещах, которые мне жизненно необходимы. Я была не в настроении даже слушать его, кроме того, его посещение застало меня врасплох. Я как раз была в огороде и выкапывала клубни земляного ореха, поэтому не очень хорошо выглядела. Мужчинам это, конечно, по нраву, они сразу же чувствуют свое превосходство.

— И вы не пошли навстречу его желанию?

— Конечно, нет.

— После этого он сразу же уехал?

— Нет, все происходило не так быстро. Честно говоря, мой адвокат предупредил меня, что могут возникнуть определенные затруднения с деньгами, если он всерьез заупрямится. Я была готова к этому. Поэтому мы посидели здесь в комнате, я даже угостила его крыжовенным пюре, он выглядел таким уставшим и объявил без всяких обиняков, что не хочет больше платить. А затем сообщил, что при определенных обстоятельствах готов пойти мне навстречу.

— При каких обстоятельствах?

— Если меня будут спрашивать, я должна ответить, что в среду во второй половине он был у меня.

— Вот это да! — невольно вырвалось у Брахведеля. — Он объяснил вам, почему?

Оливия Диффенбахер презрительно усмехнулась.

— Вы думаете, меня интересуют его причины? Он предложил мне сделку. А это уж мое дело, соглашаться на нее или нет. Что у него были за причины — мне абсолютно наплевать.

— Госпожа Диффенбахер, — прерывает ее Гриссбюль. — Я отказываюсь понимать вас. Вы сказали, что заключили с вашим бывшим мужем сделку. Выплаты в обмен на алиби. И тут появляемся мы с коллегой, и вы не делаете никакой попытки сдержать обещание, данное ему. Вы объявляете: в среду его здесь не было. Точка. Другими словами, у него нет алиби. И вы готовы, в случае необходимости, присягнуть в суде, что ваш бывший муж не навещал вас в среду во второй половине дня?

— Да.

— И последний вопрос: как вы считаете, ваш бывший муж в состоянии совершить убийство?

Она колеблется. Хмурит свой прекрасный лоб. Затем решается:

— Да.

Гриссбюль встает.

— В таком случае, сударыня, — говорит он сухо, — вам придется в ближайшее время дать свои показания для занесения их в протокол. Извините за беспокойство.

За ним встает и Брахведель.

В молчании госпожа Диффенбахер провожает их до входной двери.

2

Только во второй половине дня криминалисты смогли вызвать Пюшеля на повторный допрос.

Ночь и полдня, проведенные в камере, дорого ему стоили, он стал неузнаваем. Бегающие глаза, лицо посерело и осунулось, борода растрепалась. От бывшего чувства собственного достоинства не осталось и следа. Он выглядел неуверенным, плечи приподняты, казалось, что он мерзнет в душном помещении. Наконец он осмеливается задать вопрос, который, судя по всему, не давал ему покоя:

— Вы были у моей жены?

— Да, сегодня утром.

— И что же? Она подтвердила, что я был там в среду?

— Она подтвердила, — жестко ответил Гриссбюль, — что вы не были в Форстенриде, и готова повторить это под присягой.

Журналист отпрянул.

— Не может быть! Она меня ненавидит, она хочет моей гибели, хочет уничтожить меня. Она лжет, господин шеф-комиссар. Я был у нее!

Гриссбюль настойчиво барабанит пальцем по крышке стола.

— Не валяйте дурака, Пюшель! Вы столько нам лгали, что мы больше не верим ни единому вашему слову. Показания вашей жены абсолютно однозначны. Она полностью убедила нас. Не пытайтесь больше увильнуть. Вы были у нее вчера, чтобы вынудить к фальшивым показаниям. Ваш замысел провалился. Расскажите нам теперь правду. В среду вы были в бунгало у Штокингера?

— Нет! Нет! — Пюшель закашлялся.

— У нас есть неоспоримые доказательства. Бесполезно врать дальше, у вас нет алиби, и вы полностью изобличены. Можете облегчить свое положение, если полностью признаете свою вину.

— Я не убивал Штокингера, не отравлял его, не был в бунгало, и вообще не знаю, где оно.

— Итак, — холодно продолжает шеф-комиссар, — если вы стоите на своем и не хотите нам сообщить ничего нового...

Он делает знак Брахведелю. Тот встает, отталкивает ногой свое кресло, нарочито стуча каблуками, идет через комнату, с шумом придвигает стул к письменному столу Гриссбюля и, раздвинув локти, садится за стол.

— Мы оба попытаемся сейчас восстановить истинную картину, как все случилось на самом деле, и будем задавать вам вопросы. Вам случайно удалось узнать, что Штокингер испытывал трудности со своим строительным бизнесом. Это случилось примерно четыре недели назад. Вы позвонили ему, по-видимому, для того, чтобы подбросить идею о публикации рекламной статьи. Верно?

— Да.

— А Штокингер послал вас подальше, — вмешался Брахведель. — Ваша жена как раз в это время доняла вас по поводу дальнейших выплат. И тут вас осенила идея прижать Штокингера.

— Нет! Нет!

— Вы должны были или удовлетворять и впредь все возрастающие претензии вашей жены, или отделаться от нее раз и навсегда, предложив значительную сумму, — продолжал Гриссбюль.

— Да нет же! Об этом и речи не было!

— Как раз об этом и шла речь, — подхватил Брахведель. — Штокингер сам написал об этом в своем письме, отосланном в Ганновер. Бессмысленно отрицать, дружище, написано черным по белому. Сколько вы потребовали?

Лицо Пюшеля исказилось.

— Пятьдесят тысяч? Сто? Или больше? Итак, сколько же? — настойчиво повторил Гриссбюль. — Можете не отвечать. Мы все равно узнаем. До сих пор нам удавалось выяснять все, что нас интересовало. Короче, однажды он назначил вам встречу у него дома. Верно? На Бортенштрассе?

Пюшель кивает.

— Там вы поставили ему ультиматум: или выкладываешь денежки, или я в статье смешаю тебя с грязью.

— Нет! Я хотел только раздобыть материал, данные ...

— И из-за такого безобидного дела он был вынужден вышвырнуть вас вон? — с иронией спрашивает Брахведель.

— Да.

— Почему же? — насаждает Гриссбюль. — Ваши требования оказались слишком завышенными? Вы не могли обуздать себя? Вы, верно, рассчитывали оказать на него мощное давление? Поскольку он испытывал трудности, вы дали ему понять: если я опубликую о тебе статью с разоблачением, что ты не платежеспособен, то заказов тебе не видать, как своих ушей, ты разоришься. Так это было?

Журналист сбивчиво и горячо возражает:

— Он не хотел мне давать никакой информации. Тогда я ушел. Проблема перестала для меня существовать.

— Хорошо, — делает новую попытку Брахведель. — Скажите нам, где вы были на самом деле во второй половине дня в среду, если вы не согласны на бунгало. У жены вас не было, это установлено. Можете сказать нам что-то другое? Назвать свидетелей?

Пюшель, наконец, делает над собой усилие и едва слышно произносит:

— Нет.

Шеф-комиссар легонько хлопает рукой по столу.

— Ну, что ж! Сейчас вам придется дать свои показания для протокола. Затем мы составим предварительное заключение и передадим его исполнительному судье. Он сможет выслушать вас уже сегодня вечером, а затем примет решение, держать ли вас дальше под арестом или нет. Я подозреваю, господин Пюшель, что если вы будете вести себя так же упрямо и с судьей, вас отправят в Штадельхайм.

3

Гриссбюль медленно ехал по Менцингерштрассе мимо новой обширной территории Ботанического сада, потом свернул с Романплатц на Вотанштрассе и дал поглотить себя узкому туннелю, над которым с гулом и грохотом шли поезда от Центрального вокзала. Вайльфридхофштрассе опять была безбожно забита автомобилями. Ему не дали вывернуть налево, как он хотел, и он усмехнулся, обнаружив, что в нетерпении барабанит пальцами по рулевой колонке.

Только остановившись перед домом Штокингера и выйдя из машины, он смог, наконец, перевести дух: что за благодатная тишина!

В размягченном состоянии Гриссбюль назвал себя в переговорное устройство и подумал, что долго здесь не задержится, он только исполнит свой служебный долг.

Ева Штокингер приветливо вышла ему навстречу, показывая всем видом, что неприятности, вызванные скандальными публикациями, она уже сумела преодолеть, предложила виски, от которого он не смог отказаться, испытывая при этом легкое угрызение совести.

— За ваше здоровье! — Она подняла бокал. — Вы, конечно, приехали сюда по делу? Или просто решили поболтать со мной?

— Это доставляет мне удовольствие, — вежливо соглашается шеф-комиссар, — но настоящая причина, разумеется, в другом. Мы схватили убийцу, он изобличен и изолирован. — Некий Пюшель, мы с моим коллегой уже упоминали о нем при первом посещении.

С Евой Штокингер стало происходить что-то странное, чего Гриссбюль не мог понять. Она отставила бокал, безвольно обмя-

кла, и только лицо застыло напряженной маской. Даже через макияж было видно, как она побледнела.

— Он сознался?

Гриссбюль коротко хохотнул.

— Ну, нет! Кто же сразу признается в убийстве? Напротив, он всячески пытался вывернуться. Придумывал всякие небывлицы, громоздил одну ложь на другую, иногда это звучало совсем наивно. Нам ничего не стоило уличить его. На его след нас вывело письмо вашего мужа. Последнее алиби, которым он пытался ввести нас в заблуждение, рассыпалось в прах. Бывшая жена Пюшеля категорически опровергла, что в среду, во второй половине дня, он был у нее. Это обстоятельство вместе с письмом вашего мужа, а также отпечатки пальцев на ручке двери являются неоспоримыми доказательствами. А суд окончательно определит, виновен он или нет. Я, со своей стороны, нисколько не сомневаюсь в том, что Пюшелю будет вынесен приговор как убийце. А теперь разрешите откланяться.

Однако Ева Штокингер не сдвинулась с места. На какое-то мгновение Гриссбюль даже подумал, что ей стало плохо. Бледная безжизненная маска беззвучно шевелит губами, пытается что-то сказать, но безуспешно. Наконец, ей удается выдать из себя:

— У Пюшеля есть алиби.

— Что? Что вы сказали? Что означает ваше совершенно бессмысленное заявление?

Она по-прежнему неподвижна, и так же тихо продолжает настаивать:

— Это правда. У Пюшеля есть алиби. В среду, во второй половине дня, я была вместе с ним.

— Но это невозможно!

— Мы любим друг друга, господин шеф-комиссар, и в среду у нас было свидание. Нет, Курт не убийца.

Глава 8

1

Брахведель, естественно, не только не выразил никакой радости, но напротив, негромко выругался сквозь зубы, когда шеф-комиссар сообщил ему о новом развитии событий.

— Придется начинать все заново, — простонал он, — а я-то надеялся в ближайшем будущем закончить это дело.

— Во всяком случае, мы должны сосредоточить свое внимание на сообщении из Ганновера, — предложил Гриссбюль. — Тамошние коллеги быстро справились со своей работой. Ночью пришел телекс, и, кроме того, они прислали еще кое-какие материалы.

Оба криминалиста углубились в изучение документов. Из них следовало, что Штокингер открыл в Ганновере крохотное

бюро на Кенигштрассе, которым руководит некий Франц Нойманн. В его задачи входит рекламирование новостроек Штокингера, возводимых для заказчиков на уже почти полностью освоенном и относительно дешево приобретенном участке под Ганновером. К письму также были приложены вырезки из некоторых ежедневных газет: "Для вас — собственное жилье от Штокингера! Наше эксклюзивное предложение: короткие сроки строительства, полный набор услуг, безупречное исполнение, небольшой собственный капитал! Всего в двадцати километрах от Ганновера, хорошее транспортное сообщение, скоростное шоссе в перспективе. Наше солидное баварское предприятие через свой филиал в Ганновере предоставляет вам возможность построить собственное жилье на уже освоенной территории по эксклюзивно низким ценам за один квадратный метр! Звоните нам, мы ждем вас у нас в офисе. Осмотр территории в любое время!"

— Заманчивое предложение, — заметил шеф-комиссар. — Штокингеру действительно удалось за короткий срок привлечь достаточное количество заинтересованных. И дома строились довольно быстро. Причина проста: Штокингеру пришлось вложить в строительство собственный капитал, поскольку в Баварии количество заказов сократилось, а из-за своей системы-пирамиды он столкнулся со значительными трудностями в финансировании. Эта ганноверская затея способствовала значительному подъему его финансовых дел и могла бы помочь ему преодолеть наступивший спад.

Брахведель усмехнулся:

— Только своими маневрами он навлек себе на голову новые трудности. Непосредственное строительство не осуществлялось больше самой фирмой, такого исполнителя, как Бихлер, у него там не было. А строить нужно было дешево. Ему удалось даже сбить цены у своих субподрядчиков: небольших строительных фирм, плотников, стекольщиков... Но они тоже хотели получить свою долю прибыли. А поскольку Штокингер необоснованно занижил им расценки, они просто стали подсовывать ему дерьмо.

Гриссбюль порылся в своих бумагах.

— Действительно, вот здесь: многочисленные протечки вследствие плохой заделки, некачественная изоляция фундаментов, отсутствие дренажной системы. В одном из случаев провалился гараж, и строительная инспекция прикрыла его. У одного из домов осела фронтальная стена, по ней пошли трещины, вывалилась входная дверь. Невероятные вещи! И для Штокингера пришла расплата: пять домов не приняты органами, осуществляющими строительный надзор. А несчастные домовладельцы объединились, создали "Союз аварийных домов Штокингера" и подали на него в суд. Эксперты под присягой дали убийственное заключение: не соблюдены простейшие

строительные нормы и правила. Разбор жалоб еще не завершен.

— Я только никак не могу понять, — поразился Брахведель, — почему об этом до сих пор ничего не известно в Мюнхене? Похоже, что ни Тёлпе, ни Бихлер, ни даже бухгалтер не имели обо всем этом ни малейшего представления? Или они так ловко нам втирают очки?

— Не думаю. Видите ли, Брахведель, — задумчиво проговорил шеф-комиссар, — Штокингер, судя по всем описаниям, был слишком горд, чтобы делать достоянием общественности свои промахи, если в них не было необходимости. Ведь ему не были предъявлены судебные иски, ему не надо было по ним платить, все это еще не просочилось в бухгалтерскую отчетность в Мюнхене. К тому же он, возможно, опасался навредить солидной репутации своей фирмы, и он сделал упреждающий ход. Вспомните историю с домами престарелых.

— Я еще не добрался до них. — Брахведель стал поспешно перебирать свои заметки.

— Все очень просто. Штокингер сказал себе: необходимо привлечь новый капитал. Так у него возникла идея с домами престарелых. Приглашенный архитектор сделал эскизы первого комплекса, очень впечатляюще, на мой взгляд. Вот, смотрите.

— Я бы не отказался пожить в таком, — протянул Брахведель, рассматривая чертежи. — Восьмиэтажные здания, кругом зелень, каждый жилой блок со своей ванной комнатой и кухней, на первом этаже ресторан, предусмотрен даже небольшой торговый центр, само собой разумеется, лифты. Черт возьми, не забыли даже про медицинское обслуживание.

— Верно, — подтвердил Гриссбюль. — И все это должно было входить в коммерческую стоимость, короче говоря, воплотиться в жизнь после уплаты соответствующих отчислений. Бухгалтерия на пальцах, в которую наш добрый Штокингер так свято верил. Она на момент расчетов могла быть абсолютно верна, если бы Штокингер не упустил из виду две существенные вещи: во время экономического спада снижается процентная ставка, а следовательно, и наличный капитал, и нельзя пренебрегать ежегодным темпом роста дороговизны, что, в свою очередь, съедает процентные ставки. Штокингер должен был, в буквальном смысле, почуять это носом: строительство домов для престарелых необходимо было начать уже этой весной, а он до сего времени не ударил пальцем о палец.

— Следовательно, Штокингеру грозило разорение?

— Я уже навел справки: катастрофа была неминуема. Брахведель откинулся назад. Он даже застонал.

— Господи, и что все это может означать, если Пюшель отпадает в качестве преступника? Значит, нам придется выискивать что-то в Ганновере — им может быть каждый из обману-

тых застройщиков, каждый из владельцев этих домов для престарелых, с таким же успехом каждый из кустарей, который был задействован в строительстве...

— Все это так, Брахведель, и нам предстоит веселенькие времена. Ничего не поделаешь. Но пока позаботьтесь, чтобы сюда доставили Пюшеля. После допроса Евы Штокингер необходимо выслушать и его. Посадите его в одной из комнат и приставьте к нему кого-нибудь из дежурных.

2

Ровно в десять часов раздался стук в дверь, и в помещение вошла Ева Штокингер.

Гриссбюль с удивлением отметил, что видит перед собой женщину, совершенно не похожую на ту, которую он встречал раньше. Не было и следа от ее обычной холодности, высокомерия, свойственной ей надменности. Она держалась так неуверенно, что скорее напоминала растерянную школьницу, а не светскую львицу. Никакой броской одежды, простенькое синее закрытое платье и полное отсутствие украшений.

Такой, признался себе Гриссбюль, она ему нравится значительно больше. Он предложил ей сесть.

— Ваши показания, госпожа Штокингер, могут иметь решающее значение. Поэтому очень прошу вас быть с нами искренней. Не исключено, что вам придется говорить о таких подробностях, которые могут быть вам неприятны. Попробуйте представить себе, что нас с моим коллегой Брахведелем нет в комнате, что вы говорите это для себя самой. Пусть те дополнительные вопросы, которые нам, возможно, придется задать, не смущают вас. Даю слово, что в протокол нами будет занесено только самое необходимое.

Она согласно кивает и снова напоминает ему испуганную школьницу.

— Вчера вечером вы утверждали, — начал допрос шеф-комиссар, — что в ту упомянутую среду вы были вместе с Пюшелем. Вы назвали его по имени, Куртом. Можно ли считать, что вы были с ним в интимных отношениях?

— Да.

— Прекрасно. Тогда расскажите нам, как все это случилось.

— Я познакомилась с Куртом Пюшелем четыре недели назад, — неловко начала она, избегая смотреть на Гриссбюля и устремив взгляд прямо перед собой. — Это была чистая случайность. Однажды после обеда раздался звонок. По переговорному устройству Пюшель назвал себя и сказал, что хочет переговорить с моим мужем. Но того не было дома. Я спросила, не смогу ли ему помочь. Он ответил, что возможно. Тогда я предложила ему войти. Как только я открыла входную дверь и увидела его, стоящего на пороге, на меня словно сошло озарение. Я поняла, что отныне для меня не существует ничего невозмож-

ного. Курт позднее признался, что и он испытал точно такие же чувства. Я пригласила его в дом, предложила какие-то напитки, не помню, что именно. Мне кажется, мы просто глупо устали друг на друга. А потом состоялся короткий деловой разговор.

— И о чем шла речь?

— Курт хотел получить какие-то сведения о фирме моего мужа. Мне не совсем было ясно, какие цели он преследует. Он говорил об определенных затруднениях, которые переживает фирма, и хотел получить точные данные. Я даже заподозрила его сначала в том, что ему нужен материал для определенного рода сенсационных статей, поэтому была очень осторожна, и, кроме того, я действительно об этих делах ничего не знала. А затем он вдруг объявил, что хочет написать статью, направленную на создание общественного мнения, и материал ему нужен для этого. — При этом воспоминании слабая улыбка тронула ее губы. — Мы говорили довольно сумбурно. Откровенно говоря, я всеми силами старалась затянуть нашу беседу, просто хотела, чтобы Курт задержался подольше.

— И он остался?

— Почти на два часа. Хотели мы того или нет, но наш разговор постепенно перешел на личную тему. Он сказал мне, что разведен, а я... — Она споткнулась на полуслове, а затем словно вытолкнула из себя: — ...вдруг сказала, что несчастлива в браке, что муж старше меня на тридцать лет, у нас нет общих интересов, и живу я, как настоящая монашка.

Наступило молчание. Гриссбюль не торопился. Выждав немного, он спросил:

— И какой была его реакция?

Ева Штокингер вдруг взглянула ему прямо в глаза:

— Он спросил: “Вы намерены и дальше вести монашеский образ жизни?” Я возразила: “Нет”. И этим было все сказано. Мы больше не говорили об этом, но оба знали, что решение принято. Когда через полчаса, уже уходя, Курт остановился в дверях, он просто спросил: “Где и когда?” Я знала, он хочет назначить свидание, и знала, что без последствий это не останется. Однако ни минуты не колебалась. Объявив ему, что ни в коем случае мы не должны встречаться в модных местах, напрямик выложила: “И не в гостиницах, и не в каких-либо временных пристанищах”. Он все понял и сообщил мне свой адрес: “Я живу в высотном доме на аллее Дрыгальского, там можно не опасаться огласки, вы согласны?” Короче говоря, мы договорились с ним встретиться на следующий день в первой половине. Я знала, что в это время мой муж будет в отъезде. И я поехала к нему.

— Вы договорились встретиться с Пюшелем снова?

— Не сразу. Я не знала, как мне это удастся сделать. Просто сказала, что позвоню, как только муж уедет. С тем мы и расстались.

— Но он ведь должен был ходить на работу в редакцию. Не мог же он целиком зависеть от вас?

— Нет, конечно. Мы могли встречаться только в те дни, когда у него было пятичасовое дежурство. А иногда он планировал свои деловые поездки таким образом, чтобы оставалось время и для наших встреч. Иногда меня одолевали опасения, что все это как бенгальский огонь — вспыхнул и скоро погаснет, но чувства не перегорали ни у меня, ни у него. Если бы это продлилось дольше, то через несколько недель или месяцев я бы подала на развод, и мы бы с Куртом поженились.

— Сколько раз вы были у него, госпожа Штокингер?

Она задумалась.

— Кажется, раз десять.

— И вы не боялись, что вас может кто-то увидеть?

— Кроме первого раза, больше никогда. Я ни разу не встретила никого из знакомых, а потом, вы же знаете, я живу довольно замкнуто.

— Теперь перехожу к критическому моменту, госпожа Штокингер. Вы утверждали, что прошедшую среду провели с Пюшелем вместе, а именно, всю вторую половину дня?

— Да. Мой муж был в отъезде.

— И вы снова встречались у Пюшеля на квартире?

— Естественно.

— С какого времени и по какое?

— Господи! Я поехала к нему сразу же после обеда и оставалась до самого вечера.

— Не могли бы указать время более точно?

— Кажется, примерно в половине третьего я уже была там, а уехала в половине седьмого.

— У вас есть свидетель? Вас кто-нибудь видел?

— Нет. Для чего он нужен? Я же свидетель. У Курта есть теперь человек, который может подтвердить, что он не убийца. Не может быть убийцей!

— Допустим. Хотя это и не совсем так. Было бы лучше, если бы мы могли подкрепить ваше заявление.

— Вы все-таки мне не верите?

— Речь идет не о том, верю я или не верю. Мы можем держиваться только фактов, а для этого должны предъявить достаточно веские доказательства. Вот и все. — Гриссбюль помолчал. — Вы сказали, что иногда заказывали еду в ресторане. А в эту среду?

Ева Штокингер просияла:

— Как же я забыла! Курт заказал нам в апартаменты ужин!

— Ну, вот, видите. Возможно, у нас появится и свидетель.

Улыбка сбежала с ее лица:

— Только, знаете ... официантка не видела меня. Каждый раз, когда нам приносили еду, я пряталась в ванной комнате.

— Жаль. Тем не менее мы попытаемся выяснить, не вспомнит ли кто-нибудь из обслуживающего персонала в “Венском лесу” о заказе на две персоны. Это стало бы подтверждением ваших показаний.

Гриссбюль бросил вопросительный взгляд в сторону Брахведеля. Тот отрицательно покачал головой, давая понять, что в настоящий момент у него вопросов нет.

— Чуть позже мы оформим ваши показания, госпожа Штокингер, протоколом. Сейчас нам предстоит еще одно дело. Оно не займет много времени. А пока, будьте любезны, вам придется подождать в другой комнате. Комиссар Брахведель проводит вас.

3

— Итак, что вы думаете относительно ее показаний? — спросил Гриссбюль вернувшегося Брахведеля.

— Возможно, так все и было, — ответил, усаживаясь на свое место, Брахведель, — возможно, и нет. Что касается любовной связи, то я ей охотно верю. Однако именно поэтому, когда для Пюшеля запахло жареным, могу предположить, что она просто старается прикрыть его и обеспечить ему алиби.

— Давайте посмотрим, что скажет нам Пюшель. Доставьте его сюда, сейчас мы возьмем его в оборот.

Если шеф-комиссар рассчитывал на то, что окончательное водворение Пюшеля в тюрьму Штадельхайм негативно скажется на его состоянии, то он здорово заблуждался. Напротив, Пюшель вошел в сопровождении Брахведеля с гордо поднятой головой и с вызовом спросил:

— Что еще вам от меня надо, шеф-комиссар? Мне больше нечего добавить. Вы обвинили меня в убийстве Штокингера, и это вы как раз и должны доказать. Вы требуете предъявить вам алиби, я не в состоянии этого сделать. Так обстоят дела. Мне потребуется время, чтобы обсудить все обстоятельства дела с моим адвокатом. А на процессе посмотрим, какой оборот все это примет. Я не убивал Штокингера, не пытался даже его шантажировать.

— Поверьте, мы не ставим себе целью любой ценой упрятать вас за решетку, — мягко перебил его Гриссбюль. — Если вы не виновны, то мы серьезно рассмотрим любое подтверждение вашей невиновности. Мы получили кое-какие материалы от наших коллег из Ганновера, и поиски преступника нами будут продолжены и там. А теперь прощу вас, сядьте.

Пюшель нехотя повиновался, выжидающе глядя на Гриссбюля. Тот рылся в своих бумагах, делая вид, что ищет что-то конкретное. Неожиданно он спросил:

— У вас нет алиби на вторую половину дня в среду?

— Нет, — сдавленно ответил журналист.

— Есть некто, кто утверждает, что у вас есть алиби. В это время вы находились у себя в апартаментах и даже заказали себе с доставкой ужин. Это правда?

— Может быть, и правда, — нехотя подтвердил Пюшель. — Хотя вы вряд ли мне поверите.

— Поверим, если у вас найдется свидетель.

— У меня нет свидетеля.

— Странно. Госпожа Штокингер утверждает, что была в это время с вами.

— Полный бред. Бог свидетель, у меня с госпожой Штокингер ничего нет. Она никогда не бывала в моих апартаментах. Что ей могло там понадобиться? Я вообще не понимаю, как вы можете утверждать такое.

— Не я утверждаю, утверждает госпожа Штокингер. Извольте принять это к сведению, — жестко произнес Гриссбюль. — А что ей понадобилось у вас, она нам тоже сказала — переспать с вами.

— Вы снова хотите расставить мне ловушку, но я не поддаюсь на вашу уловку. Кто знает, какие меры вы применили к госпоже Штокингер, чтобы вынудить ее к такому признанию. — Он замолчал. На щеке обозначился нервный тик.

Почему в таком случае Пюшель не хватается за протянутую соломинку? — задумался Гриссбюль. Ведь его положение без алиби весьма сомнительно, и он знает это.

Незаметно он подает знак Брахведелю, и тот бесшумно исчезает из комнаты.

4

Чтобы заполнить затянувшуюся паузу, Гриссбюль снова обратился к журналисту:

— Не стоит напрасно усложнять свое положение, господин Пюшель. Вы должны ясно отдавать себе отчет в том, насколько опасна для вас сложившаяся ситуация. Письмо Штокингера с обвинением в шантаже, отпечатки пальцев на ручке двери, даже при *наличии* алиби вам будет очень сложно представить аргументированные доказательства. Но *без* алиби, господин Пюшель ...

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вошла Ева Штокингер.

— Курт! — Это все, что она была в состоянии промолвить.

Казалось, оба забыли о присутствии криминалистов. Они не сводили глаз друг с друга, и были совершенно одни в этом мире.

Наконец Пюшель тихо проговорил:

— Ева! Вокруг моей шеи затянулась петля! Они сейчас станут доказывать тебе, что это я убил твоего мужа, чтобы жениться на тебе. Поверь мне, Ева, это было благородно с твоей стороны, но совершенно напрасно.

Не успел он договорить, как женщина сорвалась с места и кинулась ему на шею.

Шеф-комиссар отвел глаза в сторону, не желая наблюдать эту сцену, однако, когда она слишком затянулась, он слегка покашлял, давая о себе знать.

Ева посмотрела на Гриссбюля, смахнула тыльной стороной рук проступившие слезы, облизала кончиком языка губы и, с усилием вернувшись к реальности, горячо сказала:

— Поверьте мне! Все, что я говорила, — правда. Вы освободите Курта, то есть господина Пюшеля, прямо сейчас?

Гриссбюль отрицательно покачал головой.

— Это должен сделать исполнительный судья. И потом, еще не время.

5

В “Венском лесу” пахло так заманчиво и аппетитно, что Гриссбюль невольно сглотнул слюну.

— Да, Брахведель, кнедлики в столовой не идут ни в какое сравнение со здешней едой.

Тот согласно кивает, однако не поддается на скрытую провокацию Гриссбюля, а только выжидающе смотрит на него.

— А вот и она, наша милашка, — с торжеством говорит он, завидев официантку.

Она занята тем, что разносит еду, и оба криминалиста, несмотря на явное нетерпение, вынуждены переждать некоторое время.

Наконец официантка замечает их и подходит к их столику:

— Чем могу служить?

— Кто у вас обслуживает по вызову, если еда заказывается в апартаменты? — задает встречный вопрос шеф-комиссар.

— Этим занимаюсь я. И это очень кстати. Конечно, работы прибавляется, особенно, если приходится доставлять еду на двенадцатый или пятнадцатый этажи, но дело стоит того, из-за чаевых. Как правило, но не всегда.

— Тогда мы обратились точно по адресу. Дело в том, что нам желательно знать, не доставлялся ли в прошлую среду вечером заказ на две персоны в квартиру господина Пюшеля?

От приветливого выражения не осталось и следа.

— Во-первых, я уже не помню, а во-вторых, даже если бы я и знала, то не сказала бы вам.

— Совершенно справедливо, — вмешался Брахведель, — только не в нашем случае. Криминальная полиция. Я — комиссар Брахведель, а это шеф-комиссар Гриссбюль.

— Шеф-комиссар ... — Она секунду с удивлением рассматривает Гриссбюля, затем испуганно спрашивает: — Надеюсь, он ничего такого не натворил, господин Пюшель?

— Вот это мы как раз и пытаемся выяснить. И поэтому нам важно знать, был ли он в среду вечером у себя дома. Больше ничего.

— Минуточку, — просит она и зовет свою напарницу. — Мицци, обслужи временно мои столы! — Затем снова обращается к Гриссбюлю: — Давайте отойдем немного в сторону. Я должна подумать. И совсем необязательно, чтобы все слышали, о чем мы говорим.

Шеф-комиссар одобрительно кивает, и все трое проходят через внутреннюю дверь в вестибюль. Там они усаживаются в зеленые кресла.

Шеф-комиссар немного наклоняется вперед и доверительно говорит:

— Видите ли, фройляйн, нам очень важно точно знать, где был господин Пюшель в прошлую среду. И если он был у себя дома, то, следовательно, не мог быть нигде в другом месте. Был ли при этом у него кто-то еще, нас не интересует, вас это не должно тревожить.

Она кивает с серьезным видом.

— Разумеется, я буду говорить только правду, хотя и не знаю, что лучше для господина Пюшеля, то, что он был в ту среду здесь или отсутствовал. Подождите, мне надо подумать. Я должна вспомнить по дням, если начать с воскресенья и субботы, у меня был один выходной — четверг. — Ее лицо внезапно просветлело. — Итак, в среду я была определенно здесь. И подождите, у меня как раз была вторая смена, так что вечером мне приходилось разносить заказы по квартирам. А вот что касается господина Пюшеля...

— Возможно, это был ужин на двоих, — пытается помочь ей Брахведель.

— Ужин на двоих, — машинально повторяет она. — Мне очень жаль. Никак не могу вспомнить. В течение смены я разносила четыре или пять заказов, но, убедите меня, не могу поклясться, был ли среди них и для господина Пюшеля. Ничего не поделаешь.

— В любом случае, большое спасибо, — вмешался Гриссбюль. — И хорошо, что вы прямо сказали, что не можете вспомнить, а не стали выдавать нам отсебятину. А не ведутся в ресторане какие-нибудь записи? Например, в книге учета для последующего оформления счетов, или, скажем, в форме квитанций?

— В книге учета нет, а на бумажках — да. Видите ли, заказ поступает по телефону, его передают на кухню, где он и отмечается. Как только я сервирую заказ и доставлю его на квартиру, бумажка выбрасывается, потому что заказ выполнен. Остаются только счета в кассовом аппарате. Извините, мне пора. — И она скрылась за дверями ресторана.

6

Все, что им оставалось сделать в этот день, так это сравнить показания. Все теоретические предположения были по-

строены, всевозможные анализы проведены: убийцей мог быть один Пюшель, убийцей могла стать жена Штокингера, убийство они могли совершить вдвоем. Снять с Пюшеля обвинение на основе алиби, предоставленного женой Пюшеля, не представлялось возможным, так как она сама была слишком запутана в этом деле. По существу, Пюшель был прав, всеми силами откращиваясь от этого алиби. Его положение еще больше усугублялось, так как возможные мотивы для совершения преступления просматривались еще ярче.

Результат, на котором сошлись оба криминалиста, был таков: Пюшеля пока оставить под стражей, а имеющееся время использовать для проведения дальнейших изысканий в Ганновере, хотя бы и только для того, чтобы проверить возможность его освобождения. На этом настоял Гриссбюль, хотя Брахведель считал это излишним, но вынужден был подчиниться, чтобы избежать ненужных осложнений с начальством.

Когда Гриссбюль, открыв дверцу машины, уже занес ногу, чтобы сесть за руль, он вдруг застыл на месте. Надо посоветоваться с Гролем. Немедленно к старику!

Гриссбюль не стал звонить от калитки, решив сначала проверить, где Гроль. Он осторожно заглянул через забор и обнаружил его, нежившегося в шезлонге, на крошечном пятачке газона, свесившаяся левая рука теребила шелковистое ухо Чарли.

— Хэлло! — окликнул Гриссбюль.

Гроль медленно распрямылся, не торопясь подошел к забору, открыл неприметную калитку и впустил Гриссбюля, ворча при этом:

— Не думайте, ради вашей милости я не расстанусь с моим насиженным местом. Возьмите себе стул и тащите его сюда.

Гриссбюль прихватил стул, устроился возле цветочного куста и приступил к повествованию.

Казалось, старик спит. С закрытыми глазами он полулежа сидел в шезлонге, и только его рука, ласково теребившая шелковистое ухо Чарли, выдавала, что он бодрствует.

Все факты по делу Штокингера во время рассказа сложились в стройную картину, стали четче просматриваться в том представлении, как он излагал это Гролю, неясным оставался только вопрос с убийцей, кто же это все-таки был: Пюшель, жена Штокингера или оба вместе? Гриссбюль замолчал.

Не открывая глаз, Гроль вдруг произнес тихим голосом:

— Да, да, Гриссбюль, я до сих пор убежден в том, что для криминалиста решающее значение имеют две вещи: тонкий нюх и сердце. Мой нос не раз выручал меня, я всегда принимался к тому, где и чем пахнет, даже если это был только нежный эфемерный запах. Что до сердца, то только тот, в ком оно не заржавело, в состоянии понять, что чувствует другой человек. А вы оказались беспомощны. — Он замолчал.

Шеф-комиссар вспыхнул:

— Если бы вы были на моем месте, господин Гроль, вы были бы так же беспомощны. Или вы можете сейчас назвать убийцу?

— Все может быть. Этот Штокингер, он был, вероятно, удачливым бизнесменом?

— Как сказать. Ему удалось создать довольно приличное предприятие, прямо скажем, из ничего. Но когда начался экономический спад, он изрядно прогорел на финансовых операциях.

— Ах, так! Тем не менее он должен был хорошо разбираться в людях, не так ли? За свою жизнь ему пришлось столкнуться не с одной тысячей различных людей, он добивался заказов и распределял их, многие из тех, с кем он имел дело, надували и обворовывали его, другие вели дела честно. Он должен был приобрести значительный опыт. Или я не прав?

Не скрывая досады, Гриссбюль вынужден был согласиться.

— А сколько лет было Штокингеру?

— За шестьдесят. Думаю, шестьдесят два — шестьдесят три года.

— Ага, маячила пенсионная старость, если бы он не был независим как предприниматель. А его жене?

— Ей тридцать, или немногим больше.

— Да, да. Немногим больше, — повторил Гроль задумчиво. — За тридцать — для женщины это критический возраст. Как там поется в старой песенке? Крутись, вертись, голубушка, пляши до упаду, пока молода, вот придет добрый молодец, не прозевай его тогда. Штокингер был очень ревнив?

— Откуда я знаю.

— Что?! — Гроль резко выпрямился и во все глаза уставился на Гриссбюля. — Что? Вы не знаете? И еще хотите быть сыщиком? Сыщик должен знать все на свете. Я-то думал, Гриссбюль, что вы кое-чему научились у меня. Слушайте, как ремесленник и коммерсант он *должен* был быть недоверчивым. Он не мог верить всему, что говорят ему люди. И тому, что рассказывала жена.

— Люди? Жена? — Шеф-комиссар недоумевал. — Что она должна была ему рассказывать?

— Что она его любит. — Гроль медленно приподнялся, устремив благодушный взгляд на Чарли.

— Бесспорно, она говорила ему об этом, — подтвердил шеф-комиссар, — иначе он бы на ней не женился.

— В том-то и дело! Видите ли, Гриссбюль, Штокингер был стареющий мужчина. Даже если он по уши втрескался в молодую девушку, однажды он должен был задать себе вопрос: а действительно она любит меня? Судя по тому, что вы мне рассказали, она представляет собой привлекательную и довольно темпераментную особу. Разве в Штокингер не мог поселиться

червь сомнения, что в один прекрасный день она начнет его обманывать? Разве не к этому ему надо было себя готовить? Разве не возникали у него сомнения, а все ли ее желания он в состоянии выполнить, все еще может выполнять? Она ведь была моложе его на целых тридцать лет. Поверьте, ему не обязательно было становиться подозрительным. Он мог самым безобидным и естественным образом просто ей не доверять.

— Насколько мне известно, — вклинился Гриссбюль, — об этом речь никогда не заходила. Он мог, в конце концов, поинтересоваться у нее.

— Но ведь не спрашивают же у своего делового партнера, не мошенник ли он, за ним просто начинают наблюдать. Я думаю, Штокингер, этот умудренный опытом, недоверчивый, осторожный человек не остался в стороне и предпринял соответствующие шаги. Он мог нанять детектива, — продолжал свои рассуждения Гроль, — с тем, чтобы тот следил за его женой. Когда он конкретно принял такое решение, мне трудно сказать, равно как и в какую сыскную службу обратился. Но то, что он пошел на это, я могу сказать с большой долей вероятности.

— То есть нам следует навести справки в мюнхенских сыскных агентствах?

Гроль затрясся в беззвучном смехе.

— Именно так, Гриссбюль. Вы поняли задачу совершенно верно.

— Я думаю, вы правы, господин Гроль. Кажется, ваш нос служит вам вернее.

— И сердце тоже, не забудьте, и сердце.

Когда Гриссбюль собрался уходить, Гроль извиняющимся тоном заявил ему:

— Я не пойду провожать вас, прощаемся здесь. Я старый человек, мои кости требуют покоя, полежу в шезлонге, здесь хорошо дремлет, а Чарли составит мне компанию. Чтобы Чарли не удрал, поплотнее закройте калитку, дружок. — Последнее слово он произнес совсем тихо. Гриссбюль его уже не расслышал.

7

Когда на следующее утро Брахведель вошел в бюро, Гриссбюль уже сидел на своем рабочем месте. Брахведель насторожился. Это было плохим знаком. Если шеф-комиссар спозаранку заявлялся на работу, это значило, что у него что-то на уме.

Гриссбюль сидел, углубившись в чтение актов, и, казалось, не обращал на Брахведеля никакого внимания. Не поднимая головы, он вполголоса бросил:

— Посмотрите-ка, Брахведель, много ли в Мюнхене бюро, занимающихся сыском.

Брахведель мгновенно почуял недоброе — предстоит уйма ненужной работы. Он нехотя взял в руки справочник, нашел нужную страницу и доложил:

— Целых тридцать четыре. Самое крупное — бюро Фрица Йенувайна: Международная справочно-информационная служба, слежка и розыск для организаций и частных лиц, радиофицированный автотранспорт — все 24 часа. Это недалеко от Мариенплаца. С ними можно связаться по телефону в любое время суток.

Гриссбюль изобразил недоумение:

— Они что? Хотят составить нам конкуренцию? Не думаю, чтобы Штокингер решил обратиться к ним, ему, как новичку, такое крупное заведение должно было показаться слишком приметным.

— Штокингеру? — недоуменно переспросил Брахведель.

— Само собой! Разве вам самому не приходило в голову, что Штокингер попытается отследить все пути, явные и тайные, своей жены? Мучимый подозрением, ревностью? Или просто, чтобы подстраховаться?

— Вот это да! — Брахведель откинулся на спинку стула. — Не исключено. Мне что, нужно заняться...

— Угадали, Брахведель, вам нужно этим заняться. Вы должны прощупать все эти заведения и выяснить, в какое из них обращался Штокингер и кому поручил осуществлять слежку.

— Проклятие! Если не повезет, то им будет как раз тридцать четвертое, то, которое нам нужно.

— Совершенно верно. Но если не повезет по-крупному, то совсем никакое.

— Тогда сначала я прочешу самые представительные из них. А потом займусь остальными.

— Я бы не советовал вам этого, Брахведель. Вы только напрасно потеряете время. Мотаться вдоль и поперек по Мюнхену, застревать в пробках, так вы и до вечера не объедете все. Разумнее составить план, руководствуясь не размерами контор, а кратчайшими расстояниями между ними. Это может быть совсем неприметное заведение, куда решил обратиться Штокингер.

Брахведель понуро вытащил большой лист бумаги, разложил перед собой план города и принялся, стена и кряхтя, за работу. Ему понадобилось не менее часа, чтобы составить подходящий маршрут движения. Наконец он отложил в сторону карандаш и распрямился.

— Ну, теперь, как говорится, ноги в руки.

— Желаю приятно провести время, — насмешливо откликнулся шеф-комиссар.

Брахведель вернулся только ближе к вечеру и, отдуваясь, бросил на стол свой кейс:

— Здесь такие дела!

Шеф-комиссар выжидающе смотрел на него.

— Тридцать четвертое. Настоящая дыра. Контора из трех человек. Начали свое дело всего четыре года назад. Конечно, с большими заведениями они тягаться не могут. Но очень дотошные во всем, что касается наблюдения. Штокингер поручил им вести наблюдение два года назад. Просто так, без всяких причин. Они не вели постоянной слежки, так как в течение длительного периода ничего не происходило. Я прихватил с собой целую кипу отчетов. Но примерно четыре недели назад все завертелось: они напали на след. Как раз, когда жена Штокингера стала встречаться с Пюшелем. И тут они буквально стали следовать за ними по пятам. И фотографии вали. Вот, посмотрите.

Брахведель с торжеством выложил перед Гриссбюлем добытый материал. Тот начал перелистывать подшивку.

— То, что нам нужно, вот здесь, господин шеф-комиссар, последний отчет вместе со снимками. Их-то Штокингер уже не увидел. Фотографии были сделаны в прошедшую среду во второй половине дня.

Гриссбюль внимательно рассматривал фотографии. “Фиат” на парковке перед высотным домом, отчетливо видно, что Ева Штокингер собирается выйти из машины. Второе фото: она идет вдоль магазина, расположенного в высотном доме. На третьей фотографии — Ева Штокингер перед рестораном “Венский лес”. На четвертой — она поворачивает за угол с правой стороны высотки. На пятой — выходит из боковой двери и, высматривая что-то, оглядывается. На шестой — возвращается, оглябая угол.

— И к ним еще отчет, — говорит Брахведель, пододвигая бумаги Гриссбюлю.

Тот читает: “Наблюдаемая персона покинула квартиру на Бортенхофштрассе в 14 часов 13 минут и сразу же двинулась на машине в сторону высотного дома на аллее Дрыгальского, прибыв туда в 14 часов 27 минут, припарковала машину, вышла из нее и направилась к боковому входу. Затем села в лифт и поднялась на семнадцатый этаж. В течение нескольких часов она оставалась в доме, бассейн и ресторан не посещала. В 18 часов 22 минуты она покинула дом через ту же боковую дверь и направилась к своей машине. Затем сразу же поехала на Бортенхофштрассе, куда прибыла в 18 часов 36 минут. Незыблестного Пюшеля, которого мы упоминали в предыдущем отчете, нам обнаружить не удалось, но можно с достаточной вероятностью утверждать, что наблюдаемая персона находилась все время в его апартаментах. (См. дополнительный отчет). Что касается Пюшеля, даем ссылку на фотографию, приложенную к нашему отчету за номером 27”.

Гриссбюль, порывшись, достал из вороха фотографий ту, на которой было видно, что Ева Штокингер прощается с Пюшелем.

— Прекрасная работа, Брахведель.

— Да, — с горечью согласился тот, — ну и задали они нам задачу. Это достаточное доказательство того, что они оба не могут быть убийцами.

— Не совсем так, — возразил Гриссбюль. — Пюшеля на фотографиях, сделанных в среду, нигде не видно.

— Теоретически он, конечно, мог уйти из дома раньше, но этот сыщик, Лингнер, отрицает. Вот, посмотрите, здесь еще один его отчет.

Дополнительный отчет касался Пюшеля. В 18.04 в апартаменты Пюшеля был подан ужин, две порции.

Гриссбюль со вздохом отодвинул фотографии и бумаги в сторону.

— Нужно написать отчет и передать его прокурору. А Пюшеля придется выпустить.

— А почему, собственно? Они оба, что Пюшель, что эта Штокингер, нагромодили такое количество самых несусветных доводов. Взять хотя бы все оправдания Пюшеля, по трезвому размышлению они представляются весьма сомнительными. И потом, это алиби... оба они ухватились за него в самый последний момент. Господин шеф-комиссар! Почему мы должны рассматривать их в роли убийц, почему они не могут быть зачинщиками, поручить кому-то третьему отравить Штокингера?

— Прекрасная история, — заметил с иронией Гриссбюль. Однако в душе он не мог не согласиться, что какая-то доля правды в рассуждениях Брахведеля была. — И что мы теперь должны делать?

— Выждать! Два-три дня. Пюшеля оставить на этот срок. И нажать, как следует, на них еще раз.

— Вы уверены, что это даст положительный результат? — скептически переспросил Гриссбюль. — Но вы правы, ничего другого нам не остается.

Глава 9

1

— Что нам с тобой делать? — Гроль ласково потрепал Чарли.

Пес смотрел на него, слегка склонив набок голову, — само воплощение печали из-за свисающих брылей и продольных морщинистых складок на лбу.

— Мне очень жаль, — с сочувствием продолжил Гроль, — но я не могу взять тебя с собой. Ты же не переносишь езду ни в поездах скоростной железной дороги, ни в машине: пугаешься, становишься нервным. Лучше оставайся дома и жди меня.

Чарли склонил голову на другой бок, всем своим видом показывая, что до него дошли наставления хозяина, легко за-

прыгнул в кресло и свернулся клубком, не сводя при этом с Гроля вопрошающего взгляда.

— В порядке исключения, сегодня тебе разрешается, — поощрил его Гроль.

Чарли, успокоенно зевнув, закрыл глаза.

Гроль посмотрел на часы: самое время. Он заторопился. Выйдя из дома, осмотрелся и решительно отправился в путь.

На платформу Гроль пришел минута в минуту, поезд, тормозя, как раз подъезжал к перрону.

У старого штарнбергского вокзала, навес над путями которого поддерживали деревянные столбы, он обнаружил свободное такси. С комфортом расположившись на заднем сиденье “мерседеса”, Гроль велел шоферу ехать в направлении Кемпфенхаузена.

В это раннее свежее утро так вольготно дышалось. Гроль не устает любоваться искрящимися каплями росы, в изобилии украшавшими кустарники. Что же это за нужда такая, выгнавшая его в такое чудесное утро в поисках предполагаемого убийцы? Такси довезло старика до нужного дома.

У ворот стоял старенький “фольксваген”.

Гроль нажал на ручку калитки и с удовольствием отметил, что она не заперта. Пройдя за нее, он цепким взглядом огляделся, стараясь не упускать ни малейшей детали, чтобы составить, по возможности, наиболее полную картину. А вот и терраса, на которой сидел строительных дел мастер. Но прежде чем Гроль ступил на нее, женский голос строго окликнул:

— Эй, вы, там! Что вы здесь ищете?

Гроль приветственным жестом снял шляпу и склонился в поклоне. Придав необходимый оттенок вежливости своему голосу, осведомился, нельзя ли ему видеть приходящую домработницу.

Дверь распахнулась, и на террасе собственной персоной появилась боевито настроенная Врони Вайнцирль.

— Сюда нельзя просто так заходить! Это не постоянный двор.

— Прошу прощения, — еще раз извинился Гроль. — Ворота были открыты, иначе бы я обязательно позвонил. И к тому же меня не интересует временное пристанище, видите ли, я ищу, кто убил господина Штокингера.

— Вы что, полицейский? — недоверчиво переспросила Врони.

— Гм-мм... — протянул Гроль. — Дело в том, что я комиссар криминальной полиции, бывший комиссар. Необходимо еще кое-что уточнить, и поэтому я хотел взглянуть на место происшествия.

— Но я не припомню, чтобы видела вас, когда здесь были господа криминалисты, и когда составлялся протокол, вас тоже не было.

— Какая, однако, память! Да, это действительно так. Тогда я не занимался этим делом. Но теперь ... У людей в возрасте всегда больше опыта.

— Вот здесь вы абсолютно правы, господин комиссар. Мой муж всегда говорит то же самое. Эта молодежь... — Она показала головой.

— Я собирался осмотреть бунгало, и мне просто повезло, что вы здесь. Вы же в курсе всех событий и можете мне все показать.

— Конечно, — согласилась она. — Проходите сюда.

Гроль поднялся на террасу. У двери он остановился и внимательно стал рассматривать ручку, будто никогда не видел ничего подобного. Врони Вайнцирль была явно озадачена, что он нашел в ней такого особенного? Гроль заметил ее удивление и пояснил:

— На ней были найдены отпечатки пальцев, поэтому я рассматриваю ее так внимательно. Все в порядке.

Он последовал за ней, задавая вопросы по мере осмотра помещений, всем своим видом подчеркивая крайнюю заинтересованность. Они прошли через жилые комнаты, осмотрели также спальню и комнату для гостей на первом этаже и спустились в подвал. И здесь Гроль не смог скрыть своего удивления, остановившись перед стеллажами с бутылками вина:

— Не плохо бы такое иметь у себя!

— Да, — ответила она, — господин Штокингер любил побаловаться бутылочкой вина. Как все будет теперь, не знает никто. Госпожа Штокингер на днях намерена приехать. Нас ждут большие перемены. А теперь я должна идти. Свою работу я выполнила. Это не значит, что я хочу выпроводить вас отсюда, господин комиссар, но и оставить здесь одного тоже не могу.

— Нет, нет, — запротестовал тот. — Я должен позвонить в полицейское управление, сюда прибудет еще один человек, все это займет определенное время.

— Ничего не поделаешь. Вам придется поехать вместе со мной к нам домой. Оттуда вы и позвоните.

— Прекрасно! Большое спасибо за поддержку.

Они поднялись по лестнице, Гроль еще раз скользнул взглядом по всем ручкам, довольный проведенным осмотром.

На "фольксвагене" довольно быстро доехали до дома Вайнцирлей. Пока Гроль набирал номер полиции, Врони Вайнцирль, демонстрируя хорошие манеры, вышла из комнаты, чтобы не мешать при разговоре.

— Шеф-комиссара Гриссбюля! — потребовал Гроль.

Через мгновение тот был уже у аппарата. Услышав в трубке голос Гроля, не на шутку встревожился:

— Ради Бога! Что случилось? Откуда вы звоните?

— Слишком много ненужных вопросов для такого опытного сыщика, господин шеф-комиссар. Со мной все в порядке.

Напротив, я кое-что обнаружил! Нахожусь сейчас в доме Вайнцирлей на Штарнбергском озере, жду вас здесь. Как скоро вы сможете приехать? — Повисла небольшая пауза. Гроль усмехнулся, довольный эффектом, и пояснил: — Видите ли, мне кажется, я нашел разгадку смерти Штокингера. Нужно увидеться с вами, а поскольку мои старые кости с трудом переносят путешествия на такие дальние расстояния, желательно, чтобы вы приехали сюда, оценили обстановку и затем отвезли меня домой на своей паршивой машине.

— До встречи! — с удовлетворением услышал он. — Я скоро буду. Ждите меня у Вайнцирлей.

2

Гроль был настолько внутренне напряжен и полон ожидания, что не смог долго оставаться в доме. Он познакомился с Валентином Вайнцирлем, во второй раз плотно с ним вместе позавтракал. К кофе был подан чудесный деревенский хлеб, золотистое масло, которое мужчины толстым слоем намазывали на хлеб, сочная ветчина и жирный эдамский сыр — здесь не обращали внимания на содержание холестерина. После этого Валентин Вайнцирль показал комиссару свою мастерскую, с гордостью продемонстрировав произведение своих рук — отреставрированные напольные часы.

— Стоящая вещь, — восхитился комиссар. — Ручная работа, исполнение выше всяких похвал. В таком деле в конце всегда видно, на что способны твои руки. А что такое криминалист? Возможно, я сплеховал, выбрав профессию.

— Возможно, — кивнул, соглашаясь, Валентин Вайнцирль и добавил: — Ну, уж как получилось, теперь поздно что-либо менять.

— Совершенно справедливо, — поддакнул комиссар.

Уже некоторое время он стоял снаружи перед входной дверью и с нетерпением поджидал Гриссбюля.

Наконец, он услышал шум приближающегося “вольво”, который затормозил, подъехав к дому. Гриссбюль открыл дверь машины.

— Выкладывайте, что вы нашли?

— Сейчас мы поедem к бунгалo Штокингера, — распорядился Гроль. — Ключи у меня здесь. — Он похлопал по карману. — На обратном пути надо отдать их Вайнцирлям.

Подъехав к бунгалo Штокингерoв, Гриссбюль направился мимо роскошных клумб с розами прямо к террасе. Указав на определенное место, коротко бросил:

— Здесь сидел Штокингер, мертвый.

— Да, знаю. Но я хочу, чтобы вы обратили внимание на дверную ручку, — попросил Гроль.

Они стояли как раз перед дверью, ведущей на террасу.

Гриссбюль равнодушно подтвердил:

— Да, это та самая, на которой были отпечатки пальцев. Больше я не нахожу в ней ничего особенного. Лично мне такие ручки не нравятся.

Гроль вытащил ключ и открыл дверь. В прихожей было темно. Так же сумеречно было и в других помещениях, Врони Вайнцирль предусмотрительно опустила повсюду жалюзи. Гроль включил свет.

— И что теперь? — спросил шеф-комиссар, явно не понимая, с какой целью Гроль привел его сюда.

— От вас требуется только осмотреть дверные ручки во всех помещениях, больше ничего.

Они двинулись в обход по дому. Гриссбюль останавливался перед каждой ручкой, молча рассматривал ее, не выражая при этом никаких эмоций. Затем оба вернулись на террасу. Гроль, не торопясь, закрыл входную дверь, оставаясь подчеркнуто равнодушным. Но Гриссбюль застыл на месте. Он наморщил лоб, поскреб пальцем левую щеку и вполголоса обронил:

— Единственное, что я заметил, так это то, что дверные ручки в других помещениях выглядят совершенно иначе, чем на террасе. Они не такие простые, я бы сказал даже, скорее помпезны, выполнены в стиле барокко. И планки украшены таким же вьющимся рельефом. Довольно вычурно.

— В том-то и дело!

— И что из этого? Ну, захотелось Штокингеру, черт знает почему, поставить на входную дверь другую ручку. Теперь уж не узнать, из каких соображений.

— Не совсем так. Он, конечно, имел для этого свои мотивы. А теперь нам пора возвращаться в Мюнхен.

— И это все? — разочарованно протянул шеф-комиссар.

— И это все, — лаконично подтвердил Гроль.

— Ну, знаете ли, господин Гроль! У меня действительно не так уж много свободного времени, чтобы принимать участие в ваших дурацких затеях! — вскипел Гриссбюль, направляясь к машине.

До самого Мюнхена они не проронили ни слова.

3

Перед Мюнхеном старик ворчливо проскрипел:

— А теперь сверните в сторону лесного кладбища. Мы едем на Бортенхофштрассе.

— Куда? Господин Гроль, ни в коем случае! О чем я могу сейчас с ней говорить, если до сих пор не ясно, замешана ли она в этом деле, и если замешана, то насколько. Уж она постарается донять меня окончательно, чтобы я отпустил Пюшеля из-под стражи.

— Вам все равно придется это сделать, — сухо проронил Гроль.

— Я отказываюсь вообще что-либо понимать.

— А вам и не нужно. Предоставьте все мне. Хотя бы раз в своей жизни положитесь на мою интуицию, на мой профессиональный нюх.

Перед домом Штокингеров, когда они уже доложили о своем приходе через переговорное устройство и услышали гудение входного зуммера, Гроль тихо обронил:

— И здесь от вас ровным счетом ничего не требуется, как только обратить внимание на дверные ручки.

Гриссбюль бросил на него яростный взгляд.

Услышав от экономки о приходе Гриссбюля, Ева Штокингер встретила обоих полицейских сама. Она казалась удивленной, когда Гриссбюль представил ей своего спутника:

— Комиссар Гроль.

— Бывший комиссар, теперь на пенсии, — проскрипел тот.

Не проходя в комнату, Гриссбюль остановился перед широко распахнутой дверью между прихожей и гостиной. Он взялся за ручку и слегка потянул дверь на себя, вопросительно взглянув на Гроля.

Не говоря ни слова, направился к следующей двери. Наклонился и снова стал внимательно рассматривать дверную ручку. Затем обратился к Еве Штокингер, которая непонимающе смотрела на него:

— Разрешите пройти дальше?

— Если это так необходимо... — в замешательстве ответила Ева.

Гриссбюль молча открыл дверь и исчез за ней. Через некоторое время вернулся и тут же обратился к Гролю:

— Та ручка, в бунгало, принадлежит этой входной двери и наоборот. Их поменяли, никаких сомнений. Об этом свидетельствует и тот факт, что планка ручки не полностью закрывает оставшиеся без лака пробелы на двери. Но кто это сделал и зачем?

— Это я вам объясню потом, — пообещал Гроль и добавил: — Вам следует направить обе ручки на обследование криминальным экспертам, проверить возможные царапины, следы от краски, чтобы у вас в руках был полный набор соответствующих улик. — Он повернулся к Еве Штокингер и, приветливо улыбнувшись, извиняющимся тоном проговорил: — Вам придется, сударыня, запастись терпением, максимум еще на целые сутки. Но не часом больше! Думаю, что этого времени будет вполне достаточно. А теперь разрешите нам откланяться.

4

Когда комиссар вошел в комнату, Чарли все еще покоился в кресле, свернувшись кольцом. Он только лениво приподнял голову и постучал несколько раз длинным хвостом по сиденью кресла, изображая приветствие.

— Садитесь и слушайте. А я принесу для нас обоих афра-колу. Это освежает, — обратился Гроль к Гриссбюлю.

Затем он удобно устроился в кресле и размеренным тоном начал повествование.

— Штокингер профессиональный каменщик. Раньше для таких людей был только один путь в жизни. Они всегда оставались верными своей профессии и в девяносто девяти случаях из ста всю свою жизнь работали подручными у какого-нибудь мастера. Пределом их честолюбия было стать когда-нибудь самостоятельными в своем деле. Очень немногим это действительно удавалось. И те, кому везло, становились мелкими, но уверенными предпринимателями, пользующимися оправданным уважением в глазах соседей в той местности, где жили. Самые честолюбивые мечтали приумножить через несколько лет свое дело и передать его по наследству сыну. Как правило, жизненные коллизии заставляли их врасплох, так как они плохо ладили с исторической действительностью, не относились к сильным мира сего и не располагали в достаточной мере полнотой информации, их настигала инфляция, сокрушали мировые экономические кризисы. Немногим удавалось выстоять в таких условиях, большинство разорялось.

Но Штокингеру повезло — ему удалось основать собственную фирму.

А затем произошло то, чего он никак не мог предугадать: ажиотажный строительный бум. Люди стали прилично зарабатывать и захотели жить в нормальных условиях. Это еще не был спрос на собственное жилье, на собственные квартиры. Пока большинство могло позволить себе лишь арендуемые квартиры, но и их кто-то должен был строить. А поскольку потребность была велика, в дело включились посредники, они взвинтили цены, стали требовать предоплату и сами вносить ее, владельцы домов подняли плату за наем — началось экономическое чудо, расцветшее пышным цветом. Скоро людям захотелось большего комфорта, большего количества квадратных метров, пошла мода на собственные квартиры, в них стали вкладывать собственные деньги и сдавать их внаем, стали строить особняки, бунгало, дома на две семьи в зонах отдыха.

С наивной самоуверенностью Штокингер принял все это, как должное, отхватив и для себя небольшой кусок от общего пирога. И чем больше становился общий пирог, тем увесистее и его кусок. Он метался между стройплощадками, торопился заключать договора, переживал из-за каждого не прибывшего вовремя грузовика, радостно потирал руки, если ему удавалось обвести вокруг пальца какого-нибудь заказчика. Он был наивен, и такими же наивными были его помощники, госпожа Тёлпе и пресловутый господин Бихлер.

Наверное, Штокингеру казалось, что подъем будет продолжаться вечно, что строительный бум никогда не закончится, и он будет всегда держать в руках птицу удачи. Наступил такой день, когда он сказал себе: почему и с какой стати я, преуспевающий предприниматель, должен ограничивать себя только одним моим предприятием? Механизм отлажен, работает нормально, можно подумать и о жизненных удовольствиях. Я вполне могу себе тоже кое-что позволить. В таком радужном настроении он случайно знакомится с Евой. И здесь ему тоже все удалось. Он завоевал ее, моложе него на целых тридцать лет, эффектную, с прекрасной внешностью, пробивную. Но постепенно начал прозревать. Его Ева, такая пылкая вначале, стала охладевать к нему. Возможно, первым предупредительным звонком стало ее требование перевести на ее имя дом и бунгало. Это должно было его насторожить. Почему она это сделала? Рассчитывает на развод с ним, а может, и того хуже, думает о его смерти? Наверное, такие мысли постоянно вертелись в его голове. Он оказался не в состоянии принять наступающую старость, а вместе с ней и приближающуюся смерть, которая была уже не за горами. Да, конечно, Штокингер старался не сдаваться, старался отыграть назад все возможное, и действовал все отчаяннее. Всю свою энергию он направил на дальнейшее расширение фирмы. И в этот момент его настиг нефтяной кризис, накрыл спад производства. К такому удару он был абсолютно не подготовлен и не смог себя от него защитить. Заказы пошли на убыль, банки не выдавали кредиты, Штокингер скоро почувствовал нехватку свободного капитала.

Возможно, спасением для него стало бы продуманное сокращение предприятия. Но в его глазах это было признанием своей полной несостоятельности, своего поражения. Поэтому он решил пойти на риск и начать новое дело в Ганновере. И как раз в самый неблагоприятный момент, какой только можно себе представить. Он намеревался выстоять, предложив дешевое строительство, и не понимал, что завтра кто-то выйдет с предложением еще более дешевого строительства, не понимал, что его дочерние предприятия естественно захотят возместить свои расходы, а все это делалось за его собственный счет. И он кинулся головой в омут: дома для престарелых!

Видите ли, Гриссбюль, я не верю, что Штокингер намеренно хотел лишит стариков их денег. Наоборот, он знал, что и его старость не за горами, и это могло быть своеобразным выражением его собственного меланхолического настроения. Но его неудачное вложение денег в другие объекты полностью поглотило все взносы, сделанные на дома престарелых.

Постепенно Штокингер разуверился в себе, в своих способностях, стал недоверчив к другим, и, конечно, наступила оче-

редь его жены. В один прекрасный день он дал задание следить за ней. На что он при этом надеялся, останется его тайной. Возможно, это было просто желание вместо бесплодных подозрений обрести правду. Ее-то в один прекрасный момент он и обрел. В его жизнь вошел Пюшель, когда однажды он получил сообщение сыщика, раскрывающее связь Евы с журналистом. И это доконало его. Банкротство фирмы было делом времени, рано или поздно он должен был заявить об этом. Возможно, он опасался, и не без основания, вынесения ему приговора из-за подлога, первое уведомление об этом уже поступило ему. Его жена имела связь с другим мужчиной, наглядное подтверждение тому, что и в личной жизни он потерпел полное фиаско. Он должен был спросить себя, что, собственно, теперь осталось ему в жизни, ему, стареющему мужчине, который уже не в состоянии начать жизнь сначала.

Он не хотел мириться с ролью обнищавшего и покинутого мужа. И появилось решение свести счеты с жизнью. У него возникает дьявольская идея: своей смертью покарать Пюшеля и наказать жену за неверность. Конечно, принять эту мысль довольно нелегко, нужно попытаться представить себя в шкуре Штокингера, и тогда то, что он сделал, покажется вполне логичным.

Он написал срочное письмо на имя вымышленного адресата в одну из гостиниц Ганновера, прекрасно понимая, что через какое-то время оно вернется назад, попадет в руки полиции и станет весомой уликой против Пюшеля. Чтобы сделать улику неопровержимой, он пригласил перед этим журналиста к себе домой на Бортенхофштрассе, на то время, когда его жена не было дома. Разумеется, целью являлась не беседа, а отпечатки пальцев на ручке двери. Все остальное было уже детской игрой. Для него, мастерового, снять дверную ручку у себя дома и затем пристроить ее на веранде бунгало — плевое дело. Таким образом он подготовил весь обвинительный материал, который должен был направить полицию по ложному пути: письмо и отпечатки пальцев Пюшеля в бунгало. Теперь он мог спокойно усесться на террасе и опустошить свой смертельный бокал вина.

После внушительной паузы Гриссбюль со стыдом признался:

— Конечно, так все и было, господин Гроль. Я должен был сам догадаться.

— Ну, что вы! Стоит ли упрекать себя, Гриссбюль! Вы же еще совсем молодой человек. Нужно прожить столько, сколько прожил я, чтобы понять это. Освободите-ка лучше Пюшеля из-под стражи и закройте дело Штокингера.

— Да, ничего другого не остается, — подтвердил шеф-комиссар. — Хотя мне и претит, что жена Штокингера и Пюшель будут строить свое счастье на костях мертвого.

— Станет ли это для них счастьем, покажет время. И они со временем состарятся. А будет ли у них у каждого в старости тот, на кого можно целиком и полностью положиться, кто может знать заранее? — рассудительно заметил Гроль. — Я, — добавил он, оживляясь, — буду, во всяком случае, всегда рад, если вы и в дальнейшем найдете возможность время от времени заглядывать ко мне, даже в том случае, если у вас не возникнет нужда решить какую-нибудь запутанную проблему с моей помощью. А на случай, если вы откажетесь от таких посещений, я завел себе Чарли. — Старик похлопал себя по коленке.

Чарли поднял голову, потянулся, беззвучно зевнув во всю пасть, и в одно мгновение оказался на коленях у старика.

— Моя хорошая девочка, — ласково проговорил Гроль и погладил собаку.

Гриссбюль ошарашенно протянул:

— А я думал, что Чарли кобель!

— Ну, какой кобель, хорошая собачка, маленькая девочка! Вот ведь как можно ошибаться, Гриссбюль.

Чарли молниеносным движением вытянула морду и в припадке любви своим длинным языком вмиг облизала лицо Гроля. ■

Перевод с немецкого

Эмили ЖУРАВЛЕВОЙ.

В жизни американской актрисы Мелани Гриффит было столько взлетов и падений, что ее по праву называют одной из самых скандальных "звезд" Голливуда. И кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы не любовь испанца... Антонио Бандераса...

Проказница из Голливуда

Мелани Гриффит родилась в Нью-Йорке 9 августа 1957 года, в

шесть лет, на экраны вышел фильм Хичкока — "Птицы", в котором сыграла ее мать (поговаривали, что режиссер был без ума от своей героини), и Мелани иногда позволяли присутствовать на вечерних коктейлях, которые устраивались в их доме в честь знаменитостей.

Сэр Альфред Хичкок — гений ужасов и головокружений — был толстеньким, коротеньким человеком, одетым, как правило, в ан-

Дикая штучка

Наталья ДРОБОТКО

семье Питера Гриффита, режиссера рекламных клипов, и актрисы Типпи Хедден. В отличие от многих актрис, самостоятельно прокладывавших себе дорогу на большой экран, Мелани уже с детства онуюлась в атмосферу шоу-бизнеса. Впервые она появилась в рекламном ролик в девять месяцев. Когда же девочке исполнилось

глийский костюм (сшитый "на вырост", учитывая все возрастающую тучность его владельца). Со "звездными" блондинками ему явно не везло: после съемок очередного шедевра они навсегда исчезали из его жизни.

Горькая участь постигла Эррол Ломбард (жену Кларка Гейбла), разбившуюся в авиакатастрофе;

Грейс Келли, выйдя замуж за Рене III, стала нянкой Монано и, конечно, с ее кинематографическим прошлым было покончено навсегда; что касается Ингрид Бергман, то та попросту сбежала в Италию, бросив семью, и уже там подарила темпераментному Роберто Росселини сразу двух дочерей-двойняшек.

А Типпи Хеддрен?.. Появившись об руку с сиятельным мэтром на Каннском кинофестивале, она вскоре самым решительным образом отвергла его ухаживания. "Как все гении, — признала Типпи, — Альфред был немного чоннутым!"

Впрочем, и у самой Типпи было немало причуд. К примеру, вернувшись после съемок фильма "Урожай Сатаны", проходивших в Африке, г-жа Хеддрен устроила на своей вилле в Голливуде настоящий зверинец — в вольерах жили львы, тигры, пумы и прочие экзотические обитатели саванны. Мелани не разделяла восторга матери от столь необычайного соседства. Особенно после того, как ей "на собственной шкуре" пришлось почувствовать, насколько остры ногти льва.

Со временем прутья у вольеров стали толще, а Мелани отправили... в католическую школу, которая отличалась особо строгими нравами. Типпи, вращаясь в мире шоу-бизнеса, всерьез забеспокоилась о добродетельном воспитании дочери, стараясь уберечь ее от голливудских соблазнов.

Но после однообразных школьных будней, зубрежки и бесконечных нападений учителей наступали долгожданные каникулы. И Мелани спешила, нет, просто мчалась обратно в Голливуд. В тринадцать лет в ее жизни произошло грандиозное событие: ей разрешили провести

лето в Париже, в доме давнишней подруги Типпи — актрисы Мишель Мерсье. Мелани была в восторге: ведь в погоне за сенсациями папарацци преследовали теперь не только "очаровательную Анжелину", но и дочь известной актрисы Типпи Хеддрен, вскружившей голову Хичкоку. "Мне ужасно хотелось выпендриться и преподнести им себя на блюдечке", — рассказывала Мелани, заливаясь от смеха.

Греясь в лучах чужой славы, она вынашивала свои далеко идущие

щие планы. И хотя в те годы уже рекламировала детскую одежду и даже попробовала себя в роли фотомодели, все же ни о чем на свете она так не мечтала, как о кино.

И Типпи сдалась. Уступив просьбам дочери, позволила ей появиться на съемочной площадке фильма, в котором играла сама. И надо же! Вся система воспитания,

преследовавшая целью увидеть дочь на каком-либо серьезном приеме, безнадежно рухнула. Ибо фильм "Эксперимент Харрада", в котором 16-летняя Гриффит впервые появилась на экране, затрагивал одну из серьезнейших проблем молодежи — а именно... свободного секса.

В главной мужской роли снимался Дон Джонсон.

Плейбой из штата Миссури

Дон Джонсон был хорош собой и очень сексапильным.

Он родился 15 декабря 1949 года в Флэт-Крике (штат Миссури). Красавчик-блондин с зелено-голубыми глазами уже со школьной скамьи имел просто феерический успех у женщин. Он редко выбирал себе подружку, чаще всего представительницы "прекрасного пола" выбирали его. Диапазон и впрямь был необычайно широк: от соблазнительных нимфеток в школьных платьицах с тщательно отутюженными воротничками до молодых учительниц и даже дам весьма почтенного возраста. Дону, похоже, было все равно кого, где и как любить...

Но кроме заветного "любовного списка" существовал еще один документ. Это был солидный перечень приводов и доносов, которым по праву могло гордиться любое полицейское управление штата. Дон фигурировал в досье как личность "трудновоспитуемая" и обвинялся по всем статьям: уличные драки и битье стенок в витринах супермаркетов, угон автомобилей и приводы в участок в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения. Не было секретом и то, что парень баловался гашишем.

Тем не менее в жизни Джонсона наступали и "светлые" периоды. И связано это было прежде всего с его карьерой. Дон обладал прекрасным голосом. Однажды его услышал режиссер музыкального театра из Сан-Франциско и, не раздумывая, тут же пригласил к себе в театр. В те годы Дон Джонсон даже записал свой первый сольный альбом.

На экране он впервые появился в фильме "Волшебный сад Стэнли Свитхерта" (1970). Его заметили, а вскоре пришла и слава.

Влюбиться в собственного мужа...

Но вернемся к началу нашей истории, на съемочную площадку фильма "Эксперимент Харрада".

Дон с первых же минут выхватил из толпы юную дебютантку. И хотя Мелани держалась на удивление скромно, нетрудно было заметить, как шаловливо, проназливо и метко стреляли по сторонам ее лунные глазки...

В свои двадцать три года Дон почувствовал себя идеальным наставником для воспитанницы католической школы. Уже через несколько дней Мелани Гриффит стала его любовницей. "Мелани была веселой, вульгарной, сексапильной и забавной, — вспоминал один из друзей. — Она очень самостоятельна и давно отошла от попечительства своих близких".

Именно благодаря этой расхожанности на Мелани обратили внимание режиссеры. Артур Пенн снял ее в своем триллере "Ночные ходы". Гриффит — идеальная выразительница пост-хиппового поколения, — сказал он. — Она даже раздевается на экране со скан-

дальной для ее возраста естественностью".

Это в кино. А в жизни?.. Прожив три года в свободном браке, Мелани и Дон тайно обвенчались в Лас-Вегасе. Как ни старалась Типпи, а вернуть "блудную овцу" в родные пенаты ей так и не удалось. "Душа дочери для меня загадка, — призналась она в одном из интервью. — Она никогда ни о чем не рассказывает. Так пошло с самого детства. Даже став взрослой, она по-прежнему остается верна себе. О многом мне приходится узнавать из газет".

Что ж, и Дон, и Мелани были молоды, беспечны, амбициозны и вокруг них всю жизнь кипела жизнь... Брак несколько не придал им steepности, и они по-прежнему проводили в компаниях по несколько суток. Затем наступала короткая передышка... и все начиналось сначала. Стараясь ни в чем не отставать от Дона, Мелани пристрастилась к спиртному и наркотикам. Они переживали ссоры и примире-

ния, страстные ночи любви и холодные полосы отчуждения. Даже измены. Это был какой-то нескончаемый марафон. Измотав вконец друг друга, не выдержав, молодые супруги попросту разбежались.

После развода их жизненные пути оказались в чем-то удивительно схожими. Манененщица Патти Дарбанвиль родила Дону Джонсону сына Джесса. У Мелани, вступившей в брак с актером Стивеном Бауэром, родился сын Александр.

В кино за Гриффит прочно закрепился стандарт красоты начала 90-х: "тело женщины, лицо подро-

стна и голос ребенка". Она сыграла несколько фривольных красоток в картинах "Увеселительная прогулка", "Тело-двойник", "Дикая штучка", "Ностер тцеславия". Удачным оказался фильм "Деловая женщина", за роль в котором Гриффит получила "Золотой глобус" и номинацию на "Оскар". Что касается карьеры Дона, то на экранах США с успехом прошел сериал "Полиция Майами".

С тех пор прошло двенадцать лет. И, кто знает, может размеренная жизнь с Бауэром и насучила Мелани, во всяком случае, встретившись с Доном на съемочной площадке очередной серии "Майами", Гриффит почувствовала в душе некоторое волнение. "Когда я поцеловала Дона перед камерой, — призналась антриса под впечатлением нахлынувших на нее сентиментальных чувств, — то поняла, что во мне по-прежнему живет 16-летняя Мелани". С Бауэром пришлось расстаться, ибо они с Доном решили все начать сначала: без ссор, без скандалов и без измен. Каждый из них даже прошел специальный курс от алкогольной зависимости в одной из лучших наркологических клиник США. Браносочетание состоялось в Калифорнии 26 июня 1989 года. Стоя "под венцом", теперь уже во второй раз, они снова давали клятву на верность. А затем принимали поздравления и, наверное, переживали все те же трепетные чувства... Кто знает? Довольно редностное ощущение!

А в октябре в их семье появилось прелестное крошечное создание: их общий ребенок — дочь Дакота. "Это — вторая молодость", — воскликнул Дон, ликуя от счастья.

Но, увы, настоящее счастье в их дом так и не пришло.

"Испанский конкистадор"

Антонио Бандерас... Эффективный испанец с темными, очень красивыми глазами. Он родился в Малаге 10 августа 1960 года в семье буржуа. В детстве ничем не отличался от своих сверстников: гонял в футбол (однако травма ноги помешала всерьез заняться спор-

том), смотрел в кинотеатрах американские боевики. Мальчик был очень музыкален: играл на пианино, гитаре, трубе. Очень любил джаз. И даже участвовал в школьном спектакле — рок-опере "Иисус Христос суперзвезда".

В 14 лет Антонио поступил в Школу драматических искусств. А в 1980 году, вопреки воле родителей, уехал в Мадрид. С небольшой труппой — таких же, как и он сам, молодых антеров — гастролировал по Испании, давая представления в маленьких городах и дальних селениях. Спустя три года, вернувшись в столицу, Антонио добился места внештатного актера в Национальном театре драмы. "Мне было все равно, кого играть на сцене — короля или нищего — лишь бы работать в настоящем театре", — сказал Бандерас.

Судьбоносную роль в его жизни сыграл молодой режиссер "нового искусства" — Педро Альмодоваро, исповедовавший в кинематографе авангардистскую манеру так называемого "эстетического хулиганства". Говорили, что Педро придумывает свои фильмы во сне, а затем, придя на съемочную площадку, втискивает в свои ночные сновидения актеров. Именно Альмодоваро подарил Антонио первую славу. Дебют состоялся в картине "Лабиринты страсти", где действие происходит в среде трансвеститов, панкротеров и нимфоманок.

Теперь Бандерас стал самым занятым актером Альмодоваро в его "сумасшедших снах"... переполненных сексом, страданиями, смертями и любовью: "Матадор" (1986), "Занон желания" (1987), "Свяжи меня" (1989). Что касается фильма "Женщины на грани нервного срыва" (1989), то именно он

помог режиссеру прорваться на мировой экран (Наннский кинофестиваль, "Оскар"), где в центре внимания вместе с ним оказался и Антонио Бандерас, получивший в качестве признания ангажемент в Голливуде.

Что могла предложить Америна испанцу, европейская слава которого еще не пересекла просторы океана? Темпераментный, мускулистый, гибкий, как пантера, с удивительной пластикой движений, при-

лось не так уж много: быть красивым, играть на трубе, задушевно петь и... лишиться невинности свою невесту (ее играла актриса Марушка Детмерс). Пластина, музыкальность, какая-то трогательная искренность... это была не просто игра, чувствовалась недюжинная мощь актера, обладающего подлинным драматическим талантом.

Но мучила Антонио одна проблема: кроме утвердительного "of course" ("конечно"), в его лексиконе не было ни единого английского слова. Режиссер фильма "Короля мамбо" Арне Гримчел вспомнил, что при первой их встрече Бандерас "с завидной изворотливостью героя плутовского романа скрывал свое незнание английского": "Он был совершенно очарователен, постоянно хватал меня за руку и смеялся, не говоря ни слова. Да, он в состоянии обольстить любого: женщину, мужчину, даже собаку". Именно обаяние всегда выручало Антонио, а еще... выражение глаз, которые удивительнейшим образом могли меняться — лучиться, удивляться, восхищаться и печалиться, пылать страстью и закипать той же страстью собеседника. Уже позже, при более тесном знакомстве актер Брэд Питт подметил: "Бандерас и в жизни, и в кино очень энергичен. Если бы я верил в чудеса, то сказал, что им управляют демоны. Что-то такое есть в его взгляде...".

Новые знакомства и связи помогли Бандерасу получить роли в фильмах "Дом духов", "Филадельфия", "Интервью с вампиром", "Четыре комнаты". Из фильма в фильм его облик менялся столь решительно, что идущая за ним слава "латинского любовника" вскоре уступила место иному — "джинсо-

сущих, казалось, только искуснейшим матадором Испании, Антонио решил пройти путь испанских коннистадоров.

Его дебютом на американском континенте стала работа в "Королях мамбо" — мелодраме с ярко выраженной латиноамериканской экзотикой, где Бандерас играл кубинского трубача. От него требова-

вому имиджу" сильного парня. Фильм "Отчаянный" стал для Бандераса настоящим триумфом. "Меня поразило то, как он двигается, — признался режиссер картины Роберт Родригес. — Он полон упругой энергии, которая бывает только у испанцев. У зрителей дух захватывает от всех этих разворотов, взлетов, опустошительных, как смерч, пируэтов".

А вот фильм "Двое — это слишком" (1992) с участием Антонио Бандераса и Мелани Гриффит всколыхнул наконец всю Америку, заставив пресыщенную американскую публику повнимательнее приглядеться к этому испанцу.

История любви своевольной белокурой красавицы и "латинского любовника" обернулась сенсацией. Газетчики уже мысленно отводили им место на полосах "скандальной хроники", ведь и Мелани, и Антонио состояли в законных браках!

Андалузские каникулы

Фильм "Двое — это слишком" (реж. Фернандо Труэбе) — непритязательная, легкая, экстравагантная комедия, задуманная авторами разве что для развлечения. Бандерасу предстояло сыграть роль молодого изворотливого художника, занимающегося продажей картин. По сценарию он знакомится с миллионершей Бетти (ее играет Мелани Гриффит) и ее сестрой Лиз (Дэрил Ханна), и чтобы "закадрить" сразу обеих, придумывает себе брата-близнеца (романтика-идеалиста), которого играет сам.

Съемки проходили в Майами. "О, это идеальное место для экранной любовной истории, — признался Антонио, любясь красотами побережья. — Насколько хватает

глаз — открытые просторы, голубизна неба, насыщенность цветов. Здесь все дышит любовью".

И надо же так случиться, что именно ему, Бандерасу, избежавшему в свое время искусно расставленных сетей Мадонны, предстояло на сей раз пройти извилистыми коридорами любовного лабиринта.

Впервые он увидел Мелани Гриффит на Наннском кинофестивале. Она проплыла мимо него в белом вечернем платье, украшен-

ном жемчугом. Потомственная обитательница Беверли Хиллз, мультимиллионерша, своевольная, непредсказуемая, строптивая красавица Мелани Гриффит в тот день даже не удостоила его взглядом. И теперь Антонио отказывался верить самому себе: ведь в любой момент он может подойти, заговорить, может даже обнять...

Мелани приехала в Майами явно расстроенная: отношения с Домом не складывались. Супруги уже некоторое время жили раздельно и идея развода (теперь уже во второй раз) витала в воздухе.

Кто, как не мужчина, должен почувствовать, что женщина нуждается в утешении. Антонио старался как мог. И Мелани невольно попала в завораживающую ауру его обаяния. Теперь их все чаще можно было увидеть вдвоем то в

жет, стоит все оставить на своих местах и жить по-прежнему, никого не ранив? Но разве сможет теперь он, Антонио, жить без этой немного капризной, но такой волнительной для него белокурой голливудской красавицы? Он увезет ее в Испанию и покажет всю красоту родной Андалусии. "Быть андалузцем — это значит: любить поесть, выпить, насладиться сиестой и любовью, это значит — ценить удовольствие и доводить его до совершенства".

Опаленная лучами южного солнца, обжигаемая колючим ветром, Мелани приняла все постулаты земли его предков, оназавшись истинной андалузкой. Она впервые за долгие годы наслаждалась любовью.

А Антонио знал: ему предстоит тяжелый год. Развод с Анной Леса.

Хождение по мукам

Антонио умел обращаться с женщинами и на родине слыл настоящим Дон-Жуаном. Благодаря своей артистичной, тонко чувствующей натуре, он безошибочно разбирался в малейших нюансах утонченных кокеток.

Сравнительное изучение испанских прелестниц закончилось у Бандераса после встречи с актрисой Анной Леса. Она приходила из аристократической испанской семьи и, влюбившись в Антонио, который в то время еще пешном ходил на работу, зарабатывая гроши, смело вступила с ним в брак. Ради мужа Ана бросила театр, оставила мечту о скором

баре, то на пляже... "Все происходило кан-то постепенно, и мы сами почти не отдавали себе отчет о происходящем. Но это было неизбежно", — вспоминал об их встречах Бандерас.

Есть чувства, с которыми трудно совладать... "Может, все это только иллюзия?" — задавали они себе один и тот же вопрос. И, мо-

материнстве. Она посвятила себя карьере Антонио, став не только финансовым менеджером, импресарио, но даже его имиджмейкером. Вскоре они переехали в США. Брак для испанцев — дело священное. И разве могла подумать Ана Леса, что "фабрика грез" станет для нее самым суровым испытанием в жизни.

...Испанские каникулы закончились. Мелани уехала на съемки "Лолиты", а Антонио, не повидавшись с женой, отправился в Пуэрто-Рико, где снимали фильм "Убийцы".

В лос-анджелесском доме осталась одна, оцепеневшая, словно пораженная громом, Ана Леса. "Антонио — глупец, — не переставая, твердила она осаждавшим ее папарацци. — Вскоре эта красотка Гриффит бросит его ради своего Дона. Антонио должен одуматься и, если это произойдет, я прощу ему эту страсть. Ведь нас так много связывает".

Кто вправе заглянуть в будущее? Кто вправе предсказать, как сложится твой путь, когда на карту ставится все, и в первую очередь доброе имя. Антонио понимал: назад дороги нет. Словно исповедь звучат его слова, где гордый испанец пытается заглушить муки совести, давая волю пылности своих чувств: "Все это очень больно. Очень сложно. Я не хочу вдаваться в подробности, почему я порываю с женой. Я знаю только одно: я люблю Мелани, и она любит меня. Не хочу оглядываться на прошлое, хочу одного — сделать ее счастливой. Из уважения к моей бывшей жене, к мужу Мелани, и, наконец, ради Мелани я стараюсь вести себя честно... Только время покажет, кто же из нас был прав..."

В марте 1996 года Антонио оформил развод. Правда, нашлись и такие, кто поспешил уведомить прессу, что, согласно испанским законам, расторжение брака следует ожидать только через три года, но Бандерас не мог ждать так долго.

14 мая 1996 года в Лондоне Антонио Бандерас и Мелани Гриффит вступили в брак. Спустя несколько месяцев у них родилась дочь — Естелла дель Кармен.

От плейбоя до бравого детектива

Как ни странно, но именно роли в нашумевших сериалах — бравого детектива Санни Кронетта из "Полиции Майами" и благородного полицейского Нэша Бриджеса принесли отпетому шалопаю Дону громкую славу. "За свою жизнь я сыграл столько полицейских, что вполне заслужил пенсию от их ведомства", — смеется Дон Джонсон.

Сейчас Дон уже не тот отчаянный парень, каким слыл в молодые годы. Но проповедовать "свободную любовь" стало не модно. Сейчас ценятся иные — сильные парни. Разрыв с Мелани — после семи лет повторного брака — был для него не из легких. Но он так и не смог стать достойным мужем. В свои пятьдесят он по-прежнему красив. Вот только вокруг зеленых глаз появились мелкие морщинки, да в уголках рта залегли легкие складки. Но возраст иногда даже красит мужчину. Снимаясь в "Нэше" — излюбленном сериале подростков, — Дон занюхал роман с несовершеннолетней Джоди Линн О'Ниф (она исполняла в фильме роль его дочери), затем последова-

ла интрижна с французской фотомоделью Аленсандрой Наби, увлечение светской львицей Дениз Хейл и, наконец, помолвка с дочерью крупного американского юриста — 20-летней Келли Флегер. Что ж, хочется верить, что они будут счастливы. И что имя Мелани Гриффит больше не войдет в его жизнь, как это случилось много лет назад.

Мадонна и Антонио: "Лиса и виноград"

"Скажи он "да" и я готова убраться с ним на край света", — однажды призналась Мадонна на страницах одного из самых популярных нью-йоркских изданий.

Она заприметила этого красивого испанца одна из первых и, обладая безупречным чутьем, тут же пригласила его на небольшой эпизод в своем скандальном фильме "В постели с Мадонной". Однако все усилия этой темпераментной "львицы эстрады" оказались тщетными. Бандерас не поддавался ее чарам. Несколько лет спустя Мадонна предприняла еще одну попытку. Это был фильм "Эвита" — мечта ее жизни. Но время было упущено. Антонио уже встретил Мелани, и все, что смогла сделать Мадонна — это довести Мелани до бешенства. Снигаемая ревностью, Гриффит являлась на съемки, сопровождая мужа как опытный, обученный телохранитель. Папарацци щелкали камерами, а репортеры язвили на страницах газет, да так, что бедному Антонио приходилось оправдываться, выгораживая жену: "Да она вовсе не шпионит за мной. Просто у нее сейчас достаточно времени. Она даже подружилась

с Мадонной и они часто перезваниваются".

Какая наивность! Воистину, Антонио ослеплен любовью и не замечает женского новарства. Ведь стратегия его жены и заключается в том, чтобы подкрасться к любой партнерше мужа, объявив ее своей подругой. Что оставалось Мадонне? В позе рассерженной кобры она выплеснула свой яд на страницах светской хроники: "Бандерас больше не является моей добычей. Пусть натится к своей андалузне, этой кукле, сделанной из палье-маше". Вот так! Но тогда отчего, закончив съемки "Эвиты", она тут же выпустила вдвоем с Бандерасом диск — песню "You must love me!" ("Ты должен меня любить!"). Может, это еще не конец истории?

Искусство жить в Голливуде

В Голливуде Мелани Гриффит и Антонио Бандераса считают одной из самых образцовых пар. "Я удивляюсь тому, насколько он постоянен, — говорит Сильвестр Сталлоне. — В нем есть что-то демоническое и женщины должны просто сходить от него с ума".

После печального семейного опыта с Доном Мелани решила перестраховать себя: на вечеринках и коктейлях она появляется только вдвоем с мужем. Ее ревность становится порой "притчей во языцех", ведь Антонио на самом деле как магнит притягивает к себе восхищенные женские взгляды. Дошло до того, что Гриффит стала сопровождать его даже на съемках, где Бандерасу приходится сниматься в интимных сценах. "Представьте, после изнурительной восьмичасовой работы — любовных сцен — он не прочь лечь со мной в постель, —

заявляет она журналистам. — Антонио — горячий любовник. И я буквально таю от удовольствия".

А как же Антонио? Не наскучило ли ему постоянное присутствие жены, которое в состоянии утомить любого мужчину?

Сентиментальный, сдержанный на людях в проявлении эмоций испанец по-своему проявляет чувства: "Я гораздо ревнивее Мелани, — парирует он журналистам, — и очень боюсь ее потерять". Оказывается, Антонио не дает покоя экс-супруг Гриффит — Стивен Бауэр, с которым им приходится видаться из-за сына Александра — уж слишком часто Мелани бывает с ним игриво-коклетлива.

Ее маленькие женские хитрости обходятся в кругленькую сумму. После рождения дочери склонная к полноте Мелани значительно набрала в весе. Чтобы вернуть прежнюю красоту, понадобилось 50 тысяч долларов, которые тут же ушли на пластические операции — подтяжки лица и даже изменение формы губ, а также на липосанцию (откачку жира), плюс — личный тренер, массажист, обновление гардероба... Благодаря этим усилиям вернувшийся после съемок фильма "Маска Зорро" Бандерас нашел жену в отличной форме. Что ж, ему есть за что любить Мелани.

О том, насколько Антонио не безразличен к своей жене, говорит и тот фант, что именно Мелани стала героиней его первого режиссерского дебюта — комедии "Сумасшедшая из Алабамы" (по книге Марна Чилдресса "Голова в шляпной коробке"). Карьера Мелани явно на взлете. В 1998 году она снялась в фильме Вуди Аллена "Знаменитость", а в 1999-м у Ларри Кларна — "Еще один день в раю".

И если дебют в режиссерской картине мужа прошел столь успешно, может, его следующая работа тоже будет связана с ней? "Я и представить себе не могла, что Антонио предложит мне сниматься", — призналась она. Но особенно приятным было то, что рядом с ними на площадке всегда находились дети, и Антонио специально выбрал эпизоды, чтобы снять десятилетнюю Даноту и трехлетнюю Стеллу.

Кто знает, может, эти первые шаги в кино и являются преемственностью поколений, и о детях Мелани, когда они подрастут, будут

говорить так же, как говорили когда-то о ней?

Но Мелани не желает такой славы. Ей хотелось бы видеть своих детей врачами или юристами (так, как мечтала когда-то ее мать г-жа Хеддер), ведь судьба актрисы — это прежде всего судьба женщины, которая безусловно зависит от того, кто онанется в этой жизни с ней рядом.

А для этого надо быть ох, какой сильной!

Фото из журнала "7 дней"

ЩЕ

Бинокль Чехова

В Ялте, в музее Чехова, обращаю внимание на бинокль. Красивая и дорогая вещь... морской цейсовский бинокль вложен в твердый футляр из черной кожи, обитой изнутри мягкой малиновой байной. Вдруг замечаю — на футляре, сбоку, антуратно наклеена бумажка, где красивым чеховским почерком написано: А.П. Чехов, Аутна, дом № 6.

Спрашиваю, зачем это?

— Антон Павлович, — отвечает мне смотритель музея, — был довольно рассеян и, гуляя с биноклем по набережной, часто забывал на скамейке или парапете свой морской бинокль. И потому, зная свою забывчивость, и написал свой адрес, чтобы те, кто найдут пропажу, вернули бинокль владельцу.

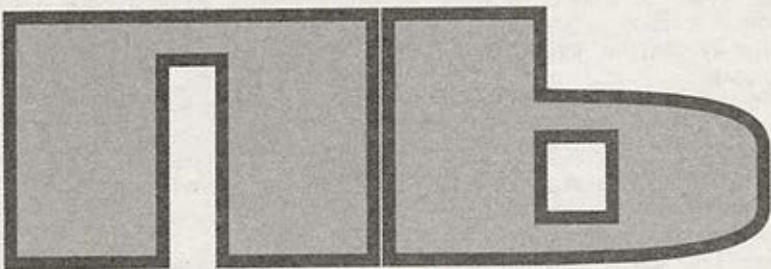
— И возвращали?!

Мое восклицание выдает с головой неверие современного человека в такой вот поступок.

— Всегда! — торжественно чеканит смотритель, — чаще всего находку просто отдавали извозчикам, которые по пути завозили бинокль владельцу. Реже приносили сами... М-да... Ялта в начале прошлого века была затянута густой сетной морали.

Гуляя вечером по набережной, я пытался представить, что вот сейчас здесь, на скамейке, находится немецкий морской бинокль от Цейса, отдаю его тансисту с просьбой вернуть владельцу. Адрес, мол, указан... Представляю, но никак не верю в счастливый финал.

Резюме. Вот итог XX столетия для России — моральная миллиметровка сдернута. Машинальный гуманизм невозможен.

Истоки

Всегда интересно обнаружить источник любого начала. Например, найти на африканском плато тот крохотный ручеек в болотах в Руанде, откуда берет начало великий Нил — самая длинная река в мире, — Нил, который провел по континенту черту длиной в 6 тысяч 671 километр.

Еще интересней обнаружить начало исторического периода, например, начало собственно советской истории. Мне кажется, я нашел его и, увы, оно дурно пахнет... Старая революционерка Елена Усиевич, дочь известного большевика Феликса Кона, возвращалась в Россию в том самом знаменитом запломбированном вагоне вместе с Лениным и его окружением.

Апрель 1917 года, вспоминает она, все полны энтузиазма —

в России свергли царя. Революция! Ленин взял у нее красную косынку и махал из окна, приветствуя всех, кто собрался на перроне в Лозанне проводить пассажиров. И так махал на всем пути. Но главная пикантность не в этом. Заметив, что в единственный туалет все время создаются очереди, Ленин решительно взялся устранить беспорядок. Переписав всех мужчин и женщин в вагоне, он взял лист бумаги и составил точный график посещения ретирадного места. И листок тот прикрепил на двери туалета. Очередь разом исчезла.

Единственное неудобство, пишет мемуаристка, — желание посетить туалет без очереди в результате желудочного расстройства... но Ленин и тут нашел выход — тот из пассажиров,

кто захотел вне графика, должен был согласовать свой визит с тем, кому принадлежал данный час по праву регламента, и просто поменяться с ним временем. Сам Ленин, вспоминая Елена Усиевич, строго соблюдал график и ни разу не нарушил очередность.

В этом комическом эпизоде, на мой взгляд, квинтэссенция всей нашей плановой экономики и регламентированной морали. В этом листочке — вид на громадьё схем и графиков переустройства жизни. Тут скрыта сама суть чертёна нового мира и переделки человека чисто политическими средствами.

Истату, когда я ходил в детский садик, я не верил, что наш Ленин канал.

Резюме. Русская революция стала вульгарной репликацией Великой французской революции, если там речь шла о власти идеалов, то у нас все свелось к *власти над идеалами*.

Но зато в деле власти над речью мы дошли до последней черты. Сутью кровавого вербального номинкса стали бесконечные жертвоприношения новому языку, а подлинной жертвой стал не сам человек, а его *незримое* — его внутренняя речь и ее следствие — образ мыслей.

Бойня языка диктовала обществу особые параноидально-лингвистические цели — прежний строй речи отменялся и заменялся слоганом совстроая. А идеал подавался как мат идеалов.

Что ж, террор языка против его отдельных носителей привел к фантомной победе, на мой взгляд, **психически коммунизм у нас был, конечно, построен.**

Человек-язык

Еще раз о точке начала.

В поисках изначальной российской формулы основания всех наших поражений и побед я обнаружил вот такую любопытность — оказывается, система колокольного звона, получившая распространение в Англии, значительно отличается от системы, сложившейся на Руси. В Англии звонят, раскачивая сам колокол, а русские звонари раскачивают язык. Так легче...

Вот оно!

Если перевести этот принцип на отношения между государством (колокол) и гражданином (колокольный язык), то в Англии государство раскачивается, приспосабливается, приближается к индивиду, который остается неподвижным — суверенным! — неизменным центром и целью звучащего космоса. То есть человека никто не дергает за язык и не подвешивает к потолку.

Иное у нас, человек-язык опутан узами, притянут силой веревки и *продет* за язык сообразно потребностям государства-колокола.

У нас необходимый звук выбивается подвешенным языком, то есть самим человеком. Само же государство остается неподвижно висящей целью в центре русского сонорного космоса.

Но вот что удивительно, колокольный звук в Англии однообразен, ударные комбинации вызваниваются в одном ритме, на Руси же издавна звон отличается богатством мелодий и разнообразием ритмического рисунка.

Резюме. Выходит, красота нуждается в жертвах, а идеал питается телом озвученного челове-

на... Что ж, равнодушие к человеку — основа традиций, а страсть к нему же — почва для вечных новаций.

Кстати, во время отлития колокола существует категорический запрет на ругань мастеровых. Из опыта известно, что матерщина гасит ликующий звук меди и колокол тускнеет и глохнет.

Звуки муки

Наша чувствительность к звуку все еще остается средневековой, если не первобытной.

Недавно был в компании бизнесменов, где услышал замечательную историю о звуке... Три молодых нувориша из новых русских взяли в аренду старый алмазный рудник в Южной Африке. Причем баснословно дешево! Раньше здесь добывали алмазы по старинке, наши парни решили поставить дело по-современному и на широкую ногу. Прилетают в Преторию и вдруг узнают тайну столъ дешевой аренды, оказывается, местное племя считает эту землю священной и колдуны племени охраняют ее от всяких тревог. Наши в ответ — чихали мы на ваших колдунов. Прибыли на место. Разбили лагерь для геологической разведки. И вот в первую же ночь далеко-далеко вокруг застучали барабаны. Это колдуны принялись изгонять пришельцев с заветных мест. И так каждую ночь до утра ронот тамтамов: звук то убыстряется, то стихает...

И что же! К концу месяца у русских начались проблемы со здоровьем: у одного — адские головные боли, у второго забарахлило сердце, у третьего отказала печень. Плюнули на дело и верну-

лись в Москву, где всех троих срочно госпитализировали.

Но вот что интересно, там же в лагере находилось несколько геологов из Европы, но с ними ничего не случилось.

Резюме. От чувствительности к звуку один шаг до острой реакции на слово. Эта валентность все еще порождает у нас культ литературы и особое отношение к писателю. У нас, например, принято вручать смысл своей жизни чужому слову. Или же свой личный смысл человек с поразительной простотой вручает социуму.

В Европе другое — чаще всего смысл себя вручается Богу. При этом человек говорит себе: твоя жизнь — это вовсе не смысл *твоей* жизни, твой смысл знает Бог и за гробом тебе воздастся по делам твоим... Альбер Намю отрицал веру в загробную жизнь из морального протеста. Эти уловки, считал он, помогают бежать от ответственности за прожитую человеческую жизнь. Нет, утверждал он, нужно жить без всяких надежд на спасение и готовиться умирать навсегда. Только так можно обрести полноту ответственности:

Вериги Никона

В Новоиерусалимском монастыре под Москвой, в маленьком музейчике хранятся под стеклом вериги неистового патриарха Никона. Того самого легендарного патриарха, с которого ведет отсчет раскол русской православной церкви... Признаюсь, я впервые увидел *как выглядят вериги*. Это были два толстых тяжелых железных бруска, согнутых таким образом, чтобы их можно было надеть на плечи. Мало того, что они были невероятно тяжелы,

вдобавок еще они были увенчаны острыми шипами. Эти ручные терния были предназначены для того, чтобы ежеминутно до крови терзать монашескую плоть.

Ничего подобного веригам мы не встретим ни на Западе, ни на Востоке, где одержимость Богом никогда не направлена конкретно на причинение постоянной плотской боли.

Я не хочу ни осуждать, ни поддерживать это стремление.

Но вот о чем невольно тогда подумалось. Когда идеалом государственной церкви становится терзание плоти, уподобление ранам распятого Христа, то в конце концов земля, озаренная православием, так же уподобляется мистическому Божьему телу в час распятия. И такое поведение земли и ее народа считается правильным. Не потому ли наши пейзажи растерзаны, поля исполосованы траками, леса порублены, и весь национальный ландшафт так истерзан до крови, что доведен до состояния эстетического обморока и экологической катастрофы.

И это не только результат обнищания идеалов, плод бесхозяйственности и экологического террора, но еще и ментальная установка на стигматы, роковая установка на подлинность бытия, которое у нас невозможно без ран.

Летом я был в Италии... Бог мой, автобус натил через огромный парк красоты длиной во весь Апеннинский полуостров. Из прекрасных рощиц к дороге выходили пятнистые олени, летали фазаны с золотыми хвостами, а вот — прямо у обочины гряда снега. Оглядываюсь... это лебеди с выводком пернатых снежнов. Птицы не боятся колес.

Что ж, опора итальянского космоса в Богоматери. Ментальность поноится вне распятия.

Резюме. Возвращу себе сам. Если представить христианство в виде Христова тела, то теологическое место России, конечно же, будет на месте раны Христа, полученной им на кресте от удара римского копья под ребро.

Да, быть такой вот раной — весьма незавидная историческая участь, но и представить Спасителя без нее тоже невозможно.

Вот наше главное экспортное сырье: газ, нефть и боль.

Ной-хau

Революция сделала в XX веке Россию родиной самого энергичного элентрически энергетического искусства. Разрушение царской классики и культ элентродинамо создают футуризм и конструктивизм. Башня Третьего интернационала Татлина — пусть только проект, пусть! — становится мысленным храмом Новой эпохи.

Затем революционная эстетика атаки уступает классицизму права полной победы над венком. Тяжелая промышленность сталинских пятилеток — мать Большого стиля советской эпохи, из которой родился соцарт... Когда мы потеряли лидерство в искусстве?

Мы теряли его в два этапа. Сначала в 1929 году, когда идея однообразия отменила элентину нэпа. Победа над фашистской Германией на время вернула нам лидерство — Москва вновь стала столицей Большого стиля триумфов.

Затем, в 1968 году, это лидерство мы опять потеряли. Нас отбросил назад революционный Париж студенческих бунтов. Па-

риж на долгие годы становится законодателем моды в моде, в кино, в театре, в архитектуре... Голливуд начинает жить с краж (и купли) европейской эстетики. Франция пылко возвращает себе пальму первенства в мировом искусстве. Такой шедевр как дворец Помпиду или арка Дефанс, увы, в Москве стали немыслимы.

Но сегодня мы снова получили шанс сбросить Францию с корабля современности.

Мы предъявили миру революционный проект возвращения истории! На сегодня храм Христа Спасителя самый грандиозный проект реставрации прошлого. Эта как бы архаика на самом деле ультрасовременна (или ультраэволюционна). Аналогов этому возрождению нет. К нему тесно примыкает идея восстановления деревянного дворца времен царя Алексея Михайловича в Коломенском. Дистанция реставрации углубляется на 300 лет.

Резюме. Без ложной скромности мы открываем новую страницу в истории человечества. Думаю, что грядущее восстановление древнего Египта, Ниневии, Иерихона, Рима времен цезарей будет следствием русского поворота в искусстве жизнестроительства. Нужно только умело воспользоваться нашим тайным лидерством в деле новейшей архаики и сделать его явным.

Затылок Сороса

Однажды на одном литературном приеме я оказался во втором ряду, сразу за Джорджем Соросом, известным филантропом, меценатом и миллиардером. Целый час, признаюсь, я любовался

красотой его затылка, мощной лепкой головы, линиями изумительного черепа. Да, это настоящая умственная машина! Насколько скучен и банален был затылок его переводчицы, похожий на юркий обмылок дешевого мыла.

Глядя на затылок Сороса, я думал о двух вещах. О том, что колоссальная масса денег, которой обладает этот человек, несомненно должна была как-то изменить психофизическую природу такой личности, и воочию видел: да, так оно и есть. Это уже не человек, сколько интеллигентная плазма, которая прожигает все на своем пути. Эта первая мысль отбрасывала тень второго раздумья — а может ли жизнь Сороса стать примером для карьеры? (Несомненно, его меценатство — пример для всех богачей, но я сейчас о другом — о карьере, о том, чтобы равнять свою жизнь на судьбу Сороса.) Насколько мне известно, Сорос выпустил некое пособие для начинающих банкиров, где привел чуть ли не тысячу графических правил игры на бирже, и заключил свою книгу словами примерно о том, что стоит только учесть *одновременно* взаимоотношение всех этих параметров и — о'кей! — вы сможете положить на обе лопатки Английский банк и девальвировать фунт стерлингов... но.

Резюме. Но представьте себе, что в класс к зайцам приходит гепард и начинает чертить на доске схему охоты на антилопу: итак, зайчишки, начинаем разбег с 50 километров в час, а затем выходим на прямую линию со скоростью 200 километров и вмиг догоняем антилопу!

Чем эти добрые советы помогут зайнам (у которых и зубов-то нет) и прочим черепахам?

Может ли вообще жизнь гения быть примером для всех нас?

Или только гению по плечу такое равнение на гения же?

Домофон

Недавно я переехал в новый дом, куда попал по обмену. Говорю об этом потому, что квартиры в нем русскому писателю не по карману, а значит публика собралась здесь состоятельная. У подъезда стоят "БМВ", "ауди", "форды"... Так вот почти год мы не могли поставить в общем подъезде железную дверь с домофоном, часть жильцов решительно отказывалась платить 365 рублей за установку: дорого!

Тем временем в подъезде продолжали с наслаждением управляться по большой нужде бомжи, а лифт два раза пытались поджечь... Наконец составила энергичная группа пожилых дам пенсионерок, которые отчаянно принялись уламывать жадин раскошелиться на общее дело. Лед тронулся. Я оказался единственным человеком с принтером и ко мне стали захаживать активистки, чтобы отпечатать бумаги. Так я против воли оказался в курсе борьбы. И вот осталась только одна единственная *неохваченная* квартира... каждый раз на звонок там отворялась дверь на ширину цепочки и молодая женщина говорила в щелку, что она мать-одиночка, живет без мужа с маленькой дочерью и денег на домофон у нее просто нет. После чего дверь захлопывалась.

Энтузиастки стали уговаривать жильцов сдунуться за *нехо-*

рошую квартиру, кое-кто стал давать деньги и вот одна из пенсионерок пошла вечером сообщить матери-одиночке, что набрали уже почти 200 рублей... и надо же! На ее звонок дверь вдруг раскрылась нараспашку и она увидела на пороге зареванную девочку лет восьми, которая сказала, что маме плохо. Пенсионерка кинулась внутрь и, рассказывала она, остолбенела — за эти месяцы она обошла все квартиры нашего дома, но такой баснословной умопрачительной роскоши нигде не встречала.

На паркетном полу без сознания лежала мамаша, а девочка ревя протянула гостье сотовый телефон и бумажку с номерами срочной наркологической помощи... оказалось, что мамочка перебрала наркотиков. Напуганная пенсионерка вызвала скорую помощь, а когда появились врачи, вдруг заметила кучу долларов на столе из карельской березы и убрала их на всякий случай подальше. Там было несложно сотен-стодолларовых купюр, рассказывала она. Наконец, когда мамашу привели в чувство и уложили в постель, снедаемая любопытством гостя спросила девочку, где работает ее мамочка? И невинное дитя простосердечно ответило — моя мама метрдотель красного зала в казино.

Утром разъяренная пенсионерка явилась к мамаше за деньгами на домофон... На этот раз та цепочку сняла, сухо поблагодарила за вчерашнюю помощь и... опять бесстыже отказалась платить: у меня нет денег!

Но это еще не все.

Финальная точка наступила тогда, когда в подъезде наконец

поставили железную дверь с до-мофоном... Жалея девочку, кото-рой придется теперь торчать у двери в ожидании случая, наша рассказчица опять позвонила ма-тери-одиночке и предложила ей купить хотя бы один ключ для доч-ки стоимостью всего 9 рублей и та... Вы угадали... мать опять бес-стыдно отказалась платить! При-чем девочка стояла рядом, а гла-за ее были полны слез. Тогда на-ша пенсионерка отдала ребенку свой собственный девятирубле-вый ключ и ушла, не сказав ни слова.

... Я вспомнил эту историю в кафе, куда забежал спрятаться от дождя и выпить чашку кофе с кусочком торта. Когда мне при-несли счет, я вздрогнул — 406 рублей.

Резюме. Эти суни выпьют всю нашу кровь, сдерут три шкуры, сжормят нам свое дерьмо по дол-лару за чайную ложку, но не отда-дут ни копейки из своей мощны. У них не выжать из собачьего сердца ни грамма жалости, ни капли со-чувствия, ни йоты справедливости. Прав оказался дедушка Маркс: нет такого преступления на земле, на которое не пойдет капитал за 300 процентов прибыли...

Пловец

Недавно Китай отметил 30-ле-тие легендарного заплыва предсе-дателя Мао. В тот далекий день Мао Дзэдун переплыл Янцзы.

Наша демократическая прес-са и сегодня не смогла удержаться от язвительных комментариев по этому поводу. Общий тон ре-лик в печати был один — это ки-тайский абсурд. Между тем за-плыв Мао вовсе не глупость, а глубоко рассчитанный политиче-

ский и идеологический демарш великого знатока массовой психо-логии. Напомню, в тот год Мао ис-полнилось 73 года и, прекрасно зная свой народ, он понимал, что в миллиардной массе китайцев давно бродят тревожные мысли. Мао уже стар, может ли он руко-водить Китаем?

Вот почему публично, на гла-зах тысяч людей и телекамер, на глазах всей страны Мао возгла-вил тот легендарный заплыв ки-тайской молодежи через Янцзы в районе Ухани. Нигде Янцзы так не опасна, как в этом месте, где ширина между берегами достига-ет 1400 метров, а глубина — 40 метров, где вода — цвета кофе с молоком — несется со скоростью 15 километров в час.

Я видел однажды эти леген-дарные документальные кадры — полнотелый вождь властно и от-решенно плывет на левом боку в мутной стремнине. Кто я, говорил о себе Мао, я всего лишь одино-кий монах, бредущий по миру с дырявым зонтиком.

Вода сносила его по течению вниз, увеличивая путь пловца до 3 с лишним километров... и все же Мао Дзэдун переплыл Янцзы. Переплыл за 1 час 5 минут.

И весь Китай успокоился — Мао еще полон сил!

Какое гениальное знание пси-хологии своей темной крестьян-ской страны.

У нас никто из власть имуще-х не способен так же играть на тем-ных струнах коллективного бессоз-нательного. Вот, например, Егор Гайдар принимает участие в теле-эфире. Ведущий спрашивает, Егор Тимурович, у нас осталось всего две минуты. Люди спраши-вают по телефону, как выживать

в условиях постоянного экономического кризиса? Вы можете ответить им ясно и коротко в двух словах?

— В двух словах? — переспрашивает Гайдар... — Пожалуйста — увеличивайте ликвидность!

Резюме. Слава Богу, что у нас нет больше великих вождей. Как ни странно, в банальности людей, вставших сегодня у руля государства, в отсутствии магической харизмы я вижу хоть какую-то гарантию защиты общества от потрясений.

Вспомним, ведь переплыв Янцзы, Мао вскоре начал культурную революцию.

Пир Валтасара

Чуть ли не праздно я оказался недавно в новых залах на Крымском валу, где Третьяковка выставила, наконец, всю свою живопись советского и постсоветского времени с целью окинуть единым взглядом XX век.

Слева шли залы искусства конформизма с властью, справа — живопись протеста.

В полном одиночестве я бродил туманным зрителем в безлюдных анфиладах среди кумиров советского апофеоза: Дейнена, Иогансон, Герасимов, Бродский, Пластов... бог мой, какая скука! Разумеется, все отмечено блистательным мастерством исполнения. Эпигоны передвижников продемонстрировали незаурядное владение техникой живописи. "Сенокос" Пластова изумляет контрастом полуголых крестьянских тел и щедростью зеленых тонов луговой травы. "Новая Москва" Пименова восхищает мокрым стеклом автомашины... но, как говорил Пушкин, "в этом я вижу слишком

много искусства, но ни капли творчества".

Размах творческого бессилия не может не поражать. А ведь кисть того же Налбандяна, без шуток, гениальна. Но какие задачи поставил себе этот тайфун? Хлынуть однажды с неба, чтобы бережно облизать золотые орден на груди Брежнева? Ордена как живые, зато живопись абсолютно мертва! Вся проблематика природы была решена еще в XIX веке Шишкиным и Айвазовским. Сосны Шишкина из картины бросают тень на твое лицо. Марины Айвазяна готовы вылиться из картины на пол и затопить ноги зрителей. Путь в сторону искусства в формах природы был блистательно исчерпан еще тогда. После — пустыня эпигонства.

Но еще большее удивление ожидало меня в залах любимого авангарда. Что стряслось с моими глазами? Поражавший меня Филонов не вызвал ничего, кроме скуки. Магическая абранадабра волхва больше не действует. С олимпийских высот слетели прежние любимцы: Петров-Водкин, Штейнберг, Ларионов, Борисов-Мусатов, несть им числа. Зато вдруг во весь титанический рост предстал Назимир Малевич. Вот уж динамомашину по производству творений. Так вот кто, оказывается, наш первый художник. Титан русского Возрождения. И недавняя продажа Домом Филипс в Нью-Йорке его полотна за 17 с лишним миллионов долларов уже не кажется баснословной.

А кто уцелел из самых последних?

Кабанов, Целков, Пурыгин, Рабин, Зверев?

Я стал цепляться душой за Анатолия Зверева. Не может быть, чтобы этот пьяный гений погас? Протри глаза!

Начало Зверева абсолютно блистательно. Его линия завораживает. Карандаш исполнен силой гравюры. Он обещал быть Рембрандтом! Как великий голландец, он превращал в дивную роскошь парчи все, на что падает взгляд... Сосны за линией крыш, попутчики в электричке, чайник на столе — все исполнено с такой волшебной грацией, от которой буквально дух захватывает. Все даты побед лепятся вокруг начала 60-х годов. Он только-только пустился в ванхический заплыв в сторону смерти. Он еще писал запоем сотни работ без запоя. Рука пока не дрожит. Мозг справляется с алкоголем. Его дар абсолютен. Но!

Но стоит сделать всего два шага вдоль стены к новому времени, как ты окружен ведьмами, это испорченные шедевры. Красота гибнет прямо на наших глазах. Линию пучит от напряжения. Завиток пера намокает и хохлится перьями, словно птица, угодившая в затяжной дождь. Верно схваченный колорит не выдерживается до конца. Маэстро пускает бесчисленных петухов. В конце концов красота превращается в безобразный хаос, в титаническую мешанину творения, но без Творца.

Сказать ли? Эти натастрофы производят даже вдохновенное впечатление. В них есть сладость замаха и горечь поражения. Создается впечатление, что Зверев бурно отмахивается от призвания! Отстаньте от меня! Отвяжитесь! Нате! Вот! Подавитесь!

Под конец жизни гений имел вид синюшного бомжа, оплывшей человеческой глыбы... Славянский Зевс. Опившийся исполин на берегу моря, тушу которого заливают волна прибоя, а во рту бродят чайки, выклеывая останки пищи. Великан храпит.

Резюме. XXI век действительно наступил. Всем прежним ценностям произведен жестокий перерасчет, наши кумиры секретно свергнуты, а на их место поставлены уже только боги. Одним взмахом циркуля установлена новая иерархия в пантеоне славы.

Красота спасет

Самым ярким впечатлением от поездки в Италию оназалась минута в курортном местечке Монтенатини под Флоренцией... Представьте себе итальянскую ночь, городок, залитый светом, маленькое кафе на улочке в полночь. Хозяин выводит на прогулку любимую собаку. Это крупная миролюбивая овчарка (нстати, собаки там не лают, не рычат, не кидаются...), но бог мой! Собака полупарализована. Ее задние ноги и хвост беспомощно отвисли, однако пес счастлив. Почему? Да потому что тело собачье уютно понытается в специальной инвалидной коляске для собак! На колесиках! Радостно обнюхивая стволы, овчарка, легко прыгая на двух передних лапах, тащит хозяина за собой в глубь улицы. И тот едва поспевает за ней, держась за поводок, пристегнутый к инвалидной коляске.

И это не самоделка, а продукт милосердного заводского изготовления с разными лейблами.

Мы — горстка русских туристов — буквально онемели.

Вообще *машинальный* гуманизм общества изумляет — заманная римская официантка в траттории на piazzа Колонна находит секундочку, чтобы показать мне, как правильно пользоваться телефонной картой, пропустив машину перед собой, ты обязательно получишь благодарный кивок от водителя, а когда с итальянским приятелем мы переходим широченную виа дель Корсо и потоком летящих машин и мотороллеров плавно замирает у наших ног, как линия морского прибора — душа уходит в пятки от страха и восторга. Я спотыкаюсь, а байкер за рулем мощного зверя, весь в цепях, с подругой в рюкзаке за спиной машет мне лапой: шагай, милый, не трусь...

(Две недели я ходил в белых кедах — на ногу мне наступили только в Москве.)

Вдоль автобана — на узкой полосе между шоссе и озером — гряда яркого чистого снега! Это лебеди с выводком пернатых снежков. Птицы не испытывают чувства страха ни к людям, ни к автомашинам.

В эти дни вся левая итальянская пресса радуется возвращению на родину некой *Сильваны Баралдини*. В США ее приговорили к 30 годам тюрьмы. Никто не сомневается в том, что она виновата, но все последние годы правительство Италии вело трудные переговоры с американцами и вот — ура! Победа. Последние 10 лет Сильвана будет сидеть в итальянской тюрьме... ее подлечат, разрешат встретиться с родными...

М-да... признаюсь, в последние годы я сильно разочаровался в людях и стал почти мизантропом. Италия вернула мне чувство

веры в то, что человечность возможна.

Глазу вернулось детское чувство остроты цвета, такой пылкой силы желтый цвет сохранился лишь в моей памяти, а тут на тебе! Гроздь шафрана по склонам цветущих гор (дрок). Понимаю Бродского с его любовью к Венеции — там твои глаза на лице, омываясь красотой, превращаются в *очи*. Чувствительность зрачка как у мыльных пузырей. Ленту на соломенном нанотье нашего гондольера Джорджио я бы по московской замысленности взора назвал бы красной, а тут сразу виден истинный цвет ленты, она *мутно-розовая*.

Я заметил узорную *тень быстроты* от волана, молнией мелькнувшего над газоном.

А из античного камня в венецианской воде вытесал зеленый ручей бороды и чувствовалось как *камень пьянеет от плесна*.

Резюме. Порой в голову приходила глуповатая мечта попросить в Венеции *эстетического убежища*... Но, увы, такой вид милосердия пока никем не предусмотрен.

Идеал

Мне очень нравится одна история про Пушкина.

В ней — признаюсь — мне видится идеал поведения художника.

Это случилось в мае, теплой весной, нажется, 1819 года. Позади лицей. Пушкин — чиновник министерства иностранных дел. У него появились, наконец, свои деньги... Так вот, стоит яркий солнечный день, Нева давно свободна от льда, Пушкин с отцом переплывает на лодочке с лодочником через рену. День так хорош, что Пушкин вытаскивает кошелек и начинает бросать серебряные мо-

неты в воду, любуясь тем, как, играя на солнце, монеты уходят в голубую глубину. И так до тех пор, пока кошелек не опустел. Отец только тяжело вздохнул.

Как известно, отец поэта Сергей Львович был весьма скуповат и скупостью своей тяготил всю семью. Известен анекдот про рюмку, которую ненароком разбил за обедом младший сын Лев. Целый час отец корил сына за небрежность, пока тот не вскипел: сколько можно горячиться из-за паршивой рюмки, красная цена которой 15 копеек!

— Не 15, а 25 копеек, милостивый государь! — воскликнул с гневом отец.

Скупость отца стала среди литераторов притчей во языцех. Вот почему, думаю я, Пушкин два года тянул с публикацией "Скупого рыцаря", а когда напечатал, то подписался одной бунвой, а не полным именем. Он явно хотел избежать ненужных аллюзий.

Наконец мне кажется, что Гоголь вывел в отвратительном Плюшкине именно отца поэта. Судите сами, как близки произношения: Пушкин/Плюшкин.

А как зовут дочь Плюшкина? Не заметили — Александра! А отчество — Сергеевна... Словом, был бы он жив, Пушкин стрелялся бы с Гоголем.

Резюме. Но вернемся в лодочку. Меньше всего, мне кажется, Пушкин хотел преподать урок скупому нраву папаша. Нет, он подарил те монеты не моральным прописям, а прекрасному впечатлению. Вот идеал художника. Ты должен разродиться в прекрасном, писал Платон в своем диалоге "Пир"... Если бы в той лодочке плыли Чернышевский с Некрасовым и Добролюбовым, они бы, разумеется, отдали монеты не Некрасовому, а русскому народу — то есть лодочнику.

Но вот беда. Тот бы взял и пропил эти деньги. ■

Озорная улыбка Максима

Игорь ЛОГВИНОВ

Ровно сто лет назад, 13 августа 1901 года, родился народный артист СССР Борис Петрович Чирков. "Учитель", "Верные друзья", "Суд чести", "Александр Пархоменко", "Дорогой мой человек", "Чапаев", "Живые и мертвые" — вот далеко не полный перечень кинофильмов, в которых он сыграл с такой убедительностью и яркостью, что созданные им образы живут до сих пор. А его легендарный Максим из кинотрилогии — "Юность Максима", "Возвращение Максима", "Выборгская сторона", так же как Чапаев Бориса Бабочкина, выразил лучшие черты русского национального характера и стал любимым героем нескольких поколений.

Кинокритики говорят: если бы Борис Чирков не сыграл больше ни одной роли, кроме этой, он уже вошел бы в золотой фонд русского киноискусства. Настолько мощно и достоверно вылепил он этот образ. А между тем мало кто знает, что первоначально в этой картине ему отводилась совсем другая роль.

Рассказывает режиссер фильма Григорий Козинцев: *"В "Большевике" (первый вариант "Юности Максима) участвовали три парня. Дёму мы пригласили играть Бориса Чиркова. А потом стало ясно, что он — это именно Максим... Роли в окончательном виде еще не было, сценарий пи-*

сался на ходу. Каждый день мы трудились с Чирновым. Скоро стали понимать друг друга с полуслова... Работа над сценарием сливалась с репетициями, на ходу выстраивались отношения, сцены, диалог.

А Максим все нагпел. Ему уже не было удержу. Был у нас в сценарии матрос — арестант. Он лихо отвечал тюремщику в камере, давал сдачи околоточному палачу. На репетициях стало ясно — моряка не нужно, именно так должен поступать Максим. На репетициях Максим не только забирал себе все лучшие реплики, но и теснил других героев: отходите-на, братцы, назад, на второй план.

Не поймите меня превратно, будто Чирнов отбирал роли у других исполнителей. Борис Петрович — один из самых благородных и скромных артистов, никогда бы он не позволил себе обидеть товарища. Нет, это нахальничал сам Максим. В нем было сердце фильма. И все, что придумывалось лучшего, естественно, отходило ему, ведь он был самым любимым, самым интересным, самым своим. Ради него все и затевалось".

...Это был его звездный час, о котором втайне мечтает каждый артист. Ведь популярность, любовь и внимание публики — непреложная часть актерской профессии. Сначала Чирнов завоевал симпа-

Борис Чирнов с женой и дочерью. 1958 г.

тии зрителя, сыграв бородатого мужчину в "Чапаеве". В крохотном эпизоде он сумел рассказать так много о своем герое! Я давно смотрел "Чапаева", но как сейчас вижу этого по-крестьянски немногословного человека: хитроватый прищур, озорное лукавство, прямота, чувство собственного достоинства.

А следом, в том же году, вышла первая картина трилогии "Юность Максима". Посмотрев фильм, люди твердо верили, что Максим — исторический персонаж. Они писали письма Максиму, просили совета, складывали о нем легенды и мифы. Десятки, сотни тысяч зрителей просто влюбились в юного Максима. Да и как можно было не влюбиться в этого паренька с рабочей окраины. Он излучал такое обаяние, такое могут излучать только по-настоящему добрые люди.

Рецензия Сталина

Но официальная реакция на фильм "Юность Максима" была более чем сдержанной. Во время приемки картины в Госкино почти все руководители восстали против нее: фальшь, балаган, герой — не большевик-рабочий, а некий люмпен-пролетарий. Назалось, фильм запретят, во всяком случае создатели картины, мечтавшие о продолжении, поняли, что никакого продолжения не будет, хватит и одной серии. Но тут вмешалась Судьба в лице "вождя всех времен и народов товарища Сталина", который имел привычку лично рецензировать кинофильмы. Об этом эпизоде ходят легенды, а как это было на самом деле, рассказывает Леонид Трауберг.

"В шесть часов вечера нас повезли в Кремль. Мы чуть-чуть не

опоздали: сеанс уже начался. В большой комнате было темно и кто был там, мы не видели. Через некоторое время после начала фильма в темноте послышался чей-то недовольный голос: "Что это за завод? Я такого в Питере не помню". И немного погодя тот же голос (позже мы узнали Калинин) сказал: "Мы так перед мастерами не кланялись". И тут в темноте раздался негромкий с очень заметным грузинским акцентом голос: "В зале присутствуют режиссеры. Желающие могут после конца высказаться". Больше замечаний не было.

Фильм закончился, мы увидели лица, знакомые нам по портретам: Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев, Берия. Все с нами поздоровались и с места в карьер начали делать замечания. Сталин сказал: "Вот у вас этот большевик в начале диктует листовку, такого тогда не было". "Секретарей не держали", — сказал Ворошилов, и все рассмеялись... Он же добавил: "И очень он у вас старый, тогда Владимиру Ильичу было только сорок, а мы все были помоложе". Сталин не очень гневно сказал: "И что это он в мягкой шляпе и в нерабочем костюме влезает в толпу рабочих? Там же шпиков полно, сразу же схватили бы".

Душа моя находилась в пятнах, но я старался дать объяснения: "Диктует большевик потому, что нам очень не хотелось применять титры, надписи. Взяли мы Тарханова на эту роль, наивно полагая, что должно быть сразу видно: старый большевик. Пробовали на него нацепить рабочую блузу и картуз, но это ему решительно не шло".

Все снова засмеялись, но Сталин продолжал назидательно: "А

«Юность Мансима». 1934 г.

что это он в конце фильма хочет текст листовки проиндентовать? Подумаешь, дипломат наной! Будто кроме него не было в Питере кому листовку составить". Здесь Нозинцев, человек куда более нервный, чем я, очевидно, решив, что дело проиграно, слегка побледнел и опустился на стул... Позже, не-

известно нем пущенная, возникла легенда, будто Сталин топал ногами и кричал на нас, а Нозинцев упал в обморок. Не было этого. И Сталин ногами не топал, и Нозинцев в обморок не падал.

Я нашел неуклюжее, неправдоподобное объяснение: "Извините нас, товарищи, но мы с самого

утра уже несколько раз смотрели картину, не успели даже чаю выпить и, как сами понимаете, волнуемся”. Тут все засуетились и, словно в арабской сказке, на століне мгновенно возникло угощение: чай, бутерброды. Но свидание по сути дела было закончено, мы поклонились и пошли к выходу. Сталин, взяв в руки стакан чаю, криннул нам вслед: “Максим хорош! Хорош Максим!” — и это была все подытожившая рецензия”.

Странички из дневника

За 60 лет работы в кино Борис Петрович создал много образов, но Максим стал его визитной карточкой на всю жизнь. И где бы он ни был, куда бы ни приходил, всегда и везде говорили — Максим.

Интересно, а как сам Борис Петрович относился к этому герою? Вот что писал он в своих дневниках:

“...Удивительно, как раздвинулись рамки нашей жизни: открытие новых миров, иные нравы, иные характеры, отношения людей... Я живу среди этих перемен. А он, Максим, не меняется, остается все тем же, не знает никаких изменений. Не знает, хотя сам призывал и до сей поры еще зовет людей к борьбе за обновление мира. И при всей своей отдаленности от сегодняшней жизни он остается молодым, а я, познающий рождение нового времени, — седею и ухону из мира.

А были годы, когда мы жили с Максимом вдвоем, когда люди путали нас, когда нас двоих объединяли в одного человека. Это быва-

ло так часто, что на какое-то время я и сам поверил в нашу тождественность и принимал на себя все, что относилось к Максиму. На конвертах писали имя Максима Чирнова, а я получал и читал эти письма. Незнакомые люди говорили: "Здравствуйте, товарищ Максим!" — и я отвечал на поклон. Мальчишки бегали толпой за мной и кричали: "Максим! Сколько лет, сколько зим!" На улицах у встречных прохоних часто округлялись глаза, поднимались брови и губы шевелились, произнося все то же не мое имя: "Максим!" И я улыбался в ответ и смущенно отворачивался, делая вид, что не замечаю...

Не раз говорили мне о симпатиях к моему герою, благодарили его так, как будто бы он был настоящим, живым человеком, проживающим где-то на земле. Я принимал эти слова признательно, только передать-то их мне было некому: Максим ушел от меня на экраны кинотеатров и жил своей собственной жизнью..."

Быть знаменитым некрасиво

О необыкновенной скромности Чирнова, полном отсутствии каких бы то ни было признаков звездной болезни вспоминают все, близко знавшие Бориса Петровича.

"Не видел я на своем веку актера, человека скромнее, незаметнее, чем мой друг Борис Петрович, — признавался Леонид Трауберг. — Говорю "незаметнее", потому что за полвека дружки ни разу не слышал я, чтобы он хоть на йоту выдвинул вперед свой талант, свою ни с чем не сравнимую популярность. Позволю себе вспомнить один эпизод: в начале съемок "Вы-

боргской стороны" он по семейным обстоятельствам зачастил в Москву. В результате на одну-две съемки явился не совсем в форме. Я вовсе не как ментор, а как крепко любящий товарищ вышел с ним в тогда еще существовавший садик "Ленфильма" и сбивчиво, волнуясь, стал говорить ему, что он губит картину, себя, нас. Другой на его месте прервал бы меня. Чирнов молчал, слушал сосредоточенно... Когда я закончил, сомневаясь, убедил ли я его, он сказал: "Спасибо, Леня, больше у тебя и Григория Михайловича не будет ни малейшей причины во мне сомневаться". И не было. А ведь он уже сыграл в двух сериях, был любим народом, был не моложе меня".

"Верные друзья"

В 1954 году на экраны кинотеатров вышла лирическая комедия "Верные друзья", поставленная Михаилом Налатозовым на киностудии "Мосфильм". Это веселая, занимательная и поучительная история о трех пареньках с московской окраины: Ваське, прозванном за хвастливость и зазнайство "Индюком", Сашке — "Кошачьим барине", прозванном так за свою любовь к кошнам, и "Чижике" — главным заводиле и выдумщине. Спустя тридцать лет друзья встречаются вновь: Чижин стал известным московским хирургом Чиновым, Сашка — профессором-животноводом Лапиным, а Васька — академиком архитектуры Нестратовым.

В главных ролях снимались выдающиеся артисты: Василий Меркурьев, Александр Борисов и Борис Чирнов — талантливые, добрые, умные, веселые и действительно верные друзья. Борис Чирнов в роли хирурга Чинова про-

явил незаурядное комедийное дарование. Он наделил своего героя мягким юмором, тонкой иронией, плутовством. Его персонаж — главный инициатор и организатор всех проделок. В фильме много смешных сцен. Чего стоит один только эпизод на плоту, когда герой Чирнова лишается своих ботинок, а затем и тапочек, потопленных неловким Нестратовым.

Обаяние Чижова-Чирнова подкупает сочетанием взыскательной требовательности и юношеского добродушного озорства. Он всегда готов к розыгрышу, к шутке. Доброта слышна в каждой его реплике, от этого моральные нравовучения в его устах не выглядят скучными, а приобретают, скорее, вид народной житейской мудрости. В этой роли в полном объеме проявились лучшие человеческие качества самого Бориса Петровича Чирнова.

Съемка! Мотор!

Съемки "Верных друзей" проходили на Оке под Тарусой, в одном из живописнейших уголков средней России. **Вот как вспоминал об этом сам Борис Петрович Чирнов:**

"И вот, помню, у бережна стоит наш плот, на котором сооружен шалаш — наша декорация, около омута пристроился катер — он таскает нас от городской пристани к местам съемок. Сейчас тучи нашли на солнце, и мы ждем, когда на небе появится просвет. Вася Меркурьев, отъединившись на корме, сосредоточенно следит за поплавами своих удочек — не клюнет ли красноперый окунень. Время идет медленно. И вдруг голос наблюдающего: "Готовиться! Съемка! Солнце!" — сразу же меня-

ет всю идиллическую картину. Все оживает. Сонное наше местечко просыпается и сразу же начинает жить полнокровной жизнью. Готовится и снимается новый кадр фильма. Не всегда сразу получается так точно, ярко и душевно, как хотелось бы. Ну что же, повторим все снова и снова, пока не добьемся того, что снятый кадр нас устроит и его можно будет вставить в картину. Наконец, справились мы с этим куском фильма и тут же принимаемся за следующий.

Мы, трое актеров, снимаем комнаты на окраине Тарусы, около ярко-зеленой березовой рощи. Хозяйка дома кормит нас обедом. Сытые, довольные, мы долго отдыхаем, ведем ленивый разговор обо всем и ни о чем. Потом Саша Борисов снимает со стены гитару. В фильме он изображает влюбленного немолодого холостяка. Очень глубоко увлеченного, но очень застенчивого. Единственно, кому он поверяет свои чувства — гитаре. В минуты одиночества изливает свои чувства в пении. В картине эти его сцены получаются лирическими, душевными: милые стихи написал Матусовский, прелестную музыку сочинил Хренников, а сам певец исполняет этот романс искренне, сердечно, музыкально. И когда звукооператор запускает на съемке эту фонограмму, на рабочей нашей площадке все оставляют работу и слушают, слушают, пока их не окликает режиссер..."

Задуманное кино

Картина имела оглушительный успех, она сразу же стала лидером проката: только за первый год ее посмотрело около 40 миллионов зрителей. В том же году "Верные друзья" получают Большую премию

Международного кинофестиваля в Карловых Варах! Но и сегодня, много лет спустя, зрители следят за всеми перипетиями великолепной тройцы с таким же удовольствием, с каким смотрели этот фильм их бабушки и дедушки. Чем же покоряет эта, по современным меркам, незамысловатая картина, лишенная каких-либо спецэффектов и головокружительных трюков, без которых современный кинематограф не мыслим? Да очень просто — своей гуманистической направленностью. Очевидно, что хороший фильм — это не просто острый сюжет и талантливые исполнители, это еще и атмосфера, которую режиссер и артисты создают в кадре и за кадром.

Видимо, ментальность российского восприятия, несмотря на моду, которая приходит и уходит, все равно в основе своей ориентирована на душевное кино. Картина проникнута искренней задушевностью, милыми сердцу зрителей и понятными каждому сентиментальными воспоминаниями о дружбе детства. Она воспекает лучшие человеческие качества: достоинство, скромность, чувство долга, верность испытанной дружбе. Прошло около полувека, многие картины за это время нанули в небытие, а плот с тремя друзьями все плывет и плывет по рене и все звучит мелодичная задушевная песенка:

*Шел ли дальней стороной,
Плыл ли морем я,
Всюду были вы со мной,
Верные друзья.*

И опять — поиск

Диву даешься, как много успевал этот человек. Съемки в кино, работа в театре, разнообразная общественная деятельность, пре-

подавание во ВГИКе. **О Чиркове-педагоге вспоминает его коллега Роберт Спирчев:**

"До того, как Борис Петрович предложил мне преподавать на его курсе, я проработал вместе с ним в Театре имени Н.В. Гоголя около десяти лет. Но два года совместной работы в институте во многом расширили мое представление о Чиркове — художнике и человеке. Что так привлекало в нем? Прежде всего — интеллигентность. Та глубокая интеллигентность, которую он не только нес в себе, но и всячески старался привить своим ученикам. И делал это не декларативно, назидательно, а совершенно естественно, как само собой разумеющееся.

Собственный пример — что может быть сильнее и заразительнее для учеников? Вот в раздевалке ребята не догадываются помочь девочкам надеть пальто. Борис Петрович подавал пальто студентке. Та несколько смущена:

— Что вы, что вы... Я сама.

— Нет, нет, — говорит Борис Петрович. — Я же мужчина, и это моя обязанность.

В следующий раз ребята в раздевалке уже начеку: вдруг Мастер опять перехватит инициативу... В институте Чиркова так и звали: Мастер. Я не видел, чтобы Чирков сидя разговаривал со стоящей рядом женщиной. Он непременно либо предлагал собеседнице сесть, либо вставал сам. Назалось бы, все это элементарно, но ведь кто-нибудь, когда-нибудь должен научить и этому...

Может быть, обо всех этих "мелочах" и не стоило вспоминать, если бы я не знал, какое благотворное влияние оказывают они на формирование характеров

молодых людей, будущих художников, деятелей культуры. Желание заронить как можно больше добрых семян в душу и разум молодежи владело Борисом Петровичем. Двери дома Чирновых были открыты для студентов в буквальном смысле слова днем и ночью.

Будучи обладателем огромной и уникальной библиотеки, Борис Петрович постоянно настраивал своих учеников на чтение "большой", как он говорил, литературы. Особое внимание, конечно, уделялось русской классике. Чирнов часто повторял, что наша задача — не только научить студента профессии, но через профессию научить его "быть Человеком". При всей своей разносторонней образованности Борис Петрович умел вести занятия, да и вообще любой разговор, поразительно просто, всегда находя простые русские слова и выражения, емкие, точные. Замечания он делал, как говорится, "не мудрствуя лукаво".

Невозможно представить себе Чирнова повысившим на кого-либо голос или говорящим о чьей-либо работе небрежно или неуважительно. То, что не устраивало Мастера, никогда не отменялось им диктаторски. Сначала все подробно выяснялось: "Что? Зачем? Почему?" — и только тогда предлагалось обдумать что-то новое. И опять — поиск. Все это и рождало по-настоящему творческую и доброжелательную атмосферу на курсе".

"Я был увлечен жизнью"

Всю свою жизнь Борис Чирнов вел дневник, в котором анализировал увиденное, пережитое. В этой записи — без даты — мне кажется, он выразил свое жизненное credo.

"...Наким я себя задумал и наким сделал? Это, конечно, неправда. Никак я себя не задумывал и никак не выращивал по какому-то плану. Просто жил, как живут крепкие, здоровые люди. Радовался тому, что могу хорошо прыгать, могу поднять тяжелый мешок, ходить, не уставая, играть... Радовался вкусной и обильной пище, любовался рекой и лесом, любил полынный запах степи... Как молодой жеребенок бегал по лугу, счастлив был тем, что я есть, что я живу, что столько удовольствий и радостей дает мне моя жизнь. Но, кроме того, кроме счастья физического существования, я отличался от жеребенка тем, что у меня еще были и чисто человеческие радости. Я мог думать и сам этот процесс доставлял мне наслаждение. Я понимал мысли других людей, я воевал с ними или богател за их счет.

Были случаи, когда я по своей воле, по своему желанию заставлял людей смеяться и плакать — это тоже было для меня счастьем. Счастьем человека, хозяина всей земли, мира. Хозяином того, что создала природа и что сделал — придумал, изобрел, изготовил — человек. И жизнь назалась мне несночаемой. И был я сильным. И мог достичь всего, к чему тянулся...

Я знал и видел людей, которые были красивее меня, даровитее, жили богаче, чем я, но никогда чувство зависти не потревожило покая моей души. Я был полон своими чувствами, мыслями, мир, в котором я жил, был прекрасен, и я пользовался его прелестью. Я ни перед кем не был унижен, ни над кем не был вознесен. Я был занят и увлечен жизнью. Самой жизнью, которую любил". ■

Игорь ГАМАЮНОВ

Империя

и ее

Этой империи в России как бы нет — она существует “де-факто”, а не “де-юре”. Социологи называют ее “нелегализованным рынком интимных услуг”. А темпераментные стражи порядка, отправляясь на автобусах в очередной рейд по улицам Москвы (и — других российских городов), отчаянно матерятся. По их мнению, собирать путан на привокзальных площадях и у подъездов гостиниц для того, чтобы штрафовать и выпустить, — занятая бессмысленное. Нелепая трата сил, которых и так не хватает для борьбы с настоящей преступностью. Потому

что если есть спрос “на интим”, будет и предложение, таков закон рынка. А запрет лишь заставляет участников обоюдовыгодных сделок уходить в подполье, то есть в сферу беззакония, ухудшающую уголовную статистику. Хотя какое там подполье — регулярно в самых читаемых газетах под рубрикой “Досуг” публикуются номера телефонов, по которым в любое время суток можно договориться о свидании с путаной.

Вот как увидел эту проблему наш корреспондент во время командировки в разные российские города.

СТРАСТИ

ПОДДАННЫЕ

“Если бы не жена...”

Двухместное купе, дальняя дорога и пиво с воблой располагали к разговору. А о чем могут говорить двое командировочных мужчин? Ну, конечно, о женщинах.

— Первое мое грехопадение случилось, когда мне перевалило за пятьдесят...

Мой сосед по купе поразительно молоджав — сухопар, подвижен. И даже седина странно молодит его, особенно, когда улыбается. А, может, такое впечатленье возникает из-за его быстрой речи, сопровождаемой короткими смешнами.

— Проблема в том, что я однолюб, это сейчас что-то вроде уродства, — смеется он. — Жениться же меня угораздило в 18 лет на однокурснице, мы в пединституте учились. Сказать, что не нравлюсь другим женщинам, не могу, мое присутствие на них почему-то действует... Да и работа располагает к общению. А в последние годы — командировки постоянные. Соблазны — на каждом шагу. Не знаю, что со мной было бы, если бы не жена. Она у меня редкая женщина — уступчивая, домовитая. И — деликатная. В компаниях, бывало, девчонки на шею вешаются, а она — ни слова. Только усмехается. Тут еще вот какой

фактор, — он смущенно улыбнулся, — у нас с ней не только душевная, но и телесная гармония. Но в том-то и дело, что Дон-Жуаном можно и поневоле стать. В силу обстоятельств.

"Не зову, не плачу..."

Обстоятельства у него оказались такими: жене сделали операцию, она ездила по санаториям. А он — в постоянных разъездах. Личной жизни — никакой. Но всякий раз девчонки у гостиничных подъездов вызывали в нем оторопь — казались инопланетянками. С ними и общаться-то, думал он, надо на особом языке. А в гостиничном номере телефон не умолкал. "Добрый вечер, — ворковал настойчивый голосок, — не хотите ли провести время с девушкой?" — "Нет", — отвечал он, бросая трубку.

И снова звонок: "Здравствуйте, — на этот раз звучал обволакивающе-мягкий голос, вызывающий в воображении томную особь в пеньюаре, сидящую в кресле у торшера. — Вы не скучаете? Мы могли бы развлечь вас". — "Как?" — спросил он, начиная злиться. — "А как бы вы хотели?" Он вспомнил, как в первые годы своего учительства заставлял легкомысленных девчонок читать перед всем классом стихи, и ляпнул: "Я бы хотел, чтобы вы мне прочли наизусть первую главу из "Евгения Онегина". В трубке озадаченно промолчали. "Хорошо, — согласился пеньюар. — Мы перезвоним".

— Перезвонили?

— Минут через пять. Тот же голос сообщил: девушка-блондинка, 22 года, рост 167 сантиметром, вес 63 килограмма, образо-

вание незаконченное высшее, готова прочитать мне главу из "Евгения Онегина", но — по книжке!..

Мой сосед хохочет, запрокинув седую лохматую голову.

— Понимаете? Они готовы! Спрашиваю, во сколько мне это обойдется. 400 рублей за час. Интересно: а если чтение продлится два часа. За каждый следующий — по 200 рублей. Каково? И добавляет довольно-таки участливо, даже, я бы сказал, сердечно: "Мужчина, не волнуйтесь, она девушка анкуратная, и презервативы у нас качественные". — "Да при чем здесь презервативы?! — ору в трубку, а самого смех разбивает. — Мне нужно, чтоб не по книжке, а наизусть!" — "Хорошо, — соглашается. — Мы перезвоним." Через три минуты — звонок: "Она готова наизусть, но только не Пушкина, а Есенина". Меня уже колотун бьет: "А что из Есенина?" — "Ты жива еще, моя старушка..." — "Нет, кричу, на "старушку" я не согласен!.."

Он бросил трубку, оделся, спустился в ресторан. Поужинал. В сердцах выпил водки — надо же как-то успокоиться. Возвращается в номер. Опять звонок. Голос в трубке другой — робкий, запинаящийся: "Это я, та самая девушка..." И — через паузу: "Я еще знаю из Есенина "Не жалею, не зову, не плачу..." И он решил взглянуть на эту настырную любительницу поэзии. Только взглянуть.

Она появилась как-то очень уж быстро, минуты через две, он едва успел пиджак в шкаф повесить: вошла бочком, оставив дверь не закрытой. И тут же следом ватилась в номер бойкая толстуха, пылливо оцупала шныряющим взглядом его, койку,

шкаф, кресло, протараторила с улыбочкой: "У нас оплата вперед". Взяв деньги, кивнула: "Через час позвоню..." И — сгнула.

"Раздевайтесь по-быстрому!.."

— Представьте: тесный гостиничный номер, в кресле — блондинка с кудряшками, сумочку держит на коленях, свернувшись из-под короткой юбочки. Я в шаге от нее — сижу на кровати. Слушаю, как она, запинаясь, читает есенинское "...Все пройдет, как с белых яблонь дым". И так вдруг мне ее жалко стало!..

Они разговорились. Оказалось: в отличие от других фирм интимных услуг, располагающихся за пределами гостиницы, толстуха для своей фирмы (название — "От заката до рассвета") снимает в самой гостинице двухместный номер. Сюда приходят девочки — "на дежурство". Одна из них, та самая обладательница обволакивающего голоса, работает диспетчером — обзванивает номера, а толстуха отводит девчонок, беря деньги вперед. Из них самой путане достается одна четвертая от всей суммы. Но если клиент недоволен и не вызовет эту девочку снова, то может не достаться ничего — так их штрафуют.

— Вот тут она, взглянув на часы, спохватилась — времени мало. И таким деловым тоном — освоилась уже — говорит: "Раздевайтесь по-быстрому, а то не успею". Пона рубашку с майкой сняла, гляжу, она уже всю свою одежду на кресло сложила и упаковкой презерватива шуршит. Лицо сосредоточенное, как у медсестры, которая пришла к больному процедуру делать. И, честно гово-

ря, это действительно походило на процедуру...

Больше всего его поразило то, что она почти все делала с закрытыми глазами. Спросил потом: почему? "Так нужно, — объяснила, — чтоб не привыкать". Рассказала, как одна из девчонок привыкла к клиенту, с которым две недели его командировки встречалась, а когда он уехал, мучилась — не получалось с другими. "Все-таки занятия сексом очень сближают", — сказала она ему серьезно. О себе же — почти ничего. Понятно было только, что приехала из глухой провинции, здесь, в областном городе, учиться, денег на житье не хватает, вот и подрабатывает. Физически крепкая, чувственная, темперамент явно не стандартный. После ее ухода был еще звонок, и тот же обволакивающий голос заинтересовался, нет ли замечаний. "Нет-нет, — торопливо заверил он диспетчершу, все в порядке." — "Тогда запишите наш телефон..."

— Так я стал Дон-Жуаном, хотя не знаю, можно ли командировочные встречи назвать донжуанством. Я ведь никого не покоряю. И вот что я еще понял: контакты с гостиничными девчонками никак не отражаются на моих отношениях с женой. Хотя нет, вру: отражаются, но, я бы сказал, положительно. Несмотря на свои годы, я остаюсь в хорошей мужской форме — никаких депрессий. Но тот первый свой опыт общения с гостиничной девочкой я воспринял — в силу своей предубежденности — как грехопадение.

Ночная охота

Борьба с незаконным "интим-бизнесом" идет сегодня по

всем милицейским правилам. Вот отчет об одной московской операции.

20.30. В полиции нравов московского ГУВД — развод. На инструктаж собраны два десятка профи. Здесь представлены разные службы — участковые инспектора, бойцы ОМОНа, сотрудники вневедомственной охраны. Почти все в форме, а вот один — в гражданском — представитель Управления собственной безопасности ГУВД. Его роль? Следить, чтоб милиция не злоупотребляла своими возможностями.

21.00. Команда — "по местам!" Рассаживаются по автобусам и автомобилям. И, трогаясь, замечают у бровки "Жигуль" с тонированными стеклами, водитель рядом — подкачивает колесо, а сам смотрит по сторонам. Любопытен очень. Уж не "маячок" ли? Дело в том, что у "интим-бизнеса" своя служба безопасности, вот они и подсылают шустрых ребят присматривать за милицией. Оснащены портативными радиостанциями и мобильными телефонами, мотаются следом за милицейским транспортом и в случае опасного приближения к "точкам" сигнализируют: "Сворачивайте работу!"

И в самом деле — стоило милицейской колонне двинуться к Ленинградскому шоссе, как "восьмерка" пристроилась сзади. Способ ее отшить один — замыкающая колонну машина у перекрестка тормозит, а затем проснакивает на красный, оставляя "восьмерку" у светофора.

22.00. "Внимание, работаем!" — такая команда звучит во всех машинах по радио. Самая первая на Ленинградском шоссе вырывается вперед. В ней все в

гражданском, чтоб не вызывать подозрений. Вон у бровки — женщина. Нет, на "бабочку" не похожа, габариты не те. Но машина тормозит возле. Оперативники не ошиблись — это "мамна". Она наклоняется к опущенному стеклу, называет цены, показывает, куда свернуть.

Автомобиль сворачивает. За ним, прибавив скорость, остальные. Врываются в сквер. Там — две "Волги", "Москвич" и парочка "Жигулей" с девочками. Пытаются разехаться, но пути перекрыты. Хлопают дверцы. В свете фар — козыряющие стражи порядка: "Ваши документы?!" Ну, конечно, у девочек, приехавших на заработки из Белоруссии, Украины и Молдавии, нет московской регистрации. Это единственное, за что их можно наказать.

Полтора десятка путан суетятся у милицейского автобуса — не хочется входить. Словно стадо антилоп, попавших в загон, они бестолково мечутся, загораживая сумочками лица от вспышек фотокамер, перебирая длинными ногами, нервно похохатывая. Наконец втягиваются в автобус.

22.30. Ближайшее отделение милиции. В просторной комнате, битном набитой девочками, идет заключительная часть операции: стражи порядка пишут рапорта о задержании. На каждую! Они же уворачиваются от глазка видеонамеры, зная, что снимают их не для милицейского досье, а для телевидения. Не нужна им реклама. Они и без рекламы нарастают.

...Известно: каждую ночь на улицы Москвы выходят от трех до пяти тысяч путан. Для многомиллионного города это, конечно, не масштаб. Но нелепость ситуации

в другом. Милицейские охоты за путанами столь откровенно показушны (мизерные штрафы не действительны — путана покрывает этот ущерб играючи), что наводят на невеселую мысль: стражи порядка, как и в прежние времена, **работают на отчет**. Чтоб угодить начальству.

В то время как популярные газеты целыми полосами публикуют петитом набранные телефоны под рубрикой "Досуг" с уточнениями: "Сауна. Дорого!" Или наоборот: "Дешево". Значит — без сауны. Позвонив по таному телефону, получишь полную информацию: как быстро тебе привезут домой девочку, в какую сумму она обойдется — за ночь, за час, за полчаса. Нуда, если хочешь подешевле, нужно приехать самому, чтобы оказаться — нет-нет, не в борделе — в гостях у хозяйки некоего салона, где милиция никогда не потревожит твой "досуг", так как владелица делится со стражами порядка своими, не **облагаемыми налогами, доходами**.

Все по-прежнему

Старательнее всего искореняли уличных путан в Саратове. Там эту проблему решал Совет безопасности при областном Правительстве. Да как решал! Газеты, телевидение, радио, словом, все СМИ были включены в эту шумную кампанию. Принципиальное ее отличие от московской — саратовские путаны из местных, их за отсутствие регистрации не оштрафуешь. К тому же губернатор Аяцков требовал от подчиненных не показуш, а практических результатов.

Началось же все с него, с Аяцкова. Как-то в морозный вечер,

проезжая по Большой Назачьей, где многочисленные путаны обычно начинают свое общение с клиентами, Дмитрий Федорович отметил — малоллюдно сегодня. Неужто промысел пошел на убыль? Или мороз сказывается? А заходя в подъезд администрации Кировского района (она на Большой Назачьей), увидел: вот они, родимые, где греются. И не одни — охранныка надрят. Губернатор, ввалившись в кабинет к главе райадминистрации, спросил: "У тебя что, в подъезде бордель?" Тот после отъезда Аяцкова спустился вниз, позвал девчонок к себе, усадил: "Хотите, я вас на работу устрою?" Те вежливо закивали. Он позвонил в отдел кадров, выяснил, где есть подходящие места и с какой зарплатой. Самая высокая, как оказалось, 450 рублей в месяц. Девчонки поникли. "А вы сколько зарабатываете?" — поинтересовался уязвленный глава. "По-разному..." — "И все-таки?" — "От четырех до пяти тысяч".

Аяцков, узнав, был вне себя: "Да объясните им, что лучше 450 рублей, чем собой рисковать!" Стали объяснять: каждый вечер на Большую Назачью выезжал милицейский автобус, девчонок собирали, везли в кинотеатр "Победа". Там перед ними выступали врачи, психологи, педагоги. Раздавали популярные брошюры. Показывали художественные фильмы, не содержащие сенсуальных сцен.

Это длилось 5 месяцев! Ежевечерне! Девчонки даже пирожки стали с собой брать, ворча: "Тогда уж и кормежку наладили бы, раз работать не дают!" Но подрабатывать продолжали — на других улицах, правда, с меньшим успехом.

И разнообразили способы улавливания клиента: стали заказывать в типографиях визитки с телефонами. Глянцевые, в цвете. С изображением цветка или сердца, пронзенного стрелой. Распространяли в гостиницах. Раздавали на перекрестках — водителям, у входа в дорогие магазины — представительным мужчинам.

Дело в том, что губернатор своей властью пресек публикацию в местных газетах пресловутой рубрики "Досуг" — с сауной и без. Но пресечь типографский бизнес ему оказалось не под силу. Дошло до анекдота: в типографии, печатавшей постановления губернатора, на соседнем станке штамповали девчоночьи визитки с цветочками.

Тогда саратовская власть приняла следующий шаг. По инициативе Совета безопасности газета "Саратовские вести" опубликовала шесть фотоснимков — шесть молодых девичьих лиц, слегка заретушированных, под громадным заголовком: "Внимание!" И — помельче: "Совет безопасности предупреждает: это уже опасно для жизни!" И — еще мельче о том, что представленные на снимках путаны заражены СПИДом, и каждый, кто воспользуется их услугами, рискует своим здоровьем.

Газету смели с прилавков. Номер передавали из рук в руки. Путаны и их клиенты пытались в заретушированных изображениях узнать — "кто есть кто". Публикация обсуждалась в передачах местного телевидения. Медицам прибавилось работы — особо внушаемые стали проверяться на СПИД, но, не обнаружив его, успокаивались. Словом, акция практически успеха не имела.

Большая Назачья живет своей прежней темпераментной жизнью — путаны прогуливаются, подходя время от времени к обочине, где, взвизгнув тормозами, останавливаются автомобили. Договариваются. Садятся в машину и уезжают. Или — ведут клиента в соседний подъезд. Все это — под присмотром спортивного вида ребят, выходцев из силовых структур, зарабатывающих на жизнь охраной путан и их бизнеса.

Находка на кладбище

Мое погружение в эту историю началось с двух загадочных убийств. Вот первое.

...Ранним августовским утром на живописном сочинском кладбище, где тяжеловесные мраморные надгробия криминальных авторитетов перемежаются скромными могилками, увенчанными аскетическими крестами, служитель, обходивший участок № 47, заметил нечто, завернутое в скатерть.

Развернул, любопытствуя. И — отшатнулся. В скатерти с бахромой было обнаженное женское тело — все в коричнево-черных пятнах ожогов. Лицо изуродовано. Во рту — кляп. Приехавшие сыщики обнаружили на соседней дорожке отпечатки автомобильных колес и следы волочения: труп, видимо, привезли в багажнике, оттащив затем к мраморным ступенькам соседнего надгробия... Кто жертва?.. Устанавливали с трудом. Вначале выяснили: исчезла популярная в городе путана Лидия Левченко (личка Ляля). Но она ли это? В ее жилье нашли волосы. Экспертиза подтвердила — на трупе такие же.

Она! Стали изучать круг ее знакомых: с кем чаще ходила в сауну? С кем соперничала? Во что вкладывала деньги, "заработанные" в номерах валютной гостиницы "Жемчужная" (там был ареал ее обитания)? И — поразились: у нее не оказалось ни своей недвижимости, ни счета в банке. Даже жилья своего не было — снимала каную-то похожую на сарай пристройку к дому барачного типа. То есть не просто бедная — нищая Ляля.

Невероятно!.. Ее клиентами были иностранцы, чаще финны, им, северянам, видимо, несмотря на преклонный для ночных бабочек Лялин возраст (48лет!), нравилась эта жгучая брюнетка, смешливо-конетливая и подвижная. О ней в городе знали: в начале 80-х приехала в Сочи на сезон — "подработать", а застряла на 20 лет. И ничего не заработала? Мне потом объяснят — почему, и к этой теме я еще вернусь... Но хотелось понять, кому безденежная Ляля помешала, не имея ни с кем серьезных финансовых дел (а сейчас удачливые путаны уже покупают магазины)? За что ее так? А, может, дело не только в ней, и это демонстративно-жестокое убийство — акция устрашения? В назидание другим?.. По версии сыщинов, с которыми я разговаривал, Лялю погубил "длинный язык". И слишком большая осведомленность — знала "обо всех все". Видимо, досадила кому-то из боссов интим-бизнеса. К тому же Ляля последнее время пыталась работать самостоятельно, не примыкая ни к одной фирме, не обзаведясь покровителем. Такую независимость ей простить не могли. Кто именно? Мне пока-

злось, сыщники знают — кто, но прямых улик у них нет. Пока нет. Потому и не называют.

А теперь — о втором убийстве. Жертва — 30-летний Александр Галкин, временно не работающий, хозяин подпольной фирмы любви. Женат. Жена знала, как муж зарабатывает на жизнь: у фирмы Галкина не было офиса, но был сотовый телефон.

Его номер мелькал на телеэкране, в рекламной бегущей строке. Клиенты звонили и, не зная, как начать, жаловались: "Вечер какой-то скучный". В ответ звучал нежно-мурлыкающий голос диспетчера: "Ну зачем же скучать, наши девочки поднимут вам настроение. Кого вы предпочитаете — блондинок, брюнеток?". Затем — звонок диспетчера на квартиру, где томятся в ожидании девочки, приезд водителя, в чьи обязанности входит и охрана путан, марш-бросок по ночным сочинским улицам — по адресу.

Деньги обычно брали вперед водители, путаны же слышали лишь шелест купюр. По оперативным данным, Галкин стремительно расширял масштабы своего дела, потому и возникли у него сложные отношения с известным милиции интим-боссом Андреем Цоем. И однажды вечером Галкина встретил у подъезда человек, выхвативший из-под плаща обрез. Первый же выстрел оказался смертельным... Но и в этом деле у следователей, как я понял, нет прямых улик. Пока нет.

Возможно, эти два преступления сыщники не объединяли бы, прорабатывая разные версии, если бы не третье: в душный сентябрьский вечер на улице Невской в доме № 8 на 1-м этаже за-

горелась квартира. Пожарные, тушившие огонь, обнаружили в ванне труп некоего Лихоткина, известного милиции причастностью к интим-бизнесу, а неподалеку, у бровки, возле "жигуля"-девятки, увидели раздетого по пояс, коренастого гражданина, заметно пьяного, смотрящего на огонь остекленевшим взглядом.

Оперативники нашли в его машине окровавленную майку, шапки-маски с прорезями для глаз, а в заднем кармане брюк — паспорт и военный билет В.И. Лихоткина, хозяина горевшей квартиры, лежавшего в тот момент в ванне с перерезанным горлом...

Когда коренастому надевали наручники, он кричал: "Не трогайте меня! Я Цой". Это был временно не работающий сын сочинского судьи.

Диспетчер — за ресторанным столиком

О том, наним образом сын известного в городе судьи оказался на свободе, чуть позже... А сейчас — о моем знакомстве с фирмами любви. Увидев на телеэкране бегущую строку, я записал их поэтические названия: "Властительница снов", "Империя страсти", "От рассвета до заката", "Рандеву". И их телефоны...

Звонить пришлось от дежурной по этажу — в моем номере не было телефона, гостиница скромная. Кручу диск. Всего лишь семь вечера, а по всем "поэтическим" номерам короткие гудки — занято. Звоню по "прозаическому" в "Супер-отдых". Гудки длинные. А вот и голос — мужской. "Скучновато", — жалуясь. — "Это легко

исправить, — интонация деловая, напористая. — Вы откуда?" — "Из гостиницы". — "Какой?" — "А не все ли равно?" — удивляюсь. — "Нет, — голос суровеет. — Разница в цене. В гостинице "Москва" за первый час мы берем 700 рублей, за второй — 200. В "Чайке" — 600 плюс 200". — "А если бы я звонил из квартиры?" — "Тогда 350 плюс 200". — "А почему?" — "А потому, — сердится диспетчер. — Мы же платим гостиничной администрации за проход. Везде такса разная". — "Спасибо, я подумаю". — "Думайте быстрее, пона девочки по квартирам сидят. Еще минут 10-15 — и всех расхватают".

Дежурная по этажу, немолодая женщина, что-то вязавшая в кресле, прислушавшись к моим расспросам, заволновалась. Когда я набирал следующий номер, она спросила о разнице цен и ахнула: — "Значит, в "Москве" только за проход 350 рублей?! А мы здесь даром пускаем... Надо директору сказать, чтоб тоже велел брать — в фонд гостиницы. А из него и нам, дежурным..." — "Вамто за что?" — "Как за что? За страх! Девки разные попадаются. Вдруг клиента клофелином напоят, нам хлопоты".

Набрав номер, спрашиваю о клофелине. И вообще — насколько безопасен этот интим. В ответ с обидой в нежно-музыкальном голосе: — "Да вы что, мужчина! Наша фирма уже столько лет в Сочи работает, ни одной жалобы". — "А куда жаловаться-то?" — "По этому телефону". — "Но он, как я понимаю, сотовый, адреса у фирмы нет?" — "Да мы сами к вам приедем, если что! — В голосе диспетчерши смтение. — Мы за

свой авторитет... И директор у нас ответственный". — "А кто ваш директор?" Молчание. Осторожно уточняет: — "Вы из милиции, что ли?" — "Нет, я журналист". — "Оставьте ваш номер, я свяжусь с директором. Он вам перезвонит".

Диктую номер (забегая вперед, скану — звонка не последовало). Набираю следующий и продолжаю тему безопасности. Интересно, не боятся ли девочки стать разносчиками одной из многих специфических болезней. Ответ уверенный: — "А чего бояться, они все презервативами пользуются, если с умом". — "А если кто без ума?" — "Ну бывают такие, в разнос идут, рвут в момент акта презервативы, тогда это их проблемы..."

В прокуратуре и милиции Центрального района Сочи меня просветили: в городе около 40 фирм любви. Ни одна не зарегистрирована. А так как диспетчеры принимают заказы на сотовые телефоны, то они могут работать хоть за ресторанным столиком — был бы список девочек под рукой. Пуганы живут на снятых для них квартирах, но работают только на выездах: свято чтут 241-ю статью УК о притондержательстве — клиентов к себе не водят.

Средняя цена за один час — 400 рублей, все, что сверх этого, оседает в гостиницах или у администрации санаториев. Но из исконо фирменных четырехсот самой пугане перепадает не более 150-ти. В валютных гостиницах типа "Лазурной" побольше. Там час любви стоит для клиента 100 долларов, но из них фирме остается только 30, остальные реквизирует гостиничная администрация. Чем труднодоступнее заведе-

ние, куда везут путан, тем дороже заветный час. Возят путан, как мне сказали, и на правительственные дачи, их заказывает тамошняя охрана.

Откуда пуганы? В основном с Украины, из Луганской области, там повальная безработица. Привозят девушек вербовщики, обещающие им карнавальную жизнь. Здесь, в Сочи, у большинства из них паспорта отбирают, девочки становятся совершенно бесправными. Они не идут жаловаться в милицию на жестокое с ними обращение хозяина или клиента. Они вне закона, поэтому над каждой из них можно надругаться, можно избить, убить, и никто не спохватится. Разве что труп обнаружат, как это случилось с Лялей.

Относительную защиту их жизни осуществляет охрана фирмы, это бывшие спецназовцы или водители. Но защитить путан от хозяйского гнева и каприза они не могут. Им бы самим хлебное место не потерять! Но и в этих рабовладельческих условиях самые расторопные и удачливые (из тех, конечно, кто достиг профессионального мастерства, собрал постоянную клиентуру, не злоупотребляет алкоголем и наркотинами) ухитряются за 5-7 лет сколотить капиталец, вложить его в дело, заручившись поддержкой какого-нибудь покровителя, который способен уладить миром отношения с хозяином фирмы, ревниво контролирующим каждый шаг наложницы. Обратный пример — бедная Ляля. Стремясь к независимости, она оназалась без покровителя, обираемая всеми, и, сболтнув лишнее о сильных мира сего, стала жертвой мести.

О конкуренции. Рынок сочинского интимбизнеса поделен не территориально, а по способам улавливания клиентов. Часть фирм работает "от визиток", распространяемых по гостиницам и санаториям с номерами телефонов. Другие пользуются "бегущей строкой". Третьи — газетной рекламой. Конфликты между этими тремя группами возможны, но не типичны. Но вот из фирмы уходит набравшийся опыта водитель или охранник, начиная такое же дело — тут-то и возникает у прежнего хозяина к новому конкуренту люта я ненависть.

По оперативным данным, и застреленный Галкин, и зарезанный Лихоткин одно время работали на интим-босса, известного в этой специфической среде как сын судьи.

Как "отмазать" сына...

Его наглость, подогретая алкоголем, поражала даже видавших виды сыщинов.

— Что это за маски? — спрашивают его. — Не знаю, — отвечает небрежно. — Это не мое. Может, кто-то забыл. — Как оказались у вас документы убитого? — интересуется оперативник, осматривая извлеченные из заднего кармана его брюк паспорт и военный билет Лихоткина. — Да откуда я знаю, — улыбается Цой, — вы, наверное, подбросили...

Тут же у машины толклись две девушки, сильно навеселе, правда, поняв, что им сегодня придется ночевать в милиции, они быстро протрезвели. В машине же Цоя обнаружили, кроме всего прочего, телевизор и видеомagneтофон, принадлежавшие, как потом вы-

снилось, Лихоткину. Это мое, — заявил Андрей Цой, — перевозку с одной квартиры на другую. О металлической дубинке, резиновых перчатках, ножках он отвечал монотонно, с ленивой ухмылкой: "Да вы и подбросили". Об окровавленной майне, темно-коричневых пятнах на брюках и даже на туфлях: "Это я нос разбил, кровью себя заляпал..."

Он был уверен: папенька, известный в городе судья, одно время занимавший должность председателя суда Центрального района, "отмажет" сына. Цой занервничал лишь, когда его повели в кабинет врача, чтобы взять анализ на алкоголь в крови. Ему сняли наручники, и он побегал. Но его догнали.

Задержанные подружки Цоя (как потом выяснилось, начинающие путаны, приехавшие с Кубани) дали показания: с Цоем, оказывается, были еще двое, успешные скрыться. Один — кавказец, второй — то ли молдаванин, то ли украинец, зовут Виталием. Это они трое, оставив девчонок в машине, ходили к Лихоткину "разбираться", а когда вернулись, уже горела его квартира. Те двое уехали, а Цой замешкался — смотрел на огонь, как загнипнотизированный...

Виталия Кравченко взяли на третий день, про кавказца выяснили — скрылся в Грузии. Первым заговорил Кравченко. Да, это они "разобрались" с Лихоткиным, Цой попросил. В тот вечер они "гуляли" на Ривьере с девчонками — сидели за столиком у кромки моря, выпили, Андрей говорил про свои проблемы и вспомнил Лихоткина. Тот работал у него водителем, возил девчонок "по адресам"

и вдруг ушел. Не просто так, а чтоб свое дело начать. Такая подлянка!

Заговорил со следователями и Цой. Да, был он в квартире Лихоткина, но не убивал. Убивали "те два отморозка", а он, Цой, только телевизор и видак забрал, потому что Лихоткин остался ему должен. А документы его прихватил нечаянно.

На "выводке" (когда признающихся подозреваемых выводят на место преступления, снимая на видео их признания) Кравченко и Цой показали: вот так вошли и вот здесь, прямо в коридоре, стали бить Лихоткина кулаками и ножами, потом бросили его в ванную. А увидев, что все вокруг залепано кровью, подожгли квартиру.

Затем Цой вдруг стал отказываться от своих признаний. Случилось это вскоре после его разговора с отцом. Разрешили папе — на стадии следствия! — такое свидание в виде исключения, учитывая причастность Владимира Васильевича к системе правосудия. Да еще из сочувствия — ведь такую душевную травму сын нанес пожилому отцу!.. Ему объяснили: сын задержан фактически на месте преступления, был весь в крови, с похищенной оргтехникой, то есть убийство и разбой очевидны. Владимир Васильевич печально кивал, выспрашивая между тем подробности, и, высказав надежду на предельную объективность, удалился.

И сразу же после этого визита случился у него с прокуратурой инцидент: поехала следственная группа производить положенный в таких случаях обыск по месту жительства арестованного. Анд-

рей же на допросе местом своего проживания назвал адрес, где был прописан. Приезжают — и выясняется: это папина квартира, обладающая иммунитетом неприкосновенности как жилье судьи. И следователи, извинившись, ушли, попутно узнав: Андрей фактически жил у своих девочек, постоянно меняя и их, и квартиры.

Но факт посещения следственной группой жилища судьи почему-то очень возмутил В.В.Цоя, он немедленно обратился в городскую прокуратуру с гневным заявлением: прокуратура Центрального района нарушает закон! Разве можно ей доверять расследование дела А.Цоя? Это ж до какого беззакония нужно дойти, чтобы перешагнуть порог судебной квартиры!..

А ведь именно Владимиру Васильевичу следовало бы задуматься: почему в его семье вырос такой человек? Может быть, папин судебный имидж был ширмой, за которой процветал образ жизни, далекий от норм морали и права? И папино положение сын использовал как "крышу" для своего бизнеса? Иначе бы зачем Андрею Цою кричать оперативникам, надевавшим на него наручники: "Вы что, не знаете, кто я? Я Цой!"

...И как перестать лицемерить

Сразу после столкновения папы-Цоя с районной прокуратурой случилось вот что: уже был наработан по делу целый том следственных документов (300 страниц!), когда пришло распоряжение передать его в Краснодар, в прокуратуру края. Передали. А.Цоя и В.Кравченко перевели в Армавирский ИВС. И уже на 20-й

день ареста Цой праздновал освобождение, разгуливая по улицам Сочи. Разумеется, все было оформлено как надо: выпущен под подписку о невыезде.

Причина? Андрей Цой вдруг заболел туберкулезом, тут же и справки появились. И, чтобы не распространял инфекцию в местах заключения, его решили от этих мест изолировать. Пусть распространяет палочку Коха в толпе сочинских отдыхающих, в кафе и ресторанах — там можно. Но почему бы, следуя этому гуманному принципу, не выпустить всех заключенных, болеющих туберкулезом? Потому что тогда пришлось бы открыть железные двери тюрем и лагерей чуть ли не девяти десяткам заключенных?..

И сразу, как только Андрей Цой оказался на свободе, со свидетельскими показаниями стало происходить странное: они менялись на глазах! Словно бы усыхали, теряя по ходу расследования подробности! Сами свидетели являлись на повторные допросы с печатью смертельного страха на лицах. Чего они боялись? Или — кого? Самого Андрея, раскатывавшего на автомобиле по улицам Сочи? Или его коротко стриженных, плечистых друзей?

Результат? В.Кравченко получил свои 15 лет лишения свободы. А Андрея Цоя судили не за участие в убийстве и не за разбой — лишь за укрывательство убийства. Его осудили на 5 лет, но тюрьмы он и на этот раз избежал: его папа похлопотал, и дело направили на новое рассмотрение. Кравченко в ожидании следующего суда хлебает положенную ему баланду, а сын судьи по-прежнему на свободе.

...Ситуация, говорили мне в Сочи, даже для нынешней России с ее бандитским беспределом, уникальная: человека взяли, можно сказать, на месте преступления, а его до суда выпустили "погулять", чтоб ему удобнее было ломать свидетелей.

Я позвонил Владимиру Васильевичу домой (он теперь уже бывший судья, благопристойно ушедший в отставку). Попытался спросить, как он относится к образу жизни "временно не работающего" сына. Но услышал в ответ: "Я с журналистами не общаюсь". Сына же его я в Сочи найти не смог — видимо, слишком много у него здесь "явочных квартир". По оперативным данным Андрей Цой не просто разгуливает по Сочи — он встречается с нужными людьми, продолжая через подставных лиц руководить интим-бизнесом. По некоторым признакам, говорили мне, он намеревается весь этот сочинский бизнес взять под свой контроль.

Во время телефонных разговоров с "фирмами любви" я, по совету оперативников, спрашивал, каковы их отношения с Андреем Цоем. В телефонной трубке тут же возникала могильная тишина. Я уточнял: "Разве вам не знакомо это имя?" Через паузу, переведя дыхание, мне отвечали: "Очень даже знакомо..." И — отключали связь. Понимаю: с этим именем в Сочи молва связывает три жутких смерти. Две вроде бы Цоя не касаются. Ну, мало ли по какой причине мог погибнуть Александр Галкин? Или та же Лидия Левченко, по кличке Ляля, чье сожженное тело нашли на кладбище: не Цой же виноват в том, что задума-

ла она вырваться из сутенерской набалы?!)

Мне говорили: теневой интим-бизнес криминален, потому что не узаконен. Узаконив его по примеру Запада (а он и так уже в крупных российских городах стал полулегальным), мы перестанем лицемерить, делая вид, что "у нас секса нет", во-первых. Во-вторых облегчим положение путан, обозначив их права, в числе которых, видимо, должно быть право на пенсионное обеспечение, а также на создание своего профсоюза, охраняющего все их — без исключения! — гражданские права. В третьих, формальная легализация профессии позволит обществу установить медицинский контроль за жизнью путан. И — в четвертых: неузаконенность интим-бизнеса порождает не облагаемые налогом громадные доходы, их надо "отмывать", а это подпитывает механизмы коррупции.

Когда же я спрашивал, могу ли назвать в публикации авторов

этих мнений — их должности и имена, мои собеседники смущенно отводили взгляд, отказываясь. Стеснялись. Самих же путан о легализации их профессии никто не спрашивает, и они молчат.

И последнее: больше всего в этой командировке поразили меня не жуткие детали убийств. А подробности, рассказанные оперативником, осматривавшим жилье погибшей Ляли. Войдя в пристройку к барачному дому, он увидел полутемную сырую комнату с шатучими деревянными половицами и старым, насквозь продавленным диваном, чей деревянный остов обозначался даже под покрывалом. Сюда, на этот диван, приходила отсыпаться пожилая путана Ляля — из великолепия пятизвездочного отеля, в очередной раз ограбленная гостиничными охранниками, мечтавшая хоть что-то заработать себе на старость... ■

Серединой Африки считают Арушу. Городок величиной с наш Загорск расположен на равном расстоянии от Найра и от Кейптауна. Туристов уверяют: в самой середине Африки стоит гостиница "Нью-Аруша". Гостиница дорогая. Географическая подробность должна внушить постояльцу, что зря денег с него не берут.

Туристов великое множество. Аруша — место, откуда выезжают на две-три недели в "настоящую Африку". Из городка уходят маленькие, крашенные под зебру автобусы человек на пять-восемь. Иногда же один сверхбогатый приезжий снаряжает семь-восемь автомобилей.

Он едет убить слона. Кроме ружья за ним везут палатки, элентостанцию, холодильник, запасы воды, вина и продуктов, везут походную ванну, радиостанцию. Богатого американца (немца, бельгийца...) сопровождают два-три белых охотника, африканские следопыты, свежесвалыцин, повар,

фотограф, носильщики. Если вы знаете слово "сафари", так это и есть сафари — охотничье путешествие. Сейчас этим словом называют, правда, всякое путешествие в Африке.

В Аруше туристы покупают походное снаряжение, а улетая домой, нагружаются африканскими сувенирами. Магазины в маленьком городке завалены барабанами, щитами и копьями, деревянными резными фигурками, шкурами редких зверей. На витрине в оправе из золота — львиные ногти и слоновьи бивни.

Мы с моим спутником Мишей приглядели браслеты из слоновьего волоса. На хвосте у слона растет толстая черного цвета "провода". Браслет из нее будто бы приносит в путешествиях счастье. Цена столь нужного талисмана доступна каждому. Мы купили по два браслета и утречком, когда муэдзин с минарета созывал горожан на молитву, поехали в Арушу.

Едем к знаменитому Нгоронгоро. Четыре часа по асфальту, потом по дороге, на которой вспом-

Василий ПЕШОВ

фото автора

ЗОЛОТОЙ КРАТЕР

нилась песня "И только пыль, пыль...", и мы у подножия вулкана. Никаких приключений, если не считать убитой машиной цесарки. Синевато-серые птицы с маленькой головой и большим телом любят копаться в песне и временами теряют бдительность. Это уже третья у нас на счету. Миша обходит машину и, убедившись, что с нашей стороны потерь не имеется, кладет цесарку в багажник. Начинаю подозревать, что в моем землянке пробудился охотник...

Кратер мы увидели в полдень. Солнце стояло прямо над головой. Наступая на свои тени, мы шли к обрыву по зеленой, сочной траве. Африканец-мальчишка играл с маленьким прирученным зебреном. На уровне наших глаз, не шевеля крыльями, плыла большая черная птица. Нгоронгоро... Вот он... Огромная чаша, налитая золотым светом. Края у чаши синие, а дно — зеленый просторный луг. Справа на этом зеленом

дне — как будто не допитая нечто влага. Да, озеро как раз там и должно быть. А синяя плотная тень, наверное, лесок. Пожалуй, кратер просторней, чем я представлял.

Самый большой на Земле кратер! Крутые, поросшие зеленью стенки поднимаются на 600-700 метров. Луг с озером и леском имеют в поперечнике 22 километра. Большой город поместился бы в чаше.

Нгоронгоро не единственный кратер в этих местах, миллион лет не знающий извержений. Вблизи от Аруши мы поднимались на кромку Нгурдото, кратера меньшего по размеру, но с такой же голубой каемкой, с таким же ровным зеленым пространством на дне и такой же торжественной тишиной.

На языке масаев Нгоронгоро означает "чаша в чаше". Я не успел выяснить, что означает название ещё одной чаши в горах по соседству. Название почти русское: Маланья.

Славу кратеру Нгоронгоро сделали четвероногие обитатели. Европейцы, впервые увидевшие горную чашу, стояли ошеломленные: "Зелёные поля были усеяны огромными стадами животных, как будто высыпанными из исполинской перечницы. Кратер буквально кишел ими. Изолированный кратер — последний оплот диких африканских животных". Это свидетельство Джона Хантера, автора известной книги "Охотник". Он одним из первых белых охотников начал привозить в кратер заокеанских клиентов. Как вели себя люди, впервые увидевшие это богатство? "Американцы были как дети, вдруг пущенные в кондитерскую лавку. Они стреляли, пока их ружья не накалились до такой степени, что стали обжигать руки. Не хватало суток для того, чтобы удовлетворить их ненасытный аппетит на шнуры и рога". Такие охотники опустошили Африку. Но кратер чудом сохранил обилие жизни. Тут раньше, чем где-нибудь, запретили стрелять. И теперь в одном из самых знаменитых на Земле заповедников мож-

но увидеть тысячи диких животных...

Сверху, скорее, можно угадывать, чем видеть животных. У обрыва на тумбе — оптическая труба. Опускаем монету, и стекла к самому глазу подносят кусочек зелёного дна. Спрессованный оптический воздух дрожит, как вода. И в этой воде я вижу табунок зебр и рядом — чёрного носорога... Скорее в кратер!

Спуск занимает более часа. Машину надо сдерживать тормозом. Но даже на маленькой скорости по камням "лендровер" прыгает, как будто снизу получает пинки. Нас провожают странного вида деревья. Кажется, в этом месте Богу пришла идея соединить тополь и кантус. Силуэты деревьев на фоне золотой дымки необычайно красивы. Бегу из машины vybrать точку для съёмки. Но в высокой траве из-под ног у меня пружиной взлетает кто-то пёстрый и гибкий... Сервал! Большая пятнистая кошка, пробегающая по голым камням, оглянулась. И мне захотелось скорее, скорее в машину...

Дорога описала по борту кратера плающую полосу и вынесла

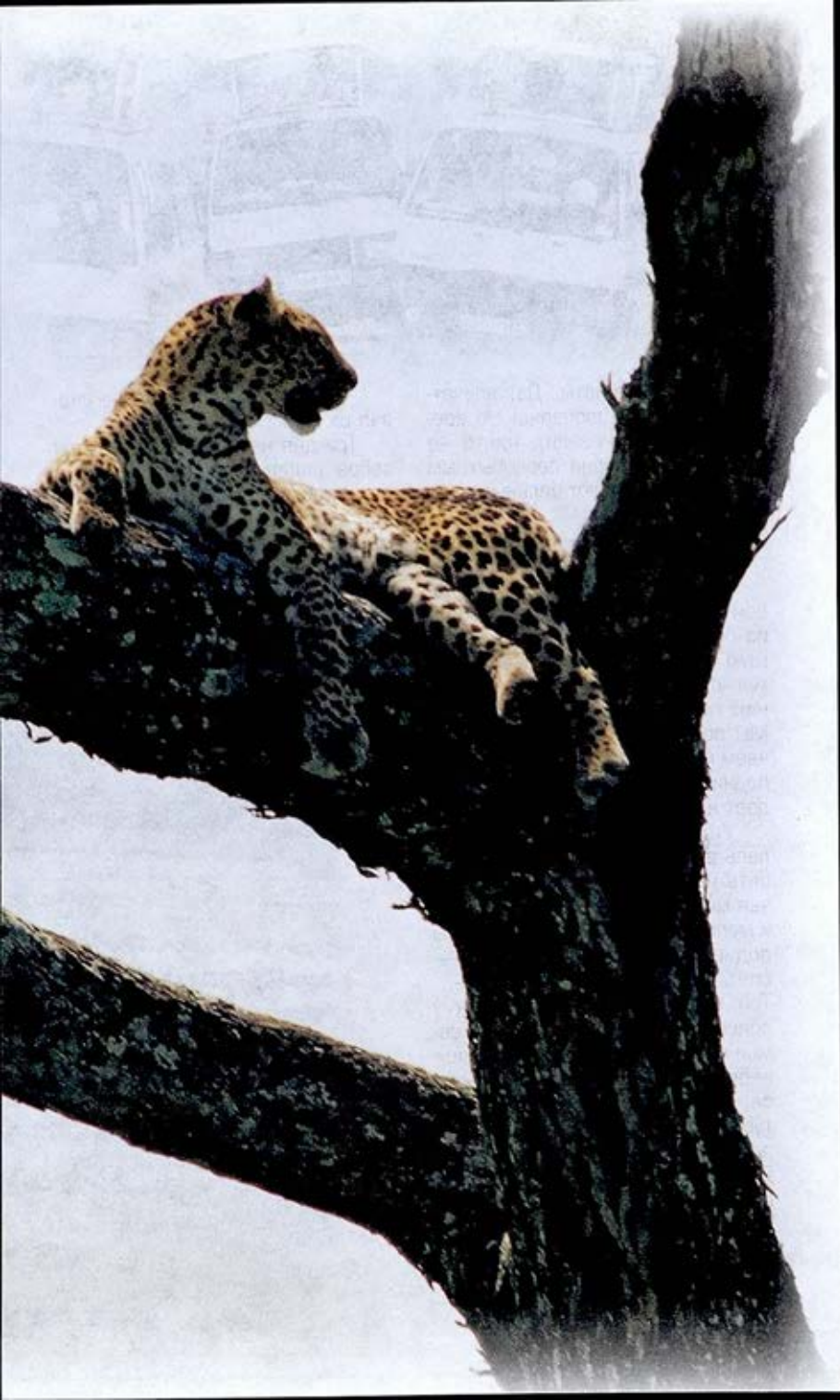
автомобиль на равнину. Нас теперь окружает синяя стенка, за которую облака зацепились и переваливать через неё не решаются. Они висят над гребнями белой куделью. А над кратером — солнце. Мы едем к озеру и сразу попадаем в окружение полосатых лошадон и антилоп. Зебры, не удостоив нас взглядом, щиплют траву вблизи машины или бегут рядом, стараясь пересенать дорогу у самого радиатора. Наши деревенские лошади гораздо пугливей.

По числу голов первенство в кратере держат антилопы гну. Эти суматошные существа носят как помешанные. Кажется, они непременно хотят побывать у нас под машиной и только в последний момент делают остановку, думают полсекунды и боком, боком, с поднятым кверху хвостом уносятся в сторону, совершенно противоположную той, куда только что направлялись. В кратере гну платят самую крупную дань местным хищникам. Вблизи озера мы наблюдаем любопытную сцену. Молодая гнучиха только что родила. Она с испугом глядит на мокрое существо и робко, осторожно начинает лизать гнучонку. Посвящение в жизнь происходит на глазах у здешнего мира. Три бело-коричневых с чёрной полосой козлика томи равнодушно пасутся рядом. Зебры затеяли драку в десяти шагах от роженицы. Из травы поднялись и низко пролетели венценосные журавли. Кажется, никому нет дела до матери и её малыша, однако гнучиха беспокойно глядит на песчаную осыпь. Я поднимаюсь на крышу автомобиля и вижу причину её беспокойства. Под пе-

счаным обрывом стоит гиена. Вид у неё сонный. Жёлтая, в чёрных крапинках шерсть всклокочена, брюхо отвисло. Гиена сыта и не думает нападать. Но антилопе есть чего опасаться. В кратере около тридцати львов, столько же гиен и чуть меньше шаналов. Половина новорожденных почти сразу же погибает. И никто не заступится, не вмешается. Всё в кратере предоставлено хорошо отлаженному механизму Природы. Расплодись гну слишком сильно — не хватит на всех травы. А кратер должен прокормить очень многих.

На берегу озера мы с Мишей просим шофёра остановиться, лезем на крышу машины и, загибая пальцы, считаем всех, кто попадет на глаза. Гну, зебры, стайки газелей Томсона и чуть более крупные газели Гранта. Похожие на коров антилопы канны. Два носорога мирно пасутся в осоне у ручейка. А дальше, как стога сена, — девять слонов. Наним-то чудом в кратер пробрались бегемоты. Один из них пытит рядом с машиной. Озеро мелкое. Бегемоту хочется спрятаться. Он торопливо идёт ко дну, но спина не скрывается... Водяные козлы, страусы, обезьяны, шаналы... Не сходя с места, мы насчитали семнадцать видов крупных животных. Это без многочисленных крупных птиц — пеликанов, фламинго, гусей, цапель, ибисов, — обитающих у воды.

На Земле нет больше места, где жизнь была бы так же разнообразно обильна. Кажется, Африка собрала в кратер на непредвиденный случай понемногу всех своих обитателей. "Африканский новчег! Живой музей! Зоопарк!" —

восклицают туристы. Да, впечатление музея и зоопарка! Но зверей никто не неволит, никто не держит. Живут они первобытным законом: выживают сильные, слабые умирают...

— Джентльмены... — Шофер глазами показал на ручей.

Львица. Оглядевшись, молодой зверь ложится и, как кошка из блюдца, начинает ланать бегущую воду — хвост у львицы то мягко бегаёт по траве, то жестким поленом упирается в землю. Мы подъезжаем ближе и выключаем мотор. Зверь на две секунды поднимает усатую морду и припадает к воде.

Утолив жажду, львица скрылась в траве. Но минут через десять на сухом берегу того же ручья мы увидели сразу пять старых и молодых львов. Львы спали. Мы подъехали метров на сорок — спят. Двадцать метров... десять... Три метра — спят! Позы как у спившихся личностей. Глава семьи с косматой, нечесаной гривой небрежно раскинул ноги и, нажатся, специально для мух выставил туго набитый живот. Рядом с ним лежал, видимо, младший сынок. Двое детей постарше, не открывая глаз, хвостами сгоняли мух. Мать-львица лежала чуть в стороне. В объектив я разглядел странно белевшую нижнюю челюсть.

— У львицы несчастье, — сказал шофер.

Три дня назад во время охоты зебра саданула копытом львицу по челюсти. Неизвестно, что стало с зеброй, но львица обречена. Какой-то закон предписывал раненой львице держаться в стороне от семьи. На нас она даже не взглянула. И было неловко донимать зверя.

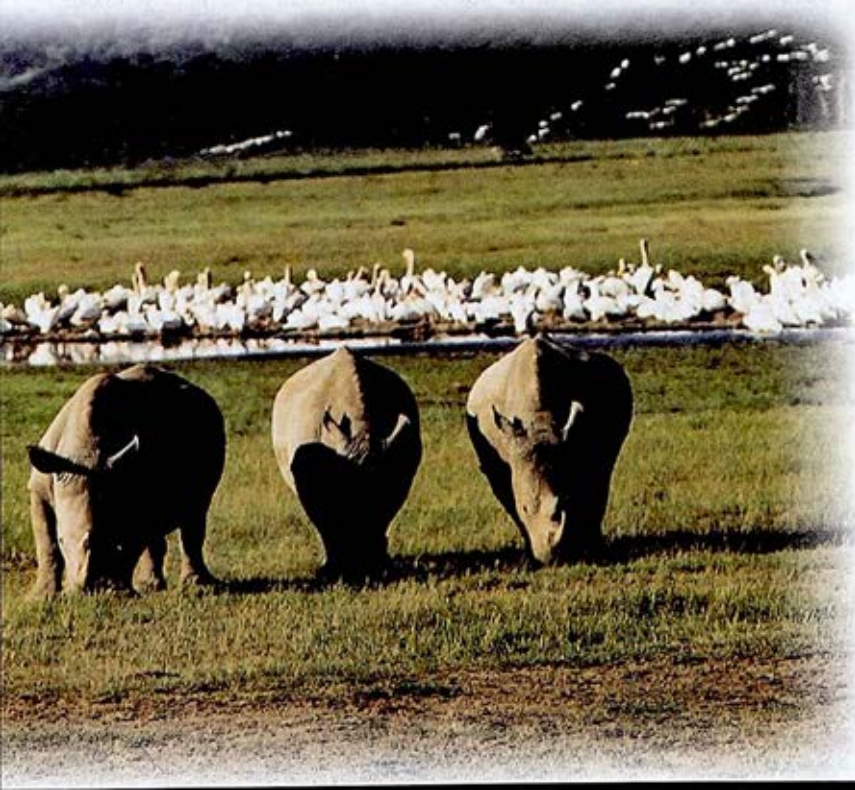

Машины львы совсем не боятся. Шофер сделал два круга около спящих, только тогда папаша поднял голову и удивленно воззрился прямо в мой объектив. Низкое солнце подсветило львиную гриву. Зверь был прекрасен. Люди его нисколько не волновали. Он зевнул, потом громно рыгнул и повалился вверх животом...

Возвращаясь к дороге наверх, мы видели, как под ногами у зебр деловито пробежали два чепрачных шанала. Видели, как танцевали на маленьком острове венценосные журавли и тихим вечерним строем двигались к лесу слоны. Мы сделали остановку, ожидая, пока слоны минуют дорогу. Шофёр сказал, что к этим слонам (исключая одного, со сломанным бивнем) можно подъехать совсем вплот-

ную... Звери быстро начинают доверять человеку, если он не стреляет. А ведь не так уж давно тут, возле леса, с охотником Херстом случилась драма. Он ранил слона. Тот скрылся в кустах. Херст, пытаясь перехватить его, пошёл в кусты, но, прежде чем охотник вскинул ружьё, слон схватил его хоботом. Вот запись рассказа слуги-африканца, который видел, как это было. "Слон схватил бвана Херста, понёс его к дереву и стал бить об ствол. Бвана закричал, и слон ударил его ещё раз; бвана крикнул второй раз — слон ударил ещё сильнее. После этого бвана перестал кричать — слон бросил его и ушел".

Сейчас слоны уходили неторопливой грифельно-синей шеренгой. Они скрылись в лесу, не произведя ни малейшего шума.

Без солнца кратер наполнился синевой, густевшей с каждой минутой. Белые облака по краям тёмного гребня в том месте, где скрылось солнце, казалось, вот-вот расплавятся и золотом потекут в потемневшую чашу. Стало заметно холодно. Я надел свитер... Оглянувшись с высоты полдороги, мы увидели в темноте огонёк. Это масаи зажгли костёр. Жизненное пространство в кратере со зверями делили три маленьких поселения людей.

Рано утром мы опять спускаемся в кратер. На этот раз нас занимает один только зверь — носорог. В знаменитой "африканской пятёрке" — слон, носорог, буйвол, лев, бегемот — носорог занимает особое место. "Забыл вымереть", — сказал Миша, когда мы первый раз увидели носорога. Странное "бронированное" существо в сорока метрах от нас объедало кустарник. Тяжёлая серая туша была неподвижна. Двигалась челюсть, и беспрестанно двигались волосатые уши. Уши поймали что-то тревожное для хозяина. Носорог вдруг перестал жевать и кинулся напрямик по кустам. Треск, чавканье грязи — живой танк ломился сквозь заросли. На открытом месте носорог "включил тормоз" и опять сделался неподвижным. Большой, чуть загнутый рог увеличивал сходство с танком. Любопытно, что африканцы, воевавшие в Европе, называли танк фару — так же, как зовут носорога.

"Вымирать" носорогам издавна помогали охотники. Теперь, когда животных осталось считанное число и охота на них повсюду запрещена, носорогов бьют бра-

коньеры. Гонимые звери обязаны рог, состоящему из уплотнённого волоса. Истолчённый рог будто бы возвращает старикам молодость. Средневековое шарлатанство дожило до космической эры. Особенно жаждут омолодиться богатые старики Индии. Своей жизнью за это платят ни в чём не повинные носороги.

Зверь умеет за себя постоять. Но охотник с пучком отравленных стрел садится на дерево и, ловко подражая звукам влюблённой самки, подзывает обладателя рога на расстояние полёта стрелы. Поражаешься разрушительной силе яда. Капля тёмной мастики, сваренной из веток и корешков дерева, растущего в тех же местах, где живут носороги, валит с ног стопудового зверя.

В природе из-за крайне плохого характера носорога дружить с ним никто не желает. Упрям. Раздражителен. Без малейшего повода — рог книзу и мчится в атаку. Благоразумный слон, имея большое преимущество в силе, всё-таки уступает ему дорогу. Львы тоже предпочитают не иметь дела с толстокожими подслеповатыми существами, хотя при случае могут напасть на детёнышей — маленьких, "игрушечных" носорогов.

Надеясь на силу, носорог довольно беспечен. Человек с хорошими нервами может подойти к лежащему носорогу достаточно близко.

Но мотор машины надо держать включённым, а дверцу открытой. Подобные вольности туристам, конечно, не позволяют, да и мало найдётся охотников рисковать. Но у мальчишек-масаев есть отчаянная игра. Надо неслышно подойти и положить на

спину спящему носорогу камешек. Кто-то другой, поджавшись, должен взять этот камень, третий — опять положить... Не зря масаев считают самыми смелыми в Африке.

В кратере Нгоронгоро для носорогов истинный рай. Их тут больше, чем в любом другом месте Африки. И мы без труда находим двух, потом сразу трёх носорогов. Они мирно пасутся попеременно с зебрами. С тридцати метров в мощный объектив видны даже складки кожи у зверя. Видно даже мух и личинок, которых выбирают красноклювые птицы. Одна из птиц залезает в ухо и наводит там чистоту. Носорог трясёт головой, но птица делает своё дело. Крылатые санитары мгновенно взлетают, как только машина оказывается слишком близко. Это лишний сигнал опасности, и носорог трусцой, задрвав тонкий хвост, убегает...

Мы вдоволь наездились вокруг щипавших траву зверей и собрались покидать кратер, как вдруг один носорог выскочил из кустов и стал обегать наш "лендровер". Я снимал в это время через верхний открытый люк. Ное-что зная о носорогах, я подал Мише длиннофокусный объектив и спешно привёл в готовность обычную камеру, и как раз вовремя — носорог достиг подветренной стороны. Сильный запах, кажется, подстегнул зверя. По прямой линии носорог кинулся на машину. Я не успел опомниться, как всю площадь кадровой рамки заполнили большой рог и торчком стоящие уши... Иногда носороги бросаются лишь поугагать. Но в этот раз атана была серьёзной. Я нырнул в люк. И тут же машина дрогнула от удара...

Но странно, "лендровер" не опрокинулся и даже продолжал ехать, а шофер был спокоен, как будто не туша в полторы тонны, а деревянный теленок по неразумности хотел испытать силу. Оглядели машину. Выше заднего колеса была хорошая вмятина. Мы с Мишей поцокали языками, но шофер позвал нам еще четыре такие же отметки. Машина бы наверняка опрокинулась, не будь в атаке у носорога слабого места. Удар наносится не с разбегу. Носорог делает остановку и только потом бодает машину.

— Это, наверное, Джордж, сказал шофер и попросил бинокль — разглядеть убежавшего зверя.

Джорджа недавно усыпляли для каних-то обмеров. Стреляли в него шприцем с машины. С тех пор Джордж не выносит "лендроверов".

— А может быть, новичок... Носороги иногда спускаются с гор. Возможно, это один из тех, кто не усвоил порядки в кратере...

Нгоронгоро... Прощаясь, мы опять стоим на краю голубой чаши. Теперь я знаю: темные точки на внутренних склонах — это деревья с метками. Сочными и колючими, как стволы кантуса. Два темных пятка на зеленом — это деревни масаев. Сегодня пасмурно. Через лиловую тучу солнце пробивается в кратер мощным, дымным от влаги лучом. Кажется, большой прожектор с неба осветил луг. Темные подвижные пятна — это стада антилоп. Пятна светлее — зебры. Одиночных зверей сверху не видно... Миром и покоем веет от чаши, наполненной жизнью... ■

“REVOLVERS”

Ряды участников шоу-бизнеса все чаще пополняют профессиональные актеры. Вот и солист модной сегодня “REVOLVERS” Алексей Елистратов запомнился телезрителям по сериалам “Клубничка”, “Будем знакомы” и кинофильму “Мелкий бес”. Педагоги эстрадно-циркового училища и ВГИКа, которые он окончил, сулили актеру блестящее будущее. А он в свободное от съемок время на заработанные деньги записывал песни. Собрал на целый альбом, но свет увидели только несколько песенок, выпущенных в музыкальных сборниках. И хотя

кинокарьеря складывалась неплохо, Алексей не переставал обивать пороги офисов музыкальных продюсерских фирм. Уж скольким акулам шоу-бизнеса он подарил свои кассеты, но все тщетно. Говорили: мальчик, ты, конечно, талантлив, но у нас уже есть раскрученные проекты, приносящие прибыль, а заниматься кем-то новым сейчас просто невыгодно.

А в это время продюсер Сергей Мускатин создал новый коллектив “REVOLVERS” и занимался его раскруткой. Но группа явно проваливалась: они были никому не интересны. В поисках нового

солиста продюсер прослушал чуть ли не сотню студентов музыкальных училищ и вдруг наткнулся на кассету Елистратова... Записали две песни; одну подарили ребята из группы "Руки вверх", другую написал гитарист и автор песен "REVOLVERS" Дмитрий Иванов. Неожиданно группа танцевальной песенной "Нет, ты не любишь меня" и клипом про любовь к верному четвероногому другу покорила девичьи сердца и заняла первые места в хит-парадах. Их стали наперебой приглашать на концерты, гастролы. Правда, злые языки поговаривают, что дело не в умении

штамповать хиты, а ...во внешнем сходстве солиста с погибшим певцом группы "Иванушки" Игорем Сориним. Мол, девчонкам-фанаткам не хватало Игоря, а здесь вдруг появляется этанкий двойник.

— Работать под Игоря Сорина я бы никогда не стал. Это кощунство, — говорит Алексей. — Мне кажется, мы с ним очень разные: и в личном плане, и в творчестве. А сходство связано с ошибкой очень модного парикмахера, к которому я пришел, дабы приобрести свой стиль перед первым выступлением. Когда работа была

закончена, я посмотрел на себя в зеркало и чуть в обморок не упал. Стрижка под ноль, да еще и покрашили в платинового блондина. Выйдя из салона, в ближайшем универмаге купил бандану — так и вышел на сцену.

— Представь остальных ребят группы.

— Нас трое: я — солист, Дима играет на гитаре и пишет песни, их у него уже целый альбом, Вениамин — клавишные.

— В певцы подался из-за "бешеных" гонораров?

— Мне и в кино хорошо платили. Дело не в деньгах. На сцене я говорю о том, что в жизни для меня является самым важным. О любви. Я романтик, верю в любовь красивую и до гроба.

— Почему же в кино никогда не играл героев-любовников?

— Пока не дорос до такого амплуа. Хотя и надеюсь сыграть роль Назановы, например. Ведь с кино я не завязывал.

— А как же клипы? Там ты постоянно играешь влюбленных юношей.

— Клип — это всего лишь трехминутный и совершенно не серьезный фильм. Своей игрой там я не доволен — слабо у меня получается.

— Ваша группа много гастролирует, клипы часто крутят на телевидении... Наверное, на улице прохождению не дают поклонники...

— Узнают меня в основном водители, когда ловлю машину, и заламывают такие деньги! А если возмущаюсь, говорят: ты песенки свои поешь и лопатой деньги гребешь...

А что касается гастролей... Не скрою, девушки прохождению не дают. И мы отнимаемся на их внима-

ние, с собой же не возим! Да и никого возить: не женаты пока и не влюблены до беспамьятства. Еще добавлю, что в поездках мы не дебоширим, не выбрасываем из окон телевизоры и мебель. Зачем повторяться. До нас это уже делали многие. И "Битлз", и Вова Преснянов...

— В каком возрасте почувствовал тягу к музыке?

— С детского сада: когда все нормальные дети во время тихого часа ложились спать (мне же послеобеденный сон никогда не нравился), я старался остаться в обществе воспитателей и нянечек: пел им песни. Причем самые популярные: "Арлекино", "Старинные часы", "Под крышей дома своего"... А потом уже и в школе на каждом концерте "отрабатывал" по 3-4 номера.

— У тебя музыкальное образование?

— Да, конечно. Лет в 9 без ведома родителей записался в музыкальную школу. Окончить ее удалось не за семь лет, как положено, а за пять.

— И затем отправился в Москву...

— Родители не хотели отпускать меня... Переживали, что я буду совершенно один, без родных и друзей. Отец, например, до сих пор лелеет надежду, что я вернусь в Орск и буду работать на заводе "Южуралмаш", на котором он проработал всю жизнь сначала техником, а затем диспетчером.

В Москве я пытался поступить в училище имени Гнесиных. Но провалился на последнем экзамене — динтante по русскому языку. А на следующий год отправился в цирковое училище. Кстати, во время вступительных экзаменов

попал в нелепую ситуацию. Я должен был танцевать, а туфли оказались на несколько размеров больше. И вот когда отплясывал рок-н-ролл, туфля слетела с ноги и угодила прямо в одного из экзаменаторов. Я пришел в ужас: ну, думаю, все — выгонят. Но, к счастью, обошлось. Я стал студентом.

А после циркового училища окончил еще и институт кинематографии. Петр Тодоровский пригласил меня в свой фильм "Анкор, еще анкор", но, к сожалению, кадры с моим участием не вошли в готовую версию картины. Затем снялся у Николая Досталя в "Мелком бесе". Играл роль гимназиста Саши Пыльников. Работал в паре с Полиной Кутеповой. В картине снимались также Ирина Розанова и Елена Майорова, с ними было приятно и легко работать. Своей игрой я остался доволен, мне за нее не стыдно. Потом снялся в те-

лесериалах "Нлубничка" и "Будем знакомы". В "Будем знакомы" сыграл, можно сказать, самого себя. Мой герой Антон Тимофеев — начинающий певец, который хотел чего-то добиться в шоу-бизнесе. Еще были эпизодические роли в фильмах "Дети понедельника" и "Любить по-русски-2". Самая последняя работа в кино — озвучка фильма "Триумф", музыку к которому написал Макс Фадеев.

— А какую музыку предпочитаете слушать сам?

— Люблю Джорджа Майкла, Уитни Хьюстон, Мэрайю Керри, Эроса Рамазанови. Нравится все, что делают группы "Отпетые мошенники" и "Тости из будущего". И вообще, в репертуаре любого исполнителя, любой группы обязательно есть композиция, которая мне нравится.

Беседовали

**Галина СИРИК
и Рамазан РАМАЗАНОВ.**

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

ЛЕТО 2001

Европа

Брюссель от 333* у.е.

Цюрих от 320* у.е.

Женева от 335* у.е.

Мадрид от 395* у.е.

Хельсинки от 155* у.е.

Осло от 286* у.е.

Стокгольм от 260* у.е.

Прага от 315* у.е.

Будапешт от 250* у.е.

Братислава от 215* у.е.

Бургас от 235* у.е.

Варна от 235* у.е.

Загреб от 355* у.е.

Любляна от 295* у.е.

* - действуют правила и ограничения

**Российская выставка продуктов питания
и напитков**

РОСПРОДЭКСПО-2001

**31 августа — 04 сентября 2001 года,
ЦВЗ “Манеж”, Москва**

Организаторы:

Министерство сельского хозяйства
Российской Федерации,
Правительство Москвы, фирма “Агроэкспосервис”

Тематика:

детское и диетическое питание;
кондитерские изделия;
упаковка, этикетка;
холодильное, торговое оборудование;
спиртные и безалкогольные напитки;
бакалейные товары;
молочные продукты, мороженое;
ингредиенты и пищевые добавки;
мясо, рыба, птица, морепродукты;
фрукты, ягоды, мёд, овощи, консервы.

107139, Москва, Орликов пер., 1/11.
Телефакс: 975-1979, 975-4730, 207-5429, 207-8326

Быть здоровым - это современно!
Иметь оригинальное хобби - это модно!

досуг и хобби

www.hobbyexpo.ru

2001

РОССИЯ, МОСКВА,
КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"
20-24 СЕНТЯБРЯ

Международная выставка товаров и услуг
для популярного, активного, элитного и
экстремального видов отдыха и хобби.

Вы должны участвовать в нашей выставке!

ОРГАНИЗАТОР

КОНЦЕРТНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
СОКОЛЬНИКИ

информационная
поддержка:

К участию в выставке приглашаются
производители товаров и услуг для
традиционных, элитных, экстремальных
видов спорта, туризма, отдыха и хобби

Директор выставки - Любовь Петровна Архипова
Тел./факс: (095) 268-7605, 268-7603

Адрес: Россия, 107113, Москва,
Сокольнический вал, 1, павильон 4
Факс: (095) 268-0891

e-mail: arhipova@exposokol.ru
<http://www.exposokol.ru>

СТРАНА
Турция

M
ХОББИ

Александровский
ПРИЗОР АМ.СМ

НОВЫЙ [WWW.NV.RU](http://www.nv.ru)
ВЕРНИСАЖ &

ЦЕЙХГАУЗ

ДОСУГ

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

для ДОМА и ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо*

и капучино

**за 20
секунд**

20 сортов

свежеобжаренного
колумбийского кофе

Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.apr.ru>

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

100. М. ДЕРЯБИН
 Калуга

2

101. В. ШУМАРИН
 Москва

2

102. Л. ЛЕБЕДЕВ
 Беларусь

2

103. Ф. НАКАБАДЗЕ
 Грузия

3

104. М. МАРАНДЮК
 Украина

3

75. В. КОСТЕНКОВ
 Ижевск

3

106. В. НОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень
 Приморского кр.

4

107. Е. БОГДАНОВ
 Украина

4

108. М. МАРАНДЮК
 Украина

4

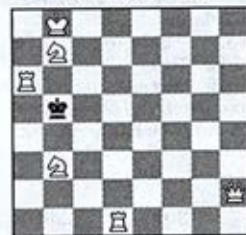
**I приз
В ШАНЬШИН**

**II приз
Л. ЛЕБЕДЕВ**

**III приз
А. ЕПИФАНОВ**

в) Лаб-а4

**Специальный приз
В. МАРКОВЦИЙ**

ДВУХХОДОВКА-2000

В конкурсе двухходовок 2000-го года участвовало 113 задач 52-х авторов, опубликовано 55 миниатюр. Из конкурса исключены: №№ 1, 30, 31, 61, 144 — из-за предшественников, № 94 — как ранее опубликованная.

I приз — В. Шаньшин (Киргизия)

1. Cd3? — 2. Фа5, Фd4x, 1...Крb6 2. Фа7x, 1...Крd5 2. Фс4x, но 1...d5!

1. Сс3! — цугцванг! 1...Крb6 2. Фа5x, 1...Крd5 2. Фd4x, 1...d5 2. Фb4x

Тематическая двойная угроза ложного следа трансформируется в матующие ходы идейных вариантов решения. Маты на ходы черного короля меняются. Легко и непринужденно осуществлена переменна игры в форме Руденко. Приятно, что все маты даются белым ферзем. Несомненно, лучшая задача конкурса! Радует, что один из сильнейших проблемистов современной двухходовки не обходит своим вниманием и малый жанр!

II приз — Л. Лебедев (Беларусь)

1. Лg6? Крd4 2. Лg4x, 1...Крf5 2. Кd6x, 1...d4!

1. Кf7? Крd4 2. Ла4x, 1...Крf5 2. Фf3x, 1...d4!

1. Крс6? d4 2. Кd6x, 1...Крf5!

1. Kg6? Крf5 2. Фf4x, 1...d4!

1. Ле6! — цугцванг! 1...Крd4 2. Фd3x, 1...Крf5 2. Фg4x, 1...d4 2. Фf3x

Многофазная переменна матов, технично смонтированная, но с существенным недостатком: одно и то же опровержение нескольких ложных следов. Правда, уже не раз говорилось, что с этим приходится мириться при осуществлении в миниатюрной форме сложных современных тем.

III приз — А. Епифанов (с. Новотроицкое Кировской обл.)

а) 1. Фb2 — цугцванг! 1...Крс4 2. К3а5x! (Kd2?), 1...Крb4 2. Кd2x! (K3а5?), 1...Кра6 2. К3с5x

б) 1. Фb2 — цугцванг! 1...Крс6 2. К3а5x! (Kd4?), 1...Крb6 2. Кd4x! (K3а5?), 1...Кра4 2. К3с5x

Перемена игры в форме близнецов с красивым антидуальным разделением батарейных матов.

Специальный приз — В. Марковций (Украина)

1. Kd2? — 2. Фе4, Фf5x, но 1...Крe6!

1. Kg3? — 2. Фе4x, 1...Крe6 2. Фf5x, 1...d6!

1. Kd6! — 2. Фf5x, 1...Крe6 2. Фе4x

Интересное сочетание нескольких современных тем, к сожалению, удалось осуществить лишь с помощью двух однополюсных слов.

Почетный отзыв — В. Шаньшин (Киргизия)

1...Крa6 2. Фа8x 1...Крb4 2. Фс3x

1. Ка — ? b4, 1. Кс3! b4 2. Фа8x (Фа1?), 1...Крb4!

1. Фа1! — цугцванг! 1...b4 2. Кс3x, 1...Кра6 2. Кс5x, 1...ba 2. Фа4x, 1...Крb4 2. Фс3x

Почетный отзыв — А. Слесаренко (г. Дубна Московской обл.)

1...gh 2. Кf6x

1. Фе3? gh 2. Фh6x, 1...g6 2. Кf6x, 1...g5 2. Фе8x, 1...Крg6!

Почетные отзывы на равных

В. ШАНЬШИН

1. Фf2! — пугиван! 1...gh 2.Фf5x, 1...g6 2. Фh4x, 1...g5 2.Фf7x, 1...Kpg6 2. Фf5x

Почетный отзыв — В. Коваленко (г. Большой Камень Приморского кр.)

1. Kpg7? Кре5 2. Фе3x, 1...f4!

1. Ld3? — 2. Фе3x, 1...f4 2. Фd5x, 1...Кре5!

1. Фf6? — 2. Фd4x, 1...f4 2. Фе6x, 1...Kpf4!

1. e3! — 2. Фf4x, 1...Кре5 2. Фе7x, 1...Kpf3 2. Фf4x

Всем авторам удалось полнее раскрыть возможности механизмов, к помощи которых ранее уже прибегали другие проблемисты.

Похвальный отзыв — В. Дячук (Украина)

1... ed 2.Фf4x

1. Кс3? — 2.Фf4x, Фе4, Фf6x, 1...Kpd4!

1. Khf6? — 2.Фf4, Фе4x, 1...ed!

1.Крс6! — 2. Фf4x, 1...ed 2. Фd5x, 1...Kpd3 2. Фе3x

Модная идея уменьшения угроз. Задача могла бы стать выше, если бы не "паразитные" попытки 1. Ке7?, 1.Кb4?, 1...Kpd4!

Похвальный отзыв — В. Каландадзе (Грузия)

А. СЛЕСАРЕНКО

a) 1.Kpg4? Кре4 2.Фс4x, 1...Кре2! 1. Kpg2? Кре2 2.Фс2x, 1...Кре4!

1. e8! Кре2 2. Сb5x, 1...Кре4 2.Сg6x

б) 1. Kpg2! Кре2 2. Фс2x, 1...Кре4 2. Фс4x

Похвальный отзыв — В. Корнев (Израиль)

1. Cd8? Кра4 2.Крс3x, 1...Kpb2!

1. Сс4? Kpb2 2.Kpd3x, 1...Крс2 2. Lh2x, 1...Кра4!

1. Lh5! — цугцванг! 1...Кра4 2.Сс2x, 1...Kpb2 2.Крс4x

Специальный почетный отзыв — В. Мельниченко (Украина)

Крс6, Фg8, Kd3, Kd7 — Kpf5, Се3, п.е7; б) Се3 — п.е7

а) 1.K7f8! — 2.Фg6x, 1...Cg5 2. Фе6x, 1...Кре4 2.Фd5x

б) 1. K7e5! — 2.Фg6x, 1...Cf6 2.Фg4x, 1...Kpf6 2. Фg6x

Специальный похвальный отзыв — А. Шонхольцер (Швейцария)

Кре2, Фb6, Kd2 — Крс1 пп. b2, c2, c5

1. Фf6? — 2. Фf1x, 1...b1K 2.Kb3x, 1...b1Ф!

1. Фh6? — 2.Фh1x, 1...b1Ф 2.Кс4x, 1...b1K!

1. Кс4! — 2. Фb2x, 1...b1Ф 1.Фh6x

В. КОВАЛЕНКО

Почетные отзывы на равных

В. ДЯЧУК

В. КАЛАНДАДЗЕ

В. КОРНЕВ

Наследование и дарение: разные правила

"Отец собирается подарить мне квартиру. У него есть сын от первого брака, который заявляет, что такая сделка будет признана недействительной, так как он инвалид II группы, иждивенец отца и имеет право на обязательную долю в имуществе. Правильно ли это?"

А.Е.Бородина,

Владимирская обл.

Нет, это не соответствует действительности. Защищая свою позицию, ваш родственник использует понятие "обязательная доля", применяющееся только в сфере наследования имущества. В соответствии со ст.535 Гражданского кодекса РСФСР несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (к нетрудоспособным относятся и инвалиды I и II групп), а также иждивенцы наследуют независимо от содержания завещания не менее двух третей от доли в имуществе при наследовании по закону. Если бы квартира передавалась вам от отца по завещанию, то его сын от

первого брака мог претендовать на часть квартиры. В данном случае собственник квартиры передает ее по договору дарения, и правила наследования не применяются.

Таким образом, договор дарения квартиры будет действительным, если, конечно, при его заключении и исполнении будут соблюдены все требования законодательства о дарении недвижимого имущества.

Милиция обязана отреагировать

"Мы обратились с иском в суд. Ответчики стали недвусмысленно угрожать и требовать, чтобы мы не являлись в суд и не выступали в судебном заседании. Мы написали в милицию заявление о возбуждении уголовного дела по статье за принуждение к уклонению от дачи показаний, но нам отказали. Как мы можем защитить себя?"

А.С. и П.Р.Поляковы,

Екатеринбург

Во-первых, необходимо отметить, что отказ в возбуждении уголовного дела по ст.309 Уголовного кодекса за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу в данном случае правомерен. Данная статья распространяется только на свидетелей, потерпевших, экспертов и переводчиков, то есть на тех лиц, которые обязаны давать правдивые показания, заключения или перевод. На истцов по гражданскому делу такая обязанность не возлагается. Давать объяснения — это их право, а не обязанность. По этой причине статья 309 УК РФ защищает тех лиц, но-

торые несут уголовную ответственность за дачу ложных показаний, заключений и перевода, а также за уклонение от дачи показаний.

Вы можете защитить себя другим способом, также обратившись в милицию. В соответствии со ст.10 Закона РСФСР от 18.04.91 г. "О милиции" милиция обязана принимать и регистрировать заявления, сообщения и иную поступающую информацию о событиях, угрожающих личной безопасности граждан, и своевременно принимать меры, предусмотренные законодательством (например, контролировать телефонные переговоры по вашему заявлению).

В зависимости от того, какие конкретно угрозы вам высказываются и что от вас требуется, действия ответчиков могут квалифицироваться по другой статье Уголовного кодекса РФ, например, по статье 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), по статье 163 (вымогательство) и т.д.

Регистрация все же нужна

"Но мне приехала на несколько месяцев родственница из другой области. В ЖЭУ говорят, что я ее должна зарегистрировать. Я не согласна, так как прописки сейчас нет, а если обращусь в паспортный стол, мне все равно откажут, так как нарушается норма жилой площади. Обязана ли я регистрировать гостью?"

И.М.Рослякова,
Тульская обл.

Институт прописки действительно утратил силу в соответствии с заключением Комитета кон-

ституционного надзора СССР от 11.10.91 г. В 1993 г. с принятием Закона РФ "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства в пределах Российской Федерации" был введен регистрационный учет по месту жительства и месту пребывания. Различие двух институтов состоит в том, что наличие или отсутствие регистрации не может служить основанием для ограничения конституционных прав гражданина или условием реализации этих прав.

В соответствии со ст.3 указанного закона граждане РФ обязаны регистрироваться по месту пребывания и месту жительства. Согласно п.9 "Правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства в пределах Российской Федерации" от 17.07.95 г. гражданин, прибывший для временного проживания в жилое помещение, обязан обратиться с заявлением о временной регистрации в трехдневный срок со дня прибытия. Поскольку вы предоставили жилое помещение для временного проживания, вашей обязанностью является оформление заявления о предоставлении квартиры для временного проживания родственницы. Надо сказать, что отсутствие регистрации по месту пребывания никаких особенно серьезных последствий не повлечет: и вы, и ваша гостья можете быть оштрафованы на сумму до одной десятой минимального размера оплаты труда на основании статей 178 и 180 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

Что касается несоблюдения нормы жилой площади, то действующее российское законодательство не предусматривает такого основания для отказа в регистрации по месту пребывания.

Частная практика требует лицензии

"Получил специальность врача-стоматолога, собираюсь заняться частной практикой, открыть собственный кабинет. Нужно ли для этого какое-то специальное разрешение или достаточное количество документов об образовании? Если разрешение нужно, то как его получить?"

Л. Бадукин,

Челябинская обл.

В соответствии с Федеральным законом от 25.09.98 г. "О лицензировании отдельных видов деятельности" для занятия медицинской деятельностью необходимо получение специального разрешения — лицензии. Вместе с тем, лицензированию подлежит деятельность не любого врача, а только желающего заниматься частной медицинской практикой. Кроме того, для оказания медицинских услуг населению в собственном кабинете или клинике врачу необходимо зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя.

Согласно п.3 "Положения о лицензировании медицинской деятельности", утвержденного Постановлением Правительства РФ от 25.03.96 г., лицензия разрешает врачу осуществление конкретного вида медицинской практики на определенный срок. Для получения лицензии необходимо обратиться в Управление Мини-

стерства здравоохранения соответствующего субъекта федерации и представить следующие документы:

— заявление о выдаче лицензии с указанием вида медицинской деятельности и срока действия лицензии (минимальный срок действия — три года, но по заявлению лицензия может быть выдана и на меньший срок);

— справку налогового органа о постановке на учет либо свидетельство о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя со штампом налогового органа;

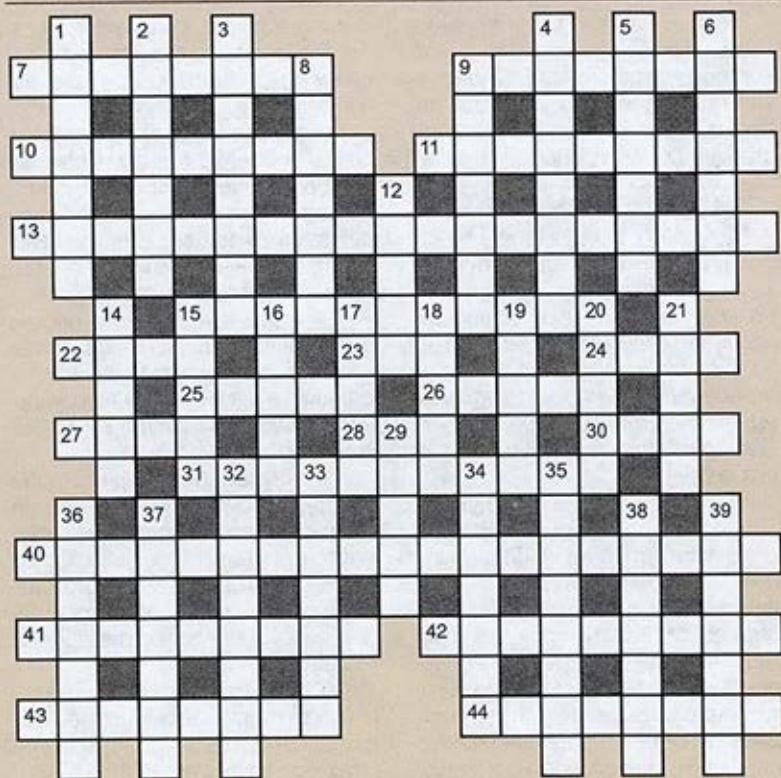
— документ, подтверждающий оплату рассмотрения заявления (за рассмотрение заявления взимается платеж в пределах одной десятой части минимального размера оплаты труда, за выдачу лицензии — в пределах трехкратного размера МРОТ);

— сведения о профессиональной подготовке специалиста, желающего осуществлять медицинскую деятельность;

— сведения о материальном, техническом и ином оснащении заявителя, позволяющем заниматься желаемой деятельностью.

Как правило, через месяц вы получите решение о выдаче вам лицензии или об отказе в выдаче данного документа (срок может быть продлен для производства дополнительной независимой экспертизы). Если лицензионный орган принял решение об отказе в выдаче лицензии, вы можете обжаловать данное решение в суде. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. И эстрадный номер танцевального ансамбля, и исполнение им лишних танцев. 9. Автор популярной песни "Журавли" на слова Р. Гамзатова. 10. Медвежий угол. 11. Труженик, у которого руки чешутся. 13. Процесс расширения сферы деятельности капитала за пределами государства. 15. Рождественские обрядовые представления ряженых. 22. "Забракованное" приобретение. 23. Оновы дружбы. 24. Пропуск в ад. 25. Точка соединения радиусов. 26. Грузинский суп из говядины, а не из баранины, как принято в России. 27. Бурятская или монгольская движимая недвижимость. 28. Марка первого советского автомобиля. 30. А. Хомяков по отношению к Н. Языкову. 31. Лодка для тех, кто мелко плавает. 40. Неприличное выражение, слово, поступок. 41. Трава пустырей, чей нониин был синтезирован пер-

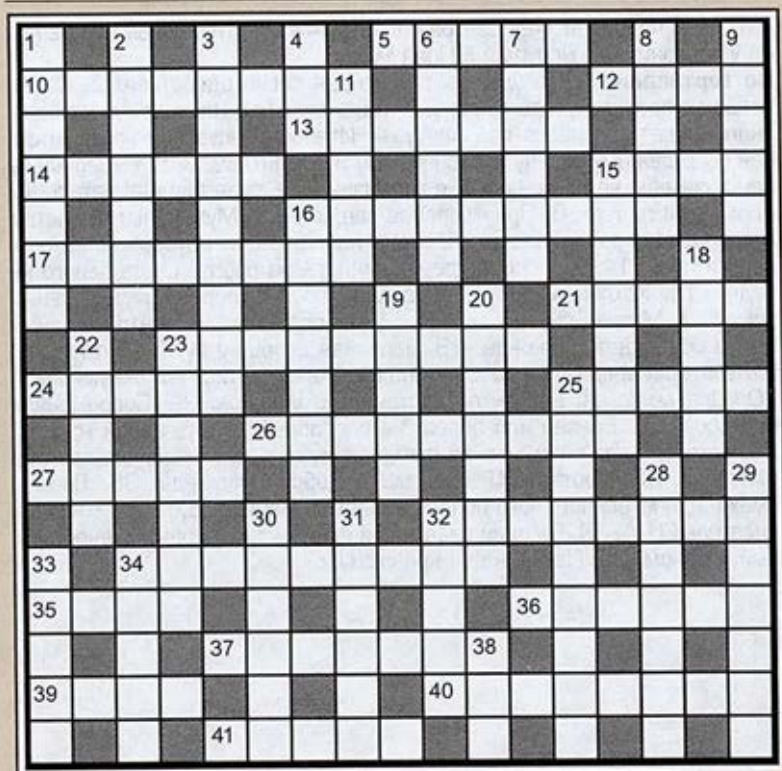
вым из алкалоидов. 42. Сестра таланта. 43. Вертикальная ось передна у повозки. 44. Ведущий с Поля Чудес.

По вертикали. 1. Погода, заставляющая легко одеваться. 2. Самое большое пресное озеро мира. 3. Птица, ставшая клюшкой в королевском кронете в сказке про Алису. 4. Итало-французский композитор, как бы рубежный между классицизмом и романтизмом. 5. Г. Державин как музыкант во время учебы в гимназии. 6. Самая лишняя деталь костюма или пальто. 8. Пронурорское решение. 9. Музыкальный инструмент победно рапортующих. 12. Болотная трава, от которой не отказывается лось. 14. Транспорт, где машинисты на работе света белого не видят. 15. Хохлацкая кличка москаля. 16. Медленный музыкальный темп. 17. Мудрец сказал: не тот ..., кто спотыкается, а кто на одном месте спотыкается дважды. 18. Запасная дверь по сути. 19. Римский император, перед смертью криннувший: "Накой артист во мне умирает!" 20. Юла двуногая. 21. Дутое достоинство мундира. 29. Современная поэтесса. 32. Боксер или борец, не способный давить своей массой. 33. Семидольная ритмическая фигура в музыке. 34. Кабачок, трактир в Италии. 35. Порт в ЮАР близ мыса Доброй Надежды. 36. Добыча смеха, единственное, чего боялся академик Капица. 37. Негритянский писатель США. 38. Русский писатель и фантически первый отечественный агроном. 39. Птичник для крякающих. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 7. Чакона. 10. Рассев. 11. Йиглава. 12. Мастер. 13. Клавир. 14. Ориноко. 15. Безмен. 18. Ниппон. 21. Кольт. 24. Угроза. 25. Ритуал. 26. Норна. 27. Свекла. 28. Вампир. 29. Шпора. 32. Спринт. 36. Ангола. 39. Аргаман. 40. Ятаган. 41. Целина. 42. Тесание. 43. Юлиана. 44. Надрыв.

По вертикали. 1. Хараре. 2. Костюм. 3. Байрон. 4. Дранкон. 5. Эстамп. 6. Жерино. 8. "Огниво". 9. Фасоль. 16. Заговор. 17. Еропкин. 19. Истомин. 20. Пианино. 21. Канаш. 22. Ларго. 23. Трава. 30. Погост. 31. Ремень. 33. Поталь. 34. Ингмар. 35. Тантал. 36. Акцент. 37. Гольды. 38. Ландыш.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 5. Немецкий пианист и дирижер, обладавший феноменальной памятью и выступавший без партитуры. 10. Нед Ленд в романе Ж. Верна "20 тысяч лье под водой" по отношению к Канаде. 12. Изнурительная трудовая повинность индейцев Америки во времена испанского колониального владычества. 13. Центр древней цивилизации в долине Инда, чьи руины использовали как балласт при строительстве железной дороги. 14. Приток Ангары на границе Иркутской области и Красноярского края. 15. Танец издерганных. 16. Писатель, которого Н. Крупная в 1928 году обвинила в том, что он-де ненавидит Н. Некрасова. 17. Главный цыган в фильме "Цыган" (актер). 21. Увеличительное стекло общества, по мнению В. Маяковского. 23. Самый мечтательный литературный стиль. 24. Калена-вымогатель в повести А. Платонова "Котлован". 25. Спутник телезрителя. 26. Положение, нажим обыватель при тоталитаризме оправдывает бездействие. 27. Стая, ведомая птицей высокого полета. 32. Слива, на которую прививают персик для посадки на влажных почвах. 34. Средство, каним можно и

нужно, по Л. Толстому, противиться недоброму. 35. Аргонавт, чье имя значит "Врачеватель". 36. Противотанковый ров. 37. Композитор, перед которым на одном из концертов Паганини встал на колени, а после прислал восторженную записку и чек на 20 тысяч франков. 39. Объект, какой плетью не перешибешь. 40. Бутылконос, плавун, ремнезуб, тасманов кит (общее название). 41. Английский физик и химик, первым получивший жидкий и твердый водород.

По вертикали. 1. Киноактриса, не любящая цветы из-за того, что в юности на похоронах ее маленького брата все было завалено ими. 2. Обычное название общины септантов в России. 3. Поэт, чья роковая дуэль отмечена сильной грозой. 4. Русское название травы, чей яд выпил Сократ. 6. Известный публицист, сотрудник журнала "Отечественные записки", а после его закрытия — "Северного вестника". 7. Время, в какое семья расходует деньги, накопленные за 11 месяцев. 8. "Пред грозным временем, пред грозными судьбами, о милый, вечен он" (объект стихотворения А. Пушкина, обращенного к И. Пущину). 9. "Парень, играющий в ..." — конкурсная скульптура Н. Пименова, за которую Академия художеств удостоила его Большой золотой медали. 11. Представитель кавказского народа, у которого овец доили и стригли мужчины. 15. Способ выразить недовольство у гусей и змей. 16. Житель американского города с самым высоким небоскребом — 441,71 метра. 18. Ткань, модными сортами которой в России в 1830-х годах были Дюбарри, Ментенон, Помпадур и Трианон. 19. Четырехвратный буддийский храм. 20. Публичное рождение литературного произведения. 22. Страдная картина А. Пластова. 23. Способ заглянуть в нутро человека. 25. Состояние людей, которое Иван Бунин за необыкновенную хвастливость сравнил с большевизмом. 8. "Начальник" зимы. 29. Самый крупный художник на закате венецианской школы. 30. Овощ, противопоказанный язвенникам. 31. Цветок, не любящий прямой солнечный свет. 32. Музыкальное, охотничье или иное сообщество. 33. Русский металлург, новатор в производстве броневых плит. 34. Одно из племенных объединений, составивших туркменскую нацию. 38. Отрицательный фактор, неизбежно порождающий свое подобие. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Сафьян. 6. Нирпич. 10. Арбуз. 12. Тютчев. 14. Мембрана. 15. Радиант. 16. Идол. 18. Этна. 19. Стель. 20. Фианр. 25. Рифма. 26. Психоанализ. 28. Галантность. 29. Цокот. 32. Богач. 33. Горох. 36. Хлев. 38. Берг. 40. Шалапин. 42. Бантышев. 43. Костер. 44. Дерен. 45. Турция. 46. Осанка.

По вертикали. 1. Ситник. 2. Футбол. 3. Ящер. 4. Архиепископ. 5. "Тумно". 7. Изба. 8. Пиастр. 9. Чаатас. 11. Зет. 13. Ватто. 17. Пират. 18. Экватор. 21. Чигар. 22. Емшанов. 23. Охотнорядец. 24. Щипок. 27. Страх. 30. Номик. 31. Ухобот. 32. Бернар. 34. Нептун. 35. Югурта. 37. Жавер. 39. Лыжи. 40. Шед. 41. Нокс.

Нина Бурдыкина

Веселая, озорная барышня тринадцати лет от роду считает, что с выбором будущей профессии она пока не определилась. Слишком много соблазнов. Не плохо бы стать фокусником или, скажем, балериной. Гром аплодисментов, у ног охапки цветов, восторженные зрители... Красота! И весьма равнодушно принимает вполне реальные восторги, которые вызывают ее живописные работы. Видимо, по молодости лет еще не осознала, наной щедрый подарок преподнесла ей природа, наградив удивительным даром — умением легко переносить на бумагу красоту окружающего мира. А работы юной Нины Бурдыкиной и впрямь хороши. Пейзажи, натюрмор-

ты, портреты, карандашные зарисовки... Выполнены они вполне профессионально, сильной, уверенной рукой.

Рисовать Нина начала лет с трех. Да и росла, как сама говорит, "в банках с красками", потому что вечно вертелась в мастерской отца, художника и графика. Он и стал ее первым учителем, но посчитал, что дочери, несмотря на бесспорный талант, необходимо получить классическое художественное образование. В пять лет Нину отправили в художественную школу, а с десяти она стала учиться в лицее при Академии художеств (когда-то именовавшемся более скромно — школа при Суриковском институте). Шуструю непоседливую девочку учителя довольно быстро подчинили жесткой дисциплине. Нравится — не нравится, а приходится до бесконечности копировать пыльные гипсовые головы да кувшины.

И Нина, честно и старательно выполняя обязательную классную программу, в довольно-таки редкие свободные дни, а особенно на каникулах, с лихвой компенсирует скуку академических уроков. "Я люблю писать все живое и с натуры. Деревья, цветы в саду, а еще лучше, которые в лесу встретила: тонкие, хрупкие, их и рвать-то жалко. Пона донесешь до вазы, они и завяли. Вот и пишу их прямо на поляне. Когда с папой в лес за грибами отправляемся, обязательно высисываем самые красивые места, запоминаем их, а затем, уже с этюдником, красками вновь приходим туда, но уже работать". А еще — родные пейзажи возле дачи в Подмоскovie, роскошные в своей энзотине виды Крыма, где летом Нина отдыхает с роди-

телями. Все это она пишет анварелью, гуашью. И только со следующего года станет писать маслом. Танов закон лица — досконально усвой одну технику, затем приступай к следующей, более сложной. Впрочем, Нина уже самостоятельно начала работать с красками. "Когда пишешь маслом, картины получаются более яркими, сочными. А вообще мне всякая техника интересна". Интересна ей и скульптура. Нина лепит из глины вазы, чайники, посуду, всевозможные вистульки, некоторые после обжига расширяет стилизованным под примитив орнаментом. И уже несколько лет увлечена оригами — японским искусством складывания из бумаги всевозможных фигурок и рисунков. "У нас наной-то, — озабоченно вздыхает ребенок, — совершенно не хватает на все времени. Еще и общеобразовательные предметы учить приходится. А когда же работать?.."

Светлана ТОНИНА

- Лошади
- Амуниция
- Оборудование конюшен и проекты их строительства
- Снаряжение для конки
- Ветпрепараты и ветоборудование
- Корма и кормовые добавки
- Одежда и обувь для верховой езды и работы с лошадью
- Ипподромное оборудование
- Оборудование для проведения конных соревнований

ЭКВИРОС

2001

- Коневозки
- Качалки, экипажи, кареты, дилижансы
- Иппотерапия, кумыс
- Услуги туристических фирм по организации конного туризма
- Живопись, скульптура, прикладное искусство, народное творчество, сувениры с отражением конской тематики и символики
- Специальная литература, видео, компакт-диски и многое другое

3-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА

с 20 по 24 СЕНТЯБРЯ

WWW.EQUIROS.RU

МОСКВА, КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"

ОРГАНИЗАТОРЫ

Министерство сельского хозяйства РФ

СОКОЛЬНИКИ

Федерация конного спорта России

Ассоциация конноспортивных клубов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СПОНСОРЫ

МСТАВТ

СПОРТ

ДРУГ

КОНЬИ

ZooLAND.ru

АКБИМЕЦ